А.Я.Аврех

РАСПАД ТРЕТЬЕИЮНЬСКОЙ СИСТЕМЫ

«Наука»

@-Library
of the
Workers
Party
WORKERS PARTY INTER OMNES GENTES

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Научный совет по комплексной проблеме
«История Великой Октябрьской
социалистической революции»
Институт истории СССР

А.Я.Аврех

РАСПАД ТРЕТЬЕИЮНЬСКОЙ СИСТЕМЫ

Ответственный редактор
академик И. И. МИНЦ

МОСКВА
«НАУКА»
1985

Монография доктора исторических наук А. Я. Авреха посвящена заключительному и самому драматическому периоду в истории взаимоотношений IV Государственной думы и царизма в годы первой мировой войны. Военные неудачи 1915 г., развал экономики и на этом фоне — угроза новой революции привели к образованию в Думе так называемого «Прогрессивного блока», куда вошли не только либерально-буржуазные, но и некоторые правые фракции, объединившиеся на требовании создания «министерства общественного доверия», т. е. правительства, пользующегося доверием Думы. На большом фактическом материале автор доказывает неспособность блока к серьезной борьбе. Детально анализируются также организационное состояние октябристов, прогрессистов и кадетов. Главным выводом исследования является мысль об исторической недееспособности помещичье-буржуазного либерализма и отсюда — о неизбежности и закономерности Октябрьской революции.

А $\frac{0505020000—413}{042(02)\text{-}85}$ 33—85—IV

© Издательство «Наука», 1985 г.

ВВЕДЕНИЕ

Третьеиюньская система погибла раньше, чем создавшая ее власть. Царизм пережил ее на полтора года. Датой смерти системы надо считать август 1915 г. — время образования думского «Прогрессивного блока», приведшего к созданию одного большинства в третьеиюньской Думе, вместо прежних двух, т. е. к деформации самой сути системы, ее главного механизма — бонапартистского манипулирования правящих «верхов» правооктябристским и октябристско-кадетским большинством. Таким образом, создание «Прогрессивного блока», под знаком которого протекала в годы первой мировой войны вся деятельность помещичье-буржуазной оппозиции царизму, имело принципиальное значение.

Смысл третьеиюньской системы состоял в том, что в третьеиюньской Думе создавался союз помещиков и буржуазии в лице их партий и организаций с тем, чтобы попытаться решить стоявшие перед страной объективные исторические задачи сверху, контрреволюционным, бисмарковским путем. Такой союз существовал и раньше, но он не был политически оформлен в общенациональном масштабе. Третьеиюньская система устраняла этот недостаток и подымала тем самым союз господствующих классов на качественно иную ступень. «III Дума, — писал по этому поводу В. И. Ленин, — есть политически оформленный, общенациональный союз политических *организаций* помещиков и крупной буржуазии. Царизм делает попытку решить объективно-необходимые исторические задачи при помощи *организаций* этих двух классов» [1].

Главной особенностью этого союза, *спецификой* этой системы было то, что Дума, созданная на основе третьеиюньского избирательного закона (1907), представляла собой одновременно объект и орудие бонапартистского лавирования царизма между помещиками и буржуазией. Черты бонапартизма, указывал В. И. Ленин, «совершенно наглядно обнаруживаются и на современном избирательном законе. . .» [2]. Суть закона состояла в том, что он исключал создание Думы с одним большинством. В ней образовывалось попеременно *два* большинства с октябристским «центром» в каждом из них: правооктябристское — когда октябристы голосовали с правыми, помещичьими фракциями, и октябристско-кадетское — когда «центр» объединялся с соседями слева — прогрессистами и кадетами. Такая уникальная способность «Союза 17 октября», предводительствуемого А. И. Гучковым, пребывать в двух ипостасях объяснялась своеобразием октябристской партии. Она была одновременно и правой и либеральной [3]. Под одной политической крышей объединились помещики, мало чем отличавшиеся от своих правых собратьев, и наиболее консервативная часть русской буржуазии [4].

Несоответствие партийного деления классовым находит свое объяснение

в чрезвычайности ситуации, созданной первой русской революцией, «когда, — как указывал В. И. Ленин, — практически крайне трудно отделить защиту самодержавия от защиты во что бы то ни стало монархии, когда группировка по экономическому признаку (за прогрессивный и за реакционный капитализм) естественно перекрещивается политической группировкой (за теперешнее правительство и против него)». В результате двум классам — помещикам и капиталистам — «противостоят не две, а три группы политических партий: кадеты, октябристы и черносотенцы» [5].

Именно на этом несоответствии строился бонапартистский расчет вдохновителей и авторов избирательного закона 3 июня 1907 г. Правые настроения октябристов не вызывали сомнений. Функционирование второго большинства со стороны кадетов полностью обеспечивалось их контрреволюционностью, страхом перед революцией, — не меньшим, чем у их соседей октябристов. На своем V съезде в октябре 1907 г. в Гельсингфорсе кадеты заявили, что идут в III Думу для «органического законодательства», т. е. на союз с октябристами, поскольку такое законодательство зависело от октябристов.

Это целиком устраивало царизм, которому нужны были оба большинства: правооктябристское для того, чтобы умерять и контролировать претензии либералов; второе большинство должно было провести тот минимум буржуазных реформ, который, не затрагивая всевластия царизма, в то же время обеспечил бы ему безболезненный переход на рельсы буржуазной монархии. «Третьеиюньская система, — подчеркивал В. И. Ленин, — сознательно создала два думских большинства: правооктябристское и октябристско-кадетское. Оба стоят на реакционной почве, оба *нужны* правительству, как нужна помещику поддержка буржуазии» [6].

Создавая третьеиюньскую систему, царизм, будучи хозяином положения, позаботился о двойной и даже тройной перестраховке. Первое большинство полностью доминировало над вторым, внутри каждого из них хозяевами положения были соответственно правые и октябристы, а над ними обоими возвышалась старая власть. «Избирательный закон 3 июня 1907 г., — писал В. И. Ленин, — „строил“ государственную систему управления — да и не одного только управления — на блоке крепостников-помещиков с верхушками буржуазии, причем первый социальный элемент сохранял в этом блоке гигантский перевес, а над *обоими* элементами стояла фактически неурезанная старая власть» [7]. Помимо этого, господствующее положение власти и крепостников-помещиков обеспечивалось ничтожностью законодательных прав Думы, наличием второй равноправной ей верхней палаты в лице реформированного Государственного совета, половина членов которого назначалась царем, а вторая — избиралась узкими корпорациями (дворянством, земством, торгово-промышленными организациями, духовенством и университетами), противостоявшими народу.

Поскольку третьеиюньская Дума начинала свой путь в условиях максимально благоприятных для партнеров по контрреволюции — революция была разбита и в стране торжествовало столыпинское «успокоение», — у них были все основания надеяться на успех. На деле же получилось обратное. «Самодержавие, — констатировал В. И. Ленин уже в 1909 г., — отсрочило свою гибель, успев сорганизовать такую Думу, но оно не укрепляется этим, а *разлагается* от этого» [8]. Спустя четыре года он снова подчеркивал главный и единственный итог функционирования третьеиюньской системы: «Возможность союза правительства с помещиками и с буржуазией создана.

Дума для *такого* союза *все* делает, что может. А все-таки ничего, даже отдаленно похожего на конституцию, не получается. Остается старый государственный строй» [9].

В чем причина такого провала? Поискам ответа на этот вопрос и были посвящены все предшествующие работы автора [10]. Ответ в конечном итоге сводится к тому, что не только царизм, но и русская буржуазия в силу особенностей своего развития, с одной стороны, и хода исторического развития страны на его капиталистической стадии — с другой, оказались неспособными к решению стоявших перед страной задач, без осуществления которых Россия не могла далее существовать не только как великая держава, но и как единое государственное целое. Непригодность буржуазии прежде всего выразилась в ее контрреволюционности, которую В. И. Ленин выразил в словах: «...Буржуазия боится революции больше, чем реакции». Результатом этого страха было полное бессилие в политике, перманентная капитуляция перед царизмом. Этот вывод основан на огромном количестве фактов. Обратных же фактов обнаружить не удалось: их просто не существовало.

Настоящая монография является прямым продолжением прежних исследований. Ее величество История строгий, но справедливый арбитр: она предоставила господствующим классам России проявить свою дееспособность в трех качественно различных ситуациях: в максимально благоприятной для них — в годы реакции, в неблагоприятной — в период нового революционного подъема и, наконец, в экстремальной — в трехлетие первой мировой войны. Первые два периода нами исследованы, и вывод, как уже говорилось, сделан. Возникает, естественно, вопрос: надо ли в таком случае исследовать третью, последнюю ситуацию, когда ответ на поставленный вопрос известен заранее: раз господствующие классы оказались несостоятельными в периоды более легкие для них, то можно утверждать заранее, что в критических условиях они окажутся (или могут оказаться) еще бóльшими банкротами? Это так и не так.

Конечно, предположение о том, что режим и классы, оказавшиеся исторически непригодными в относительно спокойные для них годы, в исключительных условиях просто пойдут ко дну, вполне правомерно. История подтверждала эту истину много раз, и пример царской России в этом плане принадлежит к числу классических — понадобилась, как писал В. И. Ленин, всего неделя, чтобы некогда могучая трехсотлетняя монархия, за сохранение которой до последней минуты боролась и буржуазия, рухнула как карточный домик [11].

Но критические и особенно конечные периоды в жизни того или иного строя необычайно важны для истории, для науки и в познавательном и в методологическом плане. Все предшествующее длительное развитие, его закономерности и особенности с необычайной яркостью фокусируются в конечной точке и позволяют сделать глубокие, порой основополагающие выводы.

Есть и еще одна важная и привлекательная для историка сторона в таких экстремальных периодах: возможность более полно и эффективно применить системный подход к изучению проблемы, расчленив основные компоненты данного строя — центральную власть, классы, партии и др. — на более мелкие структуры с целью их более эффективного изучения и обнаружения таких механизмов и взаимодействий, которые при более суммарном подходе оставались бы невыявленными.

Третьеиюньская система анализируется нами именно как система, как взаимодействие двух основных ее составляющих — первого и второго большинства — внутри Думы. С другой стороны, она рассматривается как составная часть системы, именуемой царизмом в целом. Собственно, царизм как система представлял собой единство трех основных частей: верховной власти, официального правительства и социальной опоры в лице поместного дворянства. Армия, суд, церковь и другие учреждения также, конечно, надо считать элементами системы, но они остаются за пределами данного изучения, так как, на наш взгляд, в силу своей функциональной специфики представляют особые темы исследования.

До сих пор все четыре основные структуры — Дума и собственно царизм изучались нами вместе. На этот раз в силу необходимости, объясняемой исключительно громадностью материала, пришлось единое по своей сути целое разделить на две отдельные монографии: данную, посвященную третьеиюньской Думе на заключительном этапе ее существования, и вторую, исследующую царизм накануне его свержения (1914—февраль 1917 г.).

Отличительная особенность функционирования IV Думы в годы войны состояла, как указывалось, в том, что оно происходило под знаком одного большинства — «Прогрессивного блока», означавшего распад третьеиюньской системы, что и обусловило название работы. Это большинство было блоком части правых и либеральных фракций Думы, объединившихся в оппозиции царизму. Этот блок, как показано в книге «Царизм и IV Дума (1912—1914 гг.)», не мог сложиться в обычных, «мирных», не исключительных условиях [12]. Только война и вызванные ею острейшие политический, военный, хозяйственный, управленческий и другие кризисы вынудили правых пойти на соглашение с кадетами. Вместе с тем война и указанная критическая ситуация поставили перед либералами в последний раз проблему выбора между царизмом и народом, реакцией и революцией, политической решимостью и дряблостью, т. е. устроили им последний решающий экзамен. Этот аспект нас интересует прежде всего потому, что именно в либеральной оппозиции западная буржуазная историография видела и видит так или иначе ту реальную альтернативу, которая противостояла социалистической революции в России.

Рассчитывая на достаточно подготовленного читателя, автор счел излишним предварять свое исследование освещением положения в стране в рассматриваемый период: ход войны, экономическое положение страны, транспортная, топливная и продовольственная разруха, рабочее движение и на этом фоне вызревший политический кризис, приведший к взрыву, навсегда унесшему царизм в историческое небытие, хорошо изучены, им посвящена большая специальная литература [13]. Основные факты этой ситуации давно уже стали хрестоматийными, и нет надобности заново их перечислять, да еще в сжатом, фрагментарном виде. Настоящая монография посвящена изучению политики двух верхних классов России — помещиков и буржуазии — на последнем этапе их существования, т. е. двух политических лагерей, объединившихся в единый контрреволюционный союз для борьбы с третьим — революционно-демократическим лагерем (рабочим классом и крестьянством).

Что касается советской научной литературы по исследуемой теме, то обстоятельный обзор, охватывающий период с начала ее появления и до 60-х годов XX в., сделан В. С. Дякиным [14]. По зарубежной историогра-

фии' включая и белоэмигрантскую, в 60—70-х годах XX в. появился ряд работ советских историков, анализирующих западнобуржуазную литературу по Февральской и Октябрьской революции [15].

В связи с этим нами будут охарактеризованы лишь работы, вышедшие в 60—70-х годах и посвященные целиком или частично непосредственно исследуемой проблеме.

В 1967 г., к 50-летнему юбилею Февральской революции, вышло несколько работ, из которых отметим трехтомный труд академика И. И. Минца. Работа эта характеризуется масштабностью, широким подходом к исследуемой проблеме (предпосылкам Февральской революции посвящено около 500 страниц текста). Проблемы, которые являются главными объектами исследования данной работы, для академика Минца, согласно задачам его книги, имеют, естественно, второстепенное значение. Тем не менее характеристика позиции помещичье-буржуазной оппозиции в годы войны, меры и качества этой оппозиции царизму, дана автором достаточно подробно и всесторонне. Столь же обстоятельно исследуется политика «верхов» — придворной камарильи и официального правительства, рисуется яркая и убедительная картина разложения царизма накануне его гибели.

В том же 1967 г. вышла в свет упомянутая книга В. С. Дякина, которая, несомненно, является и поныне наиболее обстоятельным исследованием по вопросу о взаимоотношениях либеральной буржуазной оппозиции и царизма в последние три года существования последнего. В заслугу Дякину надо поставить мобилизацию большого опубликованного и особенно архивного материала. Сильной стороной работы является фактологичность в хорошем смысле этого слова: исследование и установление тех или иных фактов, раскрывающих смысл происходивших событий. Это не значит, что автор избегает обобщений и выводов, но они, как правило, носят локальный характер. В. С. Дякина можно считать, наряду с Э. Н. Бурджаловым, пионером в новой постановке вопроса «о двух заговорах» [16].

В 1975 г. в Душанбе вышла книга А. Г. Слонимского «Катастрофа русского либерализма: Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 года». Уже из названия работы видно, что автор ставит знак равенства между либерализмом и «Прогрессивным блоком», идентифицирует их, что на самом деле неверно. Задачу своего исследования Слонимский видит в том, чтобы «дать представление о подлинной сути и возможностях русского либерализма в эпоху империализма вообще, во время наступления общего кризиса капитализма в особенности» [17]. Для реализации столь грандиозной цели, помимо всего прочего, необходимо одно условие: чтобы деятельность пресловутого русского либерализма была исследована на всем протяжении указанных периодов. Между тем автор тут же заявляет, что «соответственно» поставленной задаче им «исследуется политическая деятельность либералов» лишь «в решающий исторический момент — с осени 1916 года... до победы Февральской революции включительно» [18].

Трудно согласиться с избранной автором начальной границей исследования. На наш взгляд, работу, посвященную «Прогрессивному блоку», следует начинать с *августа 1915 г.*, т. е. с момента его образования, а не с осени 1916 г., когда ему оставалось жить менее полугода.

В целом книга Слонимского — еще один шаг в разработке сложной и важной проблемы третьеиюньской монархии на последнем этапе ее суще-

ствования. Автор привлек довольно большой документальный материал, как опубликованный, так и архивный.

В 1976 г. вышла в свет монография Е. Д. Черменского «IV Государственная дума и свержение царизма в России». Автор ее — один из ведущих специалистов еще с 30-х годов в области изучения Государственной думы. В новой работе, опирающейся на большой документальный материал (что вообще характерно для Черменского как исследователя), высказано немало верных мыслей о природе «Прогрессивного блока» и «властебоязни» либералов, которые автор этих строк полностью разделяет. Но с точки зрения системы и логики изложения книга выглядит несколько хаотично. Создается впечатление, что некоторая бессистемность связана с общим подходом автора к теме в целом. Е. Д. Черменский формулирует свою задачу как описательную: «Проследить... *как*... нарастал кризис третьеиюньской политической системы, *как* буржуазия и царизм бились в порочном кругу неразрешимых противоречий...» [19]. Вот этот-то описательный подход, выражаемый в подчеркнутом нами словечке «как», и определил, на наш взгляд, некоторый, так сказать, самотек собранного автором материала.

Заглавие книги Черменского — «IV Государственная дума и свержение царизма» — не соответствует содержанию: последняя глава книги, где речь, собственно, и идет о Февральской революции, самая короткая и содержит общеизвестный материал.

Трудно согласиться с Черменским в некоторых принципиальных оценках. На всем протяжении книги автор упорно проводит мысль, что либеральная буржуазия, кадеты в частности, вели с царизмом не реальную, а *притворную* борьбу, делали всего-навсего вид, будто борются с ним. Цитируемое Черменским справедливое замечание В. Я. Лаверычева, что фразы вроде «симуляция оппозиционной борьбы» (со стороны кадетов) фактически отождествляют либеральный и черносотенный лагерь, Черменский парирует следующим образом: «Но мы вовсе не стираем грани между либералами и черносотенцами. Правда, и те и другие сходились на том, что идти назад нельзя и поэтому нужно маневрировать, поддерживать конституционную фикцию. Но либералы хотели делать ее понемногу *менее* фиктивной, а царь, камарилья, „объединенное дворянство" — еще *более* фиктивной» [20] (курсив наш. — *А. А.*).

Из приведенного отрывка видно, что Черменский *нереальность методов этой борьбы* либералов с царизмом («законность» и легальность во что бы то ни стало) объявляет *нереальностью самой борьбы*. Поэтому для него характерны выражения: «показное левение» (кадетов), «притворные» обвинения правительства в невыполнении обещаний манифеста 17 октября и т. п. Таким образом, получается, что вся деятельность кадетов, прогрессистов, октябристов, их борьба с царизмом на протяжении всего третьеиюньского периода, включая и годы войны, всего-навсего комедия, «симуляция». Между тем вся фактическая сторона книги Черменского является прямым опровержением этой идеи.

Неубедительным является определение Черменским хронологических рамок и сути политики цезаризма. «До 1905 г., — пишет он, — правящие круги России проводили охранительно-попечительскую или цезаристскую политику», выдавая самодержавие за выразителя интересов крестьянства [21]. В действительности же политика самодержавия в то время была прямо противоположна цезаризму. Цезаризм, как известно, так или иначе связан с *плебисцитарностью*. Дореволюционная же крестьянская политика царизма

исходила из идеи *легитимизма* — божественного происхождения царской власти (Царь — помазанник божий, и этим все исчерпывается).

Лишь во время революции 1905—1907 гг. была сделана первая и единственная попытка сыграть в крестьянский цезаризм при помощи законопроекта о так называемом «принудительном отчуждении» части помещичьих земель за выкуп, разработанного Н. Н. Кутлером, с тем чтобы привлечь на сторону правительства крестьянство, которое в благодарность *изберет* консервативную Думу, т. е. окажет поддержку царизму прямым *избранием*, правда не царя, а законодательного органа, на который царь мог бы опереться. Этот расчет провалился, так как крестьянство оказалось революционной, а не консервативной силой (как думали Победоносцев, Дубасов и другие реакционеры). «„Кадетский" проект принудительного отчуждения, — писал по этому поводу В. И. Ленин, — был проектом *министра* Кутлера в кабинете Витте, мечтавшего о самодержавии, опирающемся на крестьян . . . Кадетский аграрный проект есть проект министра при Витте „сыграть" в крестьянский цезаризм» [22]. Провал этого проекта вызвал к жизни политику аграрного бонапартизма П. А. Столыпина.

В 1977 г. вышла книга В. И. Старцева, целью которой является доказать, что в периоды «резкого нарастания революционного кризиса, как это было в 1905—1907 и 1915—1917 гг.», буржуазия «требовала. . . введения действительной конституции с полновластным парламентом, с ответственным перед ним правительством», а буржуазные лидеры «стремились путем сделки с царским самодержавием прийти к исполнительной власти» [23]. Не входя в детали, укажем только на категорическое наше несогласие с этой концепцией. Мы придерживаемся прямо противоположной точки зрения: в период 1914—1917 гг. русская либеральная буржуазия больше всего *боялась* власти, не хотела ее, уклонялась от нее всеми силами.

Из работ, исследующих русский либерализм, отметим книгу В. Я. Лаверычева [24] и статью В. Н. Селецкого [25], посвященные изучению прогрессизма. В обстоятельной монографии В. Я. Лаверычева исследуется московской прогрессизм с начала его возникновения до Великой Октябрьской социалистической революции. Автор мобилизовал обширный архивный и печатный материал. Работа В. Н. Селецкого доведена до конца 1912 г., но в ней наряду с московским исследуется также петербургский прогрессизм.

Следует назвать еще две работы, вышедшие одновременно и имеющие в рамках своей темы обобщающий характер. Первая из них, книга Л. М. Спирина [26], представляет собой хотя и краткую, но очень полезную сводку сведений о помещичьих и буржуазных партиях в России с момента их возникновения и до конца их существования. Насколько нам известно, в советской историографии это первая попытка подобного рода, и ее следует в целом признать удачной.

Книга С. В. Шестакова [27] посвящена обобщению и анализу историко-партийной литературы (а также документальных публикаций), исследующей деятельность большевистской партии в годы первой мировой войны. Работа эта достаточно обстоятельная, и нам остается только отослать к ней интересующегося читателя.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 411.
[2] Там же, с. 276.
[3] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 281, 286.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 27.
[5] Там же, с. 27.
[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 227.

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 320.

[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 401.

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 159.

[10] *Аврех А. Я.* Столыпин и третья Дума. М., 1968; *Он же.* Царизм и IV Дума (1912—1914 гг.). М:, 1981.

[11] См: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 11.

[12] *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума, с. 221, 287.

[13] Из новейших работ см.: *Минц И. И.* История Великого Октября. 1-е изд. М., 1967. Т. 1. 2-е изд. М., 1977; *Емец В. А.* Очерки внешней политики России, 1914—1917. М., 1977; История первой мировой войны, 1914—1918. М., 1975, Т. 1, 2; *Сидоров А. А.* Финансовое положение России в годы мировой войны (1914—1917). М., 1960; *Он же.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973; *Шацилло К. Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны (1906—1914 гг.). М., 1968; *Виноградов К. Б.* Буржуазная историография первой мировой войны. М., 1962. Подробную историографическую сводку см.: *Емец В. А.* Указ. соч., с. 3—24. Из обобщающих работ следует в первую очередь назвать: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966. Т. 2; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968, т. 6, гл. 8, 9. См. также: Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции: Сб. документов. М., 1957. Т. 1, 2.

[14] *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны, 1914—1917. Л., 1967, с. 3—16. См. также: *Бурджалов Э. Н.* Источники и литература по истории второй русской революции. — В кн.: Свержение самодержавия. М., 1970.

[15] *Иоффе Г. З.* Февральская революция в англо-американской историографии. М., 1970; *Игрицкий Ю. И.* Мифы буржуазной историографии и реальность истории: Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974 (в книге дается также обзор предшествующей советской литературы, исследующей зарубежную буржуазную историографию социалистической революции в России, и не только англо-американскую, но и французскую, западногерманскую, итальянскую и даже японскую); *Соболев Г. Л.* Октябрьская революция в американской историографии, 1917—1970-е годы. Л., 1979.

[16] *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. М., 1967, с. 72—73.

[17] *Слонимский А. Г.* Катастрофа русского либерализма: Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 года. Душанбе, 1975, с. 8—9.

[18] Там же, с. 9.

[19] *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976, с. 16.

[20] Там же, с. 27—28.

[21] Там же, с. 19.

[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 56.

[23] *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг.: (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977, с. 5, 7.

[24] *Лаверычев В. Я.* По ту сторону баррикад. М., 1967.

[25] *Селецкий В. Н.* Образование партии прогрессистов. — Вестн. МГУ. Сер. 9, История, 1970, № 5, с. 32—48.

[26] *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977.

[27] *Шестаков С. В.* Историография деятельности большевистской партии в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1977.

Глава I

ЦАРИЗМ И «ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОК»

1. ОППОЗИЦИЯ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ ОППОЗИЦИИ

26 июля 1914 г. на однодневной сессии Государственной думы, созванной по случаю вступления России в войну, председатель Совета министров И. Л. Горемыкин закончил свою речь следующими словами: «В эту торжественную минуту я от имени правительства призываю вас всех, без различия партий и направлений, проникнуться заветами царского манифеста: да будут забыты внутренние распри (*рукоплескания и голоса:* браво!), и сплотиться вместе с нами вокруг единого знамени, на котором начертаны величайшие для всех нас слова: „государь и Россия“ (*рукоплескания*)» [1].

На этот призыв помещичье-буржуазные фракции Думы, начиная от крайних правых и кончая кадетами, откликнулись самым горячим образом, продемонстрировав безоговорочную готовность ему следовать [2]. Впервые за всю историю Думы произошло полное слияние чувств и мыслей Н. Е. Маркова 2-го и П. Н. Милюкова; «народные представители» приветствовали их выступления, как указывалось в ремарках, «бурными рукоплесканиями справа, в центре и слева», равно как и речь националиста П. Н. Балашова, представителя группы «центра» В. В. Мусина-Пушкина, октябриста А. Д. Протопопова и др. «Рукоплесканиями слева, в центре и справа» было встречено и заявление трудовиков, оглашенное А. Ф. Керенским, в котором говорилось: «Мы непоколебимо уверены, что великая стихия российской демократии *вместе со всеми другими силами* дадут решительный отпор нападающему врагу... и защитит свои родные земли и культуру, созданные потом и кровью поколений!» [3].

Но центральным моментом с точки зрения помещичье-буржуазного большинства Думы была, несомненно, речь кадетского лидера. «В этой борьбе мы все заодно, *мы не ставим условий и требований* (правительству. — *А. А.*), мы просто кладем на весы борьбы нашу твердую волю одолеть насильника», — заявил П. Н. Милюков. И далее он огласил воззвание кадетского ЦК, в котором говорилось: «Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш первый долг — сохранить нашу страну единой и нераздельной... Отложим же внутренние споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия...» [4].

Реакцию правых на речь Милюкова в свойственной ему экстравагантной манере выразил В. М. Пуришкевич. На протяжении всех довоенных лет он всячески демонстрировал свою ненависть и презрение к кадетскому вождю, причем зачастую в откровенно хулиганской форме [5]. Теперь же Пуришкевич по окончании заседания попросил одного из депутатов «познакомить» его с депутатом Милюковым. Недавние непримиримые враги церемонно представились друг другу и обменялись рукопожатием. «Знакомство» состоялось. Оно оказалось весьма символичным: вся последующая деятельность кадетов прошла под знаком этого рукопожатия.

Главный смысл речи Милюкова был выражен в его словах: «Мы не ставим условий и требований», которыми он заявил о своей поддержке правительства. Формула эта принадлежала самому Милюкову, именно он настоял на ней во время предварительного обсуждения на заседании фракции 25 июля. Как видно из кадетского отчета, фракция была сперва даже несколько ошарашена формулой своего лидера, которая очень напоминала формулу безоговорочной капитуляции. Часть членов фракции выдвинула предложение оговорить кадетскую поддержку предъявлением определенных условий правительству. Однако после «обстоятельного обсуждения» оно было отвергнуто. Характерен один из аргументов, высказанных при этом: кабинет — тот же самый, что был до войны, и, следовательно, от него никаких уступок получить невозможно, выдвижение каких-либо требований будет означать только продолжение старой борьбы без надежды на какой-либо успех. Но главное — нельзя ничего требовать от правительства принципиально, потому что «настоящая война есть война народная», и это обстоятельство исключает постановку вопроса о каком-либо торге с правительством.

Чтобы оценить в полной мере значение предпринятого кадетами шага, его следует сравнить с позицией, которую они занимали по отношению к правительству до 19 июля ст. ст., т. е. до дня начала войны. С точки зрения допустимого в плане легальной борьбы (а иной кадеты не признавали) эта позиция достигла предела: фракция «оппозиции его величества» предложила своим соседям справа — прогрессистам и октябристам — встать на путь полного отвержения бюджета. Для российских либералов такой призыв означал примерно то же самое, что и лозунг вооруженного восстания. К этому надо добавить, что 26 апреля 1914 г. кадеты проголосовали против «большой программы» вооружений, внесенной правительством в Думу, а 10 мая Милюков с думской трибуны предостерег: «... Дух авантюры нас охватывает...» [6]. Накануне войны кадетский официоз «Речь» была закрыта за призыв к невмешательству в войну Австрии и Сербии. Лишь в день объявления войны Милюков вместе со своими коллегами приготовил для «Речи» резкие статьи, направленные против Германии, и показал гранки соответствующему начальству, после чего запрет на выход газеты был отменен [7].

Таким образом, поворот кадетов 26 июля выглядит достаточно крутым. Но это было чисто внешнее впечатление. В действительности — и это имеет принципиальное значение — речь Милюкова явилась логическим, закономерным завершением всей предшествующей политики и тактики кадетской партии. «Поворот» был обусловлен тем тупиком, в котором оказались кадеты накануне войны: они продолжали добиваться от царизма «реформ» на путях «парламентской» борьбы, полностью отдавая себе отчет в том, что реформистских возможностей в стране нет. Следствием такой тактики, граничащей с отчаянием и безысходностью и свидетельствующей о дряблости и бессилии русского либерализма, было распространение особого настроения, которое выражалось, с одной стороны, в желании сбросить с себя ношу оппозиционности, всегда тяготившую либералов, а с другой — в надежде на какое-нибудь внезапное резкое изменение сложившегося хода вещей, т. е. на внешний фактор, в корне меняющий безнадежную ситуацию.

Подобные настроения уже года за два-три до войны охватили весьма широкие круги помещичье-буржуазной интеллигенции, в том числе и кадетов. Вспоминая обстановку и настроения первых дней войны, видный кадетский

деятель, фактически главный редактор «Речи» И. В. Гессен писал: «Гораздо основательнее кажется мне напечатанное недавно в парижской газете (вероятнее всего, в милюковских «Последних новостях». — *А. А.*) неожиданное признание, что „интеллигенция всегда рада была отказаться от оппозиции. . .". Поэтому переход в общий фронт, сложение с себя оппозиционных доспехов должно было естественно вызвать чувство непривычного и, следовательно, тем более ощутительного облегчения, создать какое-то особое настроение, я не сказал бы — праздничное, но торжественное. А к этому присоединилась внезапная бурная ликвидация удушающего застоя — наконец-то нашелся выход, пусть не выход, а страшный прыжок в неизвестность, но совсем невыносимо было и в тупике» [8].

Эта характеристика очень точна и подтверждается рядом других свидетельств, в частности тезисом о всеобщей жажде перемен. За полтора года до войны, подводя итоги минувшему 1912 г., «Речь» писала в передовой: «Острое недовольство разлилось широкой волной во всей необъятной стране нашей». С большой силой «пробивает себе дорогу в общественном сознании. . . малороссийский афоризм: хоть гирше, тай иньше! Пусть даже хуже, лишь бы иначе! Нынешнее состояние, это бессмысленное и безнадежное топтание на одном месте до того тягостно, до того всех истомило, что человек не задумывается уже над тем, куда выйти и что там будет, лишь бы сдвинуться с мертвой точки» [9].

Чем дальше, тем больше это настроение усиливалось, охватывая все новые слои «верхних» классов, и к кануну войны стало едва ли не всеобщим. «Над обществом, — констатировал М. О. Меньшиков, — все то же состояние какого-то *тупого ожидания, какой-то надежды на внезапный благополучный оборот обстоятельств*, который позволит выйти из состояния отупения и ожидания» [10].

Вполне естественно, что неопределенное вначале томление по какому-то чудо-выходу в резко обострившейся международной обстановке, когда прошли две балканские войны, а горизонт уже был затянут тучами надвигавшегося мирового конфликта, материализовалось в совершенно конкретный образ, имя которому была война, и именно с нею, как мы видим, ассоциирует цитированный автор холодящий надеждой и ужасом сердца либералов «страшный прыжок в неизвестность». На заседании Московского отделения ЦК кадетской партии (МОЦК) 27 января 1913 г. Милюков, отметив, что «основная причина маразма (в Думе. — *А. А.*) — это чувство бессилия», далее продолжал: «Очевидно, выхода надо искать где-то в другом месте. Некоторые наивно возлагают надежды на войну (и это достаточно распространенное мнение!), которая будто бы очистит воздух и создаст чудо» [11]. Как видим, «война» и «чудо» поставлены здесь рядом. Спустя год, 22 марта 1914 г., в том же МОЦК Ф. И. Родичев находил «диагноз положения», сделанный Милюковым, «совершенно правильным — все ждут помощи от чуда (война и т. п.) извне. . .» [12].

Из этих высказываний можно заключить, что их авторы не только не разделяли, но и осуждали подобные настроения. В действительности, однако, и они вместе со всей кадетской партией шли в его фарватере. Разница была в том, что кадетские лидеры более отчетливо представляли себе степень риска от «прыжка» в неизвестность. Именно этим объясняется приведенное выше предостережение Милюкова от «духа авантюр» [13].

Кадеты были не против войны как таковой, а против войны в данный момент, причем не только потому, что считали страну не готовой в чисто

военном отношении, но и по внутриполитическим соображениям, включая и собственные неблагоприятные перспективы, в случае если Россия окажется втянутой в войну. «В случае войны и сопряженных с ней потрясений, — говорил на заседании МОЦК 17 февраля 1914 г. А. С. Изгоев, — не к.-д. будут на гребне волны, а крайние левые, которые первыми утопят к.-д., а затем и меньшевиков. И напрасно надеятся сыграть здесь руководящую роль. . .» [14]. В марте, уже на пленарном заседании ЦК (ПОЦК и МОЦК), где обсуждался вопрос об «обороне» (в связи с требованием правительства об одобрении Думой «большой программы» вооружений), «из последовавшего обмена мнений» в числе прочего «выяснилось», что «при современном состоянии страны, при полной подавленности ее духа вследствие репрессий и эксцессов реакции, война явилась бы в высшей степени рискованным шагом не только с внешней стороны, но и со стороны возможных внутренних осложнений». Поэтому «к *попыткам агрессивной политики надо отнестись с большим вниманием и осторожностью, вовлекать страну в авантюру без достаточных оснований было бы преступно*» [15].

Казалось, «осторожность» победила стремление к «чуду». Но вслед за цитированным, «с другой стороны, указывалось на то, что естественный ход разложения Турции, даже помимо желания России, может в любую минуту поставить ее перед весьма серьезными проблемами (армянский вопрос, Дарданеллы), и нельзя допустить, чтобы при возникновении таких проблем страна находилась в состоянии неподготовленности». Вторая посылка уничтожала первую.

На мартовской (1914 г.) конференции партии Милюков, давая объяснения о разногласиях во фракции по вопросу о военных кредитах, говорил о них уже в другом ключе. «Все (как сторонники, так и противники кредитов для «большой программы». — *А. А.*) одинаково согласны в том, что партия не может стоять на принципиальной точке зрения антимилитаризма и, как бы ни относиться к способностям нынешних носителей власти, нельзя упускать из виду, что дело идет не о них, а о средствах для обороны страны в нужную минуту». «Нельзя держаться абсолютной позиции: „Ни копейки (на «оборону». — *А. А.*)“, — поддержал лидера партии Ф. Ф. Кокошкин, — это не соответствовало бы серьезной партии». Делегаты с мест полностью поддержали своих вождей. В заключительной речи Милюков, выражая общее мнение, заявил, что партия кадетов, будучи «ответственной оппозицией», не стояла и не будет стоять на позиции «безусловного отказа» [16].

И хотя такой «отказ», как уже говорилось, кадетами был дан 26 апреля, он вовсе не свидетельствует о победе «осторожности над авантюризмом». Начнем с того, что это было сделано в основном по тактическим соображениям, а главное — Милюков настоял на таком голосовании, против *большинства* фракции. «Большинство кадет», указывал в своем письме к брату Павел Долгоруков от 31 июля 1914 г., также было недовольно «мирным настроением» «Речи» [16а].

Из сказанного видно, что кадеты сознательно и подсознательно сползали на позиции алармизма, поддаваясь, с одной стороны, соблазну «прыжка в неизвестность», а с другой — выражая свою истинную классовую природу *национал*-либерализма, которую кадетские вожди, не соглашаясь с П. Б. Струве и другими откровенными «веховцами», считали нужным до поры до времени, в расчете на массы, отрицать или маскировать [16б].

Что касается прогрессистов и октябристов, то они не только не испыты-

вали никаких колебаний и опасений по части возможных последствий вступления России в войну, но заняли самую «ура-патриотическую», воинственную позицию, причем прогрессисты вели себя даже более воинственно, чем их соседи справа. Эта воинственность объяснялась не только прямыми империалистическими притязаниями русской буржуазии, в том числе и московской «молодой» буржуазии, лидеры которой (П. П. Рябушинский, А. И. Коновалов и др.) стали задавать тон в прогрессизме накануне войны, но и тактическими соображениями. Поставив во главу угла своей программы воспитание «патриотизма», возрождение военной мощи страны, утраченной в русско-японской войне, «военную готовность» народа и в психологическом плане, национал-либералы в лице того же Рябушинского, Струве (ставшего на деле прогрессистом) и прочих стремились нанести удар по правым, отняв у них «монополию» на патриотизм, а с другой стороны, отбить лидерство в либеральном лагере у кадетов, которые, мол, увлекшись не в меру либерализмом и «демократизмом», забыли о «национальных» задачах либерализма, о необходимости сочетания национализма и либерализма.

Столь же шумные словесные громы и молнии по части готовности защитить державные интересы России метали и националисты во главе с «Новым временем».

В отличие от них крайний правый фланг вместе с царем не хотел войны, очень ее боялся, причем — что весьма показательно — мотивы этих опасений, по существу, были те же, что и у кадетов. В этом отношении чрезвычайно показательной является записка П. Н. Дурново, врученная царю в феврале 1914 г. В описываемое время Дурново возглавлял правую фракцию Государственного совета, которая определяла всю политику последнего. По настоянию гр. С. Ю. Витте в бытность его премьером, Дурново был назначен министром внутренних дел как специалист по борьбе с революционным движением. Такую репутацию он заслуженно приобрел, когда, еще при Александре II, был директором Департамента полиции. Крайний реакционер по своим взглядам, Дурново был безусловно одним из наиболее дальновидных, умных и волевых лидеров правого лагеря. Безошибочное классовое чутье, большой политический опыт вдохновили его на создание документа, который, как показали дальнейшие события, оказался настоящим пророчеством, исполнившимся во всех своих главных аспектах, с той, конечно, особенностью, что это пророчество имело целью опорочить и предотвратить революцию, приравниваемую в записке к анархии. Цель записки — доказать, что война России с Германией не в интересах обеих стран, она приведет Россию к военному поражению, которое, в свою очередь, повлечет за собой революцию и гибель монархии.

К войне Россия не готова, утверждал Дурново, и прежде всего ей не хватит боеприпасов, а отечественная промышленность эту нехватку восполнить не сможет. Что же касается целей войны, то «жизненные интересы России и Германии нигде не сталкиваются», а присоединение новых территорий, в частности Галиции, лишь усилит центробежные силы в империи. Надежды же на приобретение Черноморских проливов несостоятельны — их Россия не получит ни при каких обстоятельствах, так как главным препятствием здесь явится позиция Англии, а не Германии.

Убежденный германофил, Дурново приводит далее еще ряд доводов в пользу союза с Германией. Россия и Германия, подчеркивал автор, — представительницы консервативного начала, в то время как Англия воплощает начало демократическое. «С этой точки зрения борьба между Германией и

Россией, независимо от ее исхода, глубоко нежелательна для обеих сторон». Война «представляет смертельную опасность и для России и для Германии». Опыт истории доказывает, что «в побежденной стране неминуемо разразится социальная революция, которая, силой вещей, перекинется и в страну победительницу».

Если война окончится победоносно, подводил итоги Дурново, социалистическое движение будет в конечном итоге усмирено. Будут, конечно, и аграрные волнения, и рабочие беспорядки, но этим дело и ограничится. «Но в случае неудачи... социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна».

Ход этой революции Дурново рисовал следующим образом. «Как уже было указано, начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а затем и общий раздел всех ценностей и имуществ. Побежденная армия, лишившаяся к тому же за время войны наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учрежд ния и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению» [17].

Боялись и не хотели войны В. Н. Коковцов и С. Ю. Витте, бывшие министры финансов и премьеры, лучше, чем кто-либо в «верхах», знавшие истинное состояние экономики и финансов страны. «Большим несчастьем для России была бы в настоящее время общеевропейская война, в которой Россия приняла бы участие, — писал Витте Меньшикову 5 июля 1913 г. — Если бы я был у власти, я тоже (?) вел бы линию, чтобы не втянуть Россию в войну... И все это страшно не столько за себя, сколько за дорогих нашему сердцу, за царя, за романовскую династию» [18].

Один из черносотенных главарей И. И. Восторгов за день до начала войны, 18 июля, писал жене: «У меня все-таки теплится надежда на мирный исход австро-сербского конфликта... У меня уже нет веры в наше счастье. Помню, как я радовался началу войны с Японией. А что вышло? И теперь у меня сердце сжимается от ужаса, хотя кругом общественное настроение идет в полном согласии с решением правительства» [19].

Сам царь, как указывалось, и не хотел и боялся войны. Об этом свидетельствуют его письма к кайзеру Вильгельму II в последние дни перед началом войны, сопротивление всеобщей мобилизации и т. д. Интересна в этом отношении беседа царя с генералом бар. Таубе, которую последний пересказал потом Милюкову. После того как барон закончил свой доклад, окончившийся пессимистическим выводом, царь заметил: «Слушая Ваши мрачные предсказания, я себе говорил: „Вот теоретик-профессор, который не считается с мирным настроением своего государя“. Я тогда думал: если когда-нибудь дойдет до переделки между нами и Австрией, то это будет уже при Алексее Николаевиче (наследнике). И вот, четыре месяца спустя, меня заставили ввязаться в эту ужасную войну» [20].

И тем не менее, несмотря на все опасения и страхи, война разразилась.

Как только это произошло, царь позволил себя «заставить», черносотенец Восторгов и кадет Милюков «заставили» себя принять войну. Все предшествующие опасения были отброшены, возобладали соображения «прыжка в неизвестность» и войны как альтернативы революции. Иными словами, мы имеем полное основание констатировать, что первая мировая война применительно к России была не только объективным результатом империалистических противоречий, но созрела и *субъективно*, в смысле внутреннего согласия, быстрого психологического перехода с мирных рельсов на военные «верхних» классов страны в лице их партий и «общественного мнения». Эти классы, сами бессильные обновить страну, частью сознательно, частью стихийно пошли на величайшую авантюру, чтобы выйти таким путем из тупика и революционного кризиса. Став перед выбором — война или революция, — они избрали войну. Так совершенно закономерно классовый эгоизм помещиков и буржуазии заставил их очертя голову броситься в пучину исторической безответственности, поставить на карту саму страну, дать моральную санкцию на уничтожение миллионов соотечественников во имя недопущения «ужасов» революции. Именно на этой основе возникло «патриотическое единение». Контрреволюционность — вот главная база, которая объединила в «историческом» заседании Думы 26 июля 1914 г. И. Л. Горемыкина и П. Н. Милюкова, М. В. Родзянко и П. Н. Балашова, Н. Е. Маркова 2-го и В. А. Маклакова. Вот та круговая порука, которой Дума и правительство обязались связать себя на время войны.

Отказ оппозиции от оппозиции и процесс «единения» всех партий и групп не протекал, однако, гладко и без помех. Процесс оставался противоречивым прежде всего вследствие двойственного отношения к кадетам (как и к «зловредной» интеллигенции вообще) со стороны правых и земцев-октябристов. С одной стороны, либералы еще с 1905 г. по инерции оставались в их сознании сеятелями смуты и «пораженцами», с другой — приходилось признать их единственной из всех контрреволюционных сил, еще в какой-то мере способными апеллировать к массам, рядиться в тогу «демократов» и тем самым отвлекать массы от революционной социал-демократии.

Несмотря на продемонстрированные 26 июля общность и согласие «высоких договаривающихся сторон», по крайней мере одна из них — правительство — не была искренна в своих обещаниях отложить в сторону взаимные претензии, все подчинив войне.

Министр внутренних дел Н. А. Маклаков по части реакционного курса сразу же после «исторического» заседания 26 июля превзошел самого себя. По всеобщему признанию всей помещичье-буржуазной оппозиции никогда еще травля «инородца» и полицейские преследования печати, земских и городских самоуправлений и т. п. не достигали такого размаха и откровенности, как именно с того момента, когда Милюков и другие объявили о своей безоговорочной поддержке правительства.

Первой ответной «благодарностью» Маклакова на речи думцев было решение не созывать Думу до осени 1915 г. Это было настолько вызывающим жестом, что ошеломило даже крайних правых. Была составлена депутация из семи человек (кадет П. Н. Милюков, прогрессист А. И. Коновалов, октябристы М. М. Алексеенко, С. Т. Варун-Секрет и Н. И. Антонов, националист В. П. Шеин и лидер крайних правых А. Н. Хвостов), которая отправилась к Горемыкину просить о сокращении срока перерыва. По иронии судьбы Милюков оказался в одной пролетке с Хвостовым. Однако Горемыкин их не принял, и они отправились к его «фактотуму» А. В. Криво-

шеину. В результате удалось добиться обещания, что Дума будет созвана не позднее 1 февраля 1915 г. (депутация просила — 15 октября 1914 г.) [21].

30 июля 1914 г. по поручению своего ЦК поехали к Кривошеину просить правительство о каких-то благоприятных для Думы ответных шагах А. И. Шингарев и И. П. Демидов, «прихватив» с собой товарища председателя Думы кн. В. М. Волконского. Министр «принял их с распростертыми объятиями». Далее беседа протекала следующим образом. Обратившись к Шингареву — чем вы недовольны? — Кривошеин пояснил: «Я нахожу, что для вас, к.-д., день 26 июля был днем самого большого вашего торжества. Никогда вы не подымались на такую высоту... Это показатель большой политической мудрости».

На замечание Шингарева (а Вы в ответ ничего) Кривошеин, явно забавляясь, отпарировал: «Чего же вы ждали — амнистии? Правительство не могло пойти на такой шаг, так как он был бы расценен как признак слабости. Частичная амнистия будет, но не сразу. Что еще?» Еще, — указал собеседник, намекая, по-видимому, прежде всего на Маклакова, — убрать тех, на которых сосредоточено общественное недовольство. — «И это все?» — Как все, не утвердили в должности московского голову, в Петербурге не утвердили 10 чел. Чего же раньше не сказали. — «Я вас уверяю, что настоял бы на том, чтоб в речь Горемыкина хоть *что-нибудь* было вставить». «На этом и расстались», — заканчивала свое живописание, надо полагать со слов того же Шингарева, его партийная соратница А. В. Тыркова [22].

Нелюбовь правительства к кадетам, которую особенно активно демонстрировал министр внутренних дел Маклаков, объяснялась несколькими причинами. Прежде всего оно считало, что либералы своей оппозиционной деятельностью создавали благоприятную почву для пропаганды революционных идей, поскольку программа и деятельность кадетов затрагивали вопросы общегосударственного и общенационального порядка, и прежде всего вопрос о государственном устройстве и политическом строе страны. Дело здесь было не в *мере* их требований, а в *темах* их претензий. Вполне понятно, что это облегчало, и в этом отношении Маклаков был совершенно прав, усвоение таких тем широкими и притом действительно революционными массами, которые для их решения выдвигали уже другие способы, не устраивавшие не только царизм, но и самих кадетских оппозиционеров. Своей деятельностью либералы оправдывали известную поговорку: когда наверху играет музыка, внизу хотят потанцевать.

Позиция правительства своеобразно подтверждала генеральную идею В. И. Ленина, которую он противопоставил идеологии и тактике экономизма в своей знаменитой работе «Что делать?», доказывая, что российскому пролетариату надо в первую очередь заниматься общеполитическими вопросами, стоящими перед страной, а не узко цеховыми профессиональными проблемами (на чем настаивали экономисты), ибо это единственный путь стать гегемоном в русском освободительном движении; в противном же случае пролетариат становится простым придатком, орудием либеральной буржуазии.

Другое значение, которое приписывали либеральной оппозиции (и это также содержало долю истины), состояло в том, что приход либералов к власти и проведение верхушечных либеральных реформ казались более осуществимыми, реальными, чем «левые мечтания» [23].

Действительно, одна из причин, заставлявших правительство и господствующий класс видеть в либералах чуть ли не главного врага, выражается

в словах «конкуренция» и «соперничество». Правящая бюрократия, правая пресса частью искренно, частью демагогически считали и провозглашали, что кадеты стремятся к захвату власти с тем, чтобы Милюков, Шингарев и другие стали министрами. Борьба за «министерские портфели» не случайно объявлялась истинной и тайной целью кадетской партии. Известно, что подобная борьба группировок господствующих классов в буржуазном обществе идет тем ожесточеннее, чем меньше их подлинные расхождения по основным вопросам политики. Русская действительность полностью подтверждала это всеобщее правило. Глядя, например, на словесные баталии, которые устраивали между собой кадеты и октябристы, можно было подумать, что их разделяет политическая пропасть. На самом деле вся борьба не выходила из узкого круга тактических расхождений. Такая же примерно картина наблюдалась в полемике кадетов с прогрессистами, последних — с октябристами и т. д. Аналогичный характер носила борьба между либеральной оппозицией и царским правительством. Эти представители разных групп в конечном итоге стояли на одной политической платформе в том смысле, что в принципе всегда могли объединиться и прийти к политическому соглашению в борьбе против их действительно смертельного врага — народа, рабочего класса и крестьянских масс.

Здесь, однако, важно подчеркнуть, что как бы ни трактовали различные группировки будущее либерализма (октябристы и кадеты — в лестном для себя плане реальности своей программы, правительство и правые — в плане угрозы захвата либералами министерских портфелей), любая смена царизма, как неограниченного самодержавия, представлялись им всем как приход к власти тех же либералов.

При этом наиболее дальновидные представители правящих кругов отдавали себе полный отчет в слабости российского либерализма. Поэтому они настаивали на том, что, если либералы и придут к власти, они не смогут ее удержать в силу полной оторванности от народа, и власть неизбежно перейдет к левым, подлинно революционным силам. Это и было главной причиной ненависти правого лагеря к «беспочвенной интеллигенции», не понимавшей или не хотевшей в силу своего «властолюбия» понять, каких духов она вызывает из бутылки своей деятельностью.

Выше уже приводились слова Дурново о том, что в случае военных неудач в стране начнутся революционные выступления под социалистическими лозунгами, потому что Дума не имеет в глазах народа подлинного авторитета, а оппозиционная интеллигенция не сможет сдержать выступлений. Последнюю мысль автор записки развивал в качестве главной. «За нашей оппозицией нет никого, — писал он, — у нее нет поддержки в народе. . .». Хорошо, доказывал далее Дурново, если правительство справится с либералами «и решительно пресечет всякие оппозиционные выступления». «Но может случиться и худшее: правительственная власть. . . попробует войти в соглашение с оппозицией и этим ослабит себя к моменту выступления социалистических элементов. Хотя и звучит парадоксом, но соглашение с оппозицией в России безусловно ослабляет правительство. Дело в том, что наша оппозиция не хочет считаться с тем, что никакой реальной силы она не представляет. Русская оппозиция сплошь интеллигентна, и в этом ее слабость, так как между интеллигенцией и народом у нас глубокая пропасть взаимного непонимания и недоверия». Нет надобности объяснять, что, говоря об интеллигенции, Дурново имел в виду буржуазно-помещичью интеллигенцию. Именно для нее необходим «искусственный выборный

закон» и «прямое воздействие» правительства на выборы, чтобы «обеспечить» их избрание в Думу. В противном случае «законодательные учреждения не увидели бы в своих стенах ни одного интеллигента, помимо нескольких агитаторов-демагогов (т. е. революционеров. — *А. А.*)» [24].

Весь правый лагерь, начиная с царя, полностью разделял эту точку зрения Дурново. Более того, после Февральской и особенно Октябрьской социалистической революции многие либералы, охваченные раскаянием за свой былой «радикализм», осознали свою вину и признали правоту правых. «Любопытно, — писал кадет Маклаков, — что и в своих предсказаниях правые оказались пророками. Они предрекали, что либералы у власти будут лишь предтечами революции, сдадут ей свои позиции. Это был главный аргумент, почему они так упорно боролись против либерализма» [25].

Помимо сложных отношений с правым лагерем, «курс 26 июля» («единения» и отказа от оппозиции) наталкивался и на определенные разногласия в самой кадетской партии. Дискуссии Петроградского отдела ЦК (ПОЦК) концентрировались вокруг вопроса о том, добиваться ли созыва Думы ранее договоренного февральского (1915 г.) срока на пленарных заседаниях ЦК и в думской фракции, и вокруг вопроса о тактике на прошедшей в январе трехдневной сессии Думы, наконец (главным образом на февральском совещании 1915 г. с представителями с мест и особенно на конференции 6—8 июня в том же году) в связи с критикой руководства со стороны кадетской периферии.

Вопрос о созыве Думы был центральным на заседаниях ПОЦК 25 и 27 августа, 5 октября и 2 ноября 1914 г., причем дебаты шли по трем направлениям:

1) допустима ли неизбежная, в случае созыва Думы, критика правительства, не разрушит ли она единство с правыми и весь «курс 26 июля»;

2) каков должен и может быть характер этой критики, тактика в Думе, практические шаги фракции;

3) из какой стратегической оценки обстановки в стране должна она исходить (революционная или конституционная перспектива).

На заседании ПОЦК 25 августа левый кадет Н. В. Некрасов поставил вопрос о необходимости быстрейшего созыва Думы, поскольку требуется ее контроль над бюрократией, которая сама по себе «ничему не научится». Его поддержали Д. Д. Протопопов, А. С. Изгоев, А. И. Шингарев, кн. Д. И. Шаховской, А. М. Колюбакин [26]. На последующих заседаниях в дискуссию включились И. И. Петрункевич, Ф. И. Родичев, А. В. Тыркова, А. А. Корнилов, М. М. Винавер.

При этом утверждалось, что критика в Думе, хотя и составит неизбежно смысл выступлений кадетских депутатов, единства, достигнутого 26 июля, она не разрушит, бояться этого не следует. Так, например, Винавер заявил, что он «не понимает этого отрицательного отношения к созыву Думы, не видя в ней ничего страшного» [27].

Однако против этой идеи резко ополчился лидер партии Милюков, и его аргументация в полной мере характеризует существо кадетской политики. Милюков считал созыв Думы в данный момент «крайне затруднительным». За время, которое прошло после заседания 26 июля, пояснял он, многое выяснилось в поведении правительства, в том числе «и неумение использовать благоприятное общественное настроение, даже сознательное нежелание правительства сделать необходимые шаги навстречу справедливым требова-

ниям общества». Поэтому «трудно ожидать», что и сама Дума, в случае, если она будет созвана, готова будет снова предоставить правительству тот кредит, какой она оказала ему 26 июля, — во всяком случае «нельзя будет уклониться» от критики, а «критика расколет то единство, которое проявлено было 26 июля, — единство, как оказывается (!?), довольно фиктивное, но его надо все-таки некоторое время поддерживать, так как *демонстрация расхождения между властью и народом сейчас была бы очень неудобна с общей точки зрения*».

Положение для оппозиции оказалось бы очень трудным: «С одной стороны, мы как бы обязались 26 июля оказывать правительству поддержку, и притом, как здесь говорят, без всяких задних мыслей, с другой же — оставить действия правительства без критики значило бы принять на себя часть ответственности, которая сейчас целиком лежит на правительстве».

Предельная откровенность Милюкова покоробила даже некоторых его коллег. Кн. Шаховской «оспаривал мысль», что 26 июля Дума и «общество» обязались поддержать правительство «без всякой критики». Дело идет о слишком серьезных вещах и надо искренно, но действительно «без всяких задних мыслей», выявить недостатки, чтобы не брать на себя ответственности за них.

Но в том-то и заключалась вся щекотливость ситуации, что Шаховской, и это все понимали — в том числе, по-видимому, и он сам, не имел морального права на свое оспаривание, потому что 26 июля кадеты выдали именно то обязательство, против которого он пытался возражать: поддерживать правительство *безоговорочно*, «без всякой критики», говоря словами самого Шаховского.

На следующем заседании лидера поддержал Шингарев, предлагавший на некоторое время отложить вопрос о созыве Думы («не агитировать за созыв Думы неловко, агитировать — значит идти навстречу опасностям»), и особенно Родичев. Созыв Думы — не наша цель, заявил он, так как «мы не знаем, что там делать, кроме критики неудачных действий правительства». «А этой критикой нельзя ослаблять моральную силу правительства перед войском и перед врагами». Время для критики еще не настало, не «надо упреждать событий», — повторил он один из главных аргументов Милюкова [28].

На заседании ПОЦК 9 ноября 1914 г. Родичев, верный оруженосец Милюкова, призывал к терпению. Настанет время, когда требование созыва Думы станет лозунгом всей страны, заявил он. Но «*ускорять этот процесс, пока еще неизвестно, как будут развиваться военные события*... было бы неосмотрительно».

Струве даже такую позицию счел неприемлемой. Он самым решительным образом выступил против каких бы то ни было попыток оппозиции правительству в принципе. «...*Если бы собралась сейчас Гос. дума*, — подчеркнул он, — *она превратилась бы в противоправительственный митинг*». Поэтому «все усилия должны быть направлены на то, чтобы выдержать свою позицию самоограничения, чтобы с тем большей силой обрушиться (!) на всю эту клику (после войны. — *А. А.*)» [29].

На реплику Шаховского (еще в заседании ПОЦК 26 августа), что неизвестно, какие события могут произойти на фронте в ближайшие две-три недели, Милюков ответил: «Вот это и заставляет меня предложить воздержаться сейчас от решения вопроса». «Кончилось ли уже время для самообуздания (!)» — вот в чем вопрос, пояснил эту мысль Родичев [30].

Позиции сторон сближались, когда заходила речь о характере возможной критики. Как видно из прений, и сторонники и противники созыва Думы исходили из *единой* посылки: никоим образом не дать повода «обществу» и правительству заподозрить кадетов в «политике» по отношению к последнему, наоборот, демонстрировать прежде всего верность своему обязательству об отказе от этой «политики», несмотря на все реакционные акции царизма и первые тревожные признаки неблагополучия по части обеспечения фронта.

Сторонники требования о созыве Думы всячески подчеркивали, что критика в Думе должна быть самой умеренной — на этом и основывались их надежды на сохранение «единства». А. С. Изгоев пустил в ход упомянутое выше выражение о критике «без всяких задних мыслей». Должны обсуждаться, говорил он, лишь конкретные, практические вопросы — например, финансовые реформы, предложенные Шингаревым, — причем ни в коем случае не делать эти вопросы «орудием борьбы против правительства, что было бы совершенно несвоевременно». Можно высказаться и о «безобразиях» по санитарной части, о необходимости отмены военной цензуры, под покровом которой скрываются эти безобразия, «но опять-таки не надо никакой борьбы, никакого обострения» [31].

Петрункевич, Тыркова, Некрасов говорили о необходимости чисто «деловой критики», без каких-либо политических выводов, «без партийной подкладки» (Шаховской) [32].

Корнилов, подхватывая высказывания Изгоева, соглашался, что бороться надо не с правительством, а с его «ошибками»; партия должна занимать не нейтральную позицию, но «оказывать полную поддержку» правительству и во имя этой поддержки «предостерегать правительство от вредных шагов... приходится терпеть и бороться с ошибками правительства». Он считал, что «выступления по внутренней политике были бы неразумны», а опасения насчет возможной левизны Думы преувеличены. «*Критика правительства велась бы обдуманно и по плану и никаких излишеств не было бы допущено*», она «*была бы направлена не против всего строя, а против отдельных представителей курса*... Такая Гос. дума не только не опасна, но прямо полезна и желательна» [33]. Ораторы высказывались против возникшей среди части членов Петербургской городской думы идеи о подаче царю некоего меморандума-протеста против враждебного отношения власти к «обществу».

Особенно дружно все ораторы подчеркивали, что критика правительственных действий ни в коем случае не должна совпадать с протестами социал-демократов, что следует резко отмежеваться от них. Так, Изгоев говорил: «Было бы огромной ошибкой солидаризироваться с левыми». Но если бы нашлась возможность предпринять какие-либо совместные шаги «с более правыми прогрессивными элементами» и тем самым показать, что партия «не безучастно» смотрит на «ошибки» правительства, это было бы «полезно». Он требовал: «Ничего общего с левыми, соглашений добиваться только вправо» [34].

Рассуждениям и надеждам на эффективность «деловой» критики Милюков противопоставил следующее: «политики», если Дума будет созвана, избежать не удастся, а, учитывая характер Думы и то, что у фракции будут «связаны руки» обязательством, данным 26 июля, «дело сведется», с ее стороны, не к бою, а к «бессильной жестикуляции». Но если даже дело ограничится обсуждением только финансовых проектов, то это тоже ока-

жется для кадетов невыгодным — «страна не поймет этого». Уверенность А. М. Колюбакина в том, что «„последующие грозные события нас оправдают", является сильным аргументом, но осторожнее все же подождать, когда события эти совершатся». Но в чем Милюков совершенно был согласен со своими оппонентами и что, собственно, даже первый сформулировал, это — запрет солидаризироваться с левыми. В любом случае не поддаваться на выступления, «которые могли бы использовать левые... Идти дальше (предостережений правительству. — *А. А.*) значило бы лить воду на мельницу с[оциал]-д[емократ]ов» [35].

Струве, злобно обругав «выходку» большевистской думской пятерки (совещание в Озерках), объявил, что она может «доставить удовольствие» Германии и означает преподнесение министру внутренних дел Маклакову «на блюде» возможность «расправиться с врагами».

Что касается разногласий по вопросам общей, стратегической цели партии и связанной с этим оценки обстановки в стране, то они наиболее рельефно выявились в полемике Милюкова с Колюбакиным. Последний был единственным, кто ратовал за созыв Думы с несколько более левых позиций, кто указывал, что целью партии должно быть сохранение контактов со «страной», единства с «обществом», а не только с правее стоящими группировками в Думе [36].

«Своими реакционными выходками, — говорил Колюбакин, — правительство только расшатывает единство», достигнутое 26 июля, и только серьезная критика может его сохранить. «Общество» сделало по части «единства» все, что можно, а правительство, наоборот, «сделало лишь ряд крупных шагов, чтобы ударить по единству», и, возможно, наступил момент «сказать правительству последнее слово предостережения» [37]. Колюбакин настаивал на специальном обсуждении вопроса о «внутреннем положении страны в связи с усиливающейся реакционной политикой правительства», и на заседании ПОЦК 9 ноября 1914 г. ему была предоставлена возможность высказаться по этому поводу.

В своем выступлении Колюбакин прежде всего обратил внимание «на то *колоссальное изменение* в настроениях страны, которое произошло со времени исторического заседания Государственной думы 26 июля». Тогда единство страны действительно существовало. Но время шло, ничего во внутренней политике правительства не изменилось, и настроение стало падать, сменившись «колоссальным разочарованием». Усиление репрессий бросалось в глаза, «а всеобщее молчание и отсутствие протестов только подстрекало реакционный курс». В результате *«левые использовали это положение, истолковав его как договор правительства с „оппозиционными буржуазными партиями", коим правительство обеспечило себе меры против рабочих и крестьян»*.

В этой связи дальнейшее молчание партии «может оказаться политической ошибкой», причем двойной: «народное единство» будет подорвано, а в широких кругах утвердится впечатление «о состоявшемся, якобы (!), примирении и соглашении „буржуазной оппозиции" с правительством». Последнее нельзя игнорировать, так как оно может привести к падению авторитета «несоциалистической» оппозиции.

Вторая часть выступления Колюбакина была посвящена вопросу о том, что́ конкретно можно предпринять в сложившихся условиях. Он высказался против идеи меморандума царю, возникшей в «прогрессивных кругах» Петербургской городской думы, поскольку у большевистской фракции при

аресте нашли «какое-то воззвание» против войны, — власти могут «пристегнуть» меморандум к этому воззванию под общей рубрикой «измена». Таким образом, идея меморандума отпадает. Что же касается агитации за созыв Думы, то здесь существуют разногласия в собственной среде: одни опасаются как бы оппозиционное выступление не оказалось на руку немцам, другие этих опасений не разделяют. Он, Колюбакин, за созыв Думы. Но вопрос в том, как добиться ее созыва: через печать — невозможно, ей зажат рот; общественные учреждения целиком поглощены обслуживанием лазаретов [38].

Ответ Милюкова свидетельствовал о том, что кадетский лидер сделал шаг, которого требовали от него открытые «веховцы» — Струве, Изгоев и другие — еще в довоенные годы — перестать «косить глаза налево», открыто и окончательно переориентироваться направо. Выступления 26 июля были началом такого крутого поворота, и Милюков твердо решил идти этим курсом до конца, считая, по-видимому, что война — тот самый единственный и неповторимый момент («единение» страны во имя победы), который сулит кадетам в будущем большие политические выгоды, открывая прямую дорогу для сближения «ответственной оппозиции» не только с октябристами, но и с правыми, признавшими их «национальной» и «патриотической» партией. Иначе говоря, Милюков уже в это время сделал ставку на превращение своей партии в *национал*-либеральную партию, но не раскрывал пока своих планов даже в узком кругу кадетского ЦК. Дальнейшие события это полностью подтвердили.

Отвечая Колюбакину, кадетский вождь прямо заявил, что «в выборе партийного политического поведения» нельзя руководствоваться «колеблющимися соображениями» о реакции широких масс. 26 июля авторитет партии *«поднялся на недосягаемую высоту.* И если тогда, 26 июля, позиция партии имела сильную поддержку (чью? — *А. А.*), надо стараться не сходить с нее и впредь». Кадеты должны совершенно определенно сказать, говорил Милюков далее, что ни в каких выступлениях, подобных тому, которые обсуждались частью петербургских думцев (меморандум), они участвовать не хотят. Недовольство в стране растет «в геометрической прогрессии», признал он, и указывать на это правительству надо, «хотя и бесполезно».

Изгоев полностью поддержал лидера партии: в отношениях с правительством должны иметь место не меморандумы, «а депутации, путь личного увещевания». О том же говорил и А. А. Корнилов.

Выступивший вновь Колюбакин заявил прежде всего, что он не стоит на позиции левых, поэтому упреки Милюкова к нему не относятся. Но, осуждая выступления социал-демократов, нельзя же впадать в другую крайность и считать, «что позиция, занятая партией к.-д., должна пребывать неизменной вплоть до полной победы над немцами». Ведь «борьба между правительством и обществом продолжается беспрерывно по-прежнему... удары реакции падают с прежней силой». А военные победы находятся *«в колоссальной зависимости от внутренних настроений»*. Надо бороться с «внутренним немцем», который опаснее Вильгельма. Иначе грозит опасность распространения пораженческих настроений. «Необходимо остерегаться, чтобы к.-д. не смешивали с с.-д., — делал Колюбакин свой главный вывод, — но *к.-д. должны занять определенную позицию по поводу безумных выходок реакционного курса, разрушающих единство страны»*. К этому надо привлечь «элементы» земского и городского самоуправления. «Итак, — заканчивал оратор, — не в замалчивании возмутительных фактов очередная

задача, а наоборот, в протестах, в предостережениях со стороны организованного общественного мнения».

Все дальнейшие прения проходили в пределах амплитуды, правая граница которой была определена Милюковым, а левая — Колюбакиным.

Логика подобного обсуждения неизбежно вела к главному вопросу, который всегда возникал в подобных случаях и являлся самой болевой точкой кадетской верхушки, — к вопросу о неизбежности революционного взрыва, если все так будет продолжаться и впредь. Революция — вот тот действительно центральный пункт, вокруг которого перманентно разгорались дискуссии в кадетском ЦК, когда он пытался приспособиться к очередному повороту в жизни страны. Это был кошмар, наваждение, от которого кадетские лидеры не могли элиминироваться даже тогда, когда прилагали к этому специальные усилия, пытались хоть на время забыть о ней, сделать вид, что перспективы революции не существует, по крайней мере в ближайшее время. И эта невозможность уйти, забыть, проигнорировать этот вечно преследующий кадетов призрак революции является лучшим доказательством полной нереальности тактики партии «реальных политиков».

И на этот раз, как ни хотели, как ни стремились участники заседания уйти от «проклятого вопроса», сделать это не удалось. Взяв снова слово, Колюбакин в отчаянии воскликнул: «Жизнь не ждет, недовольство растет, — неужели же пассивно ждать взрыва?.. На разумных (!) общественных слоях лежит обязанность предотвратить революционный взрыв». Почему должно быть только это или—или: «либо полное молчание, либо революционные взрывы? *В каком-то заколдованном кругу бьется русская жизнь*». Сам Колюбакин думал, что есть третий, средний путь. «...Мы ее (революцию. — *А. А.*) не хотим и должны что-нибудь предпринять сейчас; если нам удастся чего-нибудь добиться сейчас, это будет средством против революции, а не для революции».

Но поскольку вся загвоздка в том и состояла, что кадеты не знали, что́ предпринять, чтобы добиться «чего-нибудь», отдаляющего революцию, то, естественно, возникал вопрос, а как долго ее, этой революции, еще не будет, сколько еще есть времени для поиска спасительных средств.

Струве был уверен, что до революции еще далеко, и можно со спокойной душой ждать конца войны — разумеется, победоносной, — которая и снимет с повестки дня этот «проклятый вопрос». «Если бы мы видели, что взрыв действительно назревает, — пояснял он, — невозможно было бы молчать и ждать, — но в стране ничего подобного нет».

Однако Протопопов был далеко не так радужно настроен, как Струве. Он, Протопопов, «*лично ... опасается, что до конца войны не хватит того чуда, того чудесного единства настроения, какое проявилось 26 июля.* Не исключена возможность того, что всех нас сметет революционная волна, но сейчас мы еще имеем значение...», и этим надо воспользоваться.

Это был центральный вопрос, «заколдованный круг», по выражению Колюбакина, и вождь партии решил, что пора этот порочный круг разорвать, раз и навсегда покончить с этим мучительным состоянием раздвоенности, мешающим быть кадетам тем, кем они были на самом деле — национал-либералами, а не демократами. Заявление Милюкова было достаточно решительно. Протопопов находится «во власти шаблона: говорить о революции по окончании войны еще труднее, чем во время войны, — и все эти разговоры о революции есть лишь отрыжка старого шаблона». «Революция — опасность фиктивная, придуманная левыми ad hoc, а некоторые из

нас принимают ее на веру. Скорее можно согласиться с П. Б. С[труве] в том, что настроение ниже, чем оно должно было быть, — это настроение благодушного равнодушия (!). И левые знают, что положение именно таково, почему и хватаются за все способы, чтобы мы сочиняли прокламации, требовали созыва Думы и др. Они знают, что трибуну Государственной думы они используют в своих целях. Поддаваться на эту удочку не следует»[39].

Недооценить значения этого заявления нельзя. Милюков еще до этого несколько раз в узком кругу ЦК провозглашал аналогичный тезис. Незадолго до войны ЦК кадетов и «Речь» снова заявили, что 1905 год больше не повторится[40]. Уже тогда это было ответом на вопрос, как реагировать на углубление политического кризиса в стране, приближавшего ее к обстановке нового 1905 года. Но тогда еще лидер партии не сжигал мосты, оставляя кое-какие «левые» лазейки. Теперь же это выглядело как окончательное решение, как *стратегическая* линия. Смысл выступления Милюкова в Думе 26 июля как раз и состоял в переходе на эту линию, исходной посылкой которой был тезис о том, что революции в России больше не будет.

Что это была именно стратегическая, а не тактическая линия, доказывается тем, что Милюков оставался ей верен практически до конца существования режима. Мельгунов, ссылаясь на свидетельство кадета С. П. Мансырева (перешедшего затем к прогрессистам), писал, что Милюков *в конце 1916 г.* доказывал, что «ни о какой революции еще десятилетия не может быть речи»[41].

Спрашивается, как объяснить столь грубый политический просчет, если учитывать при этом, что сделан он был в условиях абсолютно противоречащих такому прогнозу и совсем недавнему прошлому? Легче всего свести ответ к личному просчету Милюкова, его недальновидности и т. п. Но это слишком простой ответ, чтобы быть убедительным. Личные свойства кадетского вождя, конечно, сыграли здесь известную роль. Соратники Милюкова, хорошо его знавшие, все в один голос подчеркивали, что он был умным человеком. Так оно и было на самом деле. Но, отдавая должное его уму, они в то же время указывали, что ум этот был доктринерский, лишенный одного из самых необходимых для политика качеств — чутья, интуиции. «Умнейший человек», — писал о Милюкове один из его ближайших сотрудников (по «Речи» на протяжении ряда лет), но чутье заменял «логической арифметикой» и поэтому совершал ошибки[42]. «Вчера во фракции и раньше в ком[итете фракции], — записывала Тыркова 6 февраля 1916 г., — было слишком много шахматной игры... Этим особенно грешит Милюков. У него страсть к тактической абстракции»[43].

М. М. Новиков характеризовал Милюкова как природного партийного лидера, лидера по призванию, обладавшего «неисчерпаемой работоспособностью», но страдавшего «резкой нетерпимостью к чужим мнениям...»[44]. К последнему надо добавить, что П. Н. Милюков умел заставлять ЦК принимать его точку зрения даже тогда, когда ЦК с ней был не согласен.

Но главное было не в этом, а в природе кадетской партии. Более того, можно, на наш взгляд, утверждать, что сама эта природа обусловила появление во главе партии вождей типа Милюкова, вождей-доктринеров, шахматных эквилибристов, так сказать, головных политиков. Доказательством этому служит то, что не только Милюков, но и Шингарев[45] и другие кадетские лидеры в той или иной степени страдали тем же отсутствием

политического чутья, способности предугадывать не только завтрашний день, но и дальнюю перспективу. Кадеты называли себя партией «реальной политики», имея в виду политику сегодняшнего дня, сиюминутных реальных (на деле же мнимых) выгод, поэтому их преимущественное внимание, несмотря на ум, образованность, знание истории, известную политическую проницательность их лидеров, всегда было приковано к сегодняшнему дню.

Говорят, на горизонте революция. Возможно. Но это еще не завтрашний и не послезавтрашний день, а сегодня надо делать «реальную», т. е. мелкую, текущую политику, тем более что все же точно неизвестно, придет ли революция вообще, — таков был, примерно, ход мысли кадетских вожаков, что отлично подтверждается приведенной тирадой Милюкова о кознях «левых». Отсюда один шаг до следующего и последнего тезиса — революции в обозримом будущем не предвидится. Контрреволюционная природа кадетов неизбежно вела их на путь самообмана, партия «реальной политики» была и оказалась на деле партией иллюзий, отрыва от реальной действительности. Милюков, Струве и другие основывали свой вывод на том, что народные массы неорганизованны и пассивны, а революционная социал-демократия разбита, т. е. они судили о перспективах революции по состоянию на *данный момент*. В этом был коренной порок политического мышления кадетов как партии, и причиной тому была не персональная глупость, а политическая ограниченность всей партии в силу ее классовой антиреволюционной природы.

Парадоксальность ситуации состояла в том, что так решительно провозглашенный Милюковым тезис о призрачности революции автоматически влек за собой политическое бессилие партии, потерю ориентировки, растерянность даже перед сегодняшним днем. Конец заседания ЦК 9 ноября 1914 г. говорит об этом достаточно красноречиво.

Резюмируя прения, председатель И. И. Петрункевич свел их к четырем предложениям:

1) агитировать через печать «против вредных мероприятий» правительства («но выяснено было», что по цензурным и другим условиям такая агитация невозможна);

2) обратиться к правительству с меморандумом по поводу его курса («но высказано было опасение, что эту идею захватят и используют враждебные партии»);

3) «запротоколировать» отношение партии к происходящему (но как это сделать, «осталось невыясненным»);

4) признать, что сейчас нет еще оснований перейти к каким-либо действиям.

«При таком разброде мнений, — заключал председатель, — очевидно, момент для принятия решений еще не наступил». Изгоев, однако, внес пятое предложение о том, «чтобы начать делать представления правительству о его политике, разумеется не единоличные, а от влиятельных групп». Колюбакин предложил голосовать все пять предложений и, если они будут отвергнуты, «продолжать политику молчания». Винавер полагал, что есть два предложения: «остаться in stata или перейти к активным действиям». Председатель заметил, что лично он не возражал бы против мысли об обращении к правительству от имени небольших групп — в виде адресов, например, «от влиятельных» прогрессистских или левооктябристских элементов. Милюков возразил, что сомневается, чтобы нашлось достаточно таких элементов.

Конечный итог вполне соответствовал этой «теме с вариациями». Председатель предложил, «ввиду важности и невыясненности затронутых вопросов», впредь установить «правильные периодические заседания с тем, что темы для таких собраний будут устанавливаться заранее».

На этом и порешили [46].

Пока кадетская верхушка судила и рядила, нужно или не нужно добиваться созыва Думы, сам собой приблизился срок этого созыва, назначенный правительством, и вопрос, как держаться во время сессии, перешел уже в конкретную плоскость.

На заседании ПОЦК 21 декабря Милюков сообщил, что вопрос этот уже ставится: восемь случайно оказавшихся в Петрограде депутатов-кадетов (по-видимому, провинциалов) хотели бы обсудить его совместно с ЦК; один из депутатов, И. П. Д. (Демидов. — *А. А.*), «знакомый с министром К»., т. е. с А. В. Кривошеиным, в частном порядке уже беседовал с ним на эту тему.

Милюков отметил выявившиеся по вопросу позиции. Так, если министр Кривошеин, сославшись на пример парламентов Западной Европы, оказавших нравственную поддержку своим правительствам в борьбе с немцами, высказался за созыв Думы с той же целью — причем было видно, что другие функции Думы, в частности вотирование бюджета, его абсолютно не интересуют, — то Демидов, наоборот, настаивал на созыве Думы с целью обсуждения бюджета, полагая, что если правительство «научится» обходиться в этом деле без Думы, «это будет дурным прецедентом на будущее и будет ронять авторитет народного представительства». Что же касается «общего мнения» депутатов, то оно сводилось к тезису, «*что еще не время для резкой оппозиционной критики*». И эта линия, заявил оратор, должна быть выдержана «вне всякой зависимости от того, будет ли само правительство ставить созыв Думы в зависимость от того или иного поведения оппозиции». Только в случае каких-либо провокаций со стороны правительства может пойти речь о каком-то изменении позиции.

Далее Милюков сообщил, что состоялось импровизированное совещание усеченной кадетской фракции. Оно признало, что «*общественное мнение сильно возбуждено не прекращающимися реакционными эксцессами правительства*» и, если в Думе трещина между правительством и обществом будет «замазываться», обыватель обвинит кадетских депутатов в недостаточной защите его прав. Тем не менее, несмотря на это, «*требовать смены нынешнего кабинета*, — считало совещание, — сейчас не представляется *ни возможным, ни удобным*».

По мнению самого Милюкова, если бы те или иные лица из состава правительства заинтересовались точкой зрения кадетов на цели и обстановку созыва Думы, то, принимая во внимание признанную всеми необходимость «сдержанности в критике», кадеты должны добиваться, во-первых, внесения бюджета в Думу, во-вторых, шагов «навстречу обществу» в правительственной декларации или, в-третьих, «*чтобы по крайней мере в этой декларации не заключалось никакой провокации*» [47].

Обсуждение поставленного Милюковым вопроса было продолжено после прихода на заседание ЦК кадетских депутатов. Лидер партии повторил свое сообщение, снова подчеркнув, что Дума должна обсудить и принять бюджет (в противном случае были бы нарушены основные законы), а от правительства следует ждать благожелательной декларации — в надежде, «*что реакционные элементы кабинета не позволят себе никакой выходки*,

которая провоцировала бы оппозицию к каким-либо ответным резким выступлениям».

Все дальнейшее обсуждение показало, что последнее было главной заботой как ЦК, так и кадетских депутатов. «У партии к.-д. слишком достаточно врагов, — решительно заявил Милюков в другом своем выступлении, — которые рады были бы всякому неосторожному шагу партии, чтобы спихнуть ее с той „недосягаемой высоты", на которую, по словам того же Кр[ивошеина], поставила партию ее линия поведения в июльские дни 1914 г. Поэтому, если бы можно было предвидеть, что заседания Думы обратятся в ряд оппозиционных выступлений правительству, П. Н. М[илюков] всеми силами противился бы созыву Думы». В переводе на более откровенный язык это означало следующее: он, Милюков, никоим образом не допустит, чтобы его партия потеряла тот кредит у *правых*, который она приобрела 26 июля, ибо этот кредит для нее самое важное. Это то, что нужно удержать любой ценой.

Хотя настроения 26 июля сейчас разрушены (усилиями правительства), надо «вновь создать высокое настроение», — заявил Родичев. Он не знает, есть ли сейчас в народе сознание «не сводить сейчас счетов с Пуришкевичами», а оставить их на после. Но у него, Родичева, *«есть такое сознание, и он хочет усиливать такое же настроение народа»*. Сводить счеты в такие моменты — это поддаться «суетному желанию», которое будет «только на руку реакционному курсу М[аклакова]».

Основная задача — победа над немцами, вторил Родичеву Корнилов, и, пока эта победа не будет достигнута, «до тех пор ни о каком торге не может быть речи, а самое слово *оппозиция* должно быть на время устранено». Партия не должна отказываться от критики правительственного курса, но делать это она должна не в Думе, «а правильным и непосредственным путем» переговоров председателя думской кадетской фракции (т. е. Милюкова) с тем же Кривошеиным, притом «не в виде угрозы, а в виде предостережения».

Так же выступили и остальные. Некоторое исключение составили только два оратора — Изгоев и Винавер, но и их позиция мало чем отличалась от настроения большинства. Первый полагал, что *«страна осудит партию к.-д., если в Г[осударственной] думе она будет замалчивать происходящее»*. Что же в таком случае надо предпринять? Изгоев был верен себе: «Необходимы не нападки на правительство — можно даже подчеркнуть, что оппозиция не желает борьбы с ним, но надо в корректной (!) форме предостеречь правительство от вредных последствий принятого им курса и требовать от него каких-либо определенных шагов в смысле отказа от этого курса, хотя бы, напр[имер], в форме устранения кого-либо (!) из наиболее реакционных министров». Эти неподражаемые «предостеречь» и «кого-либо» говорят сами за себя.

Винавер выразил удивление по поводу того, что в момент, когда правительство само тормозит успешный ход борьбы с внешним врагом, Милюков заявляет, что надо воздерживаться от оппозиционных выступлений. Но его конечный вывод сводился к мнению большинства: единственным кадетским ответом в Думе на действия правительства должно быть... молчание.

Резюмируя прения, председатель отметил, что «в настоящем заседании выяснилось общее нежелание ставить правительству какие бы то ни было условия» [48].

Это общее нежелание было продемонстрировано кадетами в Думе на все сто процентов. Дума была созвана в конце января 1915 г. на краткосрочную трехдневную сессию (27—29 января), так что правительство исполнило свое обязательство созвать ее не позже февраля. Был внесен на обсуждение Думы и бюджет на 1915 г., и Милюков, таким образом, был полностью удовлетворен. Основная цель всех думских фракций, начиная от крайних правых и кончая кадетами, а также правительства, состояла в том, чтобы вновь продемонстрировать единство правительства и «народных представителей» во имя победы над врагом, т. е. повторить «историческое» заседание Думы 26 июля 1914 г.

Выражая общее настроение, М. В. Родзянко в своей вступительной речи, преисполненной верноподданнического восторга, говорил о том, как «чутким сердцем своим предугадал русский царь народные чувства и он услышал здесь отклик единой дружной русской семьи, которая, забыв... все разногласия, грозно встала стальной щетиной штыков перед дерзким врагом за веру, царя и отечество». В ответ И. Л. Горемыкин не менее велеречиво подтвердил верность правительства дню 26 июля. «Полгода тому назад здесь, в стенах Таврического дворца, — заявил он, — Россией был пережит день, который никогда не забудется, день всеобщего восторженного подъема народного чувства... Прошло полгода, и правительство вновь приветствует вас здесь от имени его величества. (*Члены Государственной думы встают. Продолжительные рукоплескания и клики:* ура!)»[49]

В полном соответствии и с тоном и с содержанием цитированных речей выступали и другие ораторы помещичье-буржуазных партий. Речь Горемыкина, подчеркнул октябрист Е. П. Ковалевский, позволяет «нам верить в прочность основ благожелательного взаимодействия между правительством и народным представительством (*Голоса*: браво!)». «Русская национальная фракция, — указал А. И. Савенко, — горячо приветствует правительство за то мужество, твердость и решительность, с которыми оно, в полном единении с русским обществом, ведет эту великую, не нами начатую войну... В дни войны... в России нет партий, нет национальностей, а есть единый, неделимый, грозный, гранитный русский монолит»[50].

Речь кадетского лидера не звучала диссонансом с речами его коллег справа. «Теперь, как тогда (т. е. 26 июля. — *А. А.*), — заявил Милюков, — призывая к единству, мы выполняем не жест политика, а твердое решение гражданина (*рукоплескания, голоса справа*: браво!), свободное и независимое от какого бы то ни было образа действий власти»[51]. «Нахожу ее безупречной», — оценил эту речь, выражая общее мнение правого лагеря, Меньшиков[52].

В том же духе выступил и А. И. Шингарев при обсуждении бюджета, которое носило чисто формальный характер (весь бюджет был принят за одно заседание). «Фракция Народной свободы, — напомнил кадетский оратор, — высказала вчера соображение, побуждающее ее членов не прибегать к внутренней политической борьбе. Перед лицом грозного внешнего врага такая борьба должна умолкнуть; нельзя выражать ее и в голосовании против всего бюджета или против смет отдельных ведомств, как это фракцией делалось в мирное время... Фракция Народной свободы голосует за бюджет»[53].

Только с.-д. фракция и трудовики голосовали против бюджета, причем с.-д. И. Н. Маньков и А. Ф. Керенский заявили, что они воздерживаются от голосования[54], но и они тем не менее не испортили общей картины

единодушия, потому что ни Н. С. Чхеидзе, ни Керенский ни словом не осудили войну. Более того, лидер трудовиков в духе всех европейских социал-шовинистов выразил уверенность в том, что «этот последний кровавый подвиг приведет к свободе и раскрепощению внутреннему». Дело борьбы за мир, указывал он далее, — дело всей европейской демократии, но, «пока этой единой воли всей демократии Европы к созданию мира не создалось, мы должны оставаться там, где застало нас начало этих страшных событий» [55].

«Вчерашнее заседание Гос[ударственной] думы, — с торжеством отмечала передовая «Речи», подводя итоги первого думского дня, когда все фракции выразили свою принципиальную позицию, — во многом напоминала историческое заседание 26 июля» [56].

Таким образом, можно констатировать, что кадетская «оппозиция», с точки зрения правых и правительства, в первые полгода войны была безупречной, выше всяких похвал [57]. Надо ли доказывать, что правее стоящая «оппозиция» — прогрессисты и октябристы — также не ударили лицом в грязь и ни в чем не посрамили своего доброго «патриотического» имени.

В день открытия Думы газета Рябушинского, имея в виду критические выступления Шидловского, Милюкова, Шингарева, Маркова 2-го, обращенные к Горемыкину и Маклакову, и ответы последних на состоявшемся за несколько дней до открытия Думы закрытом заседании бюджетной комиссии, «отчет о котором не подлежит опубликованию», предупреждала: «Каковы бы ни были эти выступления лидеров думских фракций, нельзя упускать из виду одного: сейчас, по прошествии первого года войны (т. е. 1914 г. — *А. А.*), еще менее, чем в момент ее объявления, не время возбуждать разъединявшие нас внутренние вопросы» [58]. Иными словами, не вздумайте повторить вашу критику на открытом заседании Думы.

Передовая той же газеты, посвященная первому заседанию Думы, была озаглавлена: «Исполненные обеты». Вчерашнее заседание, говорилось в ней, «блестяще оправдало возлагавшиеся на народное представительство надежды... Торжественно прозвучали в устах председателя Совета министров слова государевой благодарности членам Думы и в лице их всему русскому народу за то, что слова и обеты 26 июля „ныне перешли в отзыв и стали делами“» [59]. За десять дней до открытия сессии «Утро России» призывало избегать всякой критики.

«Критика для критики, — негодовал орган прогрессистских «оппозиционеров» в духе лучших черносотенных традиций, имея в виду левых, — это бессмыслица, демонстративное использование парламентской кафедры для вящей пропаганды крайними партиями и без того всем известных утопических трафаретов» [60].

Опираясь именно на эти настроения «оппозиции», дубровинское «Русское знамя» утверждало, что вся Россия превратилась в черносотенную, и «профессора в „Рус[ских] вед[омствах]“ пишут только черносотенные статьи». «А ведь это, пожалуй, верно», — отметил в своем дневнике С. П. Мельгунов [61].

Сложность проблемы отказа от оппозиции все же для кадетского руководства сохранялась. Она состояла в том, что, помимо реакции правительства, приходилось так или иначе учитывать реакцию своей собственной партийной среды, того же «общества», от имени которого и был провозглашен «курс 26 июля». По мере того как начали вырисовываться первые военные неудачи, непригодность и халатность властей в деле мате-

риального обеспечения армии на фоне возраставшей реакционной вакханалии правительственного курса, обет молчания, данный кадетским вождем, соблюдать становилось все труднее. Кадетская верхушка встала перед определенным риском утраты взаимопонимания со своей партийной периферией.

На заседании ПОЦК 5 октября 1914 г. Д. Д. Протопопов заявил, что приехавший из Полтавы «партийный деятель», т. е. местный кадет, сообщил ему, что «*в провинции партийные круги смущены молчанием руководящих органов партии в настоящий серьезный момент*: объявление войны вызвало декларацию фракции к.-д. в Гос[ударственной] думе 26 июля этого года, не совсем ясную для провинции, так как ее истолковывают в смысле единения с тем, кто не желает отказываться от своей реакционной политики... Выступлением 26 июля недовольны, и настроение провинции смущенное», а посему этот вопрос надо обсудить. Однако Винавер предложил на данном заседании заняться рассмотрением национальных вопросов, как «имеющих большую остроту», а «недоумения... провинциальных деятелей, неясно формулированные, могут быть рассмотрены позже» [62]. Это предложение было принято, а от неприятного сообщения Протопопова решили пока отмахнуться.

Не пожелали заняться этим вопросом и 9 октября и 2 ноября. Лишь в конце второго заседания, посвященного обсуждению тех же национальных вопросов, Колюбакин «возбудил вопрос» о необходимости еще раз обсудить современное положение, «создавшееся вследствие продолжающейся реакционной деятельности правительства, срывающей единство народного настроения». Однако Милюков снова отказался учитывать настроения рядовых, сославшись на этот раз на то, что в крупном поволжском городе по почину трудовиков было созвано межпартийное совещание, которое высказалось за несвоевременность созыва Думы. Одни мотивировали эту позицию нежеланием «вносить разделяющие настроения» в настоящий ответственный момент, другие — в силу простой невозможности даже поставить на обсуждение в Думе запрос о неправильных действиях правительства.

В феврале 1915 г. на совещании думской фракции с представителями местных групп ряд делегатов высказали сомнение не столько в правильности взятого 26 июля партией к.-д. курса, сколько в его чрезмерном правом крене. Типичным в этом отношении было заявление нижегородского представителя. «Поведение фракции спасло многих от недоуменного поведения. Слева, однако, упреков много, особенно в преданности правительству». Мнение аполитичных культурных слоев, вторил ему казанский делегат, сводится к тому, что кадеты 26 июля «потребовали слишком мало, даже сделаны были уступки правительству». Представители Иваново-Вознесенска, Тамбова и Уфы упрекали фракцию за ее отказ поддерживать запрос социал-демократической фракции по поводу ареста и осуждения пяти депутатов-большевиков (поведение фракции «вызывает большое недоумение», подвергается «нападкам», главная тема критики на местах и т. д.). Лишь киевский делегат выступил в резкой форме, заявив, что «поведение фракции вызвало страшное неудовольствие, даже некоторые члены решили выйти из партии».

Резюмируя прения, председатель подытожил их в следующих словах: «В большинстве настроение пессимистическое... В некоторых местах нашу фракцию упрекают в замалчивании вопросов внутренней политики и в неприсоединении к запросу с.-д.» [63]

Ответ Милюкова не был на этот раз очередным несогласием с критикой с мест, а твердым и решительным заявлением, что курс 26 июля — это стратегия, стержнем которой является завоевание в глазах правых реноме «патриотической» партии, и в свете этой главной задачи критика в уступчивости и т. п. должна быть решительно отвергнута. «Нас всегда корили как врагов России, не патриотов, — пояснял Милюков. — Теперешняя наша позиция оказалась сюрпризом для наших врагов». Из дальнейшего видно, что «врагами» в данном случае кадетский лидер считал не правых, — как следовало бы ожидать, поскольку именно правые (частью октябристы) всегда и прежде всего обвиняли кадетов в антипатриотизме, — а правительство и в первую очередь министра внутренних дел Маклакова. В правительстве, говорил далее Милюков, идет сейчас борьба, и в этих условиях всякая оппозиция «дает плюс стороне Маклакова». На закрытом заседании Бюджетной комиссии накануне открытия Думы 27 января 1915 г., где «мы высказывали свое неудовольствие против политики правительства», Маклаков «провокационно» предложил высказать их в открытом заседании Думы. Мы на это не пошли, и «благодаря нашей тактике» Маклаков «остался без козырей».

Объясняя причины умолчания на открытом заседании, Милюков сослался на необходимость поднять падающее настроение в стране и армии и невозможность осведомления о внутренних неурядицах своего противника. «Война затягивается, утомление растет, — объяснял он, — показывать свое разочарование и тем усиливать это чувство в стране нам было нельзя». Надо было также «подбодрить солдат в окопах». Кроме того, «всякое слово критики было бы в Германии всячески использовано».

На чем же основывалась кадетская стратегия, что́ лежало в ее основе? Ответ давался следующий. «В повторение революции 1905 года мы не верим. . .», — заявил Милюков. Что же касается социал-демократов, то они и в России и в Германии свою прежнюю революционную позицию потеряли. «Интернациональная с.-д. себя потеряла, осталась только национальная». Исходя из этого, «мы выбрали такую позицию, которая дала возможность *взаимного понимания с правыми* и которая в то же время подводит к нам и левых, не умеющих противопоставить нам диаметрально противоположную позицию». Под «левыми» в данном случае Милюков, вне всякого сомнения, подразумевал людей типа думских трудовиков и социал-демократов — меньшевиков в лице их лидеров Керенского и Чхеидзе, которые действительно дали полное основание кадетскому лидеру сбросить их со счетов в своих политических планах как самостоятельную силу, противостоящую либеральной империалистической буржуазии.

Этим был и обусловлен отказ фракции поддержать запрос социал-демократов. Этот запрос был только предлогом, чтобы говорить с трибуны, пояснял Милюков. Юридически он был необоснован, поскольку арест пятерки был произведен на «законном» основании. «Делать себя явно солидарными с ними по такому вопросу, который юридически не обоснован и когда против с.-д. поднимается обвинение в явно враждебном отношении к войне, мы не могли. . .». «Армия, вернувшись с войны, — указывал Милюков в другом месте, — за крайними левыми не пойдет. . . Все это вместе говорит, что позиция наша была правильная и никакой другой позиции для нас не могло быть» [64].

Из этого рассуждения видно, что именно социал-шовинизм, как русский, так и германский, банкротство и предательство социал-демократического

оппортунизма были главным фактором, позволившим кадетам открыто заявить о своем переходе на рельсы национал-либерализма и империализма, на что они упорно не соглашались в довоенные годы, несмотря на давление открытых национал-либералов и «веховцев» типа Струве, Изгоева и др. Можно предположить, что не будь этого капитального факта, возможно, Милюков и К^0 не осмелились бы в предвидении грядущих классовых битв так открыто и решительно заявить о своем союзе с правительством и правыми.

Как ни подавлял своим авторитетом кадетский вождь растерявшихся и дезориентированных «патриотической» политикой партии к.-д. провинциальных функционеров, все же некоторые из них выразили сомнение относительно столь категорической уверенности в ее правильности и непогрешимости. Позиция кадетов «настроению общества не отвечает», — отметил орловский делегат. Представитель Нижнего Новгорода заявил, что «получил самое безотрадное впечатление» от доклада Милюкова. «О наших внутренних делах, — совершенно справедливо заметил представитель Екатеринбурга, — Европа хорошо осведомлена, и вскрыть внутренние язвы было неопасно. . .».

В ответ на эти заявления в атаку ринулись А. А. (Корнилов) и А. Р. (Ледницкий). Первый решительно «не может согласиться с тем, что объяснение П. Н. [Милюкова] дает безотрадное впечатление. . . Позиция фракции была сильная, и она совпадает с психологией народной». Доказательство этому — отсутствие забастовок. Поэтому она производит «впечатление силы, а не слабости». Это была, так сказать, защита слева. Второй оратор обеспечивал правый фланг. Речь Милюкова в Думе была «речью государственного человека. . . Оба исторические заседания принесли громадные результаты — наша партия стала государственной» [65].

Упорство Милюкова и ЦК в защите линии 26 июля с течением времени, когда ее несостоятельность стала очевидной, не только не уменьшилось, но, наоборот, возрастало.

Из всего изложенного видно, что не только октябристы, прогрессисты, но и кадеты твердо намеревались забыть о своей оппозиции, по крайней мере до конца войны. Но им не повезло, обстоятельства сложились так, что, как им ни хотелось полной лояльности, они вновь вынуждены были вернуться к своему оппозиционному, как тогда выражались — «первобытному» (довоенному), состоянию.

2. ОППОЗИЦИЯ ПЕРЕХОДИТ В ОППОЗИЦИЮ. СОЗДАНИЕ «ПРОГРЕССИВНОГО БЛОКА»

Причиной возвращения либералов на роль оппозиции послужил, как известно, галицийский разгром весной 1915 г. и последовавшее за ним отступление армии, длившееся все лето и стоившее огромных людских и материальных жертв, оставленных территорий, дезорганизации тыла и перемещения театра военных действий непосредственно во внутренние губернии России. Впечатление, произведенное этим разгромом на «общество», было исключительным. Это был настоящий шок, грандиозное потрясение, в котором слились воедино раздражение, испуг, разочарование, недоумение, растерянность и, как итог, всеобщий вопль возмущения «негодным правительством» — главным виновником происшедшего.

О состоянии и чувствах «общества» можно, в частности, судить по

дневнику известного Л. А. Тихомирова. «Теперь серьезно приходится думать, что́ делать лично с семьей, если немцы подойдут к Москве?» — записал он 7 августа 1915 г. Спустя полтора месяца, 25 сентября, автор дневника послал двум своим знакомым запросы о том, «есть ли квартиры в Туле и Костроме», — на случай, если придется бежать из Москвы [66]. Тихомиров, как видно из его дневника, отнюдь не был исключением в своем паникерстве. Сходное настроение было у всех, с кем он общался, а центральным моментом была утрата веры в победу, до того полностью доминировавшей в умах. «Теперь, кажется, — констатировал Тихомиров, — уже нет ни единого человека, верующего в возможность победы» [67]. Перед этим, 31 августа 1915 г., автор дневника записывает содержание своей беседы с гр. Д. А. Олсуфьевым (вероятнее всего, с членом Государственного совета, одним из активных участников только что образовавшегося «Прогрессивного блока»), уверявшим своего собеседника, что «война проиграна» и поэтому необходимо завязать переговоры о мире с тем, чтобы «выпутаться хотя бы сепаратно́, с наименьшими потерями». Правда, далее от себя Тихомиров добавляет, что хотя граф и «пал духом», но это падение «эластичное», — дух его снова может воспрянуть. Тем не менее настроение графа было весьма показательным [68].

Другой член Государственного совета, прогрессист кн. Е. Н. Трубецкой в письме от 8 июня 1915 г. так успокаивал свою возлюбленную, М. К. Морозову (как и Тихомиров, проживавшую в Москве): твои тревоги напрасны, «перерыв сообщений между Петроградом и Москвой я вообще считаю маловероятным», так как «решительный удар» французов заставит немцев перебросить часть своих войск с русского фронта на запад. «Но допустим, что это случится!» — писал князь далее, тоже ничего страшного: «законодательные и правительственные учреждения *конечно* будут эвакуированы в глубь страны... и ты уедешь, чтобы не попасться в плен». Трудность при таком исходе будет состоять в том, чтобы при эвакуации найти квартиру. Но «она оставалась бы в том случае, если бы нам с тобой обоим пришлось бежать из Москвы! Но, вообще, эту перспективу бегства из столицы я считаю неправдоподобной, потому что отдача столиц или хотя бы одной столицы означает невозможность продолжать войну и, следовательно, *мир*. Если мы будем окончательно разбиты, мир будет заключен раньше, а если не будем разбиты — Москву и Петроград не дадим отрезать друг от друга» [69].

На частном совещании членов Московского городского комитета кадетской партии 24 июля 1915 г. один из его участников отмечал, что в кругах интеллигенции сдача Варшавы произвела «впечатление очень тяжелое; есть какое-то чувство безнадежности...». Другой участник возразил, что дело сейчас уже не в Варшаве, к неизбежной сдаче которой «общество было достаточно подготовлено», а вопрос о том, «где же остановится германский поток». Третий добавил, что «в петроградских общественных кругах сложилось убеждение, что Петроград и Киев лишь в том случае могут считаться в безопасности, если занятие этих пунктов не входит в немецкие планы» [70].

Подобные настроения были всеобщими, и все последующие события, связанные с образованием и деятельностью «Прогрессивного блока», нельзя в полной мере понять и оценить без учета этого коренного обстоятельства. Самое важное здесь заключалось в том, что оно было характерно для *всего* «общества» в том смысле, что им были охвачены *одновременно*,

в равной мере и с одинаковой реакцией, вылившейся в оппозицию к правительству, оба его фланга — правый и либеральный. Иными словами, кадеты, не говоря уже о прогрессистах и октябристах, перешли в оппозицию правительству только тогда, когда убедились в оппозиционном настроении правых, позицию которых выражали фракции «центра» и националистов. За пределами этого всеобщего оппозиционного настроения оказались только крайние правые и черносотенцы. Даже «объединенное дворянство», как это показал его последний, 12-й съезд, заразилось оппозиционным духом.

Это обстоятельство имеет принципиальное значение для правильного понимания как самого процесса образования «Прогрессивного блока», так и его характера. Тот факт, что кадеты повернули к оппозиции лишь «со всеми вместе», доказывается упорством, с каким кадетские лидеры post factum отстаивали перед своей собственной аудиторией правильность взятого ими 26 июля 1914 г. политического курса, хотя время и факты уже доказали его ошибочность и близорукость.

На конференции партии 6—8 июня 1915 г., т. е. в момент максимальной растерянности и раздражения «общества» в связи с тяжелыми известиями с фронта, Милюков в своем тактическом докладе подробно и настойчиво доказывал, что взятая 26 июля 1914 г. и повторенная на трехдневной сессии Думы в конце января 1915 г. линия политического поведения была единственно возможной и правильной и, более того, предлагаемая новая линия — оппозиционная — является ее органическим продолжением. Признавалось, что указанная линия «вызвала много порицания в провинции, причем особенно нападали на эту тактику слева». В этой связи докладчик ставил своей целью «познакомить (собравшихся. — *А. А.*) с теми соображениями и обстоятельствами, которые послужили основанием для тактики фракции в Госуд[арственной] думе 26 июля и 27 января». Но главной целью доклада было «указать, как видоизменяются теперь задачи партии и фракции в зависимости от действий правительства за этот год войны [71].

Что касается «курса 26 июля», то были повторены прежние аргументы: «открытая критика», сыграла бы на руку, с одной стороны, Маклакову, а с другой — противнику, немцам. Теперь, заявил Милюков, ситуация изменилась: «страшная правда» стала известна всем — врагу и всему народу, скрывать ее теперь бесполезно и, следовательно, назрела необходимость в изменении тактики. Цель не изменилась, но прежние способы ее достижения «утратили смысл» [72].

Особенно упорно защищался тезис о том, что фракция и ЦК в первые полгода войны, включая и январь 1915 г., не знали всей картины подлинного положения дел на фронте в смысле отсутствия снарядов и другого военного снаряжения. Это была, однако, заведомая неправда. Даже кн. Д. И. Шаховской, член ЦК, сторонник линии Милюкова—Шингарева, на конференции 6—8 июня косвенно признал, что и 10 месяцев назад «страшные истины», о которых теперь все говорят, не были «новостью» для общества. Представительница Москвы, Л. И. Жижиленко, сама, возможно, того не желая, нанесла очень чувствительный удар Милюкову. С женской непосредственностью она заговорила об «ужасе», который охватил ее и участников конференции, когда они из уст И. П. Демидова и Н. В. Некрасова, недавно вернувшихся с фронта, узнали, что́ там творится. «Значит, мы напрасно молчали, мы переборщили в своем молчании», — воскликнула она. Вспо-

минается погибший на фронте А. М. Колюбакин, говоривший еще в середине ноября 1914 г., что внутри плохо... а мы его уговаривали, что надо молчать». В свою очередь, киевский делегат В. А. Косинский заявил, что многие отрицательные факты фракции «давно были известны». Еще в начале декабря киевляне послали в Петроград специальную депутацию с тем, чтобы «она указала членам фракции на многие дефекты, на недостаток в снарядах и пр., о чем говорили здесь вчера и сегодня. На все эти замечания председатель фракции П. Н. Милюков сказал, что об этом теперь нельзя говорить... и... фракция в Гос [ударственной] думе в январе молчала...» [73]. То же сообщил конференции и другой киевский представитель — Е. Г. Шольп [74].

Много лет спустя Милюков признал, что уже в декабре 1914 г. А. И. Гучков, всегда хорошо осведомленный в военных вопросах, «рисовал им (думцам. — *А. А.*) дело как совершенно безнадежное». Однако, прибавлял автор воспоминаний, «это мрачное настроение не разделялось тогда ни его фракцией, ни нами» [75].

В описываемое же время кадетские лидеры реагировали на упрек в сознательном умалчивании истинного положения вещей крайне нервно. Ф. Ф. Кокошкин, которому ЦК поручил защиту проекта резолюций, сказал, что упреки в адрес фракции, связанные с тем, что «она не критиковала резко действия правительства...», внушают ему «известные опасения», напоминая «отголосок настроений 1905 г., когда думали, что „дерзкие" слова суть иерихонские трубы» [76]. А. И. Шингарев заявил, что «в тот момент, когда войска шли к Карпатам, ваши теперешние слова были бы встречены громадным негодованием и непониманием». На реплику с места («могли бы и тогда сказать, что снарядов нет») Шингарев с раздражением отпарировал: «Мы и сказали то, что знали...». На повторное замечание («да, в закрытом заседании») последовал ответ: «Не время об этом спорить. Сочтемся (с критиками. — *А. А.*) на выборах: пусть избиратели скажут, чью тактику они одобряют» [77].

Отвергая «обвинение фракции в том, что она знала грозившую стране опасность и не предупреждала о ней», Милюков признал, что сообщения о недостатке снарядов и прочее доходили до фракции еще раньше, чем на это указывали киевляне, — уже в августе и сентябре 1914 г., и фракция «доступными для нее способами» (т. е. частным, секретным образом) доводила до сведения «высших сфер», которые отвечали, что «меры принимаются». Но сказать об этом во всеуслышание в январе 1915 г. было нельзя: «тогда это расстроило бы единство настроения, которое надо было беречь» [78].

В последних словах, равно как и в словах Шингарева, и была «зарыта собака». Любой ценой сохранить в глазах правых, — именно правых прежде всего, а затем уже октябристов, — завоеванную 26 июля репутацию «патриотической» и «государственной» партии — вот подлинный смысл этих ответов. Никоим образом не дать правым «патриотам» вернуться к прежней оценке кадетов как непатриотической партии — такова главная задача, которую открытая критика могла бы погубить. Теперь же кадеты могут критиковать правительство без всякого страха за подобный исход, потому что и *правые* стали на такую позицию. Сейчас критика — *продолжение* единства, а не угроза ему.

Этот вывод, повторяем, чрезвычайно важен и является исходным для правильного понимания характера «Прогрессивного блока», истории его создания и деятельности. Он заставляет заново оценить те представления, которые сложились на этот счет в нашей литературе.

Изучение проблемы взаимоотношений царизма, с одной стороны, Думы и буржуазной «общественности» — с другой, началось в 20-е годы XX в. В тот период, а также в последующие, 30—50-е годы, в соответствующих работах советских историков господствовал тезис о «двух лагерях» — трудящихся, с одной стороны, эксплуататорских классов — с другой, т. е. объединялись в один классовый лагерь помещики и буржуазия, что приводило к игнорированию разницы между Милюковым и Шульгиным, гр. В. А. Бобринским и Гучковым, между сторонниками неограниченного самодержавия и приверженцами конституционной монархии. Тезис этот отразился и на оценке «Прогрессивного блока», составные части которого не разделялись, но смешивались и без дальнейшего анализа трактовались как единое целое, объявляемое «для простоты» *буржуазным* объединением, что приводило к стиранию различий между либеральными (буржуазными) и правыми (помещичьими) фракциями, образовавшими блок.

Самой представительной работой, затронувшей тему в 20-е годы, являлась, несомненно, книга Б. Б. Граве [79]. Как известно, в «Прогрессивный блок» вошли не только кадеты, прогрессисты, но и «центр», возглавляемый П. Н. Крупенским и кн. В. Н. Львовым, и группа «прогрессивных националистов» во главе с гр. В. А. Бобринским и В. В. Шульгиным. Все перечисленные думские фракции, образовавшие блок, Граве объединила термином «буржуазный центр Думы». Показателем единства этого центра в период создания блока, указывает она, является избрание Шингарева председателем Военно-морской комиссии Думы «голосованием всех буржуазных партий, включая октябристов и *националистов*» [80]. По оценке автора, выделенной разрядкой, «Образование прогрессивного блока нужно рассматривать как поворот в тактике буржуазии». Вся история взаимоотношений «Прогрессивного блока» и правительства рассматривается в книге как борьба *буржуазии* с царизмом за власть [81].

В 30-х годах XX в. эта точка зрения продолжала оставаться господствующей. Она была сформулирована в первом томе «Истории гражданской войны в СССР» — одном из наиболее авторитетных изданий того времени. В состав «Прогрессивного блока», говорилось в нем, «вошли почти все буржуазные партии — октябристы, кадеты с прогрессистами, часть умеренно-правых, так называемая прогрессивная группа националистов и фракция центра. Не вошли только трудовики, меньшевики и крайние правые» [82]. По прямому смыслу приведенных слов следует, что к числу *буржуазных* партий авторы относят *все* партии думского большинства, включая, по-видимому, и крайних правых, поскольку оговорка «почти» явно не может быть отнесена к трудовикам и меньшевикам.

Статья А. Я. Грунта «Прогрессивный блок», опубликованная на исходе Великой Отечественной войны, начинается с решительного заявления, гласящего, что «история возникновения и деятельности „Прогрессивного блока“ — это история взаимоотношений русской буржуазии и царизма в годы первой империалистической войны». Хотя далее говорится, что блок был центром, вокруг которого объединялись буржуазные и *дворянские* организации, это отнюдь не означало, что автор рассматривает его как объединение представителей двух классов, ибо тут же объясняется, что через блок «буржуазия предъявляла свои требования самодержавию и добивалась раздела с ним власти» [83].

Тезис о двух лагерях уже достаточно давно списан советской историографией как несостоятельный, и поэтому нет надобности вновь на нем останавливаться, равно как ломиться в открытую дверь, доказывая, что умеренно-правые, националисты и «центр» были партиями крепостников-помещиков, стоявшими на самых реакционных позициях, для которых кадеты до начала войны были неприемлемой «левой» партией, родственной революционерам.

В работах 60—70-х годов XX в. утверждения и оценки, подобные приведенным, уже отсутствуют. В «Прогрессивный блок», пишет, в частности, Э. Н. Буржалов «вошли все *буржуазно-помещичьи* фракции Думы (кроме крайних правых)» [84].

В. С. Дякин уже совершенно определенно доказывает, что «Прогрессивный блок» был плодом соглашения *помещичьих* и буржуазных фракций Думы, «без правых» (под которыми автор разумеет *крайних* правых) «и без мелкобуржуазных партий» [85].

В. Я. Лаверычев характеризует «Прогрессивный блок» как объединение всех думских «оппозиционных партий» и нигде не говорит о нем как о блоке именно буржуазных партий. Правда, он пишет, что «встреча с лидерами думской оппозиции (под которой имеется в виду блок. — *А. А.*) позволила царскому правительству еще раз убедиться, что *буржуазия* не только не готова, но и не способна решиться на серьезные антиправительственные действия. . .» [86], но вряд ли отсюда (и судя по всему контексту) следует, что для автора понятия думская и буржуазная оппозиция тождественны.

К сожалению, А. Г. Слонимский, которого, судя по названию и содержанию его книги, вопрос о классовом характере блока и истории его создания должен был интересовать прежде всего, ограничился несколькими констатирующими словами (притом во введении) о том, что в августе 1915 г. в Думе создалось оппозиционное большинство из таких-то фракций, получившее название «Прогрессивный блок» [87].

Е. Д. Черменский, как и В. С. Дякин, посвятивший в своей работе образованию «Прогрессивного блока» специальный раздел, всем его содержанием доказывает, что блок был соглашением фракций двух классов — помещиков и буржуазии, созданным на базе так называемой «патриотической тревоги», охватившей «общество» в связи с весенне-летними поражениями царской армии в 1915 г.[88]

Две последние известные нам работы, в которых затрагивается вопрос о создании «Прогрессивного блока», — это книги В. И. Старцева и Л. М. Спирина. Первый, описывая этапы его образования, ограничивается чисто фактической стороной дела. Лозунг «министерства доверия», ставший главным пунктом программы блока, автор расценивает как «прямое требование передачи правительственной власти в руки. . . руководящей группы буржуазных либералов» [89], что, как будет показано, весьма далеко от действительности.

Что касается Л. М. Спирина, то он считает блок объединением буржуазных и *помещичьих* фракций, но, правда, формулирует этот тезис недостаточно четко [90].

Общий же историографический итог сводится к тому, что на данный момент преобладающей является точка зрения, согласно которой «Прогрессивный блок» рассматривается как соглашение *правых* и либеральных фракций Думы, за исключением крайних правых и правой части националистов,

так называемых националистов-балашовцев, по имени их лидера П. Н. Балашова. Оценка блока как «в общем буржуазного» имеет место лишь в качестве отдельных рецидивов. Это, на наш взгляд, весьма важный шаг вперед, дающий возможность точно установить природу «Прогрессивного блока», верно охарактеризовать смысл и назначение его деятельности. Но это только первый шаг, требующий второго, чтобы решение проблемы не остановилось на полдороге.

Дело в том, что большинство авторов, отказавшихся рассматривать блок как чисто буржуазное образование, тем не менее считают, — и здесь они находятся в полном согласии с авторами 20—30-х годов, — что инициатива его создания и руководящая роль в нем, равно как и лозунг «министерства доверия», послуживший основой объединения, принадлежали кадетам, что программа и тактика блока являлась односторонней уступкой правых либералам, обусловленной страхом перед надвигавшейся в стране революцией и имевшей предполагавшимся конечным результатом тот или иной раздел власти царизма с буржуазией. Одни об этом пишут прямо, другие считают это само собой разумеющимся. Выше мы уже приводили соответствующее высказывание В. И. Старцева, являющееся центральной идеей его книги. В. С. Дякин, покончив с рассказом об образовании блока, следующий раздел, озаглавленный «Давление буржуазии на Думу. Программа „Прогрессивного блока“», начинает фразой: «Сразу же после создания думского блока кадеты и прогрессисты одновременно бросились в атаку на правительство», требуя «министерства доверия». Приведя соответствующие выдержки из «Утра России» и «Биржевых ведомостей», автор продолжал: «Вся эта газетная активность отражала растущую требовательность буржуазии» [91]. Дальнейшее изложение развивает высказанное положение. Само название книги А. Г. Слонимского «Катастрофа русского либерализма» свидетельствует о том, что автор борьбу «Прогрессивного блока» с правительством на протяжении 1916—начала 1917 г. рассматривает прежде всего именно как борьбу *либералов*. Кстати, сами кадеты очень охотно выдавали себя за руководителей «Прогрессивного блока» и, по-видимому, искренно в этом были уверены. В своих воспоминаниях Милюков писал, что он стал лидером блока «автоматически» [92].

Лишь Е. Д. Черменский занимает иную и, на наш взгляд, гораздо более правильную позицию в оценке классового существа «Прогрессивного блока», чем указанные авторы. По его мнению, «в основе прогрессивного блока лежал компромисс между полуфеодальными, умеренно правыми (прогрессивные националисты и партия центра) и буржуазными (октябристы, кадеты и прогрессисты) элементами с равнением на самых умеренных — фракцию русских националистов. Умерив себя, кадеты и прогрессисты подтянулись к черносотенцам» [93]. Столь же верной и весьма важной нам представляется и его мысль о том, что лозунг «министерства доверия», в сущности, означал отказ либеральной буржуазии от претензий на политическое господство и признание первенствующей роли в третьеиюньском блоке за помещиками-полукрепостниками» [94]. Однако оба эти тезиса, чтобы приобрести максимальную убедительность, требуют дальнейшей аргументации и разработки.

* * *

Анализ всего хода переговоров, приведших в конечном итоге к созданию «Прогрессивного блока», показывает, что требует пересмотра уже вопрос об их исходном пункте. Большинство исследователей, если не все, считают, что переговоры начались в ходе летней думской сессии 1915 г., где-то в конце июля—начале августа. Нам представляется, что начало их надо отодвинуть на полтора-два месяца назад — на конец мая—начало июня, когда по вызову руководства некоторых фракций в Петроград стали съезжаться депутаты с тем, чтобы усилить нажим на правительство по части скорейшего созыва Думы. В целом же сближение думских фракций, впоследствии образовавших блок, шло непрерывно и по разным каналам на протяжении всего первого полугодия 1915 г. и конкретизировалось с началом отступления армии в требовании срочного созыва Думы и ее длительной сессии.

О наличии соответствующего настроения в части правого лагеря можно говорить уже в связи с заседанием Государственного совета 30 января 1915 г., на котором В. И. Гурко обратился к своим консервативным коллегам с весьма знаменательным призывом, до войны просто немыслимым не только для верхней палаты, но и для самого Гурко. Оратор заявил, что «если единомыслие невозможно и нежелательно, то возможно, важно и необходимо взаимное доверие друг к другу инакомыслящих», под которыми разумелись, как видно из дальнейшего, не только либералы вообще, а именно кадеты. «Увы, — продолжал он, — этим взаимным уважением, в основу которого должна быть положена уверенность, что *противоположные* партии *не питают злокозненных намерений* против государства как такового, а усматривают лишь *иные пути к его вящему развитию и процветанию*, — этим доверием наши партии, наши отдельные общественные слои доселе не всегда отличались». Война настоятельно диктует необходимость покончить с этим подходом как близоруким и вредным. «Переживаемые нами громовые события с полной очевидностью доказали, что *все* наши партии, заслуживающие наименования политических (т. е. минус революционные партии. — *А. А.*), крепко держатся за наше государство и нашу государственность, а представители их не остановились перед высшей жертвой, которую может принести человек своей родине, жертвуя своей жизнью. Да породят же эти жертвы недоставшее нам доселе взаимное доверие и уважение. Они нам необходимы, господа, не только для правильного разрешения бесчисленных наших внутренних вопросов; они столь же необходимы для обеспечения должного нам положения среди других славянских народов» [95].

Упомянув о жертвующих своей жизнью, Гурко, несомненно, имел в виду члена кадетского ЦК А. М. Колюбакина, добровольцем ушедшего на фронт и погибшего незадолго до этого. Из последних же слов видно, что оратор говорил о необходимости длительного доверия между правыми и «инакомыслящими», рассчитанного не только на время войны, но и на послевоенные годы. Именно так и поняла его выступление кадетская «Речь» — в частности, как призыв к полному пересмотру отношений между Государственным советом и Думой [96].

Идеи правых о взаимном доверии и сближении начали реализовываться в конце мая—начале июня 1915 г.

В этой связи следует обратить внимание на рассказ Шульгина о его

разговоре с Милюковым, который состоялся по его инициативе сразу же, как только он приехал в Петроград. Беседа изложена весьма красочно, в манере Шульгина, но ее сухая суть сводится к следующему. Шульгин спросил у Милюкова, своего недавнего политического врага, друзья ли они? Поколебавшись, кадетский лидер ответил: «Да, друзья!». Дальше Милюков заявил, что от Думы, когда она соберется, ждут, что «она заклеймит виновников национальной катастрофы», и если Дума не откроет клапана, раздражение вырвется другим путем.

Первый шаг был сделан, и Шульгин делает второй — главный, имевший решающее значение для судьбы соглашения, задав Милюкову вопрос, потребуют ли кадеты «ответственного министерства»? Лидер партии Народной свободы ответил отрицательно, заявив, что «для этого мы еще не готовы. Но нечто вроде этого» плюс «известные шаги» (т. е. некоторые реформы) осуществить надо. Шульгин ответил, что это условие он принимает. «Этот разговор, — резюмировал он, — мог бы служить прологом к тому, что впоследствии получило название „Прогрессивный блок. . ."» [97]. Здесь важно обратить внимание на два момента: во-первых, инициатива зондажа о возможном думском соглашении принадлежала даже не октябристу, а правому, каковым всю жизнь был Шульгин. Во-вторых, разговор происходил еще тогда, когда формула «министерство доверия», ставшая основой будущего соглашения, еще не была найдена, и вполне можно допустить, что вышла она из кадетской среды, причем очень вероятно, что ее автором и был Милюков, который после этого знаменательного и неожиданного для него разговора встал перед необходимостью срочно изобрести нечто такое, что можно было бы принять за эквивалент лозунга «ответственного министерства», приемлемый в кадетской среде и, кроме того, обеспечивающий соглашение направо. Во всяком случае, на кадетской конференции 6—8 июня 1915 г. эта формула была уже главным пунктом прений по вопросу о предстоящей тактике в Думе.

В. С. Дякин впервые обратил внимание, сославшись на отчет фракции прогрессистов и показания Милюкова в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, на то, что инициатором совещания у М. В. Родзянко 9 августа 1915 г. по вопросу о блоке был П. Н. Крупенский, лидер фракции «центра» — столь же правой, как и фракция националистов. Он также подметил, что на том же допросе Милюков «бросил фразу, которую он больше нигде не повторял». Эта фраза гласила: «Надо сказать, что, может быть, первая мысль о нем (о блоке. — *А. А.*) исходила из министерских кругов» [98]. К сожалению, Дякин отметил этот факт мимоходом и не придал ему должного значения. А между тем факт свидетельствует о том, что инициатива по созданию блока исходила именно от *правых*, а не от кадетов. Более того, эта инициатива была предпринята с ведома и согласия А. В. Кривошеина — одного из самых влиятельных и авторитетных министров в кабинете И. Л. Горемыкина.

Вслед за фразой, приведенной Дякиным из показаний Милюкова, последний далее говорил: «Кривошеин все время был начеку и думал, что все же настанет его время, когда он будет премьером, и считал необходимым опираться на большинство в палатах. . . Так что, может быть, самая попытка первоначальных переговоров была вызвана этим. . . Посредничество принял на себя Крупенский, который всегда являлся маклером в таких случаях» [99]. (Многоточие принадлежит стенограмме, а слова «может быть» употреблены всуе.)

В конце ноября 1916 г., т. е. спустя год с лишним после образования «Прогрессивного блока», член Государственного совета гр. Д. А. Олсуфьев, ставший одним из его активных деятелей, выступая на 12-м, последнем съезде «объединенных дворян», поведал своим собратьям некоторые весьма интересные детали, связанные с рождением блока. «Как от свечи загорелась Москва, — рассказывал граф, — так благодаря Крупенскому возник блок. Крупенский мне сказал: Выбирайте кого угодно из Гос[ударственного] совета, а я буду выбирать (!) из Гос[ударственной] думы, к партиям я придираться не буду, лишь бы только хотели совещаться вместе». Именно он, Крупенский, говорил, что надо «пригласить» кадетов, и «вот тогда был приглашен Милюков, был приглашен Шингарев... Первое заседание было у Контана (т. е. в ресторане. — *А. А.*) в августе месяце, это я вам факт рассказываю, а не басню» [100]. Если память Олсуфьеву не изменила и заседание было действительно в августе, то, скорее всего, это было в самом начале месяца, раньше совещаний 9 и 11—12 августа, носивших уже вполне официальный характер [101].

Другой член Государственного совета и участник блока В. И. Гурко разгласил на том же съезде еще один секрет, неизвестный «объединенным дворянам». Сразу после образования «Прогрессивного блока», сообщил Гурко, руководители блока «вошли в сношение» с нужными лицами, с «некоторой частью Совета министров» и в результате «были накануне образования того кабинета, который вывел бы Россию на почву победы... Уже был намечен *председатель Совета министров* и члены этого кабинета» [102]. Гурко отказался назвать фамилию намеченного кандидата в премьеры, но можно не сомневаться, что речь шла об А. В. Кривошеине. К. А. Кривошеин, написавший книгу о своем отце, также считает, что последний был инициатором блока и готов был сотрудничать с ним, «став премьером» [103]. Другой кандидатуры в Совете министров просто не было, а что касается премьера — представителя «общественности», то, как покажет дальнейшее изложение, блок и сама «общественность» менее всего этого хотели.

Таким образом, факт инициативы правых в деле создания блока можно считать установленным. Показательно, что ни Милюков, ни какой-либо другой кадетский лидер ни прямо, ни косвенно, ни в собственной среде, ни в любой другой аудитории, ни в описываемое время, ни позже, никогда не говорили и не писали, что идея создания «Прогрессивного блока» принадлежала кадетам. Не приписывали себе этой чести и прогрессисты и октябристы, хотя соблазн, надо полагать, был немалый.

Дальнейшие этапы на пути к блоку в изложении кадетского отчета выглядели следующим образом. 28 мая открылся Съезд представителей торговли и промышленности, принявший резолюцию о немедленном созыве Думы. Цензура, после колебаний, разрешила резолюцию опубликовать. 29 мая у Родзянко собралось новое совещание с тем же вопросом. Представители правых и левых фракций подчеркивали необходимость сговориться о программе, ибо иначе «неминуемо возникли бы непримиримые разногласия».

Не дожидаясь решения правительства о созыве Думы, руководители фракций разослали своим депутатам циркулярные приглашения приехать в Петроград, и ко второй половине июля съехалось более 100 человек.

10 июня 1915 г. собрался совет старейшин, на котором Родзянко доложил о своих переговорах с Горемыкиным. Премьер высказался за созыв Думы, но «при иных условиях», т. е. после обновления кабинета,

начало которому было положено еще до этого — 5 июня, когда был уволен Маклаков. 12 июня получил отставку В. А. Сухомлинов, а 14 июня в ставке Николай II подписал рескрипт Горемыкину, требовавший ускорить созыв Думы и возобновить сессии палат «не позднее августа».

13 июня совет старейшин собрался снова. «Левые фракции и прогрессисты требовали более решительных шагов к созыву Думы, не доверяя обещанию Горемыкина. В ответ Милюков предложил отсрочить обсуждение вопроса на неделю, до следующего заседания совета старейшин. Предложение было принято всеми фракциями, кроме фракций социал-демократов, трудовиков и прогрессистов, голосовавших против него, и мусульманской фракции, воздержавшейся от голосования. «Нервное раздражение того момента, — вынуждены были признать авторы отчета, — сказалось в большом раздражении, вызванном предложением П. Н. Милюкова».

20 июня состоялось новое заседание, на котором Родзянко сообщил, что, по мнению Горемыкина, созвать Думу удастся не раньше начала августа. Было постановлено отложить окончательное решение вопроса до 23 июня, поскольку на этом заседании отсутствовали представители правых и националистов. 23 июня было решено послать депутацию совета старейшин к Горемыкину, которая и была им принята на другой день. Говорил Милюков. Горемыкин обещал дать ответ 27 июня. Ответ был дан: Дума созывается 19 июля. Перед этим произошли дальнейшие увольнения В. К. Саблера и И. Г. Шегловитова (4 и 7 июня) [104].

Заседание Думы 19 июля 1915 г., приуроченное к годовщине войны, было не только первым, но и самым главным из всех 16-ти заседаний, имевших место до роспуска Думы 3 сентября. Ход этих прений (закончившихся на втором заседании) показывает, что «Прогрессивный блок» создавался с большим скрипом, что цели сближавшихся фракций оставались противоречивыми и правые шли на объединение потому, что нужда заставляла. (Об этом, в частности, как будет показано ниже, свидетельствовало обсуждение фразы о «верных подданных» в формуле перехода, предложенной националистами и принятой Думой.) В то же время прения обнаруживали, что блок к этому времени уже в принципе сложился и все группировки, а также правительство вынуждены были считаться с этим как с совершившимся фактом.

Связующей нитью, главным стержнем блока стал лозунг «министерства доверия». Значение его состояло в том, что он заменял классический лозунг либералов — «ответственное министерство», конечный смысл которого состоял в утверждении конституционной монархии взамен монархии самодержавной. Соглашение на требовании «министерства доверия» означало, таким образом, компромисс, взаимную уступку правых и либера́лов — «полевение» первых, дальнейшее поправение вторых.

Тот факт, что такое соглашение еще до формального создания «Прогрессивного блока» было уже фактически провозглашено, доказывается одной чрезвычайно любопытной деталью думских дебатов, не имевшей прецедента в прошлом и продолжения в дальнейшем: представители фракций выступали со своими ответными речами на заявления премьера И. Л. Горемыкина и министров А. А. Поливанова, И. К. Григоровича, С. Д. Сазонова и П. Л. Барка строго справа налево, начиная с Маркова 2-го и кончая Чхеидзе. За все существование III и IV Думы ничего подобного ни до, ни после не было. Можно с большой долей вероятия предположить, что такая строго последовательная очередно́сть была установлена президиу-

мом специально в интересах формирующегося блока. Содержание речей, резюмируемое ниже также в порядке «справа налево», еще более укрепляет нас в таком предположении.

Горемыкин в своем кратком выступлении хотя и с явной неохотой, но все же сказал, что, поскольку «война грозит быть долгой и требует новых жертв», правительство «испытывает нравственную потребность» идти по этому пути «не иначе, как в полном единомыслии с законодательными учреждениями. (*Рукоплескания и голоса*: Браво!)». Однако, предваряя прения, председатель Совета министров добавил, что «для программных речей по общей политике теперь, по нашему убеждению, не время».

Что касается национального вопроса, крайне обострившегося в это время (в связи с националистической политикой в Галиции, двусмысленным поведением царизма в польском вопросе, массовым выселением евреев из прифронтовой полосы по обвинению их в поголовном «шпионстве» в пользу немцев и т. д.), то Горемыкин бросил фразу, которая внесла некоторую, правда короткую, сумятицу в ряды участников складывавшегося думского соглашения «центральных фракций». Внутренняя политика правительства, заявил премьер, «должна быть проникнута началом беспристрастного и благожелательного внимания к интересам всех верных России граждан, без различия племени, языка и веры». (Как мы увидим дальше, отравленное жало этой фразы заключалось в слове «верных».) Закончил он призывом о том, что в России теперь должна быть одна партия — «партия войны до конца», и снова повторил, что никаких программ сейчас не должно быть, «кроме одной — победить» [105].

Н. Е. Марков 2-й — самый крайний и нетерпимый из всех крайних и нетерпимых думских черносотенцев — начал свою речь, как и Горемыкин, с призыва отказаться от всякой партийности. «Неужели в это ужасное, опасное время, — восклицал он, — мы займемся здесь своими мелкими партийными делами? Неужели мы начнем сводить счеты с правительством в то время, когда правительство напрягает все силы свои, чтобы отразить натиск врага?.. Возникло желание добиться ответственного министерства (*голос справа*»: бросьте!), министерства, назначаемого не государем императором, а парламентом» [106].

Из приведенных слов видно, что Марков 2-й был полностью осведомлен о происходивших переговорах, только по своему обыкновению намеренно преувеличивал степень радикализма намечаемого соглашения, заявив, что оно якобы проектируется на основе лозунга «ответственного министерства», хотя отлично знал, что речь шла «о министерстве доверия» (в чем и был немедленно уличен приведенной репликой справа, кстати также подтверждавшей, что переговоры шли вовсю и правые принимали в них деятельное участие).

Еще более показательно, что, стремясь нанести упреждающий удар по идущим переговорам ссылкой на то, что «ответственное министерство» и «парламентаризм» это детище кадетов с тем, чтобы испугать их союзников справа, Марков 2-й одновременно выдал кадетам самую лестную аттестацию, заявил, что это «умная, полная талантов партия», идущая сейчас «вместе с патриотически настроенными партиями» [107]. Что же после этого оставалось говорить Шульгину, гр. Бобринскому и другим умеренно-правым, когда такие комплименты расточал в адрес своих вчерашних смертельных врагов столь неумеренный правый, каким был Марков 2-й?

Граф Бобринский, представлявший фракцию «центра», «с умилением»

остановился перед двумя могильными холмами «славных русских мужественных людей, членов Государственной думы Колюбакина и кн. Геловани», погибших на фронте. Граф делал вывод: «Страна показала, что она созрела и достойна... реформ» (правда, осуществить их «можно будет только после победы»), и даже договорился до того, что не надо «наших рабочих ссылать в Енисейскую губ.», а лучше им устроить экскурсию на фронт (чтобы они заряжались там патриотизмом).

Речь гр. Бобринского не оставляет сомнения в том, что вопрос о будущем блоке для националистов был уже достаточно четко очерчен и его окончательное оформление оставалось только вопросом времени и межфракционной «парламентской» техники. «Гг., — заявил он, — искреннее желание нас, националистов, и всех тех фракций, с которыми *мы вели разговоры*, это то, чтобы действительно не было среди нас партийной розни; мы будем избегать всего, что нас *разделяет*... и если у нас будут частные разногласия, то мы будем их смягчать и искать способов *братского* соглашения. И этого мы *несомненно достигнем*, ибо наш враг нас всех объединил».

Каково же будет отношение националистов к правительству в свете складывающихся «внутренних думских отношений»? — ставил гр. Бобринский главный вопрос. Ответ его сводился к следующему: «Если мы убедимся на деле, что правительство действительно может и хочет откровенно и *доверчиво* идти навстречу русскому обществу... тогда мы с правительством. (*Бурные рукоплескания справа, в центре и слева.*)» В этой реплике нет только слов «министерство доверия», но суть ее именно такова.

Закончил гр. Бобринский свое выступление оглашением общей формулы перехода националистов, «центра» и земцев-октябристов, которая, как потом выяснилось, была совместной формулой всех думских фракций, образовавших позже «Прогрессивный блок». Во имя победы формула требовала «упрочения внутреннего мира, примирения и забвения старой политической борьбы, *а также благожелательного внимания власти к интересам всех верных России граждан без различия племени, языка и веры*», плюс «тесного единения» со страной «правительства, пользующегося полным ее доверием» [108]. Центр тяжести формулы лежал именно в этих последних словах. Что же касается подчеркнутой нами фразы, то она была целиком заимствована из речи Горемыкина.

Речи представителей «центра» и «левого» октябризма — В. Н. Львова и Б. И. Каразина ничего нового к уже сказанному не добавили.

Лидер прогрессистов Ефремов в своем выступлении говорил о министерстве *доверия*, хотя вообще-то лозунгом фракции было «ответственное министерство». «Для успешного завершения мировой борьбы, — указывал оратор, — нам необходима *сильная* власть, а таковой может быть только власть, пользующаяся доверием народа» [109]. Таким образом, речь Ефремова свидетельствовала, что прогрессисты также сдвинулись (в данном случае слева направо) к общему лозунгу, что переговоры по созданию блока зашли достаточно далеко.

Лейтмотивом всей речи Милюкова была демонстрация кадетского патриотизма. С первых же слов он напомнил о позиции фракции 26 июля 1914 г., о ее сдержанности и отказе от критики во время январской сессии ЦК 1915 г., хотя тогда она вместе с другими фракциями была уже проникнута «чувством патриотической тревоги». Не вина кадетов, что теперь они вынуждены перейти к критике, поскольку «тайное стало явным»

и надо срочно спасать положение, чтобы довести войну до победного конца.

Критикуя действия правительства, Милюков не сказал о «министерстве доверия». Он лишь заявил, что его фракция, по достоинству оценивая перемены, сделанные в составе Совета министров, не имеет «достаточно данных, чтобы судить о политической программе» новых министров. «Лица изменились, но не изменилась их партийная окраска... Мы слышали доброжелательные слова... но мы не слышали определенной политической программы». Более того, правительством было заявлено, что для программ теперь не время.

Этот тезис послужил Милюкову отправной точкой для заявления о том, что если нет программы у правительства, то ее должно иметь «народное представительство». И далее он от имени фракции изложил Думе эту программу, специально, однако, подчеркнув: «Мы не хотим предлагать вам партийных проектов, которые могли бы нас разъединить»; законопроекты, которые фракция рекомендует Думе, — «все непартийные». Может быть, говорил Милюков, «и председатель Совета министров, ввиду этого соображения, придет к заключению, что не так уж невозможно рассуждать и о гражданских реформах, если эти реформы организуют страну» [110]. Забегая вперед, отметим, что многие из перечисленных Милюковым «реформ» вошли потом в программу «Прогрессивного блока», что еще раз говорит о значительно продвинувшемся сговоре «центральных фракций» [111].

Выступления Керенского и Чхеидзе, следовавшие за речью Милюкова, свидетельствовали о сохранении соответствующими фракциями прежней социал-патриотической позиции. Первый требовал, чтобы «вся нация» была привлечена к общей работе, ибо без участия масс нельзя «оборонить страну», и повторил: «...только стихия русской демократии оборонит страну». Совершенно в духе левого фланга будущего блока Керенский заявил, что «основная задача момента — не законодательствовать, а создать новую и здоровую власть в стране», которая призвала бы «к ответственной государственной работе» всех — «каждого из нас» [112]. Чхеидзе также закончил свою речь указанием на то, что, «если народ не очнется, не возьмет в свои руки судьбы страны, разгром неизбежен» [113]. Формула перехода, внесенная трудовиками, требовала создания «исполнительной власти, ответственной перед народным представительством, избранным на основе всеобщего избирательного права», и политической амнистии [114]. Социал-демократы своей формулы не внесли. Таким образом, хотя заявления упомянутых ораторов не могли содержать прямой поддержки «министерства доверия», а в формуле трудовиков говорилось об «ответственной» исполнительной власти, весь смысл и тональность речей этих представителей левого фланга Думы не выпадали из общего хора.

При обсуждении указанной выше формулы перехода, оглашенной гр. Бобринским, Милюков выступил дважды. Первый раз он предложил вместо «верные России граждане» сказать «все граждане России». Любопытна его мотивировка. Когда вчера, объяснил Милюков, председатель Совета министров произнес свою фразу о верных гражданах, то кадеты не усмотрели в ней «скрытого подвоха» по отношению к некоторым народностям, которые этой фразой «как бы выделяются от других и признаются неверными сынами России». Но, поскольку Марков 2-й репликой с места объяснил, что слово «верные» имеет именно этот скрытый смысл [115], кадеты и вносят свою поправку [116].

В переводе на более точный язык выступление Милюкова означало на самом деле следующее. Формула, внесенная правым флангом будущего блока, была заранее согласована с кадетами. Это была и их формула. Они отлично понимали, что слово «верные» как в речи премьера, так и в самой формуле исключает из числа таковых евреев, обвинявшихся не только всеми правыми, но и октябристами в поголовном «шпионстве», но сознательно закрыли на это глаза во имя «единения», сделали *вид*, что никакого «подвоха» в этом слове не содержится. Однако Марков 2-й, стремясь помешать образованию блока, своей репликой разоблачил игру кадетов и вынудил их внести указанную поправку.

Что удар Маркова 2-го оказался весьма чувствительным, показывает немедленная ответная реакция земцев-октябристов на поправку Милюкова. Выступивший от их имени гр. Э. П. Беннигсен, явно намекая на то, что формула была заранее согласована с кадетами, заявил, что всякая формула, вносимая в Думу, «является формулой продуманной» и представляет из себя целое, из которого «вырывать... ту или другую часть нельзя», а посему поправка Милюкова неприемлема. В то же время оратор постарался облегчить положение последнего. Зная, что евреи в кадетской партии, либеральной печати и т. д. играют значительную роль и кадетское руководство вынуждено считаться с этим, граф, не раз выступавший в Думе с позиций крайнего антисемитизма (и к тому же носящий немецкую фамилию), привел в качестве примера «неверных сынов родины» не евреев, как следовало бы ожидать, а ... остзейских немцев, сославшись на выступление одного из депутатов, разоблачавшего «измену» немцев-прибалтов [117].

Второе выступление Милюкова было направлено против поправки прогрессистов, требовавшей «ответственного министерства». Щекотливость положения для кадетов состояла здесь в том, что их соседи справа выступили в защиту главного пункта их собственной программы. Положение усугублялось тем, что тот же гр. Беннигсен, говоря об этой поправке, сказал, что к ней земцы-октябристы (почти такая же правая фракция, как ее соседи справа, в отличие от поправки Милюкова) относятся совершенно иначе: «Мы, несомненно, признаем *справедливость* этой поправки; мы считаем, что тот год войны, который мы пережили, многому нас научил, и, между прочим, тому, что на будущее время начало *безответственности* правительства *сохранено быть не может*». Но, поскольку этот вопрос вносит «крупную ломку во всю систему нашего государственного строя», вплоть до изменения основных законов, сейчас им заниматься не время. Об этом должна пойти речь только после «поборения врага» [118].

Милюков решил выйти из положения, объявив худо добром. Отметив, что поправка прогрессистов «ставит на очередь наш партийный вопрос», за который кадеты «неоднократно высказывались» во всех четырех Думах, Милюков далее продолжал: «Мы рады констатировать, что теперь в этом вопросе мы будем не одни: только что представитель октябристов к нам присоединился и отныне признал основное начало парламентаризма. Но, гг., мы считаем невозможным требовать внесения этого партийного нашего, — а отныне и октябристского — требования во внепартийную формулу... формулу, которая должна знаменовать наше единение перед грозной опасностью». На основании всего этого фракция кадетов от голосования поправки прогрессистов воздерживается. Это заявление было встречено, как указывается в стенограмме, рукоплесканиями в центре, справа и слева [119].

Формула перехода была принята в первоначальном виде, и кадеты проголосовали за нее вместе с националистами и октябристами.

Обвиняя своего партнера-конкурента в маккиавеллизме, газета прогрессистов в статье, озаглавленной «Сверх политики», писала: «В своем отрицательном отношении к требованию ответственного министерства г. Милюков обрел союзника в лице графа Беннигсена. Изощренные соображения дипломатической постепеновщины и на этот раз объединили наших кадетов-„радикалов" с фракцией гг. Беннингсена и Шубинского». О причинах, руководивших Милюковым, «можно лишь догадываться, относить их к области партийной ортодоксальности или к разряду слишком утонченных дипломатических расчетов, которые вряд ли приведут кадетскую фракцию к желанным итогам. . .» [120].

Зато кадетский официоз был преисполнен торжества. Вчера, говорилось в передовой, Дума огромным большинством приняла формулу перехода, внесенную от имени националистов, «центра» и октябристов. В ней есть все элементы решения, которого ждала страна, и это «следует считать огромным успехом». Бегло отметив отрицательное «но» — фразу о «верных» гражданах, — автор передовой заканчивал мажорным аккордом: недавними противниками кадетов принимаются в Думе их программные пункты: автономия Польши и «парламентаризм». Что же касается пункта об «ответственном министерстве», внесенном прогрессистами, то «оно стоит в резком противоречии с общей позицией, занятой (кадетами. — *А. А.*) на время войны» [121].

Кадетский отчет прямо признал, что принятая Думой формула перехода была не только предварительно согласована с кадетами, но в нее было внесено резюме речи Милюкова. В этом факте выразилось «доверие этого большинства к фракции. . .». Лишь злосчастные слова «верные граждане» (которых вначале не было) заставили кадетов в последнюю минуту отказаться от соавторства. Тем не менее, несмотря на эту «двусмысленную» фразу, кадеты голосовали за формулу трех фракций, потому что она «все же выражала общее настроение Государственной думы», доказательством служит тот факт, что она была «принята подавляющим большинством голосов против немногочисленных голосов двух крайних флангов» [122].

Смысл и значение этого голосования, объяснял позже Милюков, состояли в том, что «в связи с этой формулой начинается как будто и некоторая дифференциация в Думе: появление ядра в виде *прогрессивного блока*» [123]. Таким образом, лидер кадетской партии фактической начальной датой в жизни блока назвал 20 июля 1915 г.

Союзники справа в полной мере оценили «деликатность» кадетской позиции: на первом же заседании вновь избранной Комиссии по военно-морским делам ее председателем был избран А. И. Шингарев. Чтобы оценить в полной мере значение этого жеста в сторону кадетов со стороны их вчерашних врагов, надо иметь в виду два момента. Во-первых, до этого как в III, так и в IV Думе кадеты наряду с трудовиками и социал-демократами вообще не допускались правооктябристским большинством в эту комиссию (в III Думе она называлась Комиссией по государственной обороне) как «непатриоты». Во-вторых, пост председателя в ней был отдан (в результате дележки ключевых думских постов тем же большинством) националистам. 20 июля комиссия тоже избрала своим председателем националиста, но не лидера фракции Балашова, как было до этого, противника блока, а Шульгина — его сторонника. Шульгин отказался от предложенной ему чести и

назвал вместо себя Шингарева, выдав ему самую лестную «патриотическую» характеристику. Предложение было принято, и впервые за всю историю третьеиюньского «парламента» одну из его главных комиссий возглавил кадет.

Оценивая значение этого события, националист А. И. Савенко (считавший, кстати, себя одним из инициаторов создания «Прогрессивного блока») в письме от 22 июля 1915 г. к некоему Филиппову писал: «О чем же именно говорит нам избрание А. И. Шингарева? Крайние правые круги будут теперь много говорить о том, что-де это полевение Гос[ударственной] думы. Но так ли это? Убежденно говорю: нет, не так». Ведь сперва в комиссии по государственной обороне вся оппозиция как один человек подала свои голоса за националиста Шульгина. Когда же тот отказался, Ефремов, Милюков и другие «горячо убеждали его не отказываться... Нами, представителями правого крыла, руководило еще одно соображение, когда мы голосовали за Шингарева (помимо его работоспособности. — *А. А.*): мы имели в виду этим сильнее привлечь кадетскую партию к делу организации победы над врагом и этим самым сделать и ее *ответственной* за дальнейший ход войны» [124].

По случаю избрания Шингарева в кадетской фракции царило праздничное, торжественное настроение. На заседании 21 июля, записала Тыркова в своем дневнике, «еще одну победу справляли — выборы А. И. Шингарева в председатели Комиссии обороны... Он был и польщен, и горд, и взволнован». Под первой же победой Тыркова разумела выступления в Думе националистов и октябристов. В частности, речь гр. Бобринского она объявила идентичной речи В. Д. Набокова в I Думе, когда тот произнес свою крылатую фразу: «Власть исполнительная да подчинится власти законодательной». «Теперь под грохот немецких пушек, — восклицала Тыркова, отражая общее мнение своих коллег, — ее (эту фразу. — *А. А.*) поняли закоренелые враги народного представительства». И далее: «Сами октябристы торжественно с кафедры объявили себя сторонниками парламентаризма» [125].

Это не было мимолетным настроением. «С первого дня сессии фракция Народной свободы... явилась как бы идейной руководительницей думского большинства», — говорилось в кадетском отчете, написанном уже спустя несколько месяцев после описываемых событий. «День 21 июля, — указывалось в другом месте, — принес фракции еще одну победу, которой она может гордиться», — она не только вошла в военно-морскую комиссию, «но и дала ей своего председателя» [126].

Дальнейшие этапы образования «Прогрессивного блока» достаточно подробно описаны в литературе [127], поэтому мы остановимся на них лишь в той мере, в какой это необходимо для целей настоящего исследования.

Началом формальных переговоров по образованию блока кадетский отчет называет 6 августа, когда на заседании совета старейшин встал вопрос о дальнейшем ходе думских работ. Этот вопрос был вызван желанием многих депутатов скорее закончить сессию. После принятия законопроектов об Особом совещании и подоходном налоге, считали они, Думу можно снова распускать. Многие депутаты начали разъезжаться явочным порядком, и перед лидерами «центральных фракций» встала реальная угроза потери кворума и, следовательно, прекращения сессии де-факто.

В. С. Дякин, ссылаясь на «Русские ведомости», разъезд депутатов (к 5 августа, по сведениям газеты Рябушинского, взяло отпуск уже 80 человек) расценивает как результат сознательной акции националистов и осо-

бенно октябристов, взявших курс на прекращение занятий Думы [128]. Но этому противоречит тот факт, что 6 августа совет старейшин собрался именно для того, чтобы заявить о необходимости длительной сессии. На наш взгляд, дело обстояло проще: депутаты-помещики торопились в свои имения в связи с разгаром полевых работ, демонстрируя таким образом степень и уровень своей «патриотической тревоги» [129].

Что же касается заседания 6 августа, то все ораторы, как указывает кадетский отчет, начиная от кадетов и кончая националистами, решительно высказались за длительную сессию. Только представитель «левых» октябристов С. И. Шидловский присоединился к общему мнению после некоторых колебаний по причинам, которые в отчете не названы. Итоги совещания отчет оценивал следующим образом. Милюков, резюмируя прения, заявил, что поскольку «крайние фланги» (т. е. крайние правые, с одной стороны, социал-демократы и трудовики — с другой) выступают против «единения» и общей программы, тем самым устраняя себя от возможного соглашения, то «пределы этого соглашения очертились. . . сами собой. Заседание совета старейшин 6 августа есть день рождения „Прогрессивного блока“» [130].

После этого заседания темп дальнейших переговоров ускорился. 9 августа состоялось частное совещание думцев на квартире Родзянко, где «произошло окончательное соглашение думских фракций на законодательной программе фракции Народной свободы, с небольшими изменениями и дополнениями». На другой день состоялась их первая встреча с членами Государственного совета, сочувствовавшими идее блока.

Спустя два дня, 12 августа 1915 г., на втором заседании была избрана комиссия из 9 человек (председатель — член Государственного совета бар. В. В. Меллер-Закомельский; члены Государственного совета В. И. Гурко, Д. Д. Гримм, кн. А. Д. Оболенский и гр. Д. А. Олсуфьев; члены Думы П. Н. Милюков, Н. А. Ростовцев, А. И. Савенко, С. И. Шидловский), поровну от Думы и Государственного совета (не считая председателя), представлявшая все оттенки мнений, для выработки окончательного текста соглашения. 14 и 15 августа комиссия выработала порученный ей документ, а 17 августа состоялось общее собрание участников соглашения, на котором он подвергся обсуждению. 19 августа, на втором собрании, было решено не медлить и передать проект соглашения на обсуждение фракций. 22 августа состоялось последнее заседание, на котором были подведены итоги опроса фракций, ограничившихся мелкими поправками.

25 августа, во время заседания Думы, документ был подписан. Подписали: от «прогрессивной группы националистов» — гр. В. А. Бобринский, от фракции «центра» — В. Н. Львов, от земцев-октябристов — И. И. Дмитрюков, от «левых» октябристов — С. И. Шидловский, от прогрессистов — И. Н. Ефремов и от кадетов — П. Н. Милюков. К программе блока особым письменным заявлением присоединилась и часть членов Государственного совета (так называемые группа центра, кружок внепартийного объединения, академическая группа с примыкавшими к ней беспартийными). От их имени заявление подписали бар. Меллер-Закомельский и Гримм [131]. Таким образом, 25 августа 1915 г. стало днем окончательного оформления блока.

Программа, или декларация блока является основным документом, на основании которого можно судить о его классово-политическом характере. Даже беглого взгляда достаточно, чтобы увидеть, что декларация состоит из двух разнородных как по своему содержанию, так и по степени значимости частей, оставляя впечатление, что обе части неорганичны, состыкованы более

или менее искусственно, что вторая, бóльшая по размеру часть, представлявшая собой перечень «реформ», является как бы привеском по отношению к первой, краткой и главной части, где речь идет о «министерстве доверия». Центральный тезис был сформулирован в следующих словах: во имя победы необходимо «создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы» для «строгого проведения начала законности в управлении», устранения двоевластия (военной и гражданской властей) в невоенных вопросах, «обновления» местной администрации, «разумной» политики, направленной на сохранение «внутреннего мира между национальностями и классами».

Что касается собственно программы, то она требовала частичной, очень куцей амнистии, возвращения административно высланных по политическим и религиозным мотивам, прекращения преследований за веру, автономии Польши, «вступления на путь отмены ограничений в правах евреев», «примирительной политики» в отношении Финляндии, «восстановления» профессиональных союзов и рабочей печати.

Вторая часть программы перечисляла законопроекты, по поводу которых должно состояться соглашение правительства с Думой относительно их «скорейшего проведения». Сюда вошли все законопроекты, имевшие «ближайшее отношение» к национальной обороне, снабжению армии, обеспечению раненых и т. п., и законопроекты общегражданского порядка: уравнение крестьян в правах с другими сословиями, введение волостного земства, изменение Земского и Городового положений 1890 и 1892 гг., введение земства на окраинах и другие аналогичные пункты [132].

Бросается в глаза, что именно правая часть блока — прогрессивные националисты и «центр» — считала важным и нужным подчеркивать неоднозначность двух указанных частей декларации: важность первой и второстепенность второй.

Все в «великой хартии блока» (кроме пункта, касающегося евреев) было, с точки зрения Шульгина, «просто безобидным»: «уравнение крестьян в правах» — вопрос, предрешенный еще Столыпиным; «пересмотр земского положения» — тоже давно назревший за «оскудением» дворянства, вполне вегетарианское «волостное земство»; прекращение репрессий против «малороссийской печати»... «автономия Польши... Вот и все». Но, писал он дальше, было «еще нечто», что действительно имело важное значение: «Это нечто заключалось в требовании, чтобы к власти были призваны люди, облеченные общественным доверием». На этом все и разыгралось... «Все „реформы" прогрессивного блока в сущности для мирного времени... кого интересует сейчас „волостное земство"? Все это пустяки. Единственно что важно: кто будет правительством?» [133].

Из контекста видно, что все эти «пустяки» были включены в «великую хартию», как иронически называет программу блока Шульгин, что уже само по себе характеризует его отношение к ней, исключительно в угоду кадетам (и отчасти прогрессистам), в качестве *уступки* либералам [134].

Показательно, что большинство министров расценивали программу блока точно так же, как и Шульгин. Как заявил, в частности, С. Д. Сазонов на заседании Совета министров 26 августа 1915 г.: «...пять шестых программы блока могут быть включены в программу правительства». На заседании 28 августа, на котором был заслушан отчет П. А. Харитонова о его переговорах с руководителями блока, министр внутренних дел Н. Б. Щербатов также

пришел к выводу, что программа блока «в значительной степени приемлема и только в отдельных вопросах расходится с правительственной точкой зрения» [135]. Как свидетельствует Милюков, во время переговоров «блокистов» с Харитоновым последний также заявил, что пять шестых программы блока для правительства приемлемы, хотя и добавил, что этот вопрос должен решать царь [136].

При политическом компромиссе, как известно, уступки делаются не в одностороннем порядке, а на взаимной основе. Собрат Шульгина по фракции и блоку Савенко, отвергая упреки Маркова 2-го в «измене» национализму, говорил: «Да, действительно, в трудную минуту для нашего отечества центральные группы и фракции пошли на *взаимные* уступки, пошли на компромисс ... и сумели достичь соглашения, необходимого для нашего отечества», — образовали «Прогрессивный блок» [137].

Гр. Д. А. Олсуфьев, выступление которого на XII дворянском съезде мы уже цитировали, с похвальной откровенностью объяснял своим собратьям, что представляет собой «Прогрессивный блок» с точки зрения правых и, следовательно, «объединенных дворян». «Не могу достаточно нарадоваться тому, — говорил граф, — что одна из самых могущественнейших в смысле влияния на русскую умственность (т. е. на интеллигенцию. — *А. А.*) могущественнейшая партия, в руках коей вся пресса... (*голос:* Еврейская!)... она, так сказать, вся отошла от левого фланга, как было в японскую войну». Он понимает — уважаемых коллег приводит в некоторое смущение программа блока. Но это недоразумение. «Кто ее составлял, тот понимает, что программа эта ровно ничего не значит. Неужели вы считаете, что это есть программа кадетской партии?» Ничего подобного — это «случайная программа». Охарактеризовав ее по пунктам, граф заключил свой разбор словами: «Программа блока, по-моему, просто, извините, плюнуть и растереть — сегодня такая, завтра другая, прямо не серьезная».

Подлинная суть блока в другом, а именно в том, что в него вошли (в смысле полного сочувствия блоку) Государственный совет, Дума, Синод с высшим духовенством, Рябушинские, «вся русская буржуазия с миллионными капиталами, вошли все городские организации, организации рабочих (т. е. рабочая группа при ЦВПК. — *А. А.*)». «Повторяю, — говорил гр. Олсуфьев далее, — Дума (т. е. блок. — *А. А.*). архиумеренная, и мое глубокое убеждение, что вы в России более умеренной Думы не соберете... Теперешняя Дума это то же, что губернское земское собрание...». Если в правительство войдет Шингарев министром финансов, «я нисколько не испугаюсь». Сам бы назначил. Милюкова же назначил бы товарищем министра иностранных дел, а министром «кого-нибудь почище. (*Бурные аплодисменты*). Эти мои слова, — испугавшись столь бурной реакции на свою откровенность, поспешил добавить оратор, — за эти стены не выйдут... Я вовсе не хочу сказать больше... Я уважаю Милюкова, я просто говорю по-домашнему» [138]. Следует напомнить, что все это говорилось в начале декабря 1916 г., т. е. тогда, когда блок, и прежде всего кадеты, уже продемонстрировал, в силу создавшейся критической обстановки в стране, максимум своей оппозиционности. Мы «не ошиблись», пойдя на соглашение с кадетами, пояснял другой активный участник блока — В. Н. Львов. Этим шагом мы оторвали, «несомненно, революционную партию кадет от революционного движения... от их лозунга — ответственного министерства» [139]. Из последних слов видно, что для лидера «центра» революционность и требование «ответственного министерства» были понятиями равнозначащими.

Отвечая националисту П. А. Сафонову, обвинявшему отколовшихся «прогрессивных националистов» за присоединение к программе, — о которой сам их лидер гр. Бобринский вначале заявил, что она «заставит всю Россию взяться за животики от смеха, потому что, действительно, смешно введением земств на окраинах, реформой волостного земства остановить наступление немцев», — Шульгин парировал этот упрек следующим образом. Да, действительно, гр. Бобринский так сказал, когда программа была предложена для обсуждения (не вся, а именно ее законодательная часть, пояснил он), и «другие» в ответ «рассмеялись и даже насмехались», и «мы долго не понимали... какое имеет отношение к войне волостное земство... Но когда мы выслушали до конца, то мы поняли».

Как же поняли националисты кадетов? «Мы сейчас стоим перед союзом одной части общества — *консервативной* — с другой — либеральной», — пояснял Шульгин. И консерваторы поняли, что за свою готовность идти на такое полное и безоглядное соглашение с ними либералы должны получить хотя бы видимость уступок. «Они с открытым сердцем пришли к нам и спросили, можем ли мы это (к девизу правых „за веру, царя и отечество" прибавить слова „за свободу". — *А. А.*) сделать или нет». В ответ им было сказано: «Нас радует, что вы ставите вопрос *не так*, как ставится он обыкновенно». Обычно говорят, дайте нам свободу и мы победим, «а вы ставите вопрос иначе, вы говорите: „Дайте нам победить, но дайте нам победить *с мыслью* о свободе"». В таком случае — «идем вместе, и поставим вместе *известные вехи*...». «Но, — пояснял далее Шульгин, — мы были *осторожны*. Мы не могли идти очень далеко» [140].

Если перевести все эти велеречивые «мы их поняли», «мысль о свободе» и т. п. на политический язык, то смысл их совершенно определенен: мы, консерваторы, поняли; что кадеты не могут пойти на соглашение, если они не получат хотя бы *видимость* уступок, ибо это грозит им политическим самоубийством, и поэтому было бы глупо и недальновидно такого шага не сделать. Одним словом, Шульгин в Думе деликатно говорил то же самое, о чем прямо и грубо разглагольствовал гр. Олсуфьев на дворянском съезде.

На какие же уступки пошла другая, кадетская сторона? Уже из всего сказанного ясно, что кадеты получили свое «волостное земство» и прочее в обмен на отказ от лозунга «ответственного министерства» и замены его лозунгом «министерства доверия». Даже если верить Милюкову, утверждавшему, что авторами последнего также были кадеты, то это всего навсего означает, что *правое изделие* было предложено публике в *кадетской упаковке*.

В нашей литературе сложилось представление, что главная суть лозунга «министерства общественного доверия» состояла в образовании правительства целиком или преимущественно из «общественных деятелей», т. е. в первую очередь из думских депутатов-блокистов и представителей Земского и Городского союзов. В доказательство обычно ссылаются на опубликованные газетой «Утро России» (13 и 14 августа 1915 г.) двух вариантов состава «кабинета обороны», который должен был прийти на смену правительству Горемыкина. Здесь перечислялись такие деятели (в сочетании с определенным ведомством, которые они должны возглавить), как М. В. Родзянко, А. И. Гучков, Н. В. Савич, П. Н. Милюков, А. И. Шингарев, В. Н. Львов, В. А. Маклаков, А. И. Коновалов и др., а также настоящие и бывшие министры — А. В. Кривошеин, А. А. Поливанов, П. Н. Игнатьев, С. С. Манухин,

В. Н. Коковцов и др.[141] Иными словами, «правительство общественного доверия» означало *вотум недоверия* правящей бюрократии, требование отстранения ее от власти (за исключением нескольких человек из ее среды, сохранивших «доверие» Думы и «общественности»).

В действительности центр тяжести «министерства доверия» состоял не в его партийном составе, а в идее, выраженной в словах: «правительство национальной обороны». Тот же Шульгин всячески подчеркивал, что главное содержание не только «министерства доверия», но и самого блока — это «национальная оборона», т. е. война до победы. Отвечая Маркову 2-му, назвавшему «Прогрессивный блок» *желтым* блоком (от смешения «промежуточных» цветов «между черным и красным» [142]), Шульгин говорил: неправда — «блок трехцветный: в нем одна полоса красная, другая синяя и третья белая (т. е. он тех же цветов, что и государственный флаг России. — *А. А.*), и другого знамени, кроме трехцветного, и не может быть над „блоком национальной обороны"!».

Как указывается в стенограмме, этот ответ лидеру черносотенцев вызвал «*бурные и продолжительные рукоплескания в центре, в правой части левой и в левой части правой*» [143]. Год спустя Шульгин счел нужным еще раз заявить: сколько бы «медный всадник» (прозвище Маркова 2-го. — *А. А.*) ни называл блок «желтым», он трехцветный — бело-сине-красный, «он национальный, он русский!» [144]. На XII съезде «объединенных дворян» Гурко подчеркивал: «Прогрессивный блок» — это прежде всего «военный блок» [145].

Для победы в войне необходимо было компетентное правительство, и именно это конкретное содержание вкладывалось в формулу «министерство доверия». Главный мотив его образования сводился к одному слову: компетентность. Дума и «общественность» хотели всего-навсего, чтобы во главе министерств и ведомств стояли люди, знающие свое дело и честно это дело исполняющие. Они хотели покончить с «цензом некомпетентности», как тогда говорили, когда речь заходила о тех или иных высоких назначениях. Но особенность сложившейся ситуации состояла в том, что это элементарное, совершенно очевидное (особенно во время войны) требование, само по себе не политическое, приобрело резкое политическое звучание, стало *главным* содержанием политической борьбы между Думой и «обществом», с одной стороны, верховной властью — с другой. Иными словами, требование «министерства доверия» означало требование ликвидации «министерства недоверия», т. е. правительства, которое формируется в угоду императрице, за которой стоял Г. Е. Распутин. Короче говоря, лозунг «министерства доверия» и требование ликвидации «личных влияний» на высшую политику были двумя сторонами одной медали.

Эту мысль очень четко выразил В. А. Маклаков на заседании Думы 1 августа 1915 г., т. е. еще до формального образования блока, при обсуждении законопроекта об учреждении Особого совещания по обороне. Нет сомнений, говорил он, что Совещание будет создано — ход прений не вызывает в этом никаких сомнений. Но, как ни важно образование такого органа, ни Думе, ни правительству не надо забывать, что само по себе это дело второстепенное. Успех дела «будет больше всего и прежде всего зависеть от выбора того лица, которое во главе этого дела будет поставлено». И вот тут-то мы подходим «к самому больному месту нашей государственной жизни: к вопросу о личных назначениях, ибо ни для кого не тайна, что, к несчастью, Россия это — классический пример государства, где так многие не на месте». К несчастью, у нас преуспевают главным образом «люди

услужливые... умеющие угадывать настроение и, говоря грубо, держать нос по ветру.

А попадают в опалу, остаются не у дел все те люди, которые имеют характер и волю, которые значат то, что не значат их назначающие. Мы дошли до того, что быстрая, блестящая карьера стала минусом для человека, ибо, когда мы видим такую карьеру, мы знаем, что за ней скрывается не дарование, не заслуги, а нечто другое: покладистость, угодливость, протекция и фавор». Страна, ведя войну, жертвует многим, и поэтому она вправе требовать этого и от власти — чтобы она оказалась «выше симпатий и антипатий» и руководствовалась только одним лозунгом: «Настоящий человек на настоящем месте». Поясняя эти слова, Маклаков говорил: надо, чтобы власть была передана в надежные руки, людям, которых «и не запугаешь», и не подкупишь... лаской, сохранением портфеля и всем тем, что соблазняет правительство. (*Бурные рукоплескания слева, в центре и на отдельных скамьях справа.*)» [146].

В этих словах и была полностью выражена вся суть лозунга «министерства доверия»: правительство должно состоять из людей независимых и знающих дело.

При таком подходе вопрос о партийной принадлежности министров будущего «кабинета обороны» отходил на задний план. Вопрос ставился для блокистов и «общественности» именно так — подходит или не подходит данный кандидат на тот или иной министерский пост по своим *личным* качествам, а остальное — кадет он, или правый, или даже бюрократ — не имеет серьезного значения. В этом легко убедиться, когда сравниваешь обращавшиеся в Думе, Государственном совете, Земском и Городском союзах варианты состава «министерства доверия». Так, например, в трех списках, приводимых Е. Д. Черменским, кадеты предлагали в премьеры кн. Г. Е. Львова, октябристы — А. И. Гучкова, а Государственный совет — кн. Н. Б. Щербатова. Казалось, политические симпатии и антипатии стоят на первом месте. Но из дальнейшего сравнения видно, что они имели второстепенное значение: П. Н. Милюков — в качестве министра иностранных дел, П. Н. Игнатьев как министр просвещения и А. И. Шингарев в роли министра финансов фигурируют и в кадетском списке, и в списке Государственного совета. В. Н. Львов в качестве обер-прокурора Синода и А. И. Коновалов как министр торговли и промышленности названы во всех трех списках и т. д.

В. В. Шульгин считал, что власть совершила ошибку, не пойдя в 1915 г. на создание чисто кадетского министерства. «...Раз они теперь — патриоты, то пусть бы составили кабинет. Боятся, что они будут слишком либеральны? Пустяки: on vu des redicaux ministres, on ná jamais vu des ministres redicaux (бывали радикалы, которые становились министрами, но никогда не бывало министров, которые были бы радикалами. — *фр.*).

Сего не поняли, кадетов отвергли, и вот уже больше года тянется „это“...» [147].

Выше уже приводились слова гр. Олсуфьева о том, что он нисколько бы ни убоялся, если бы министром финансов был назначен Шингарев. До этого он ссылался на пример Бриана, сообщив «объединенным дворянам», что сам царь говорил ему, Олсуфьеву, о Бриáне и Томá как о талантах, и о Ллойд-Джордже — «демократ, вышедший из низов, архисоциалист (?)», а кого набирает в правительство? Лордов, маркизов, графов. Характерно, что вся эта тирада представляла собой ответ на вопрос, как относиться к Милюкову [148].

Показательно, что на первом совещании по вопросу о создании «Прогрес-

сивного блока» сразу в качестве главной задачи встал вопрос о характере будущего «министерства доверия», о том, каким оно должно быть. «Какое правительство? Бюрократическое или общественное?» — сформулировал главную цель совещания Крупенский. Эстафету тут же подхватил Гурко: «Наша *общественная власть должна обладать исключительной силой*... Это сильная власть — власть *лиц, а не учреждений и законов*. Дело в *некоем* лице, которое возьмет полную ответственность и *выберет себе лиц* (т. е. министров. — *А. А.*)». «„Ответственный", „полуответственный", — говорил он далее, — вопросы теории, единственно, что нас может объединить... поставить у руля управления подходящего человека».

Ему вторил А. Д. Оболенский: «Нужна власть, которой бы *верили*». То же говорил и И. И. Дмитрюков: «Нужна реформа власти». Когда кадеты заговорили о необходимости выработки программы, волостном земстве и прочем, И. Н. Ефремов заявил: не о программе надо говорить, «а надо вернуться к *смене правительства*». Программа — дело второстепенное, производное от главного вопроса о власти, настаивал Гурко, выступая вторично: «*Правительство* проведет реформу — это приложится, вопрос о правительстве объясняет (в смысле решает) вопрос [и] о программе» [149].

Как же мотивировали стороны свое согласие на компромисс в виде «Прогрессивного блока»? На что они рассчитывали, идя на такой компромисс?

Что касается правых, то, как было показано, союз с кадетами им представлялся настоятельно необходимым. Почему же они совершили поворот, на который не хватило в свое время пороха октябристам?

Вопрос этот тем более уместен, что правые могли создать думское большинство на лозунге «кабинета обороны» и без кадетов: крайние правые и националисты-балашовцы, как показывают факты, изъявляли к этому полную готовность. Марков 2-й в своих выступлениях в Думе летом 1915 г. очень охотно говорил о необходимости «деловой» критики правительства. Настроение Пуришкевича было очень близко к настроению Олсуфьева, Гурко и др. На упомянутое выше совещание 9 августа у Родзянко явились под конец П. Н. Балашов и Д. Н. Чихачев, предложившие взамен наметившегося «Прогрессивного блока» создать свой блок под названием «Информационное бюро» из правых и «центра» обеих палат. Но эта идея не только не встретила поддержки октябристов и «центра», но и части националистов. Именно она явилась причиной раскола фракции националистов, ухода из нее «прогрессивных националистов» [150].

Более того. За знаменитую формулу 20 июля, требовавшую власти, которая опиралась бы на «народное доверие», т. е. того, на чем был создан блок, голосовали *все правые, включая крайних правых вместе с Марковым 2-м и Замысловским*. Против нее голосовали только социал-демократы. Когда Савенко напомнил об этом спустя полгода (на заседании Думы 29 февраля 1916 г.) Маркову 2-му, последний вынужден был заявить: «Да, это была ошибка: не следовало правым примыкать к этой формуле, в которой была скрыта эта мысль о министерстве общественного доверия» [151]. Утверждение, что он, Марков 2-й, и его соратники не поняли вначале истинного характера формулы, звучит более чем нелепо. Подлинная суть состояла в том, что вначале крайние правые, равно как и балашовцы, не исключали для себя возможности вхождения в блок.

Тот же Савенко говорил: «Здесь ополчаются на лозунг министерства

общественного доверия, но я спрошу вас, гг., кто и когда провозгласил этот лозунг?». Его приписывают большинству, образовавшемуся 25 августа, «но это неверно: этот лозунг был провозглашен раньше, он был провозглашен 19 июля 1915 г. с этой кафедры... в день открытия сессии Государственной думы, и провозглашен он был правым крылом Государственной думы в формуле фракции националистов, тогда еще единой» [152].

Мы уже приводили заявление Олсуфьева на дворянском съезде о его радости по поводу того, что партия, оказывающая решающее влияние «на русскую умственность», благодаря мудрой тактике правых, отошла от левых, и аналогичное высказывание Львова о том, что они, правые, оторвали кадетов от революционного движения. В переводе на более точный язык эти высказывания означали, что правые заключили с кадетами союз на максимально выгодной для них основе — *контрреволюционный союз на базе политического status quo.*

Много лет спустя Милюков, прокручивая еще раз перед своим умственным взором ленту минувших событий, писал: «Создание и судьба прогрессивного блока составляют, несомненно, отдельный эпизод в истории развития предреволюционных настроений. Его политический смысл заключался в последней попытке найти мирный исход из положения, которое с каждым днем становилось все более грозным». Иными словами, задача блока состояла в том, чтобы локализовать недовольство масс стенами Думы, не дать ему перейти в революцию. «...Это было то, — указывал Милюков, — чего прогрессивный блок хотел избежать» (т. е. революции. — *А. А.*) [153].

Подытоживая деятельность и роль блока, В. В. Шульгин писал: прошло уже больше года и «революция до сих пор еще не разыгралась. Раздражение России, вызванное страшным отступлением 1915 г., действительно удалось направить в отдушину, именуемую Государственной думой. Удалось перевести накипавшую революционную энергию в слова, в пламенные речи и в искусные звонко звенящие „переходы к очередным делам". Удалось подменить „революцию", т. е. кровь и разрушение, „резолюцией", т. е. словесным выговором правительству...» [154].

Как показали события, вскоре последовавшие за этим рассуждением, Шульгин ошибся: революцию в резолюцию перевести не удалось. Но смысл и назначение «Прогрессивного блока» он охарактеризовал абсолютно точно. Из приведенных слов видно, в чем состояла роль кадетов в блоке: они имитировали в Думе голос народа и армии. Без них все эти «звонко звенящие переходы», даже если бы правые и октябристы овладели кадетской словесностью, произнесенные только от их имени, ничего бы не стоили в смысле резонанса в стране, охваченной глубоким революционным кризисом.

Война, указывал В. И. Ленин, создала революционную ситуацию в воюющих странах Европы. «Революционная ситуация в большинстве передовых стран и великих держав Европы — налицо» [155]. Россия не составляла исключения: «В настоящее время в России, — писал В. И. Ленин в другом месте, — явно растет революционное настроение в массах» [156].

В условиях военного разгрома, дезорганизации тыла, роста дороговизны и т. д. этот процесс шел все более убыстрявшимся темпом, ускоряя, в свою очередь, кризис «верхов». Особенность этого кризиса, помимо всего прочего, состояла в том, что война, ее гигантские масштабы, совершенно не сравнимые с прежними войнами, заставляли правительства воюющих стран непосредственно обращаться за поддержкой к массам, что уже само по себе создавало для них взрывоопасную обстановку, особенно в России, где

пропасть между народом и властью была исключительно велика. «Все правительства, — писал по этому поводу В. И. Ленин, — живут на вулкане, все апеллируют *сами* к самодеятельности и героизму масс» [157].

Совершенно очевидно, что к сколько-нибудь эффективной апелляции не способно было не только царское правительство, но и правооктябристская часть Думы, полностью оторванная от широких народных масс. Как отмечалось, единственной политической силой, стоящей на почве *контрреволюции*, которая еще обладала какими-то возможностями апелляции к массам и армии, были кадеты. Во всяком случае, лучших сил в этом плане в распоряжении думского большинства не было и ему не оставалось ничего иного, как обратиться с предложением «руки и сердца» к Милюкову и Шингареву. Кадеты были тесно связаны с Земским и Городским союзами, которые, в свою очередь, приобрели довольно прочные позиции в армии, имели опыт «демократической» демагогии, обращенной к «городской демократии» (как они любили выражаться), задавали тон в прессе, выше своих собратьев справа стояли в организационном отношении и т. д. Все это в сложившихся условиях предрешило позицию правых.

Но правые хотели гарантий. Одна была кадетами дана 26 июля 1914 г. и подтверждена в январе 1915 г. Теперь они получили другую, еще более существенную — открытый отказ от центрального лозунга кадетской программы — «ответственное министерство», равносильный отказу от названия конституционно-демократической партии, ибо принципиальный водораздел, который отделял кадетов не только от правых, но и от октябристов, с точки зрения обеих сторон состоял в этом лозунге, означавшем принцип «парламентаризма» в западно-европейском смысле слова.

Для правых (и октябристов) важна была прежде всего именно *публичность* этого отказа, открытое заявление о нем, ибо этим шагом кадеты сжигали за собой все мосты, отрезали все пути к отступлению и разрыву с блоком.

Мотивы и расчеты кадетского руководства были отчетливо выражены на июньской конференции 1915 г. При этом важно подчеркнуть, что оно меньше всего хотело кадетского или даже кадетско-октябристского министерства. Выступая с тактическим докладом, Милюков указал, что главным препятствием к «согласной деятельности» Думы и власти и источником дезорганизации является «*данный* состав правительства». Доказывая затем необходимость отказа от лозунга «ответственного министерства» и замены его лозунгом «министерства доверия», кадетский лидер далее пояснял: будущее правительство не только не должно быть «ответственным», но и «коалиционным». Понятие «коалиционное» имеет в виду «коалицию равноправных партий», привыкших меняться местами то в роли правительства, то — оппозиции. В России же противостоят друг другу правительство и оппозиция, «бюрократы и общество». Коалиция этих двух сил будет целиком в пользу первого элемента, потому что бюрократия опирается на огромный государственный аппарат.

Мысль эта была абсолютно верной, и, казалось, вывод из нее был очевиден. Но кадетская логика имела свои особенности. Сказанное, продолжал Милюков, отчасти относится и к понятию «министерство общественных деятелей», т. е. правительство, целиком составленное из представителей «общественности». Во-первых, «не всякий общественный деятель может заслужить доверие общества». Во-вторых, «нельзя отрицать возможности призвания бюрократа, который способен заслужить доверие общества».

Поэтому, требуя просто «министерства доверия», «мы тем самым не ставим формальных требований, *не навязываем определенных людей. . .*». Те, кто должен уйти, пусть уйдут, «те, кто их заменит, пусть *именем и деятельностью* заслужат общественное доверие!» [158]. Не нужно большого глубокомыслия, чтобы понять, что Милюков клонил к правительству из бюрократов типа А. А. Поливанова, П. Н. Игнатьева, А. В. Кривошеина и др., имена и деятельность которых уже заслужили «доверие» Думы и «общественности» [159].

В тезисах, предложенных Милюковым по его докладу, и в проекте резолюции ЦК по вопросу о политическом положении эта идея проступала еще более явственно. В тезисах выдвигалось требование удаления «членов кабинета, заслуживших справедливое недоверие страны, и замену их лицами, *способными восстановить доверие к власти*». Резолюция считала необходимым «*обновление* состава кабинета, обеспечивающее правильную организацию тыла войны, соблюдение внутреннего мира в стране и тесное сотрудничество правительства и общества. . .» [160]. Совершенно очевидно, что такие требования могли быть адресованы только правительству, состоящему из бюрократии, потому что к кабинету «общественных деятелей» такие призывы были бы просто излишни.

Еще больше подлинный смысл требования «министерства доверия» обнаружился во время прений. Сейчас «не только нельзя требовать установления ответственного министерства, но надо идти на помощь этому негодному правительству. . ., — решительно заявил В. А. Маклаков. — Единственное правительство, которого нужно сейчас добиваться, — это правительство „народной обороны“». «Думать о захвате власти, об амнистии и т. п. сейчас нельзя», — вторил ему А. Ф. Бобянский. Созыв Думы надо осуществить так, чтобы «не отпугнуть правительство». Отечество в опасности, вещал Родичев, «при таких обстоятельствах, если бы спасителем являлся Марков 2-й, надо бы и его поддержать». Требование к власти должно быть одно: «Дайте людей, которым страна могла бы верить». Еще более ясно и категорично выразился Н. А. Герасимов (член ЦК). «Что касается смены министерства, — подчеркнул он, — то, конечно, не о кадетском министерстве сейчас может идти речь, а хотя бы только об элементарно честном правительстве, которое способно было бы поддержать столь необходимый теперь внутренний мир».

В заключительном слове Милюков вновь доказывал несвоевременность лозунга «ответственного министерства» и необходимость замены его требованием «министерства доверия» [161].

Кадетский отчет, повторяя софизмы Милюкова о том, что не всякий общественный деятель хорош, равно как не всякий бюрократ плох, заканчивался характерным признанием: ко всем плюсам, который дает лозунг «министерства доверия», надо прибавить еще один: его «бóльшая достижимость» (в сравнении с «ответственным министерством») и соответствие с кличем: «не торговаться с властью» [162].

Уже из сказанного видно, что вся тактика кадетского руководства была нацелена на то, чтобы потрафить правым, продемонстрировать им свою полнейшую лояльность и готовность к сотрудничеству. Эта готовность была настолько велика, что Маклаков, выражая настроение ЦК, требовал от участников июньской конференции, чтобы они не связывали фракцию никакими директивами, предоставили бы ей полную свободу рук на предстоящей думской сессии. «Итак, — резюмировал он, — не стесняйте нас

указанием, что „армия желает ответственности министров. . .“». Сущность этого пожелания состоит в том, что армия просит о помощи и эту помощь ей надо оказать, «забывая для этого, если понадобится, даже чистоту нашей программы». Как добиться министерства «„народной обороны“ — предоставьте обстоятельствам, не связывая заранее готовыми решениями» [163].

Показательна для выяснения мотивов и расчетов кадетского руководства его полемика с прогрессистами. Прогрессисты, как уже нам известно, требовали «ответственного министерства». Стремясь загнать своих соседей слева в угол, они в конце концов выдвинули такой довод: полностью присоединяемся к формуле «министерства доверия» по существу и по форме, только просим добавить к ней слова — «ответственное перед Думой». Спор идет только о словах, притом о *ваших* словах, поэтому вы, кадеты, не имеете никаких оснований для отказа. Но кадеты отказывались наотрез, и довод, который они выдвинули, был настолько искусствен, что еще более разоблачал истинную подоплеку их отречения от собственного программного лозунга.

Еще до войны в качестве политической программы-минимум Милюков выдвинул тезис о «трех замка́х», которые необходимо открыть в первую очередь: изменение избирательного закона в Думу, реформа Государственного совета, «ответственное министерство». Теперь, полемизируя с прогрессистами, он проводил ту мысль, что нельзя осуществить лозунг «ответственного министерства», оставляя в неприкосновенности остальные два «замка́». Вся трехчленная операция должна быть осуществлена одновременно, в противном случае может оказаться, что «ответственное министерство», будь оно осуществлено, станет опираться на правое большинство Думы, и благо, таким образом, обернется во вред. «Провести одну только „ответственность“, — указывал Милюков еще до созыва Думы, в докладе на кадетской конференции в июне 1915 г., — значило бы снять один из трех «замко́в», не трогая остальных двух: лучше сказать, такая единичная реформа при противоречащей ей политической обстановке просто была бы невозможна. Достаточно представить себе, чем было бы ответственное министерство при правом большинстве IV Государственной думы» [164].

Несостоятельность этого довода очевидна, поскольку «министерство доверия» в принципе могло также быть создано на правой основе. Мы уже указывали на попытку Балашова. Не было также никаких гарантий, что подобная комбинация не могла осуществиться в будущем.

Кроме того, создание правого «ответственного министерства», несомненно, усилило бы борьбу в стране за снятие второго «замка́» — изменение избирательного закона 3-го июня, — поскольку в таком случае противоречие между этими двумя компонентами выглядело бы особенно нетерпимым.

Дело, повторяем, было именно в публичном отказе кадетов от своего программного лозунга. «Я был для „блока“, — признавал много лет спустя Милюков, — так сказать, пределом возможных для этой Думы достижений (в смысле сдвига влево. — *А. А.*) и границей против дальнейших угроз». Выражением этих «угроз» и был указанный лозунг. Формула прогрессистов об «ответственном министерстве», пояснял Милюков далее, означала парламентаризм, «на который заведомо не могли пойти ни верховная власть, ни правые части блока» [165]. «Лозунг . . . ответственного министерства при данной конъюнктуре, — решительно заявил Маклаков на июньской конференции, — является лозунгом революционным. . .» То же говорил и Бобянский: «Надо принять во внимание, что для нынешнего правительства

(и, следовательно, правых. — *А. А.*) такие лозунги, как амнистия и ответственность министерства, звучат как начало революции» [166].

Но дело обстояло не совсем так. Есть основания предполагать, что правые, получив вексель от кадетов в виде отказа от лозунга «ответственного министерства», рассчитывали продолжить союз с ними и в послевоенный период на базе лозунга... «ответственного министерства». Дело в том, что требование «министерства доверия» исходило из общей для всего контрреволюционного лагеря идеи, которая была выражена в форме английской поговорки, гласившей, что «лошадей не перепрягают во время переправы» (т. е. не меняют коренными образом порядки во время войны). Именно эту поговорку привел Милюков, отвергая лозунг «ответственного министерства» [167]. Отсюда следовало, что когда «переправа», т. е. война, закончится, настанет не только время, но и необходимость «лошадей перепрячь».

В среде и правых и либералов в равной мере вплоть до конца 1916 г. преобладало убеждение, что в условиях войны революция невозможна, а серьезных народных волнений, связанных с разорением страны, демобилизацией, аграрным вопросом и т. д., следует ожидать именно после войны. В послевоенный период страна встанет перед такими серьезными и тяжелыми проблемами, что реформа — модернизация правительственной власти — станет совершенно неизбежной. Опыт войны убедил в этом не только кадетов, но и октябристов и правых (кроме крайних правых и черносотенцев). И было совершенно очевидно, что необходимая модернизация пойдет так или иначе по линии ответственности министров перед Думой и определенной либерализации избирательного закона в Думу, земства и т. д. Когда гр. Беннигсен, человек весьма правый, заявил с думской трибуны от имени земцев-октябристов, фракции, практически почти не отличавшейся от своих соседей справа, что после войны лозунг «ответственного министерства» станет их лозунгом, можно не сомневаться, что так думали и Шульгин, и Савенко и другие их правые соседи, вошедшие затем в «Прогрессивный блок». В противном случае граф просто не произнес бы этих слов. Так думала и та часть Государственного совета, которая присоединилась к блоку.

В цитированном выше письме от 22 августа 1915 г. Шульгин прямо писал: кадетские «проекты, на которые мы даем свое согласие, служат указанием того, что после победной войны мы пойдем в сторону расширения свобод» [168].

Более того, правые отлично сознавали, что лозунг «министерства доверия», несмотря на все клятвы и оговорки, фактически означает создание прецедента, первый шаг к «ответственному министерству», поскольку правительство должно быть таковым, каким его хочет видеть *Дума*. Не случайно поэтому крайние правые, устремляя взор в будущее, считали «министерство доверия» простым камуфляжем «ответственного министерства», умеренные правые, его сторонники, очень часто даже в официальных выступлениях ставили знак равенства между «доверием» и «ответственностью», говорили об обоих формулах как о синонимах. Поэтому прогрессисты в определенном смысле были правы, когда говорили, что спор у них с кадетами идет только о словах.

В этой связи возникает вопрос в некотором роде методологического характера: означало ли образование «Прогрессивного блока», смысл которого состоял в создании в Думе одного *большинства*, разрушение

третьеиюньской системы, основанной, как известно, на *двух* большинствах, или она продолжала существовать и после этого? Е. Д. Черменский, отвечая на этот вопрос, решительно заявляет: да, продолжала существовать. Несмотря на создание блока, указывает он, по всем актуальным вопросам политической жизни страны постановления Думы «принимались по-прежнему правооктябристским или октябристско-кадетским большинством. Но сохранение двух большинств — черносотенного и либерального — обусловило и продолжение политики думского бонапартизма, что было отличительной чертой третьеиюньской системы вплоть до свержения царизма». Выше Черменский в качестве доказательства (со ссылкой на Мельгунова) приводит «меткое выражение охранников» о том, что блок был «иллюзией единства думского большинства», и цитирует письмо депутата Думы кадета Н. А. Гладыша от 22 августа 1915 г. (т. е. еще до создания блока), в котором утверждалось, что, как только дело дойдет до реализации намеченной программы, блок «рассыплется как карточный домик» [169].

На наш взгляд, доказательство, приведенное Черменским, свидетельствует как раз об обратном. Не говоря уже о несостоявшемся пророчестве Гладыша и оценке «охранников», принимавших желаемое за действительное, основной факт состоял в том, что, *несмотря на все противоречия*, которые действительно не раз ставили блок под угрозу раскола, он тем не менее не только не распался, но полностью доминировал в Думе, определяя ее политику вплоть до Февральской революции 1917 г., именно как одно большинство.

Что же касается утверждения Черменского о том, что все важные решения Думы принимались либо одним, либо другим большинством, то оно не только не соответствует, но и не могло соответствовать действительности, поскольку это означало бы распадение блока. В том-то и состояла новизна ситуации, по сравнению с довоенной Думой, что, несмотря на внутренние трения и острые разногласия по тем или иным вопросам, все принципиальные формулы перехода, равно как и законопроекты, принимались именно блоком.

В силу сказанного не представляется правильным и утверждение Черменского, что правительство по-прежнему продолжало в Думе политику бонапартизма, т. е. лавирования между двумя большинствами, поскольку теперь оно имело перед собой всегда *одно* большинство.

Непреложный факт состоит в том, что до войны, в условиях мирного времени, несмотря на все усилия, октябристы, прогрессисты и кадеты (т. е. либеральное крыло Думы) не смогли образовать «Прогрессивный центр» как постоянное думское большинство и тем самым покончить с третьеиюньской системой как инструментом бонапартистского лавирования царизма, а *правые* и либералы в условиях войны создали большинство, оппозиционное правительству, причем инициатива и главная роль в этом объединении принадлежала именно правым, а октябристы просто послушно пошли за ними. Более того, нет сомнения, что если бы националисты и «центр» выступили бы против блока с кадетами, земцы-октябристы, на три четверти повернутые в правую сторону, также не пошли бы на соглашение с ними, как это уже было показано событиями предвоенных лет [170]. Это является еще одним доводом в пользу тезиса о том, что после войны не только либералы, но и правые встали бы на путь «парламентаризма» — продолжили бы существование блока в том или ином виде.

Создание «Прогрессивного блока» означало, что третьеиюньская система перестала существовать.

Следует отметить, что кадетское руководство, решив пойти курсом сближения с правыми, отдавало себе отчет в далеко идущих последствиях этого шага для судеб кадетской партии. (Именно этим объясняется, что конференция партии, где решался этот вопрос, обычно приурочиваемая к очередной сессии Думы, на этот раз была созвана задолго до нее — в начале июня 1915 г., причем в ней участвовало примерно 100 человек, — намного больше, чем на всех предшествующих конференциях периода III и IV Дум, и немногим меньше, чем было делегатов на VI съезде партии кадетов, проходившем в феврале 1916 г.) Спрашивается, почему Милюков, Шингарев и другие решились на такой, по сути дела «ва-банковый», с точки зрения перспектив влияния партии в демократических слоях народа, шаг, притом в обстановке развивавшегося и углублявшегося революционного кризиса в стране? Чем объяснить такую недальновидность, узкий прагматизм людей отнюдь не глупых и достаточно искушенных в политике, хорошо знакомых с историей революционного движения как в Европе, так и в собственной стране? Ответ на этот вопрос дал сам Милюков. «Прогрессивный блок» хотел избежать революции.

«Его политический смысл, — писал он, — заключался в последней попытке найти мирный исход из положения, которое с каждым днем становилось все более грозным». Опыт 1905 г. «был достаточен, чтобы снять с „революции" (кавычки автора. — *А. А.*) как таковой ее ореол и разрушить в моих глазах ее мистику. Я знал, что там — не мое место». Глубокая контрреволюционность кадетской партии — вот что лежало в основе ее крутого поворота вправо. Что же касается уроков истории, то Милюков спустя много лет после революции уверял, что он с ними считался: «Я все-таки был историком — и изучал историю общественных движений. Я не мог не знать, что в этих движениях проявляется динамизм, независимый от личной воли». А если не знал, то был опыт 1905 г., когда автор испытал «тщету своих личных усилий направить волевой поток революции в русло сознательного (т. е. либерального. — *А. А.*) использования» [171].

Почему же в таком случае кадетский лидер пошел на столь серьезный шаг? Ответ тот же — его выбор был обусловлен контрреволюционностью, сознанием, что «там» не его место. Эта контрреволюционность определяла всё, в том числе и «реализм» кадетского руководства, который на самом деле приводил к тактике иллюзий и самообмана. Выше уже отмечалось, что Милюков не верил в возможность новой революции в России. Эта уверенность была основана не на фактах, не на уроках истории (хотя Милюков уверял в обратном), а только на неприемлемости революции и революционных методов борьбы, т. е. на субъективном чувстве. Единственным источником вывода в том, что новый 1905 год больше не наступит, была ненависть к этому 1905 году, и больше ничего. Действительность подменялась иллюзией, анализ — либеральной мистикой: не будет — и всё. А раз не будет — да здравствует «Прогрессивный блок».

Иными словами, «реальная политика» была следствием собственного (сознательного или бессознательного) самообмана. Демократические массы — да еще во время войны — это что-то распыленное и даже деморализованное. Рабочее движение, также неорганизованное, носит экономический характер и отражает общее недовольство неудачным ходом войны, т. е. в конечном итоге обусловлено «патриотизмом». Революционные партии разбиты, рассеяны, их нет. Дума же — реальность, и на ее стороне под-

держка организованного «общества», правые — реальная, внушительная политическая сила. Правительство изолировано — оно вынуждено будет капитулировать перед блоком, — вот к чему сводился весь арсенал тактической мудрости «реальных» политиков. Ее смысл состоял в том, что это была политика данной минуты, политика, не принимавшая в расчет перспективу. И в этом состояло различие между либералами и революционной социал-демократией. Первые были псевдо-реалистами в политике. Вторые — реалистами подлинными.

Главный политический расчет Милюкова строился именно на изолированности власти от Думы и «общества». Эта изолированность, считал он, заставит правительство пойти на создание «министерства доверия». Последнее организует страну для победы, а победоносная война — самый сильный враг революции. Кроме того, «министерство доверия» создает прецедент, являющийся первым шагом к «ответственному министерству», а как показывает опыт истории (и здесь учитывался опыт истории!), парламентаризм на Западе, как правило, насаждался рядом последовательных прецедентов. «Наша сила в данном случае есть сила очевидности, сила общего осуждения, сила фактов, говорящих сами за себя, — объяснял Милюков смысл тактики, направленной на требование «министерства доверия». — Правительство, идущее наперекор этой силе, стоять не может, или, если оно останется на месте, оно берет на себя слишком тяжелую ответственность» [172].

С точки зрения «реального» политика, филистерского «здравого смысла» рассуждение Милюкова было безупречным. В самом деле, какое правительство в условиях 1915 г. решится на такое безумие, как отказ от сотрудничества даже с родственными ему политическими силами? Это казалось невозможным, и это было действительно невозможно, если бы . . . речь шла не о царизме. «Реальному» политику и историку, изучавшему историю общественных отношений, не пришло в голову, что режим достиг уже такой критической точки разложения и несостоятельности, что он руководствуется уже иным «здравым» смыслом, иной логикой, другими расчетами, которые исходили уже не от официального правительства, почти полностью утратившего свою былую роль, а от царской четы, за спиной которых стоял Распутин. И когда в ответ на создание «Прогрессивного блока» царь ответил роспуском Думы, это было полнейшей неожиданностью для кадетского Улисса, свидетельствовавшей о полном провале всех его хитроумных тактических расчетов.

В этой связи очень показательным является выступление Милюкова в Думе 25 августа, за неделю до роспуска Думы, в котором победительный тон кадетского вождя соседствовал с горестным недоумением, требовательность — с жалобами. В связи с образованием «Прогрессивного блока» Милюков заявил: в течение месяца со дня открытия сессии правительство ничего не сделало, «чтобы ответить на наши тревожные вопросы». Ответ за него дала страна. «И смысл ответа один: власть не имеет доверия народа, и она должна немедленно быть заменена такой властью, которая это доверие имеет». В противовес ей в Думе создано «центральное объединение», которое «на плечах русской общественности. . . вынесет Россию из трудного момента, какой мы теперь переживаем. (*Рукоплескания в центре, слева и справа.*)». В этом сила и значение только что заключенного соглашения. Образование этого большинства в Думе «приведет и к решению вопроса о власти».

Казалось, все ясно, победа одержана. Но... «все это, однако, совершится под одним условием» — если не будет преждевременного роспуска Думы. Лидер партии уже был в курсе того, что царская клика, Горемыкин, в ответ на образование блока решили немедленно распустить Думу. И он задумал предотвратить этот шаг призывом не делать его к тому самому правительству, которое он так грозно пугал перед этим: «Гг., я думаю, вы ясно понимаете, что при таком настроении страны роспуск Государственной думы был бы политическим безумием». Пусть те, кто добиваются его, поймут, что через несколько недель, когда Дума соберется вновь, «то, быть может... мы встретимся здесь с настроением, с которым труднее будет сговориться, чем с тем, которое существует сейчас (т. е. блок предъявит тогда более жесткие требования. — *А. А.*)... не давайте совершиться этому злому делу. Пусть роспуска не будет. Пусть Дума продолжает работать спокойно и свободно» [173].

Но Горемыкин с презрением отнесся и к этим просьбам, и к этим угрозам. Последнее заседание Думы 3 сентября, на котором был зачитан указ о роспуске, длилось пять минут. «Когда распустили Думу (за блок и московский съезд), — записала Зинаида Гиппиус в своем дневнике, — она громко прокричала „ура" и тихо разошлась» [174].

Образование «Прогрессивного блока» представляло собой новое явление в истории Думы, означавшее конец третьеиюньской системы. Суть его заключалась, помимо создания одного большинства, в повороте кадетов к союзу с правыми фракциями Думы. Поэтому «Прогрессивный блок» ни в коем случае нельзя считать аналогом проектировавшегося в III и IV Думах, но так и не состоявшегося «Прогрессивного центра» — думского большинства, которое представляло бы собой соглашение лишь либеральных фракций Думы — октябристов, прогрессистов и кадетов — в противовес правым и националистам.

Такой поворот в судьбе третьеиюньской системы, кроме объективных причин, созданных войной, был обусловлен субъективными факторами — позицией кадетов, их сознательным поправением, которое, в свою очередь, было обусловлено их контрреволюционностью и ошибочной стратегией. Это имело далеко идущие, принципиальные последствия.

Забегая вперед, следует отметить, что создание блока в условиях дальнейшего левения страны, углубления политического процесса и приближения к Февральской буржуазно-демократической, а затем к Великой Октябрьской социалистической революции определило тот факт, что кадетская партия ходом вещей превращалась из номинального в подлинного лидера всей контрреволюции не только либеральной, но и правой, поскольку все, стоявшие правее, уже абсолютно не могли контактироваться с революционным процессом, непосредственно обращаться к массам. Кадетские лозунги и тактика, вчера еще считавшиеся неприемлемыми из-за своей «левизны», становятся самым правым выражением контрреволюции. В итоге момент образования «Прогрессивного блока» можно считать началом окончательного утверждения кадетской партии в качестве главной идейно-политической силы всей буржуазно-помещичьей контрреволюции.

[1] Государственная дума, Четвертый созыв: Стеногр. отчеты. Заседание 26 июля 1914 г. СПб., 1914, стб. 8 (далее: Стеногр. отчеты...).

[2] «Неистовствовал Вася-депутат» — описывала реакцию Маклакова на объявление войны его единомышленница Гиппиус в дневнике от 1 августа

1914 г. (*Гиппиус З.* Синяя книга: Петербургский дневник, 1914—1915 г. Белград, 1929, с. 9).

[3] Стеногр. отчеты, стб. 18. Курсив наш. — *А. А.*

[4] Там же, стб. 25. Курсив наш. — *А. А.*

[5] Так, однажды он пытался с думской кафедры бросить в П. Н. Милюкова графин с водой. В другой раз завопил с места, что Милюков «скотина, сволочь, битая по морде». (Государственная дума. Третий созыв: Стеногр. отчеты, сес. 2. Пг., 1909, ч. 4, стб. 605). Таких примеров поведения Пуришкевича можно привести много.

[6] Государственная Дума. Четвертый созыв: Стеногр. отчеты, сес. 2. Пг., 1914, ч. 4, стб. 378.

[7] *Милюков П. Н.* Воспоминания. Нью-Йорк, 1955, т. 2, с. 182.

[8] *Гессен И. В.* В двух веках: Жизненный отчет. Берлин, 1937, с. 326.

[9] Речь, 1913, 1 янв.

[10] Новое время, 1914, 6 июля.

[11] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 31, с. 23.

[12] Там же, л. 116 об.

[13] 16 июля 1914 г., т. е. за три дня до начала войны, Ф. Ф. Кокошкин писал И. И. Петрункевичу: «Ожидание войны тяжелым камнем лежит на сердце, трудно верится, чтобы мы были гарантированы от новых тяжелых уроков» (ЦГАОР СССР, ф. Коллекция, оп. 1, д. 54, л. 38).

[14] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 31, л. 208.

[15] Там же, л. 110 об.—111 об.

[16] Там же, д. 16, л. 2, 3 об., 12 об., 25.

[16а] Там же, ф. 102, оп. 265, д. 976, л. 20. Много лет спустя П. Н. Милюков, уже в свете свершившегося, пытался выдать себя за последовательного противника втягивания России в войну из-за Сербии. «При явной неготовности России к войне и при ее сложившемся внутреннем положении поражение России мне представлялось более чем вероятным, а его последствия — неисчислимыми... Нет, чего бы это ни стоило Сербии, — я был за локализацию (конфликта. — *А. А.*)» (*Милюков П. Н.* Воспоминания, т. 2, с. 174). Позиция Милюкова в период первой мировой войны, как мы увидим, полностью опровергает эту версию.

[16б] О позиции откровенных «веховцев» — П. Б. Струве, А. В. Тырковой и других — дает представление дневниковая запись последней, относящаяся к кануну и первым дням войны. Осуждая «австрофильство» Милюкова, Тыркова писала: «Тут и наша вина. Надо было или иначе окружить Милюкова, или выдвинуть другого вождя». Павел Долгоруков, с удовлетворением отмечала автор, «тоже привез из Москвы суровое осуждение политики „Речи"» (ЦГАОР СССР, ф. 629, оп. 1, д. 18, л. 4 об., 7).

[17] Красная новь, 1923, кн. 6, с. 188—197.

[18] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 926, л. 1077.

[19] Там же, д. 990, л. 952.

[20] *Милюков П. Н.* Воспоминания, т. 2, с. 182.

[21] Фракция Народной свободы; «Военные» сессии 26 июля 1914 г. — 3 сентября 1915 г. Пг., 1916, ч. 1/2. Отчет фракции, с. 10.

[22] ЦГАОР СССР, ф. 629, оп. 1, д. 18, л. 9—10 об. Курсив наш. — *А. А.*

[23] Для либералов этот тезис не был секретом. В своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства А. И. Гучков, характеризуя П. А. Столыпина как сторонника либеральных реформ, говорил в связи с этим: «Считалось, что со всеми другими так называемыми революционными силами легко справиться (и даже чем они левее — тем лучше), в силу неосуществимости тех мечтаний и лозунгов, которые они преследовали, но, когда человек стоит на почве реальной политики, это считалось наиболее опасным. Потому и борьба в этих кругах (придворных, правого крыла Государственного совета, Совета объединенного дворянства. — *А. А.*) велась не с радикальными течениями, а главным образом с целью свергнуть Столыпина, а с ним вместе и тот минимум либеральных реформ, который он олицетворял собою» (Падение царского режима М.; Л., 1926, т. 6, с. 253).

То же писал и В. А. Маклаков: «Претензия стать властью вне революции и управлять страной в рамках существовавшего строя делала либеральные партии особенно опасными и ненавистными сторонникам старых порядков, но зато была причиной их популярности среди обывательского населения. В них обыватель видел ту силу, которая без катастрофы могла принести улучшение» (*Маклаков В.* Из прошлого. — Современные записки, Париж, 1929, т. 38, с. 313). В этих словах слышится отзвук конкурентной борьбы и соперничества власти и либералов.

[24] Красная новь, 1922, кн. 6, с. 195—196.

[25] *Маклаков В.* Указ. соч., с. 290.

[26] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 32, л. 1—2 об., 3 об.—4, 5 об.

[27] Там же, л. 61.

[28] Там же, л. 6 об., 11.

[29] Там же, л. 59, 60.

[30] Там же, л. 12 об.
[31] Там же, л. 2 об.
[32] Там же, л. 6.
[33] Там же, л. 55 об., 60—60 об.
[34] Там же, л. 55—55 об., 60.
[35] Там же, л. 9, 55.
[36] Менее определенно говорил об этом Н. В. Некрасов, указавший, что лозунг созыва Думы «объединит широкие круги населения»; его поддержал Д. Д. Протопопов: «Ищут лозунгов» и «таким лозунгом может явиться созыв Думы» (ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 32, л. 2).
[37] Там же, л. 4, 7.
[38] Там же, л. 53—54.
[39] Там же, л. 35—63.
[40] *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума (1912—1914 гг.). М., 1981, с. 203, 206.
[41] *Мельгунов С.* На путях к дворцовому перевороту: (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж, 1931, с. 80.
[42] *Гессен И. В.* В двух веках: Жизненный отчет. Берлин, 1937, с. 202.
[43] ЦГАОР СССР, ф. 629, оп. 1, д. 18, л. 35 об.
[44] *Новиков М. М.* От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952, с. 170.
[45] А. В. Тыркова характеризовала А. И. Шингарева следующим образом: «Он человек ума среднего», практик, «честный работник». В целом «он — кропатель» (ЦГАОР СССР, ф. 629, оп. 1, д. 19, л. 5 об. Запись от 21 нояб. 1916 г.).
[46] Там же, ф. 523, оп. 1, д. 32, л. 63 об.—64 об.
[47] Там же, л. 105—106.
[48] Там же, л. 109—120 об.
[49] Стеногр. отчеты 1915 г., сес. 3. Пг., 1915, стб. 3, 10.
[50] Там же, стб. 36, 62.
[51] Там же, стб. 50.
[52] Новое время, 1915, 29 янв. (11 февр.).
[53] Стеногр. отчеты 1915 г., сес. 3, стб. 150, 151.
[54] Там же, стб. 137, 151.
[55] Там же, стб. 45—47.
[56] Речь, 1915, 28 янв. (10 февр.).
[57] Отмечая это обстоятельство, Меньшиков с торжеством восклицал: «Что значит, что „Речь" усвоила патриотический тон „Нового времени" и одушевлена в иных статьях тем же духом русского национализма, который мне напоминает мои собственные статьи?». Это значит, делал черносотенный публицист закономерный вывод, что кадеты были «вынуждены нравственно сдаться» перед ним, Меньшиковым, и его газетой (Новое время, 1914, 2 (15) авг.
[58] Утро России, 1915, 27 янв.
[59] Там же, 28 янв.
[60] Там же, 16 янв.
[61] *Мельгунов С. П.* Воспоминания и дневники. Париж, 1964, вып. 1, ч. 1/2, с. 185—186. Запись от 5 сент. 1914 г.
[62] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 32, л. 13.
[63] Там же, д. 17, л. 2, 4—7 об.
[64] Там же, л. 7 об.—9. Курсив наш. — *А. А.*
[65] Там же, л. 11—11 об.
[66] Там же, ф. 634, оп. 1, д. 24, л. 91 об.; д. 25, л. 34 об.
[67] Там же, д. 25, л. 44 об. Запись от 27 февр. 1916 г.
[68] Там же, д. 24, л. 123 об.
[69] РО ГБЛ, ф. 171, карт. 8, д. 3, л. 41.
[70] ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1092, л. 3.
[71] Кадеты в дни Галицийского разгрома 1915 г. — Красный архив, 1933, т. 4 (59), с. 111.
[72] Там же, с. 112—114.
[73] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 18, л. 74 об., 79, 89.
[74] Красный архив, т. 4 (59), с. 183.
[75] *Милюков П. Н.* Воспоминания, т. 2, с. 193.
[76] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 18, л. 97 об., 99.
[77] Красный архив, т. 4 (59), с. 137.
[78] Там же, с. 138—139.
[79] *Граве Б.* К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. М.; Л., 1926.
[80] Там же, с. 275. Курсив наш. — *А. А.*
[81] Там же. Вместе с тем, перечислив состав бюро блока, Б. Б. Граве, не заботясь о последовательности, писала: «Это объединение основного ядра оппозиционных буржуазии и *помещиков*. . .» (Там же, с. 277. Курсив наш. — *А. А.*).
[82] История гражданской войны в СССР. М., 1937, т. 1, с. 25.
[83] *Грунт А.* «Прогрессивный блок». — Вопр. истории, 1945, № 3/4, с. 109.
[84] *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967, с. 48. Курсив наш. — *А. А.* Автор не указал, что, кроме крайних правых, в блок не вошли также националисты-балашовцы.
[85] *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л., 1967, с. 100.
[86] *Лаверычев В. Я.* По ту сторону баррикад. М., 1967, с. 122. Курсив наш. — *А. А.*
[87] *Слонимский А. Г.* Катастрофа русского либерализма. Душанбе, 1975, с. 4.
[88] *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976, с. 94—120.
[89] *Старцев В. И.* Русская буржуазия и

самодержавие в 1905—1917 гг. Л., 1977, с. 133, 134.

90 *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977, с. 199.

91 *Дякин В. С.* Указ. соч., с. 102—103.

92 *Милюков П. Н.* Воспоминания, т. 2, с. 207.

93 *Черменский Е. Д.* Указ. соч., с. 102—103.

94 Там же, с. 153—154.

95 Государственный совет: Стеногр. отчеты. 1915 г., сес. 10. Пг., 1915, стб. 115—116. Курсив наш. — *А. А.*).

96 Речь, 1915, 1 (14) февр.

97 *Шульгин В. В.* Дни. Л., 1925, с. 48—50.

98 *Дякин В. С.* Указ. соч., с. 101. Е. Д. Черменский также указывает на то, что инициатором совещания был П. Н. Крупенский, но говорит он о совещании 11 августа. См.: *Черменский Е. Д.* Указ. соч., с. 271.

99 Падение царского режима. М.; Л., 1926, т. 6, с. 316.

100 ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 57, л. 25. В отчете фракции прогрессистов также указывалось, что «первое из этих собраний», на которых «образовался „Прогрессивный блок"», было созвано П. Н. Крупенским. См.: ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 386, л. 18.

101 На заседании 22 августа 1915 г. у В. В. Меллера-Закомельского И. Н. Ефремов и Крупенский ссылались на эту встречу у Контана. См.: Красный архив, 1932, т. 1/2 (50/51), с. 141.

102 ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 52, л. 84.

103 *Кривошеин К. А.* А. В. Кривошеин (1857—1921): Его значение в истории России начала XX в. Париж, 1973, с. 236—237. Имя А. В. Кривошеина (вместе с А. А. Поливановым) как возможного премьера будущего «министерства доверия» было названо П. Н. Милюковым и на заседании учредителей блока 15 августа 1915 г. Что речь шла об этой кандидатуре всерьез, свидетельствует призыв Шаховского и Крупенского не произносить фамилии, потому что тогда они наверняка будут отвергнуты при дворе (*Крупенский*: «Согласен (с Шаховским. — *А. А.*), что очень опасно, медвежья услуга. Если вы наметите, смерть кандидату» (Красный архив, т. 1/26 (50/51), с. 151). В. В. Мусин-Пушкин писал А. В. Кривошеину 18 августа 1915 г.: «Дума смеется над возможностью министерства Родзянки, не говорят уже о кн. Львове... только хотят и говорят о Вас... Какое удивительное смешение: члены кабинета советуют царю Родзянку или Львова, а там (на совещании совета старейшин Государственной думы того же 18 августа. — *А. А.*) над этим смеются и жаждут Кривошеина» (цит. по: *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976, с. 98—99).

104 Фракция Народной свободы: «Военные» сессии. . ., ч. 1/2, с. 17, 19—20. Показательно, что после того, как стала известна дата созыва Думы, самую умеренную позицию занял М. В. Родзянко, в то время как правые в своих возражениях ему объединились с кадетами. Родзянко упорно настаивал (на заседаниях совета старейшин) на том, чтобы в первом заседании Думы ограничиться оглашением царского указа о ее созыве, речью председателя и избранием президиума, а затем всю работу перенести в Бюджетную и Военно-морскую комиссии и лишь спустя неопределенное время созвать второе пленарное заседание для заслушивания декларации правительства, пока же ограничиться частными совещаниями, на которых выступили бы члены правительства. Иначе говоря, председатель Думы хотел и на этой сессии продолжить линию Думы, начатую в январе 1915 г., — на подвергать правительство открытой критике.

Против этого плана выступил П. Н. Милюков, заявивший, что время закрытых совещаний уже прошло, страна ждет ответа, и поэтому требуются открытые заседания. Он был поддержан не только прогрессистом И. Н. Ефремовым и октябристом И. И. Дмитрюковым, но и А. Г. Рать-ковым-Рожновым («центр»), Д. Н. Чихачевым (националисты) и даже Н. Е. Марковым 2-м. См.: Там же, с. 21—22.

105 Стеногр. отчеты 1915 г., сес. 4. Пг., 1915, стб. 7.

106 Там же, стб. 47.

107 Там же, стб. 53—54.

108 Там же, стб. 65, 69, 72. Курсив наш. — *А. А.*

109 Там же, стб. 90. Курсив наш. — *А. А.*

110 Там же, стб. 92, 101—103.

111 П. Н. Милюков тонким намеком дал понять, что будущие блокисты обговорили и кандидатуру А. В. Кривошеина в качестве вероятного кандидата на пост будущего главы «министерства доверия». Говоря о земельном вопросе, кадетский лидер дважды, в очень благожелательном контексте, назвал Кривошеина полным именем — Александр Васильевич Кривошеин («как видно из известной записки

Александра Васильевича Кривошеина. . .»; «В том и другом отношениях мысль Александра Васильевича Кривошеина должна получить дальнейшее развитие. . .»), что не было принято — обычно называлась должность, очень редко еще и фамилия (Стеногр. отчеты 1915 г., сес. 4, стб. 105).

112 Там же, стб. 113—115.

113 Там же, стб. 130.

114 Там же, стб. 190.

115 Когда П. Н. Милюков в своей речи, отправляясь от этой горемыкинской фразы о «верных» гражданах, начал хвалить власть за то, что она осудила свою прежнюю национальную политику и признала наконец все население гражданами страны, «без различия племени, языка и веры», и пусть «это слово претворится в дело», Марков 2-й с места пояснил, что эти слова относятся не ко всем национальностям, а лишь к «верным сынам России». Милюков явно растерялся: «Да, там (где — у Горемыкина или в формуле? — *А. А.*) говорится „верных сынов России"», потом, спохватившись, добавил: все русские граждане — верные сыны России и в этом «никто не имеет права усомниться» (Стеногр. отчеты 1915 г., сес. 4, стб. 96).

116 Там же, стб. 191—192.

117 Там же, стб. 192—193.

118 Там же, стб. 193—194. Курсив наш. — *А. А.*

119 Там же, стб. 194—195.

120 Утро России, 1915, 22 июля.

121 Речь, 1915, 21 июля, 3 авг.

122 Фракция Народной свободы: «Военные» сессии. . ., с. 24, 27.

123 Падение царского режима, т. 6, с. 315.

124 ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, 1914 г., д. 1025, л. 398—398 об. Курсив наш. — *А. И.* Савенко писал 26 февраля 1916 г. своему единомышленнику Д. Н. Чихачеву: «Я порвал с правыми и был одним из главных деятелей по образованию думского блока». Этот разрыв «создал мне новых врагов. . . Но зато я приобрел и много новых друзей, между прочим, среди кадетов. Думские кадеты, особенно Милюков, Шингарев и Маклаков, — это пламенные патриоты и благородные граждане» (Там же, 1916 г., д. 1053, л. 561).

125 ЦГАОР СССР, ф. 629, оп. 1, д. 18, л. 20—20 об.

126 Фракция Народной свободы: «Военные» сессии. . ., с. 24—27.

127 *Дякин В. С.* Указ. соч., с. 96—102; *Черменский Е. Д.* Указ. соч., с. 94—120.

128 *Дякин В. С.* Указ. соч., с. 99. Осуждая такое отношение думцев к своему долгу, газета П. П. Рябушинского в статье, подчеркнуто названной «Личные дела», писала: «Мысль о близком конце сессии, как это ни зазорно, цепко повисла в думском воздухе. Депутатам большинства не терпится далее в стенах Таврического дворца. . . Стыдно становится за Думу. Далеко ей до парламента. Не доросла она и, видимо, не дорасти ей до него. Всмотритесь в цифру присутствующих в Думе депутатов. Прикиньте количество голосующих. Более трети, почти половина общего числа членов Думы отсутствует! Бог весть, по каким причинам и на каком *извинительном* основании» (Утро России, 1915, 5 авг.). В том же духе писали и другие газеты.

129 Фракция Народной свободы: «Военные» сессии. . ., с. 29—30.

130 Там же, с. 30—32, 34.

131 Там же.

132 Там же, с. 33—34.

133 *Шульгин В. В.* Указ. соч., с. 51.

134 В письме к Л. В. Могилевской от 22 августа 1915 г. В. В. Шульгин писал: в программе блока «есть некоторые уступки с нашей стороны и, обратно, со стороны к.-д.». Кадеты внесли в нее массу законопроектов, «почти безобидных или мало обидных, и мы согласились, понимая, что это именно им необходимо, чтобы поддержать в своей публике уверенность, что эта война „освободительная"». Письмо подписано: «твой Вася» (без фамилии), но, так как этому адресату Шульгин писал регулярно, можно не сомневаться, что и это письмо принадлежит ему (ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, 1914 г., д. 1028, л. 1183).

135 *Яхонтов А. Н.* Тяжелые дни: (Секретные заседания Совета министров 16 июля—2 сентября 1915 г.). — В кн.: Архив русской революции. Берлин, 1926, т. 18, с. 114, 122.

136 *Милюков П. Н.* Воспоминания, т. 2, с. 220—221.

137 Там же.

137 Стеногр. отчеты 1915 г., сес. 4, стб. 1073. Курсив наш. — *А. А.*

138 ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 57, л. 24—26, 29—31.

139 Там же, л. 51.

140 Стеногр. отчеты 1915 г., сес. 4, стб. 1144, 1162—1163. Курсив наш. — *А. А.*

141 См.: *Дякин В. С.* Указ. соч., с. 103. Следует отметить, что таких списков на протяжении 1915—1916 гг. было составлено немало. Разные круги по-

мещичье-буржуазной общественности предлагали свои варианты, в которых практически тасовались одни и те же фамилии, но в разных министерских сочетаниях. Они широко ходили по рукам и, конечно, становились известны правительству. В частности, Е. Д. Черменский приводит три таких списка кабинета министров (один из которых вышел из кадетских кругов, второй — из октябристских, а третий — из недр Государственного совета), сохранившихся в личном архиве Николая II. См.: *Черменский Е. Д.* Указ. соч., с. 98.

142 Стеногр. отчеты 1915 г., сес. 4, стб. 1045.

143 Там же, стб. 1166.

144 *Шульгин В. В.* Указ. соч., с. 53.

145 ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 52, л. 83.

146 Стеногр. отчеты 1915 г., сес. 4, стб. 292—294.

147 *Шульгин В. В.* Указ. соч., с. 51.

148 ЦГАОР СССР, ф. 434, оп. 1, д. 57, л. 25.

149 Красный архив, т. 1/2 (50/51), с. 122—126.

150 Фракция Народной свободы: «Военные» сессии. . ., с. 30.

151 Стеногр. отчеты 1915 г., сес. 4, стб. 2422, 2475.

152 Там же, стб. 2422. Когда в ответ Марков 2-й заявил: «Создал прогрессивный блок не Савенко и не г. Шидловский, а создал его Милюков. . .», — его слова были встречены шумом и смехом. (Там же, стб. 2467).

153 *Милюков П. Н.* Воспоминания, т. 2, с. 206—207.

154 *Шульгин В. В.* Указ. соч., с. 55.

155 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 221.

156 Там же, с. 309.

157 Там же, с. 219.

158 Красный архив, 1933, т. 4 (59), 118—120. Курсив наш. — *А. А.*

159 С. П. Мельгунов причину отказа от лозунга «ответственного министерства» со стороны либералов и замены его требованием «министерства доверия» объяснял следующим образом: «Общественники. . .уклонялись принимать на себя ответственность в сложной конъюнктуре войны и нарастающих революционных настроений». Кроме того, у них не было административного аппарата. См.: *Мельгунов С. П.* На путях к дворцовому перевороту. . .; с. 44.

160 Красный архив, т. 4 (59), с. 122. Курсив наш. — *А. А.*

161 Там же, с. 131, 132, 134, 136, 141.

162 Фракция Народной свободы, «Военные» сессии. . ., с. 16.

163 Красный архив, т. 4 (59), с. 131.

164 Там же, с. 119.

165 *Милюков П. Н.* Воспоминания, т. 2, с. 209, 214.

166 Красный архив, т. 4 (59), с. 131—132.

167 Там же, с. 119.

168 ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, 1914 г., д. 1028, л. 1183.

169 *Черменский Е. Д.* Указ. соч., с. 103.

170 В рецензии на записки М. В. Родзянко «Крушение империи» И. Демидов писал: «Именно переоценка фундамента создала немыслимое для IV-й Государственной думы — ее прогрессивный блок с завуалированным требованием ответственного министерства — „министерства общественного доверия". В центре этого блока стояла *основная правительственная* партия — октябристы, а председателем Думы был один из лидеров этой партии. . .» (Современные записки. Париж, 1926, т. 27, с. 577).

171 *Милюков П. Н.* Воспоминания, т. 2, с. 206—208.

172 Красный архив, т. 4 (59), с. 120.

173 Стеногр. отчеты 1915 г., сес. 4, стб. 1062, 1071, 1073, 1074.

174 *Гиппиус З.* Указ. соч., с. 40. М. В. Родзянко спустя годы этот акт раболепного смирения Думы прославлял в самых восторженных тонах. «Казалось, — писал он, — что Дума не может не ответить на брошенный ей вызов (роспуск. — *А. А.*)». Но она смогла. «Тем более вышло красиво и торжественно, когда началось совершенно спокойное заседание: гул прекратился и в воцарившейся тишине чувствовалось приближение момента огромного значения. Чтение указа (о роспуске Думы. — *А. А.*) было выслушано при полном молчании, а когда я, по обыкновению, провозгласил: „Государю императору ура", — депутаты, как всегда, добросовестно громко прокричали „ура" и медленно стали расходиться. Молча расходилась и публика, и все сразу почувствовали какую-то уверенность (!), всем вдруг стало ясно, что так именно и следовало поступить, что правительство мелочно, хотело вызвать волнение, а Дума оказалась выше (!) этой провокации и явила пример государственной мудрости» (*Родзянко М. В.* Крушение империи. — В кн.: Архив русской революции. Берлин 1926, т. 17, с. 106—107). Комментарии, как говорится, излишни.

Глава II

«ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОК» ПРОТИВ «ТЕМНЫХ СИЛ». СТУПЕНИ ЭСКАЛАЦИИ

1. ВЯЛЫЙ СТАРТ

В августе 1915 г. «Прогрессивный блок» успел лишь заявить о своем рождении. Возможность показать, на что он способен, блок получил лишь с возобновлением сессии IV Думы (формально она явилась продолжением четвертой сессии, начатой 19 июля 1915 г.), так грубо и бесцеремонно прерванной правительством 3 сентября 1915 г. На этот раз занятия Думы продолжались с 9 февраля по 20 июня 1916 г. (с перерывом с 5 апреля по 16 мая) и, как потом оказалось, были самыми длительными за весь период войны. Именно в это время блок окончательно сложился, составляющие его части более или менее притерлись друг к другу, наметилась тактика, обнаружились и проявились расхождения.

Воссоздавая минувшие события уже в качестве историка русской революции, П. Н. Милюков писал: «1916-й год прошел сравнительно вяло. . .» [1]. Эта оценка относилась в первую очередь именно к Думе. М. В. Родзянко также отмечал, что «в этой сессии занятия шли вяло, депутаты неисправно посещали заседания, часто не было кворума»; вялость он объяснял «неопределенной атмосферой», по-видимому имея в виду настроение в «верхах» [2].

Приведенные признания свидетельствовали о том, что блок оказался неспособным на какое-либо серьезное противостояние правительству и «темным силам», хотя именно для этого он и был создан. Такая неспособность обнаружилась уже в ходе его подготовки к предстоящей сессии Думы, на заседаниях бюро блока в октябре 1915—январе 1916 г.

Намечая контуры своей программы и тактики, бюро блока исходило из того, что ему по-прежнему придется иметь дело с И. Л. Горемыкиным, занявшим открыто враждебную позицию по отношению к Думе и делавшим все, чтобы не созывать ее как можно дольше. Кроме того, ситуация, сложившаяся после роспуска Думы, которая по оценке руководителей блока была не в пользу блока, оказалась не столь уж мрачной. Прежде всего не оправдались опасения и предостережения блока относительно верховного командования. Эта смена не только не повлекла за собой никакой катастрофы, но, наоборот, после нее дело несколько улучшилось. Бездарный Н. Н. Янушкевич был заменен генералом М. В. Алексеевым, пользовавшимся у «общественности» самым высоким кредитом, фронт стабилизировался, паника улеглась, началась «мобилизация промышленности» и т. п. Это вызвало определенную растерянность и разброд среди лидеров блока, расхождения как в оценке самой роли блока, так и его перспектив.

На заседании бюро 30 октября 1915 г. Милюков, чтобы как-то упорядочить прения, целенаправить их, предложил «схему беседы» со следующими пунктами: «1) До Думы (немедленный созыв, агитация в печати, продолжительная сессия), сговариваться ли с правительством? 2) Первые дни Думы (политические выступления: роспуск министерства, наша программа,

съезды); 3) Отношение к бюджету (темп, отказ или нет); 4) Законодательство блока (по программе)».

Поскольку Милюков свои собственные выступления фиксировал предельно кратко, данная запись требует некоторой расшифровки. Первый пункт в общем понятен: требовать немедленного созыва Думы и длительной сессии, развернув соответствующую газетную кампанию. Второй пункт ставил вопрос о тактике в Думе. Блокисты исходили из того, что Горемыкин согласится только на краткую сессию для утверждения бюджета. Исходя из этого, Милюков предлагал обсудить такую перспективу, когда первый день сессии будет главным и, возможно, единственным, поскольку «политические выступления» блока, скорее всего, приведут к роспуску Думы. В третьем пункте ставился вопрос, как тактически выгоднее обсуждать бюджет: быстро или медленно, идти ли на неутверждение бюджета как средство давления на правительство. Четвертый пункт уже целиком исходил из перспективы длительной сессии. Здесь предлагалось обсудить, в какой мере своевременно требовать реформ, намеченных блоком при его основании.

Эту схему И. Н. Ефремов предложил дополнить пунктом об отношении к «Особым совещаниям», а гр. А. Олсуфьев попросил включить в нее и вопросы внешней политики. В какой-то мере предложенная Милюковым схема организовала прения.

По первому вопросу Милюков еще 28 октября высказался за то, чтобы блок, несмотря на его собственно «парламентский» характер, начал действовать, не дожидаясь сессии Думы. В дальнейших прениях был, естественно, поднят вопрос, как именно действовать, причем на первое место выдвигалась проблема, требовать ли скорейшего созыва Думы.

Милюкова поддержал Ефремов: образование блока, по мнению лидера прогрессистов, произвёло благоприятное впечатление на «общественность», и она была удручена, увидев, что после роспуска блок себя не проявляет. Некоторые даже сочли, что роспуск Думы означает крушение блока и служит доказательством «несостоятельности всей затеи». Блоку надо «оживить и проявить себя». Надо добиваться скорейшего созыва Думы. Важно договориться о первом думском дне. Необходимо, говорил Ефремов, не только выразить свое отношение к акту 3 сентября, но и раскрыть стране многое из того, что́ стало известно из участия блокистов в Особых совещаниях. «Сессия должна быть длительной, но нельзя добиваться этого смирением и послушанием».

В. И. Гурко, заявив, что обращение «к улице» возможно лишь в крайнем случае, пессимистически оценивал обстановку: положение, по-прежнему, плохое. Ссылка на улучшение военной ситуации несостоятельна — это временное явление, инцидент. Поэтому блок «должен проявить жизнь».

«Молчать нельзя», иначе «сам Гришка [Распутин. — *А. А.*] будет премьером». Но в то же время Гурко, который даже дошел сгоряча до «улицы», требовал, чтобы ни в Думе, ни в Государственном совете не делали бы ничего такого, что дало бы повод правительству снова распустить Думу.

По первому пункту В. В. Шульгин высказался в том смысле, что надо не столько настаивать на скорейшем созыве Думы, сколько на ее продолжительности. Здесь надо требовать (через печать) «очень сильно».

Напротив, В. Н. Львов, хотя также согласился с тем, что блок должен действовать независимо от созыва Думы, призывал прежде всего к «осмотрительности, чтобы сохранить доверие всей страны», т. е. правых, «сочувствием» которых к блоку и его лозунгу «министерства доверия» он «был пора-

жен». «Сочувствуя мысли, что блок должен действовать (вне Думы. — *А. А.*), призываю к осмотрительности», — повторил оратор. При этом Львов также исходил из печальной и даже панической оценки обстановки. «Полное крушение монархии, анархия в России — вот что нас ожидает», — пугал он.

Олсуфьеву даже умеренная позиция Львова показалась чрезмерной. Действия блока вне Думы — нарушение программы блока, заявил он. Надо признать свои ошибки. Смену командования сочли катастрофой, а перемена оказалась к лучшему, и блок в этом вопросе «потерпел крушение». Мы предлагали сменить министров — лучших убрали, «самый нежелательный (Горемыкин. — *А. А.*) остался, и война пошла лучше». «Во внепарламентское время блок не обязан действовать. „Фронтальной атаки" не советую».

Олсуфьева поддержал В. А. Бобринский: «Олсуфьев верно обрисовал положение», 23 августа была проведена паническая эвакуация Киева, никто не верил в то, что не будут взяты Рига и Двинск, опасались за Псков. «Теперь положение улучшено». Но «правительство стало хуже», — признал он.

Член Государственного совета М. А. Стахович считал, что «вне сессии блок не должен действовать». Другой его коллега, М. М. Ковалевский, настаивал на том, что «оппозиция короне — *не дело Думы*». Блок должен вести борьбу, пользуясь только законами. Это означало, что блок не борется и не должен бороться за власть. Что касается практических шагов, то Ковалевский предложил *сделать вид*, что блоку «нежелательно и трудно разобраться в обстановке», т. е. что он в растерянности. Иначе, объяснял он, если блок начнет требовать скорейшего созыва, «верхи» поступят наоборот — отложат его [3].

На требование Ефремова и В. А. Ржевского о выходе из особых совещаний Д. Д. Гримм отвечал, что выход может быть истолкован таким образом, что думцы — члены совещаний — «умывают руки и лишают себя возможности воспрепятствовать происках (правительства. — *А. А.*)». Но главная опасность состоит в том, что выход «может повлиять на крушение блока». Это было бы поражение для нас и триумф власти». А. И. Шингарев добавил, что он охотно бы ушел, весь вопрос в том, как расценит такой шаг «население и армия» [4].

Таким образом, обмен мнениями показал, что заправилы блока находились в полной растерянности, не представляли себе, что делать до созыва сессии.

По второму из намеченных Милюковым вопросов — о тактике в Думе — единства и ясности также не было.

В коренном вопросе о «министерстве доверия», говорил Олсуфьев, блок потерпел поражение, поэтому надо изменить тактику. «Воинственность блока теперь не будет отвечать положению», нужна сдержанность, не то «уроним авторитет» блока. «Размазывать на много дней критику правительства нежелательно». Надо с этим покончить за один день, а потом перейти к вопросам делового характера.

В. В. Меллер-Закомельский настаивал на том, что главная задача комиссии по выработке декларации блока, которую предстоит избрать, состоит в том, чтобы найти такой тон, который не привел бы к конфликту с короной. «Вопрос о выступлениях — трагический, — пояснял он. — Правительство везде выставляет монархию». Иными словами, Горемыкин борьбу блока против него и правительства расценивает и трактует как замаскированную

борьбу с верховным носителем власти, т. е. борьбу за «парламентаризм», за захват власти Думой.

Ковалевский предлагал выйти из положения, сделав «козлом отпущения» Горемыкина. Показательно, что В. Н. Львов и Гурко, в отличие от своих либеральных соратников, признали, что блок «бесспорно» находится в конфликте с короной, что никак нельзя отрицать. Но, к «счастью», пояснял Гурко, премьер тот же, и все нападки можно будет направлять на него (маскируя, таким образом, истинное направление удара). Мы еще раз убеждаемся в том, что правые отчетливо сознавали, что «министерство доверия» является шагом к «ответственному министерству».

С. И. Шидловский также настаивал на том, чтобы избегать демонстраций, исключить из речей «нападки на корону», хотя и придерживаться «строгой, деловой, беспощадной критики». (Львов при этом выразил справедливое сомнение в том, что можно «избегнуть указания на конфликт с короной, критикуя правительство», потому что «никто не поверит», что в царящем хаосе виновато только правительство [5].)

В меньшинстве остался Гурко, который заявил: «Цель остается та же: сменить правительство или обеспечить в нем более толковые элементы».

На заседании бюро блока 5 ноября, посвященном обсуждению вопроса о «рамках» будущих речей в Думе и содержании формулы перехода, вспыхнула дискуссия об «ответственном министерстве». Самое интересное состояло в том, что возмутителем спокойствия оказался даже не «левый» октябрист, а октябрист-земец И. И. Дмитрюков. «Ругать правительство надоело, — заявил он. — Нужна новая мысль: ответственное министерство». Во-первых, формула «доверия», объяснил он, ни в каком государственном праве не значится, а во-вторых, «все утверждают (т. е. всем понятно. — *А. А.*), что министерство доверия то же, что ответственное министерство, *лишь только война кончится*. Говорю искренне и убежденно: другого выхода для России нет».

Первым, кто бросился в бой, был . . . Милюков, решительно выступивший против «изменения лозунга». К нему присоединился Львов, согласившись с Милюковым в том, что это изменение «может разбить блок». Шидловский в ответ на горячую речь подбодренного неожиданной поддержкой Ефремова в пользу «ответственного министерства» также заявил, что в таком случае блока не будет и придется создавать другой, уже на основе соглашения об «ответственном министерстве». А этого делать не стоит, ибо «блок слишком дорогая и ценная вещь». Весьма примечательным был его главный аргумент: «ускорять темпы основных требований было бы политической ошибкой».

Иными словами, его мысль сводилась к тому, что не надо упреждать события: будет и «ответственное министерство», но в свое время, т. е. после войны.

Гримм целиком присоединился к своему партийному лидеру Милюкову. Нельзя упускать из виду, пояснял он, что сейчас основная задача — «борьба с личным режимом», и формула «министерства доверия» как раз и выражает ее. А «„ответственное министерство“ — такой резкий шаг вперед, что это уже *не эволюция*». Не надо осложнять дело требованиями, которые могут вызвать разногласия.

Под общим нажимом Дмитрюков пояснил, что он не выдвигал своего требования в категорической форме, а лишь говорил о том, что «надо сделать *подготовку к переходу*, который наступит скорее, чем многие ожидают».

До окончания войны этого «пирожного», к сожалению, потребовать не придется, но «после войны» — придем к этому лозунгу. Если большинство находит, что упоминание об «ответственном министерстве» является вредным, то он на нем не настаивает, «потому что *сохранение блока важнее*» [6].

Таким образом, приведенные суждения лишний раз убеждают нас в том, что идея «ответственного министерства» *после войны* стала общей идеей *всех* фракций блока, включая и его *правую* часть, а это, в свою очередь, служит подтверждением тезиса о том, что третьеиюньская система рухнула окончательно и не имела шансов на возрождение даже в том случае, если бы блок распался.

Проблема сохранения блока ценой величайшей умеренности была общей заботой всех руководителей блока, особенно кадетов. Диссонировали в какой-то мере с общим настроением лишь прогрессисты, по-прежнему настаивавшие на лозунге «ответственного министерства» и требовавшие выхода представителей Думы из особых совещаний.

Очень показательным для оценки степени воинственности блока явилось обсуждение на заседании 2 ноября вопроса о бюджете. Шульгин категорически высказался против его отвержения. «Недопустимо во время войны, — пояснил он. — Дает почву противникам войны». К нему присоединился Дмитрюков, пояснив, что у них, октябристов, никто так вопроса и не ставил. Это «покушение с негодными средствами» и хороший повод для роспуска Думы.

Шидловский, исходя из того, что сессия будет кратковременной, а бюджетная комиссия сможет представить доклад Думе только к концу января, заявил, что в этой связи вопрос об обсуждении бюджета в Думе вообще носит академический характер, поскольку не наступит момента перехода к постатейному чтению и тем более дело не дойдет до окончательного вотума. В том же духе высказался и другой «левый» октябрист Н. Н. Опочинин. Либо Думу соберут на 10 дней и тогда ни о каком длительном обсуждении бюджета в Думе речи быть не может, либо (если сессия станет длительной) будет «нормальное обсуждение», — пояснил он. Общего доклада бюджетной комиссии нельзя ждать раньше конца декабря. Необходимо будет только указать, что блок не отвергает бюджета из патриотизма, а в мирное время обязан был бы отвергнуть при такой политике правительства.

Милюков заявил, что он присоединяется к Шульгину, Дмитрюкову и Опочинину, и при этом добавил, что заявление о том, что бюджет блок не отвергает, надо сделать сразу. Остальные ораторы — Ковалевский, Гурко и Ржевский — также заявили о невозможности отвержения бюджета. Надо только потребовать при этом длительной сессии, указал Гурко. «В данном случае я *против отвержения*. . ., — вторил ему Ржевский, — сейчас война, и широкое население не поймет (этой демонстрации. — *А. А.*)» [7]. В отношении бюджета Ковалевский предложил поступить так, как это делается в английском парламенте, — вотировать в предпоследнем заседании.

Если учесть, что отвержение бюджета было единственным более или менее реальным в распоряжении блока средством борьбы с правительством, то единодушный отказ пустить его в ход, начиная с Шульгина и кончая Милюковым, говорит сам за себя.

На заседании 26 ноября снова возник вопрос о том, «какое значение имеет блок вообще», т. е. какая его основная долговременная программа. Шидловский заявил в ответ, что «теперь (т. е. после опубликования указа об отсрочке созыва Думы, под предлогом неготовности бюджета в бюджетной

комиссии. — *А. А.*) положение очень деликатное, и, чтобы сохранить блок, никоим образом нельзя поднимать рогатых вопросов». Милюков подхватил эту мысль, подчеркнув, что существование блока надо поддерживать, «даже если он есть только *политическая фикция*». Вероятно, кадетский лидер имел здесь в виду нежелание правой части блока реализовать на деле принятую блоком программу, что косвенно подтверждается его дальнейшими словами. «Но, — продолжал он, — есть возможность сговориться на узкой арене бюджетной комиссии . . . и там не разбиваться, а вести одинаковую линию. Сорвать блок — уступить правительству».

Как уже указывалось, все прикидки на совещаниях бюро блока по части программы и тактики (включая и выработку текстов декларации, и формулы перехода) исходили из того, что Думе придется иметь дело с Горемыкиным, но назначение Штюрмера 20 января 1916 г. смешало все карты блокистов.

На заседании бюро блока 28 января 1916 г., т. е. за две недели до открытия сессии, председательствовавший Меллер-Закомельский предложил «поговорить о создавшемся положении» и прежде всего обсудить вопрос о том, каково отношение блока к правительству, «в каких тонах» должны выступить ораторы блока. Милюков считал нужным заняться «разведкой» намерений правительства в отношении блока. Меллер-Закомельский отлично понял, что скрывалось за этим предложением, пояснив: «Буде (Штюрмером. — *А. А.*) протянута рука — будем совместно работать». Все будет зависеть от того, «как он пойдет навстречу».

Такова была общая реакция заправил блока на назначение человека, который, с их собственной точки зрения, был олицетворением одиозности и личного ничтожества. Но, когда Бобринский прямо поставил вопрос, идти или не идти до начала сессии на раут к Штюрмеру, который явно проектируется, лидеры блока поначалу несколько смутились. Тем не менее Шидловский заявил, что не пойти было бы большой ошибкой. И. В. Годнев сообщил, что на обращенные к нему вопросы со стороны «лиц», как будет вести себя Дума в случае созыва, он ответил, что «за исключением крайних левых», будет вести себя корректно. На это «лица» ему сказали, что тогда можно будет созвать сессию и раньше, 22 февраля. После этого и Милюков поведал, что с ним также велись подобные же разговоры. Однако на раут советовал не идти: «Продешевим». Гурко присоединился к Милюкову, указав, что Штюрмер человек не деловой, за него думает и пишет И. Я. Гурлянд. «Фактически будет опираться на верхнюю палату и делать розовое лицо блоку». Тем не менее «скандал делать нельзя». Отношение блока к Штюрмеру может быть разное: открытое, скрытое, холодное, сдержанное. Но пока «восторгов (в Думе. — *А. А.*) не выражать. Усиленные аплодисменты немыслимы. Холодная сдержанность».

В отличие от Гурко представитель земцев-октябристов был настроен гораздо оптимистичнее. «Правительство, — уверял Е. П. Ковалевский, — станет очень уступчиво». Положение сейчас благоприятнее, чем считают предыдущие ораторы.

Самым решительным и на этот раз был Ефремов. Изменения в правительстве (в связи с назначением Штюрмера) не произошло — такова была его оценка ситуации. Если же произошло изменение позиции в «верхах», то тогда надо быть увереннее. На раут нельзя идти ни в коем случае. Выжидательная позиция будет выгодна правительству и произведет впечатление, что блок готов ему поверить. Если правительство обратится к блоку, то ему надо сказать, что, «пока не принято первое положение (т. е. „министерство

доверия". — *А. А.*), — не о чем разговаривать». Неопределенными фразами отвечать в Думе на правительственную декларацию нельзя. Надо определенно заявить, что «это правительство *не есть* правительство общественного доверия».

Милюков был против такой категоричности. «Не договор, а параллелизм, — но без всяких обязательств, — провозгласил он. — Сейчас на очереди не политика провокации (!), а политика умалчивания». Все зависит от того, какова будет декларация.

Под «параллельным» курсом Милюков понимал прямое сотрудничество с правительством Штюрмера, если последнее выразит желание ужиться с Думой.

В. А. Маклаков полностью поддержал Милюкова. Предложение Ефремова «приводит в недоумение». Раз Горемыкина убрали — так вести себя нельзя. Сказать, что не можем с ним работать, — значит проявить непоследовательность.

Шульгин также заявил, что «становиться в позу невозможно... и невыгодно». Изображать из себя «неприступных богов» нельзя.

На этом и согласились, но на раут решили не идти [8].

Уже из этих обсуждений видно, что руководство блока было настроено отнюдь не воинственно. Секретные переговоры Милюкова с министром внутренних дел А. Н. Хвостовым, происходившие за неделю до последнего заседания бюро блока, подтверждают еще более ясно, что блок фактически капитулировал перед правительством и «верхами» до начала думской сессии, и именно этим в первую очередь объясняется «вялый старт» ее заседаний.

21 января 1916 г. Николай II подписал указ об открытии Думы 9 февраля 1916 г. Но, прежде чем его опубликовать, Хвостов в тот же день потребовал свидания с Милюковым для весьма важных и щекотливых переговоров. Милюков по свежим следам записал содержание беседы. Согласно этой собственноручной записи, встреча состоялась на квартире товарища председателя Государственной думы земца-октябриста С. Т. Варун-Секрета. Хвостов приехал с товарищем министра внутренних дел кн. В. М. Волконским (до этого поста — бессменный товарищ председателя III и IV Думы).

Хвостов заявил, что, несмотря на царский указ, вопрос о созыве Думы еще окончательно не решен. «Главный вопрос», с точки зрения двора и, следовательно, Штюрмера, чтобы не было разговоров о Г. Е. Распутине. Милюков ответил, что для него это вопрос второстепенный (т. е. он согласен принять это условие), но ручаться за всех депутатов он не может. На это Волконский возразил, что важно, чтобы этого вопроса не касались фракционные ораторы, а выкрики с мест не имеют значения. На его взгляд, «никогда до сих пор еще не было такого удобного момента, чтобы сговориться», и его нельзя упускать. В ответ Милюков продолжал «выражать удивление», что вопрос о Гришке — «основной». Хвостов подтвердил: да, «*там*» считают главным. Если сговоримся по этому пункту, следующим шагом должно быть совещание влиятельных депутатов с Штюрмером, «чтобы не огорошить его сразу. Я, — говорил Хвостов, — человек обстрелянный, про меня говорите хоть, что я отца родного убил, мне все равно, а Штюрмер обидится и полезет на стену, если вдруг ему скажут, что он обокрал то или другое учреждение (в этом месте Хвостов сконфузился, почувствовав, что хватил лишнее)». На вопрос Милюкова, как отнесется Штюрмер к блоку, Хвостов и Волконский дали следующее разъяснение: для него это «жупел» и «металл». Можно говорить о существе, но не произносить «программа».

Ответ кадетского лидера не оставляет никаких сомнений в том, что он от имени своей фракции и от имени блока в целом выдал обязательство сотрудничать с правительством Штюрмера, сохранять к последнему полную лояльность. Раз такова позиция нового премьера, заявил Милюков, то никакого совещания депутатов с ним не надо: «Пока слова не сказано, нет и разрыва». Такой ответ дал полное право Варун-Секрету заключить, что встреча прошла успешно — обещание не упоминать имени Распутина дано и, следовательно, «все обойдется благополучно». На это последовало повторное замечание Милюкова о том, что возможны сюрпризы, которые не удастся пресечь властью председателя, как думает Варун-Секрет, и поэтому «прежде всего нужно, чтобы Штюрмер не сказал (в Думе. — *А. А.*) *ничего исключающего* существование и деятельность блока»; Штюрмер в своих интервью отрицает право Думы на законодательную инициативу — будет лучше, если в своем первом выступлении он признает ее. Хвостов на это охотно согласился, добавив, что сам в ближайшем заседании Совета министров внесет законопроект о мелкой земской единице. «Я очень одобрил это», — записал Милюков.

Подвозя Милюкова после заседания домой, Волконский снова повторил, что, «по его мнению, теперь такой случай, какой никогда еще не представлялся для того, чтобы наладить правильные отношения с правительством» [9].

Трудно найти в смысле выразительности другой документ, который так бы изобличал гроссмейстера кадетской политики и тактики. Удивление его было до наивности деланным, а лицемерие явным. Милюков отлично понимал, что вопрос о Распутине в сложившихся условиях был отнюдь не второстепенным, а именно главным, причем не только «там», но и «тут» — для него и его фракции, блока в целом, а также для всей «общественности». Как уже отмечалось выше, смысл требования «министерства доверия» в конечном итоге сводился к требованию прекратить вмешательство «старца» и царицы в министерские назначения, сделать правительство независимым от них. Поэтому, если блок действительно намеревался бороться за правительство «доверия», он должен был прежде всего и громче всего говорить в Думе именно о Распутине. И обратно: если имя Распутина в Думе становилось табу, это означало, что думское большинство отказалось на деле бороться за свое основное требование. Поэтому обязательство Милюкова означало, и он это не мог не сознавать, что борьба за «министерство доверия» подменяется поисками путей соглашения и «параллельной» деятельностью Думы с правительством Штюрмера.

Более того, Штюрмер свалил Горемыкина именно на вопросе о Думе, уверив Распутина и царицу, что сумеет и успокоить блок длительной сессией, и не допустить с думской трибуны упоминания имени Распутина (что Милюкову также было хорошо известно).

В ноябре 1915 г., вспоминал он много лет спустя, созыв Думы был вновь отложен под предлогом, что бюджетная комиссия не закончила рассмотрение бюджета. Блок «нажал», и к декабрю работа была закончена. Тем не менее «Горемыкин, как прежде, упирался». В конце концов он согласился созвать Думу, но только для утверждения бюджета на 1916 г. и всего на пять дней. «И на этом разыгралась интрига, имевшая целью спихнуть Горемыкина. В связи с этой интригой вдруг возобновился в высших сферах интерес к созыву Думы». Штюрмер, за которым стояли Распутин и митрополит Питирим (также ставленник Распутина), убедил царя, что на короткий срок созывать Думу нельзя, и на этом свалил Горемыкина.

Как видим, автор воспоминаний умолчал о главном: об обещании Штюрмера купить молчание блока ценой длительной сессии. А именно в этом и состояла сердцевина «интриги». Перейдя затем к рассказу об известном уже нам свидании на квартире у Варун-Секрета, Милюков делает неуклюжую попытку доказать, что требование Хвостова относительно Распутина было сущим пустяком. «Угроза (что Думу не созовут, если блок не даст гарантий относительно «старца». — *А. А.*) была фальшивая, и поставленное условие созыва казалось слишком странным», — писал он [10]. Фальшивой, однако, является подобная интерпретация. На самом деле эта угроза была настоящим ультиматумом, очень ясным и точным, и, как будет показано, он был принят и выполнен Милюковым и блоком безоговорочно.

Принципиальная важность этой капитуляции подчеркивается еще тем обстоятельством, что как Милюков, так и блок в целом отлично знали о «распутинском» происхождении нового премьера, равно как и министра внутренних дел Хвостова. Оба были ставленниками «старца» и получили свои посты благодаря его прямому давлению на царскую чету. Кроме того, оба названных деятеля были притчей во языцех еще с довоенных лет как фигуры не только крайне одиозные, но еще вдобавок и шутовские.

В отличие от Горемыкина, сохранявшего еще какие-то остатки «государственного» подхода к политике, его преемник вместе с преемником Н. Б. Щербатова были уже не политиками в прежнем традиционном смысле, а коррумпированными политиканами, с приемами более типичными для какой-нибудь уголовной компании, чем для государственных деятелей. Основной принцип этой политики состоял в демонстрации внешней благожелательности в сочетании с пустыми туманными обещаниями и прямым грубым обманом.

Все это также было отлично известно блоку и Милюкову. Там же, где он ведет изложенный выше рассказ об «интриге» и переговорах с Хвостовым, Милюков попутно характеризовал обоих героев «нового курса» по отношению к Думе следующим образом. Штюрмер, писал он, был несколько пободрее и помоложе Горемыкина, но тем не менее также был рамоликом (склеротиком) со всеми признаками старчества. А главное, был, по выражению Распутина, «старичком на веревочке», притом совершенно невежественным человеком, который не мог связать двух слов. Что же касается Хвостова, то это была «фигура из оперетки» — «молодой и шустрый человек, энергичный и предприимчивый — но только не на государственную деятельность» [11]. Тем не менее «солидный и государственный» лидер «солидной и государственной» партии принял условия молодого человека «из оперетки».

Изложенные выше дебаты на заседаниях бюро блока с несомненностью убеждают, что позиция Милюкова на переговорах с Хвостовым полностью отражала тактическую линию блока в целом, равно как и цензовой «общественности». И тот и другая, отдавая себе полный отчет в характере нового назначения, тем не менее делали ставку на сотрудничество со Штюрмером и Хвостовым, *хотели верить* их обещаниям о благожелательной политике, щедро раздаваемым в многочисленных интервью, — иными словами, в очередной раз шли на очередной самообман. Об этом свидетельствует и тот выжидательно-благожелательный тон, который доминировал в откликах на назначение нового премьера в помещичье-буржуазной «большой прессе».

«Новое время», верное своей манере превознесения любого нового министра и оплевывания отставленного, не изменило себе и на этот раз. В статье «Стратегия власти» Меньшиков заявил, что смена Горемыкина есть прежде

всего смена престарелого и уставшего более свежим и молодым. Правда, «молодому» уже 68 лет, но это не имеет значения, потому что каждый имеет столько лет, сколько сам себе дает. Дальше автор призвал не смущаться немецкой фамилией нового главы правительства — на деле он «потомок множества православных предков» и даже состоит в родстве со святой княгиней Анной Кашинской, т. е. с Рюриковичами. «По симпатиям сердца» Штюрмер «даже более русский, нежели некоторые либеральные министры». «Все эти данные и многие другие. . ., — заключал автор, — заставляют пожалеть, что многократные кандидатуры Б. В. Штюрмера на министерские посты в силу каких-то причин проходили мимо» [12].

Такова была оценка газеты, выражавшей настроение самой правой части блока. Вполне естественно, что реакция органа, отражавшего взгляды Милюкова, была более сдержанной и, главное, осторожной, но тем не менее в конечном итоге благожелательной. Отметив, что неожиданным назначением Штюрмера правые в Думе и Государственном совете «беспредельно довольны», передовая «Речи» в то же время указывала, что новый премьер в своих заявлениях, следуя уже сложившейся за последнее время традиции, «признает себя сторонником общественности и ценителем работы общественных сил» [13]. Конечная оценка в другой передовой была выражена следующим образом: «Самый факт ухода И. Л. Горемыкина является признанием, что упорная и систематическая борьба прежнего премьера с народным представительством более не встречает одобрения и что считается более соответствующей моменту примирительная политика по отношению к Гос. думе» [14]. На деле такой вывод мог означать только одно: полное признание назначения Штюрмера и выдачу векселя на лояльность и готовность к сотрудничеству с ним.

Но если «Речь» еще соблюдала какие-то нормы, то «Утро России», избравшее вместе с прогрессистами тактику критики кадетов слева на базе требования «ответственного министерства», выдало Штюрмеру такие авансы, на которые не решился даже Меньшиков. «Пусть г. Штюрмер — не человек широкого общественного доверия, — прямо обращалась газета к новому премьеру в статье „Чего мы ждем", — но пусть признает он историческую необходимость для России тесного, хотя бы временного единения с общественными элементами страны ad hoc. . .». Долг перед Россией «властно . . . призывает всех и вся к единению», и Штюрмер окажется воистину «настоящим человеком на настоящем месте», если «первый покажет пример государственной прозорливой мудрости и политической зрелости. . .» [15].

Прямо ссылаясь на «Прогрессивный блок» и приводя цитаты из газетных заявлений нового премьера, газета П. П. Рябушинского в статье под весьма показательным заголовком «Объединение во что бы то ни стало» еще более решительно, чем в первой статье, заявила о необходимости сотрудничества со Штюрмером. «Само думское большинство, — подчеркивалось в статье, — первое идет на компромисс, лишь бы не воспрепятствовать спасительному делу налаживания „дружного сотрудничества. . ."». Вот исторический момент, когда Штюрмер может воочию доказать, что «во имя достижения великой и единой цели, от осуществления которой зависит все будущее великой России», он первый отказывается от былых правительственных «прав», а мыслит лишь «о долге своем пред Россией и ее счастливым будущем» [16].

Наконец, в день открытия Думы газета еще раз потребовала: «Стране сейчас все равно, *как* они будут „столковываться". Но она хочет, чтобы они

столковались...» [17]. Курсив газеты избавляет от необходимости комментариев, равно как и все три цитированные статьи достаточно ясно говорят о потенциях прогрессистского либерализма.

* * *

Заседания Думы начались, соответственно указу, 9 февраля 1916 г. О готовности либералов верить правительству вопреки очевидности свидетельствует их реакция на посещение Николаем II Думы и Государственного совета в этот первый день ее открытия. Это было первое и последнее посещение царем российского «парламента» за все время его существования. Ни для кого не было секретом, что внезапное явление царя «народному представительству» — всего-навсего дешевый политический трюк, имевший целью расположить Думу к новому премьеру (эта идея принадлежала распутинскому окружению и была подсказана царю именно Распутиным), что никакого действительного изменения отношения к Думе со стороны правящих «верхов», и прежде всего самого Николая II, оно не означало. Тем не менее блок в целом и кадеты в частности поспешили оценить это посещение как факт исторического значения, открывающий новый период во взаимоотношениях власти и Думы.

«Открытие сессии Гос. думы, — говорилось в передовой кадетского официоза, — ознаменовалось событием высокой политической важности: посещением Гос. думы государем императором». В течение 10 лет, начиная с момента издания манифеста 17 октября 1905 г., шел спор о том, есть ли в России конституция. Теперь ответ получен. «В настоящее время претензиям этим (со стороны правых, доказывавших, что и после 17 октября царь остался самодержцем и, следовательно, никакой конституции в России нет. — *А. А.*) нанесен сильный удар. Защитники старого абсолютизма вчера лишились одного из своих аргументов, казавшегося особенно сильным» [17а].

Много лет спустя Милюков признал, что «посещение царя ровно ничего не изменило. Политика оставалась та же» [18]. Девятого же февраля 1916 г. он (вместе со своей фракцией) так же бурно демонстрировал свои верноподданические чувства в ответ на «бесцветную, но благожелательную» [19] речь царя и ответную речь председателя Думы, как и Марков 2-й [20].

За посещением царя последовали правительственное заявление нового премьера и ответная декларация блока. Дебют Штюрмера на думской трибуне уже не сопровождался овациями. Новый премьер, свидетельствовала «Речь», произнес свою декларацию «при гробовом молчании» [21]. По оценке Милюкова, появление Штюрмера в Думе потерпело полный провал. Свою речь он читал по тетрадке, слабым голосом. Но дело, конечно, было не в этом. Суть его выступления была выражена в словах: «Исторические устои, на которых росло и развивалось Государство российское, незыблемы» (т. е. никакой «конституции» в России нет и не будет). «Этого было достаточно», — констатировал Милюков в своих воспоминаниях [22].

В числе главных вопросов, требующих срочного и оптимального разрешения, Штюрмер назвал два: продовольственный и борьба с «немецким засильем». Отношение правительства к «Прогрессивному блоку» было выражено Штюрмером нарочито туманно, но тем не менее достаточно понятно. «Задачи внутреннего строительства», т. е. намеченные блоком внутренние реформы, при всей их важности, заявил он, — все же не главное. Кроме того, поскольку по каждому из намеченных законопроектов в самой Думе существуют разные мнения (имелась в виду позиция крайних правых и балашов-

цев), то какое из этих мнений «правительством может быть принято и какое нет — в настоящее время я счел бы несвоевременным устанавливать». Однако, идя навстречу Думе, ее патриотизму, правительство поручило министру внутренних дел разработать три законопроекта, внесенные по инициативе Думы, — о волостном земстве, реформе городового положения и введении земства в некоторых местностях Сибири [23].

Как свидетельствует стенограмма, Штюрмер сошел с кафедры все же под рукоплескания не только справа, но и «в правой части центра»; лишь «слева» его проводили шиканьем.

Блок ответил на декларацию Штюрмера собственной декларацией (выработанной еще на упомянутых выше заседаниях бюро блока в конце 1915—начале 1916 г.). «От имени фракции прогрессивных националистов, центра, земцев-октябристов, думской группы „Союза 17 октября" (т. е. „левых" октябристов. — *А. А.*), прогрессистов и народной свободы», она была произнесена председателем бюро блока Шидловским. Ее содержание показывает, что декларация полностью отвечала тому настроению крайней умеренности, которое господствовало у заправил блока.

Напомнив, как полгода назад думское большинство путем взаимных уступок объединилось для того, чтобы высказать «правительству свое единое мнение», поддержанное общественными организациями, а правительство ответило на это роспуском Думы «и предпочло идти своей собственной дорогой», оратор сразу же изложил главную исходную позицию блока, смысл которой состоял в том, что блок не борется за власть. «Всеобщее желание, чтобы страна могла доверять своему правительству и чувствовать себя с ним единым, было злостно истолковано как лозунг борьбы за власть», — заявил Шидловский под «*бурные рукоплескания и голоса*: „Правильно!"».

Все остальное в речи Шидловского было детализацией и развитием этого основного положения. Власть, отказавшаяся опереться на сочувствие страны, продолжал Шидловский, оказалась малодеятельной, не сумевшей справиться с задачами, выдвинутыми войной. «Неумелые действия власти» привели к расстройству экономики страны, нарушению подвоза, росту цен, нехватке продуктов, сопровождаемых ростом лихоимства и злоупотреблений. Положение осложнено подозрительным отношением властей ко всем общественным организациям, стремящимся ослабить экономические невзгоды. Выход один: «Создание правительства из лиц, способных и знающих, сильных доверием страны, готовых решительно изменить применявшиеся доселе способы управления и могущих работать в согласии с народным представительством».

Из контекста видно, что и здесь, требуя «правительство доверия», блок имел в виду кабинет министров, состоящий не из общественных деятелей, а из честных и знающих бюрократов. Что касается собственной программы блока, то о ней Шидловским было сказано очень коротко. Закончил оратор призывом к власти встать на путь «искреннего» сотрудничества с «русской общественностью» и думским большинством [24]. В целом речь Шидловского была бесцветной и невыразительной.

Обсуждение правительственной декларации заняло без малого четыре заседания, и уже сам этот факт, учитывая кризисную обстановку в стране и необходимость принятия срочных и энергичных мер, говорит о том, что блок не только не представлял какой-либо действенной силы, но просто не решался перейти к конкретным шагам даже в рамках собственной программы, сознавая свое бессилие и боясь обострения внутренних проти-

воречий. Вся его энергия переключилась на длинные и скучные речи, наводившие на мысль о толчении воды в ступе. Осевой линией этих прений была дискуссия между крайними правыми, с одной стороны, и блокистами — с другой. Подспудный смысл их состоял в том, что С. В. Левашев, Н. Е. Марков 2-й и другие черносотенцы выражали в форме грубого и открытого третирования блока истинное отношение к нему «верхов», что еще более подчеркивало безнадежность попыток блока добиться «министерства доверия» на избранном им пути сервилизма и уступчивости.

Первым, кто вышел на кафедру после Шидловского (на следующем, 18-м заседании), и был лидер фракции крайних правых Левашев. Естественно, что в центре его критики было «министерство доверия». Критический прием был тот же: ставился знак равенства между этим требованием и «ответственным министерством», которое объявлялось противоречащим основным законам, а с учетом военной обстановки — «прямо преступным». Вслед за этим отвергалась конкретная программа блока как не соответствующая моменту. «По нашему мнению, — говорил Левашев, — могут подлежать рассмотрению в нынешнюю сессию лишь законопроекты, имеющие прямую связь с войной». Все же остальное, отвлекающее от войны и способное вызвать «разномыслие и раздор», должно быть отложено до наступления мирного времени. Собственная программа черносотенцев, изложенная оратором в 12-ти пунктах, исчерпывалась требованием борьбы с «немецким засильем». Рецепты же по борьбе с дороговизной представляли собой обычную смесь прожектерства и демагогии [25].

Любопытно, что на первых порах черносотенцы всячески подчеркивали свое миролюбие — несомненно, по просьбе тех же Штюрмера и Хвостова, чтобы не портить их игру с Думой. Однако такая линия поведения глубоко противоречила самой их натуре. Марков 2-й в роли кроткого агнца выглядел достаточно неуклюже.

Чувство ответственности перед царем и родиной, начал он свою речь, «побуждает меня обратиться к вам с попыткой примирения». «Не время теперь затевать внутреннюю войну». Вести борьбу с правительством — значит совершать «страшную историческую ошибку». Раскритиковав затем лозунг «министерства доверия» как стремление блока ввести «парламентаризм», оратор съехал на более привычную для себя стезю: «Как ни могущественно это объединение шести фракций Государственной думы, как ни властны вы перевернуть Россию вверх дном, ну, а ... вот я на Николая угодника надеюсь, что все же от ваших слов не станется, поболтаете и на том успокоитесь». Марков хорошо знал своих противников и наносил удар точно. Блок требует ухода негодных министров, продолжал он, но кто их заменит, «где эти ваши спасители? Признайтесь: их нет среди вас. Хорошие вы люди, хорошо говорите речи, но дельных работников среди вас, гг., почти нет». Не забыл оратор отметить и противоречивость блока, его непрочность. «Эта комбинация, гг., настолько ... химически не соединена, что она распадется при первом толчке... В каком же положении будут те министры, которые решились бы опираться на столь зыбкую почву?». Это была бы со стороны правительства «большая ошибка».

Закончил Марков 2-й призывом бороться с тремя действительно грозными и реальными врагами: дороговизной, «немецким засильем» и взяточничеством, т. е. предложил то, что и раньше противопоставляли программе блока думские и внедумские черносотенцы [26].

Очень симптоматичной была речь В. М. Пуришкевича, указавшего,

с одной стороны, на любопытную эволюцию самого оратора, на его явный отход от прежних лозунгов, а с другой — на процесс необратимого распада третьеиюньской системы. «С ужасом внимая» речам с думской трибуны, ставящим под угрозу найденное во время войны единство во имя общей цели, он, Пуришкевич, причину происходящего видел в непонимании того, «что нужно и что можно». Кто станет отрицать правоту большей части того, что́ говорилось ораторами, включая даже и крайних левых, продолжал он развивать свою мысль. «И в речах Павла Николаевича Милюкова, и в речах Ефремова, и даже в речах Чхеидзе, и в речах Караулова, и в речах Шидловского, и в речах Маркова 2, во всех этих речах было много истины, много святой правды ... которая должна в конечном результате обновить наш государственный организм»; и тот, кто стал бы говорить, что всё после войны должно остаться по-старому, «тот нашел бы правильное осуждение и у современников, и в рядах грядущих поколений».

Перемены нужны, это бесспорно. «Нужен ряд реформ... Нужна реорганизация многих отраслей управления», чтобы обновить атмосферу, созданную теми подпольными силами, которые сейчас играют, «как никогда, громадную роль и оказывают громадное влияние на ход жизни русского государственного корабля». Когда наблюдаешь современную действительность, понимаешь, что «так дальше в будущем жить и развиваться нельзя...». Действительность проняла даже такого правого экстремиста, каким еще вчера был Пуришкевич, заставив его заговорить не только о «подпольных», т. е. «темных», силах, но и о необходимости реформ.

Не называя по имени ни Распутина, ни митрополита Питирима, Пуришкевич выразил свое возмущение тем, что высший иерарх церкви окружен темными дельцами типа И. П. Мануса, Д. Л. Рубинштейна, И. Ф. Манасевича-Мануйлова, находится под влиянием «всякого рода [Гришек] Отрепьевых и отрепьев». Вслед за этим он произнес свою крылатую фразу о «министерской чехарде», которая прочно вошла не только в тогдашний политический обиход, но и в историографию. «Разве нормально, гг., происходящая, также, скажу я, благодаря ряду посторонних влияний, такая быстро прерывающаяся министерская чехарда, свидетелями которой являемся мы?»

Казалось бы все ясно: положение создалось нетерпимое и нужно принимать срочные меры по «обновлению». Но Пуришкевич, несмотря на проделанную эволюцию, продолжал оставаться крайним правым, т. е. не только реакционером, но и демагогом. Не надо «упреждать события», обратился он с призывом к либералам, тем более что после войны Дума будет вашей, либеральной. «Мы (правые. — *А. А.*) останемся (на будущих выборах. — *А. А.*) в громадном меньшинстве». Каковы бы ни были масштабы административного воздействия на выборы, Дума «получит характер крайнего либерализма... и вы, гг., будете господами положения...». Зачем же сейчас обострять обстановку и настаивать на реформах, не связанных с войной? «Повремените, гг., и вы достигнете, если не всего, то многого». Но в данный момент «„урывать" у власти, бороться ... за власть, объединяться в прогрессивные блоки... — с этим надо повременить... (*Шум слева. Милюков*: Вы нас плохо поняли)».

Заканчивая, Пуришкевич снова повторил свой основной тезис: «Конечно, внутренняя жизнь России требует громадных реформ... уничтожения тех темных подпольных сил, которые парализуют правильное развитие русского народа... но не теперь, не теперь заниматься этим. Теперь всё должно быть отдано победе» [27].

Пуришкевичевское «не теперь» было вполне созвучно кадетскому «во время переправы не перепрягают лошадей», и приведенная реплика Милюкова свидетельствовала о том, что перспектива достижения взаимопонимания между главарем «Союза русского народа имени Михаила Архангела» и лидером партии «Народной свободы» была весьма хорошая.

Речь представителя националистов — балашовцев (Русская национальная фракция) Л. В. Половцова 1-го не представляет интереса.

Выступая от группы националистов-прогрессистов, В. В. Шульгин еще раз подчеркнул, отвечая на упреки справа в «измене», что блок объединился на основе весьма «скромных предложений» [28].

Невыразительными были выступления и октябристских ораторов. Земец-октябрист М. В. Родзянко взял слово главным образом для того, чтобы защитить союзы земств и городов, а также военно-промышленные комитеты от нападок Маркова 2-го, обвинявшего их в ограблении казны чрезмерными ценами и плохой работой, в чем был полностью поддержан прогрессистом А. И. Коноваловым, товарищем председателя ЦВПК, и кадетом Н. В. Некрасовым, одним из заправил Всероссийского союза городов. «Левый» октябрист Е. П. Ковалевский предпочел посвятить свое выступление внешнеполитическим вопросам.

Что касается речи лидера прогрессистов Ефремова, то в ней заслуживает внимания уверение в том; что требование «ответственного министерства» — очень скромное требование и неприятие его блоком основано на чистом недоразумении. Установление принципа «ответственного министерства», объяснял он, «не требует непременно изменения основных законов (главный контраргумент блокистов. — *А. А.*), он может быть введен и у нас обычаем, рядом прецедентов». Таким прецедентом, например, могло бы быть «торжественное заявление» от имени Совета министров, что правительство будет управлять страной, только опираясь на Думу, и сложит свои полномочия, как только она «выразит порицание их (министров. — *А. А.*) деятельности». «Еще лучше» было бы «высочайшее волеизъявление» аналогичного порядка [29].

Речь Милюкова, как всегда, претендовала на государственную респектабельность и программность, и эти амбиции на фоне конечного вывода, который сделал кадетский лидер, пожалуй, лучше всего доказывают бессилие блока, его неспособность к какому-нибудь серьезному действию.

Декларация блока, подчеркнул оратор, указала на четыре условия, которым должно удовлетворять правительство, чтобы стоять на высоте событий.

Прежде всего декларация требует людей «знающих и способных». «Гг., не составляет секрета, что с некоторого момента незнание специальности стало как бы патентом на назначение... и перемены в направлении ухудшения состава продолжаются». О «темных силах» было сказано достаточно темно, хотя и понятно. Причины, по которым пострадал состав кабинета (имеются в виду отставки осенью 1915 г. «либеральных» министров, выступавших за сотрудничество с Думой и против смены царем вел. кн. Николая Николаевича на посту верховного главнокомандующего) — те же, от которых пострадала и Дума. Второе условие — «доверие». На данный момент дело обстоит таким образом, что «мы имеем министерство доверия союза русского народа». Третье условие — организация (взамен царящей дезорганизации) и, наконец, четвертое — политика примирения с Думой, «общественностью» и национальностями.

Поскольку, как признал сам Милюков, все эти требования игнорировались и не было никаких признаков того, что дело может измениться к лучшему, естественно было ожидать, что со стороны человека, претендовавшего на роль лидера думского объединения, последует какое-то достаточно твердое заявление о действиях, которые предпримет блок, если все останется по-прежнему. Милюков понимал это, но тем не менее закончил свое выступление следующими словами: «Я, гг., говорю это не для того, чтобы предложить способы выхода. Я их не знаю. У нас нет средств решить этот вопрос собственными силами, и мы не решаемся больше обращаться к государственной мудрости власти. Вот почему накануне событий, быть может решающих, я проникнут большей тревогой, чем когда-либо прежде, и схожу с этой кафедры без ответа и без надежды получить его от теперешнего кабинета» [30].

Ни один социал-демократ не смог бы так разоблачить бессилие блока, с одной стороны, банкротство кадетского равнения направо — с другой, чем сделал это сам Милюков своим весьма красноречивым признанием.

Впрочем, признаний такого рода было им сделано немало. Показательно, что блок не предложил даже своей формулы перехода, и прения вообще закончились без принятия какой-либо формулы. (Единственная формула, внесенная социал-демократами, была, естественно, отвергнута.)

Позиция трудовиков при обсуждении декларации Штюрмера была полностью выражена в следующих словах В. И. Дзюбинского: «...Трудовая группа выражает свое глубокое убеждение, что все усилия народа должны быть сосредоточены на обороне страны и создании новой исполнительной власти, ответственной перед народным представительством, избранным всеобщей подачей голосов, без чего все жертвы будут напрасны» [31]. Практически это заявление означало, что трудовики являются союзниками «блока», его непосредственными соседями слева.

Что касается позиции социал-демократов, то, по мнению газеты Милюкова, она была выше всяких похвал. Речь Чхеидзе от 10 февраля, говорилось в недельном обзоре «Речи», — это «умереннейшая и корректнейшая из социал-демократических речей антимилитаристского (?) типа. Выступления социал-демократа Бурьянова и Манькова показали, что у нас имеется сильное течение социал-демократии, протестующее против механического применения шаблонов социал-демократов к настоящей войне» [32]. В этой оценке верно все, кроме слова «сильное». Под «шаблонами», как нетрудно догадаться, кадетский официоз имел в виду большевистскую трактовку войны как империалистическую с обеих сторон. В частности, Маньков говорил: «Циммервальдский съезд является только показателем ... настроения небольшой кучки руководителей...». Он работал «без полномочий рабочего класса» и поэтому «безусловно неавторитетен» [33].

Прения по правительственной декларации были закончены на 20-м заседании 12 февраля, а с 22-го заседания, 16 февраля, Дума начала длительное обсуждение бюджета на 1916 г., на которое и ушла основная часть сессии. Как мы помним, разрабатывая тактику предстоящей сессии, руководители блока решали вопрос о том, как обсудить бюджет, не рискуя длительностью сессии, т. е. возможностью использовать заседания для осуществления программы блока. Теперь, приступая к обсуждению, руководители блока поставили перед собой прямо противоположную цель, хотя об этом вслух, разумеется, не говорилось: затянуть бюджетные прения как можно дольше, чтобы не осталось времени для разработки и постановки на повестку дня Думы всех ранее оговоренных законопроектов о волостном

земстве, реформе земского и городского самоуправлений, введении земства на окраинах и всего остального из багажа кадетского-либерального творчества.

Если бы блок был действительно обуреваем стремлением реализовать свою программу и поскольку он, стоя на «патриотических» позициях, считал в принципе невозможным ставить вопрос об отклонении бюджета, он мог бы посвятить последнему одно — максимум два заседания, из которых второе могло бы быть использовано для критики сметы министерства внутренних дел, т. е. по сложившейся традиции, внутренней политики правительства. Остальное же время было бы отдано реализации намеченной программы. Это тем более следовало ожидать, что военный бюджет, по собственному признанию участников блока, был чистой фикцией, поскольку его исходные цифры были взяты с потолка, не говоря уже о том, что собственно военная, т. е. львиная, часть бюджета не подлежала компетенции Думы, была от нее забронирована. Еще во время предварительных совещаний бюро блока Дмитрюков заявил, что бюджет «фиктивный» [34]. В своем выступлении Шингарев вынужден был признать, что критикует бюджет, который в настоящее время «низведен до случайного канцелярского списка», говоря словами Сперанского, он «не что иное, как пустой обряд, ничтожный в общем ходе государственных дел» [35].

Тем не менее этот «пустой обряд» блок аранжировал так, что был сохранен совершенно довоенный темп и ритм обсуждения с бесконечным и бессмысленным словоизвержением. Повторялся и сложившийся сценарий, согласно которому прения всегда и непременно открывал длиннейшей речью главный кадетский финансовый специалист Шингарев. Карикатурность, никчемность всей этой затеи так бросались в глаза, что Марков 2-й не преминул лишний раз высмеять кадетскую и блоковскую пустопорожность. «Установилось не то правило, не то обычай, — язвительно заметил черносотенный главарь, — вот уже восьмой год после министра финансов появляется Андрей Иванович Шингарев — сперва министр, потом антиминистр. Министр говорит, что все прекрасно, антиминистр говорит, что все скверно, к счастью, выводы того и другого почти всегда одинаковы. Министр говорит: мы победим, потому что все хорошо; антиминистр, доказывая, что все скверно, кончает: но все-таки мы победим» [36]. Надо отдать должное Маркову 2-му: это была точная характеристика конечной сути речей Шингарева.

Что касается амплитуды общих прений по бюджету — ее крайними границами (исключая трудовиков и социал-демократов — меньшевиков) были те же Марков и Шингарев.

Последний под конец своей длиннейшей речи, намекая на Распутина, высказал сочувствие «несчастной, поруганной и оскорбленной церкви», когда «лучшие ее представители отгоняются назад в угоду проходимцам», заявил, что власть поддерживают только черносотенцы, в результате чего «настал распад старого режима», причем такой, что его «честные и добросовестные слуги» с трудом с ним уживаются и «даже должны уходить». Закончил он фразой, которая и дала повод Маркову для его насмешки: страна «победит вопреки им! (большинству министров. — *А. А.*)» [37].

Его достойный оппонент Марков 2-й в речи столь же длинной снова доказывал, что основное требование блока означает на деле «борьбу за народоправство» и разница между участниками сговора только та, что «более откровенные» хотят «совершить переворот в 1916 г.», а октябристы и их друзья хотят отложить это дело до 1917—1918 гг. Прав был Горемыкин,

распустив Думу 3 сентября 1915 г., потому что на деле не он ее «разогнал», а «разогнало ваше непомерное честолюбие», «непомерные и безумные требования» блока [38].

Упомянутый выше Э. П. Беннингсен, спровоцированный Марковым 2-м, вновь подтвердил, что продолжает стоять за «ответственное министерство» и надеется на наступление таких «светлых дней», когда правительство будет чувствовать себя ответственным «не только перед ничтожной кучкой русского народа, которая именуется группой крайних правых. . . но почувствует себя ответственным перед всем русским народом. (*Бурные рукоплескания слева и в центре*)» [39].

Формула перехода блока, предлагавшая переход к постатейному чтению, вскользь упоминала о власти, «опирающейся на народное доверие», и требовала «коренного изменения» приемов управления, проведения намеченных Думой реформ и выработки «широкого финансово-экономического плана» для подъема производительных сил страны. Против перехода к постатейному чтению, т. е. за отвержение бюджета, голосовали только трудовики и социал-демократы, предварительно огласив в кратких заявлениях мотивы голосования. Формула, разумеется, была принята [40].

Переломным моментом на сессии Думы могло бы стать обсуждение сметы синода. Руководители блока, убедившись после выступления Штюрмера, что весьма неопределенные предварительные обещания о сотрудничестве с Думой оказались грубым обманом, имели все основания считать себя свободными от взятого обязательства не упоминать имени Распутина. В таком случае блок пошел бы на открытый конфликт с короной, как тогда было принято выражаться, т. е. заявил бы о себе как о борющейся силе. Но ничего подобного он не сделал.

25 февраля 1916 г. заведующий министерским павильоном в Таврическом дворце Л. К. Куманин, в обязанность которого входило сообщать главе правительства обо всем происходящем в Думе, доносил: вчера вечером (т. е. накануне обсуждения сметы синода, начавшегося 25 февраля) Родзянко пригласил к себе на квартиру представителей фракций блока и сообщил им, что во время его последней аудиенции у царя ему было выражено «пожелание», чтобы во время синодальных прений он использовал бы свои права председателя для того, чтобы не допустить речей «о безответственных влияниях» и «сплетни об отдельных лицах», потому что они не имеют под собой никаких оснований. «Наоборот, в непродолжительном будущем предположено вообще ликвидировать даже самые поводы, дающие пищу для этих руморных слухов (т. е. Распутин будет выслан из Петрограда на родину в село Покровское. — *А. А.*)».

Сделав такое сообщение, Родзянко уже от своего имени просил лидеров думского большинства «употребить все свое влияние», чтобы не допустить «нежелательных выступлений» со стороны своих фракционных ораторов. Что касается крайних левых и крайних правых, то здесь Родзянко рассчитывал справиться собственными силами, применив «всю полноту председательской власти». Но все же, если возникнут «эксцессы», он просит «вождей прогрессивного блока» помочь ему в их пресечении.

«Заявление М. В. Родзянко, — сообщал далее чиновник особых поручений при председателе Совета министров, — было более или менее сочувственно встречено только в правом крыле прогрессивного блока». Центр и левое крыло встретили его «явным недоверием». Председателю было указано, что слухи о ликвидации влияния «старца» пускались в ход уже не раз,

«и невозможно при столь шатком основании закрывать рот желающим говорить об этой ужасной язве русской жизни». Конечно, «никакие эксцессы не должны быть терпимы», и здесь председатель «несомненно встретит поддержку большинства Государственной думы». Но, с другой стороны, и «эксцессы» самого председателя при пресечении «эксцессов» в Думе трудно будет поддержать «в приподнятой атмосфере общего собрания» Думы. «После этого обмена мнений совещание, — заключал Куманин, — признало вопрос исчерпанным, и, как передают, обе стороны остались неудовлетворенными друг другом» [41].

Из цитированного документа с несомненностью вытекает, что лидеры блока твердо намеревались держаться данного Хвостову и Штюрмеру обещания и что царская чета, опасаясь за своего «Друга», думала о блокистах лучше, чем они того заслуживали. Более того, оказались напрасными опасения Родзянко и относительно возможных «эксцессов» со стороны социал-демократов — меньшевиков и трудовиков. В течение двух заседаний по смете синода выступили десятки ораторов, и ни один из них не осмелился назвать вещи своими именами, в лучшем случае ограничившись глухими намеками.

Под стать этим прениям была и принятая Думой формула перехода, предложенная блоком. В ней признавалось необходимым «принятие мер» для переустройства церкви «на началах соборности», «преобразования» церковного управления, прекращение «вредной практики» перевода епископов с кафедры на кафедру (намек на перевод Питирима в Петроград, а петроградского митрополита в Киев) и «отказ» власти от взгляда на православное духовенство как «на орудие внутренней политики» [42]. Последнее требование было типичнейшим образчиком либерального фразерства, и правые не преминули высмеять его. «Отсутствие политики в приходе, — говорил националист-балашовец кн. К. М. Шаховской, — ...совершенно непонятно». Задача священника — «воспитать сына, верного царю и родине... И, следовательно, политика в приходе отсутствовать не может и быть должна (*Милюков*: Откровенно)». В этом деле «министерство внутренних дел и святейший синод пойдут рука об руку», и поэтому «никакими пожеланиями и постановлениями» политики из прихода не искоренить [43].

У блока еще была возможность «спасти лицо» при обсуждении сметы министерства внутренних дел, которое по традиции представляло собой прения по всем основным аспектам внутренней политики, потому что именно это ведомство, точнее, даже департамент полиции определял и проводил внутриполитический курс царизма. Однако блок не воспользовался этой возможностью. На протяжении четырех заседаний ораторы блока продолжали скучно и длинно повторять одни и те же упреки в адрес власти, упорно не желавшей пойти на «единение» с Думой и цензовыми общественными организациями, а Марков 2-й и К° столь же длинно и нудно обвинять «объединенную оппозицию» в стремлении захватить власть и насадить чуждый историческим устоям страны «парламентаризм». Сознание полной бесцельности этой говорильни порождало всеобщее раздражение, переросшее во взаимные нападки и обвинения, вплоть до ругани, причем от прежнего показного «добродушия» крайних правых не осталось и следа. Блокисты, преимущественно кадеты, обвиняли черносотенцев в происках, направленных на заключение сепаратного мира, те отвечали им упреками в политиканстве, обмане, корыстных интересах и т. п.

Несостоятельность блока как политической силы была на этот раз

особенно подчеркнута мелким и случайным на первый взгляд обстоятельством, которое в действительности не было ни мелким, ни случайным. Обсуждение сметы министерства внутренних дел началось 29 февраля, а уже на другой день столица была полна слухов о том, что министр внутренних дел Хвостов, в адрес которого и была направлена критика, пал. 3-го марта эти слухи полностью подтвердились: Хвостов был уволен со своего поста. Пикантность ситуации состояла в том, что причиной отставки была отнюдь не критика с трибуны Думы, а провал затеи Хвостова убить Распутина, который начал ему не доверять, а главное — не пускал в премьеры, к чему этот толстяк-авантюрист очень стремился. История носила совершенно уголовный характер, на уровне, как вынуждены были констатировать оппозиционеры, бульварного романа. Таким образом, было очень наглядно продемонстрировано, что высшие правительственные назначения и отставки, равно как и внутренняя политика, определялись силами и мотивами, к которым Дума и блок были совершенно непричастны — они были величиной, которая полностью игнорировалась. Орбита политического вращения «верхов» уже целиком замыкалась на «старце» и кучке окружавших его проходимцев.

Поэтому, когда Милюков в своей речи по смете полицейского ведомства говорил о том, что министры, увидев отсутствие «прямых требований со стороны Думы», полностью успокоились и просто перестали посещать Думу, да к тому же «им некогда», потому что «параллельно с нашими работами за кулисами Государственной думы начался или, вернее, продолжался тот бульварный роман с приключениями, о котором говорил здесь мой товарищ Аджемов», он, по существу, иронизировал над самим собой. Когда, продолжая, Милюков заявил, что, если бы он «хотел говорить о Хвостове специально», ему «пришлось бы говорить надгробное слово», он, возможно, сам того не подозревая, произносил надгробное слово в адрес блока. Когда он же совершенно справедливо призывал Думу не объяснять теперешнюю политику «слишком глубокими и сложными соображениями» и отдать себе отчет в том, что она руководствуется лишь знаменитым щедринским «жрать», лидер кадетов расписывался в собственной несостоятельности.

Последовавшая затем полемика Милюкова с меньшевиком А. И. Чхенкели выявила всю ложность критического пафоса речей Милюкова — человека, считавшего себя естественным лидером блока и мнившего себя непогрешимым тактиком. Одновременно речь Чхенкели убедительно показала, что думские меньшевики в годы войны скатились на самое дно оппортунизма и оборончества, став на деле охвостьем «Прогрессивного блока».

Упрекнув лидера кадетов в контрреволюционности, на базе которой он стал сотрудничать с Гучковым (на что Милюков подал реплику: «Да никто этого не отрицает»), и поспешив при этом добавить, что этим он не хочет «сделать выпад» против кадетской фракции — «ничего подобного», Чхенкели далее пояснил, что цель его выступления — заставить блок «приступить от критики к делу». Под делом он понимал отвержение бюджета, и прежде всего сметы министерства внутренних дел. Характерно, однако, что необходимость такой акции Чхенкели мотивировал опасностью углубления внутреннего кризиса, который может привести, как давал понять оратор, к революции. Причем он не призывал к ней, а, наоборот, пугал ею, боясь и не желая ее точно так же, как и Милюков.

«Гг. члены прогрессивного блока, — взывал Чхенкели, — смотрите, чтобы

и вы не опоздали с исполнением долга, долга, который лежит на вас (*Милюков*: А на вас?). Совершенно верно. . . если бы у меня была малейшая уверенность в том, что власть эта сможет защитить страну от разгрома, будьте уверены, моя тактика была бы совершенно иная, я не мешал бы ей». Но вся беда в том, что этого нет.

Более того, эта власть «провоцирует. . . революцию». И по необходимости (а не по желанию) надо готовиться к ней. Растерявшись от вопроса Маркова 2-го: «А вы еще не готовы?» — Чхенкели подтвердил: «Мы не готовы. Я вам скажу, гг., — закончил он свою речь, — моя основная, главная мысль сводится к следующему: страна находится в величайшей опасности, данная власть с каждым часом усиливает эту опасность, единственный выход из этого положения, гг., мобилизация всех живых сил страны, — но мобилизация немыслима, как вы говорите, при настоящих условиях, при этой власти. Вот почему я и говорю: лозунгом момента является свобода, свобода, свобода» [44].

По странному недоразумению (или намеренно, чтобы еще раз воспользоваться случаем подтвердить верность кадетов блоку) эту совершенно прокадетскую речь Милюков воспринял как призыв ориентироваться на революцию, хотя Чхенкели говорил прямо обратное. В связи с этим он решил еще раз изложить кадетское кредо. «Гг., — заявил он, — я не знаю наверное, приведет ли правительство нас к поражению. Мы этого боимся и хотим это предупредить. Но я знаю, что революция в России непременно приведет нас к поражению. . . Если бы мне сказали, что организовать Россию для победы — значит организовать ее для революции, я сказал бы: лучше оставьте ее на время войны так, как она была, неорганизованной». В переводе на более точный язык это в действительности означало: лучше поражение, чем революция.

При этом Милюков вынужден был снова признать, что у него нет альтернативы революции. «Что же делать? — ставил он главный вопрос. — Мы опять приходим к альтернативе. . . Маркова или Чхенкели. Один говорит: бросьте вашу тактику и поддерживайте это правительство. Другой говорит: бросьте вашу тактику и выберите новые средства для борьбы. . .». В трудное, «может быть, безысходное положение. . . поставлены люди, не желающие вести тактики . . . ни . . . крайней правой, ни тактики крайней левой». Тем не менее надо продолжать прежнюю тактику блока, и «наша единственная надежда заключается в этом продолжении» [45].

Логика классовой борьбы, логика революции и контрреволюции, равно как и логика оппортунизма, хороши тем, что рано или поздно, так или иначе она заставляет своих адептов говорить начистоту, заявлять о своей позиции ясно и определенно. Это подтвердил не только Милюков, но и Чхенкели, взявший слово специально для того, чтобы объяснить, что он «вовсе не призывал. . . Милюкова к тому, чтобы он делал революцию. . . Я вас приглашал не к революционной, а к парламентской борьбе», доказывая, что «нельзя вотировать смету вот этой власти министерства внутренних дел».

Принятая Думой формула перехода, предложенная блоком, свидетельствовала, что старая тактика — тактика самообмана и иллюзий продолжалась. В формуле вновь говорилось о том, что министерство внутренних дел «продолжает держаться старой политики. . . разъединения и розни» из-за «полного отсутствия руководящих идей», не справилось с дороговизной и неумело вело борьбу с «немецким засильем», результатом чего было лишь сокращение посевных площадей, отношение его «к общественным силам

по-прежнему проникнуто духом недоверия и соперничества, а к совместной работе с Государственной думой министерство не приступало». Резолюция вновь подтверждала «необходимость осуществления всех мероприятий, указанных в соглашении шести партий» [46], которые эти шесть партий на деле не собирались всерьез осуществлять.

После принятия сметы министерства внутренних дел прения по бюджету покатились дальше с неторопливостью и обстоятельностью довоенного времени. Тем самым цель блока — оправдать отсутствие «реформ» нехваткой времени — была полностью достигнута.

Обсуждение бюджета в целом было закончено на 49 заседании 26 марта. Оставшиеся три заседания до перерыва 4 апреля ушли главным образом на «вермишель», т. е. на обсуждение и принятие нескольких десятков мелких законопроектов, вроде закона «об увеличении в 1916 г. кредита, отпускаемого на канцелярские и хозяйственные расходы пробирных установлений», или «об отпуске из государственного казначейства с 1916 г. пособия Петроградскому братству во имя царицы небесной и об утверждении произведенного на сей предмет в 1915 г. расхода».

Возобновились занятия Думы 18 мая, а закончилась сессия 20 июня. Из имевших за это время 13-ти заседаний шесть заседаний также целиком ушли на «вермишель». Таким образом, для «реформ» осталось семь заседаний, причем также вперемежку с «вермишелью».

Справедливости ради следует отметить, что еще до перерыва, 4 апреля, кое-какое внимание было уделено «реформам». Так, прежде чем перейти к обсуждению сметы министерства внутренних дел, Дума посвятила целое заседание (30-е, 3 марта) вопросу о «желательности» нескольких законопроектов, включенных в программу блока. В результате были признаны «желательными» и переданы в соответствующие комиссии для дальнейшей разработки «законодательные предположения» о волостном земстве, реформе городового положения 11 июня 1892 г., введении земства в Терской и Донской областях, в Архангельской и Сибирских губерниях и «устройства» местных самоуправлений в казачьих войсках. Спустя две недели (38-е заседание, 17 марта) было признано «желательным» законодательное предположение о введении земства в Закавказье. На этом список «желательных» в будущем законов был исчерпан.

Обсуждение вопроса о «желательности» всех перечисленных «предположений» шло по одному и тому же трафарету. Сперва предоставлялось слово защитнику данного «законодательного предположения», потом выступали два-три человека, и, наконец, слово брал представитель соответствующего ведомства, чтобы выразить отношение правительства к данной законодательной инициативе Думы. Думские ораторы, как правило, защищали «желательность», а высокопоставленный чиновник с теми или иными оговорками, следуя взятой правительством Штюрмера—Хвостова тактике демонстрировать внешнее дружелюбие по отношению к «народному представительству», выражал согласие представляемого им ведомства взять на себя разработку соответствующего законопроекта. Это заявление принималось к сведению, но тем не менее Дума постановляла передать предположение в комиссию для самостоятельной разработки законопроекта, тем самым выражая недоверие серьезности намерений правительства. Предположение отправлялось в комиссию для длительного вызревания, и в результате обе стороны оставались довольны друг другом и сознанием выполненного долга.

Для примера приведем ход прений по законодательному предположению о волостном земстве, которое, с точки зрения либералов, было реформой номер один. Докладчик земец-октябрист В. И. Стемпковский начал свою речь с заявления, что на его долю «выпало чрезвычайно странное поручение», потому что законопроект, который он сейчас предлагает, представляет собой перепечатанный «слово в слово, буква в букву» законопроект, принятый еще III Думой и не вошедший в жизнь только потому, что был забаллотирован в Государственном совете большинством в один или два голоса. Законопроект был внесен в Думу покойным Столыпиным, не вызывает никаких сомнений и поэтому его надо «скорее провести в жизнь...» [47].

После Стемпковского в защиту законопроекта выступили кадеты П. П. Гронский и П. А. Леванидов (крестьянин из Архангельской губернии) и националист-балашовец священник А. Л. Трегубов, а после них слово было предоставлено управляющему земским отделом министерства внутренних дел А. И. Неверову, заявившему, что министерство немедленно приступит к разработке законопроекта и внесет его в Думу не позже начала осенней сессии (т. е. в ноябре). В ответ Стемпковский заявил, что, хотя правительство и дало согласие на разработку законопроекта, данный законопроект все же надо передать в комиссию — «для ускорения».

Эти взаимные реверансы не понравились Маркову 2-му, выразившему свое «недоумение» и сожаление по поводу того, что министерство «в теперешнее опасное для государства время», когда у него так много гораздо более важных дел, в частности борьба с «немецким засильем» и дороговизной, отвлекает своих сотрудников для того, чтобы заниматься «таким вздором». Однако товарищ министра внутренних дел кн. Волконский поспешил заявить под «бурные рукоплескания в центре и слева», что ведомство, которое он представляет, считает законопроект о волостном земстве необходимым именно в связи с войной и поэтому принимает на себя разработку законопроекта немедленно [48].

Примерно ту же процедуру, повторяем, прошли и все другие перечисленные выше «законодательные предположения».

Что же касается реального законотворчества блока в духе его программы, то оно выразилось в принятии Думой, притом только в двух чтениях, единственного законопроекта, который был торжественно окрещен либералами законопроектом о крестьянском равноправии. Содержание этого законопроекта и его обсуждение, начавшееся 31 мая, на 50-м заседании, за 20 дней до конца сессии, дают, пожалуй, одну из наиболее ярких характеристик потенций блока вообще, либералов в особенности.

Законопроект представлял собой не что иное, как действующий закон, проведенный Столыпиным еще 5 октября 1906 г., т. е. за 10 лет до описываемых событий, в порядке законодательства по знаменитой 87 ст. Основных законов. Потом он, согласно требованию той же статьи, был внесен во II Думу и лишь в 1916 г. попал наконец в повестку дня Думы под весьма скромным заголовком, выражавшим его подлинную сущность: «Об отмене *некоторых ограничений* в правах сельских обывателей и лиц бывших податных сословий».

Уже этого факта достаточно, чтобы понять, что ни о каком подлинном крестьянском равноправии в этом законопроекте не могло быть и речи. Правда, судебная комиссия внесла в него некоторые либеральные поправки, но они носили второстепенный характер и существа его по сравнению с законом 5 октября 1906 г. не меняли.

Тем не менее докладчик комиссии по судебным реформам Маклаков расхваливал законопроект самым безудержным образом, в самых напыщенных и преувеличенных выражениях, изменив собственному принципу, который он формулировал в словах: главный враг оратора — красноречие. «У нас один лозунг, — заявил он, — это новый лозунг новой России — полное уравнение крестьян с другими сословиями... И потому только Государственная дума, как из народа (!) вышедшая, должна иметь решимость и мужество решить крестьянский вопрос до конца» [49].

О действительной мере решимости, требовавшейся для принятия предложенного законопроекта, можно судить по выступлению товарища министра внутренних дел А. А. Бобринского, человека с прочной репутацией крайнего реакционера, возглавлявшего в течение ряда лет Постоянный совет объединенного дворянства и являвшегося лидером фракции крайних правых в III Думе и главой правой фракции Государственного совета (после смерти Дурново). «Те изменения, — заявил он, — те исправления, которые внесены в законопроект судебной комиссией, встречают со стороны правительства в общем полное сочувствие». Имеются, конечно, и возражения, но о них лучше говорить при постатейном обсуждении [50].

Трудно было не выразить сочувствия законопроекту, который полностью сохранял главное — сословный принцип и оставлял в неприкосновенности земских начальников, волостной суд и прочие атрибуты «крестьянского равноправия» в столыпинском исполнении. Тот же Бобринский в самом категорическом тоне предупредил: обсуждаемый законопроект «об уничтожении сословий ни слова не говорит. Это, во-первых, а во-вторых, категорически заявляю, что правительство в настоящее время не имеет в виду заниматься каким-либо упразднением сословий в России».

Даже кадеты в ходе прений, не оставивших никаких иллюзий относительно подлинной цены законопроекта, вынуждены были признать, что его непосредственное значение весьма скромное, что это всего-навсего законодательная легализация закона, действовавшего де-факто на протяжении десятилетия. Обсуждаемый законопроект, заявил Родичев, «не заслуживает ни того избытка почестей, о котором говорят иные, ни того негодования, которое здесь только что высказано». В первом случае оратор имел в виду Маклакова, во втором — Керенского, который, заключая свою речь, сказал: «Вы вносите этот закон, который никому не нужен, так как ничего не изменяет. Это прекрасная декларация — она спасает ваше лицо перед страной, спасает то объединение, которое теперь образовалось внутри Думы и которое к стране отношения не имеет» [51].

То же самое говорил и М. С. Аджемов: законопроект «никаких особенных новшеств не предлагает, намечает нам ту программу, по которой должны идти дальнейшие мероприятия, в частности в области крестьянского законодательства» [52]. После этого и сам докладчик должен был признать, что «ценность закона не в нем самом и не в наших поправках, — она в том, что крестьянский вопрос поставлен на очередь... Закон этот дал слишком мало, а нужно дать очень много» [53].

Подлинный интерес обсуждения законопроекта оказался, однако, в другом: он привел к открытому столкновению между участниками блока, правыми и октябристами, с одной стороны, кадетами — с другой, причем на стороне первых оказался и сам докладчик — член кадетского ЦК. Это было уже второе столкновение, вырвавшееся наружу, тем более симптоматичное, что обе стороны обоюдно стремились не выносить своих разно-

гласий за рамки думских комиссий. В обоих случаях причина конфликта была одна и та же — еврейский вопрос.

В начале марта кадеты внесли запрос председателю Совета министров и министрам внутренних дел и финансов по поводу циркуляров департамента полиции от 9 января 1916 г. и департамента окладных сборов от 23 июля 1915 г., в которых евреям и еврейским организациям предъявлялись обвинения в организации вздорожания предметов первой необходимости, исчезновении звонкой монеты и др. Содержание циркуляра департамента полиции, адресованного губернаторам, градоначальникам, начальникам областей и губернским жандармским управлениям, не оставляет никаких сомнений в том, что адресаты прямо призывались к организации еврейских погромов или на худой конец — к интенсификации антисемитской пропаганды [54].

Запрос был поставлен на повестку 8 марта, на 33-м заседании, и черносотенцы не замедлили выступить по нему в духе тех циркуляров, о которых шла речь в запросе. Правительство же, чтобы дезавуировать интерпеллянтов, прибегло к довольно ловкому трюку. Вице-директор департамента полиции К. Д. Кафафов, подписавший циркуляр от 9 января, заявил, и это соответствовало действительности, что в циркуляре «никаких распорядительных действий» по поводу сообщаемых в нем сведений не давалось, а поступающие в департамент сведения, какие бы они ни были, последний обязан сообщать своим нижестоящим органам [55]. Товарищ министра финансов В. В. Кузьминский поступил еще проще: заявил, что циркуляр 23 июля был отменен 7 сентября того же 1915 г. и, таким образом, уже не существует [56].

Немедленно обнаружилось, что соратники кадетов по блоку земцы-октябристы только и ждали этого момента. С худо скрываемой яростью гр. Д. П. Капнист от имени своей фракции заявил, что, как показало обсуждение запроса, «возбуждение еврейского вопроса в Государственной думе чрезвычайно опасно», и поэтому «во имя внутреннего мира», а также по юридическим соображениям (повторявшим версии представителей правительства) октябристы будут голосовать против запроса. Кадеты, чтобы не допустить этого голосования, которое явилось бы официальной фиксацией раскола блока, решили снять запрос. Еврейский депутат М. Х. Бомаш (примыкавший к кадетской фракции) поспешил на кафедру с тем, чтобы заявить, что удовлетворенные разъяснениями правительства интерпелляты свой запрос снимают [57].

В связи с обсуждением законопроекта «о крестьянском равноправии» история повторилась. Кадеты внесли поправку, которая уничтожала ограничения при поступлении на гражданскую службу и для евреев. Поправка эта имела чисто декларативный характер, так как даже те евреи, которые по закону обладали таким правом, никогда фактически на государственную службу не принимались. По признанию самих авторов, она вносилась лишь для утверждения принципа равноправия всех национальностей.

На этот раз октябристам и правым, входившим в блок, не надо даже было возражать, за них это сделал Маклаков. Под предлогом юридической невозможности соединения разных принципиальной важности вопросов в одном законе Маклаков, как докладчик, выступил против принятия кадетской поправки, и она была отклонена [58]. Поступок Маклакова был должным образом оценен бардом национализма Меньшиковым. «Те, кто выдвинул в качестве условия прохождения законопроекта в Г. думе вопрос

о еврейском равноправии, хорошо знали, конечно, чего они домогались, — с негодованием писал он. — Это была ставка... на узкую партийность той фракции, к которой принадлежит докладчик. Однако именно со стороны представителя этой фракции обструкционисты встретили отпор. И какой отпор!» [59].

В самом конце сессии возник еще один инцидент, расколовший блок, на этот раз по законопроекту о «немецком засилье». Крайние правые, авторы законопроекта, настойчиво требовали, чтобы он был поставлен на повестку дня Думы. Блок вяло сопротивлялся. В конце концов правые потребовали поименного голосования [60] и добились своего. За обсуждение законопроекта проголосовали: крайние правые, группа независимых, националисты, значительная часть октябристов, включая Родзянко и старшего секретаря Думы Варун-Секрета, почти вся группа центра и даже несколько прогрессистов. Против постановки законопроекта на повестку голосовали: социал-демократы, трудовики, кадеты, значительная часть прогрессистов, большая часть прогрессивных националистов и часть октябристов [61]. Однако обсудить законопроект Дума не успела.

Каковы же были, собственно, законодательные итоги сессии? Даже в оценке кадетского официоза, неизменно стремившегося даже самую малую законодательную либеральную «синицу» превратить в «журавля», они выглядели весьма скромно. «Крупным активом» минувшей сессии «Речь» считала принятый (еще летом 1915 г.) и ставший законом законопроект о подоходном налоге. По ее мнению, этот закон стал «первым шагом» по пути переложения тягот войны на богатые классы, что было так же далеко от действительности, как то, что лендлорды Государственного совета, утвердившие этот закон очень охотно именно благодаря его мизерности, голосовали за него в ущерб собственным интересам.

Вслед за ним «Речь» указывала на принятый Думой кооперативный закон, также весьма мелкого свойства, затем — на известный нам законопроект о так называемом крестьянском равноправии и, наконец, на принятый законопроект о компенсации рабочим министерства финансов за профессиональные болезни (последний был внесен правительством еще в III Думу и отвергнут голосами правых и октябристов в узкокорыстных интересах крупной буржуазии). По инициативе блока был рассмотрен ряд известных нам законодательных предположений на предмет желательности.

Из других принятых законопроектов «Речь» перечисляла законопроект об особых совещаниях, о расширении эмиссионного права Государственного банка, военной цензуре, установлении мясопустных дней и др., а также ряд принятых запросов [62].

За день до этого газета указывала на то, что готов к обсуждению законопроект о волостном земстве и близок к окончанию законопроект о городовом положении. Они не прошли в эту сессию только потому, что «сверх меры» шли «бесконечные полемические речи» по законопроекту о крестьянском равноправии. «Только этим фактом, — уверяла „Речь“, — объясняется сравнительно скромный актив сессии» [63].

В действительности дело обстояло как раз наоборот: потому и лились «бесконечные речи», что кадеты боялись ставить вопрос о «реформах» всерьез, все подчинив соображению о необходимости любой ценой сохранить блок.

* * *

Уже на другой день после перерыва думских занятий кадетский официоз бросился в атаку на тех, кто выражал разочарование и уныние в связи с итогами сессии, успокаивая, журя и поучая политической мудрости недовольных. Признав, что «вне Думы», в стране «продолжали развиваться настроения недовольства, соответствовавшие нежеланию правительства пойти навстречу блоку», и что «охватившее известные круги нетерпение сказалось в постановлениях общественных съездов», автор передовой далее констатировал: «При таком настроении установленный в августе 1915 г. контакт между страной и Гос. думой не раз грозил расстроиться». Городской съезд в главном требовании «уже разошелся с Думой», приняв формулу «ответственного министерства». И это тогда, укоряла газета, когда еще блок не успел сплотиться, хотя и сделал «большие успехи. . . Но до полного установления взаимного понимания еще не близко, и это особенно отразилось на печальной истории еврейского запроса». «Надо надеяться», что в будущую сессию это не повторится.

В целом, однако, уверяла передовая, «первый свой экзамен блок сдал весьма удовлетворительно». Доказательство — кооперативный закон, принятый единогласно. Остальное — в комиссиях. О главном законопроекте — волостном земстве — достигнута почти полная договоренность. Надо также учесть, что основное время Думы ушло на бюджет. «Думское большинство приняло меры, чтобы *немедленно* осуществить по крайней мере ту часть своих пожеланий, которая зависит от Гос. думы, — именно свою законодательную программу» [64].

Спустя несколько дней другая передовая, отвечая на критику блока слева, обрушилась на «догматиков» и беспочвенных «максималистов», которые своими неумеренными, а главное, нереалистическими требованиями губят общее дело. Это был постоянный и главный аргумент кадетов в борьбе с революционными силами. В 1905 г., утверждали они, «общее дело» было погублено именно благодаря левым, расколовшим единый освободительный фронт и заставившим режим взять курс крайней реакции в ответ на вооруженные восстания и другие подобные «эксцессы». Теперь они снова повторяют свои прежние ошибки, не умея или не желая извлекать уроки из недавнего прошлого.

По окончании сессии, жаловалась газета, в печати против блока идет систематическая кампания. «Увы, — она все та же, какой была и десять лет тому назад, когда быть «левее к.-д» считалось в известных кругах признаком хорошего политического тона. Она заключается в догматической уверенности, что всякая кристаллизация партий политически умеренных является препятствием для выступления на общественную арену партий, политически крайних». Всякая позиция, завоеванная либералами, считалась не завоеванием, а задержкой. Так, вспоминая старые обиды, кадетский официоз отвечал на большевистское разоблачение либералов. «Процесс достижения, — продолжала передовая развивать свою основную идею, — представлялся не в виде ряда частичных побед, а в виде катастрофического скачка к какому-то если не предельному, то все же поворотному пункту общественной эволюции».

На протяжении десятилетий, жаловалась газета, «максималистский гипноз» захватывал самые широкие круги. Теперь, «за десять лет политической жизни, положение, конечно, очень изменилось. Но остатки старого традиционного максимализма продолжают чувствоваться и особенно дают

себя знать в эпоху, подобную переживаемой ныне. Такова та психология, на почве которой складывается априорно-критическое отношение к таким непривычным для русской общественности комбинациям, как соглашение разнородных политических партий на определенной практической задаче». Когда преувеличенные ожидания от такого соглашения не оправдываются, то «винят не себя», а блок, начинают предъявлять к нему не те требования и из них делать неверную оценку: либо блок развалился, либо бесполезен. Таков «сектантский катехизис» недовольных. И «надо признать, что за этими традиционными предрассудками стоит большая сила политической инерции» [65].

Как видно из статьи, кадетский официоз адресовал свое недовольство отнюдь не большевикам и даже не меньшевикам и эсерам, а своей собственной либеральной аудитории, никак не могущей до конца проникнуться мудростью «реальной политики» и освободиться от влияния «догматического максимализма».

Критики блока «забывают, — разъясняла следующая передовая, — обусловленной и временной природы блока». Его главная заслуга состоит в том, что он сгладил внешние резкости парламентской борьбы. Для блокистов важно отсутствие скандалов, корректность, а не резкое содержание речей по существу. Не понимая этого, прогрессивная печать из этого установившегося «худого мира» делает неправильные выводы о «понимании оппозиционности» блока, о том, что он «переменил тактику». Все это было бы правильно, если бы блок выставил красное знамя, а его знамя, по выражению Шульгина, трехцветное. «На этой своей позиции, — заключала передовая, — он (блок. — *А. А.*) оказался неприступен для традиционных ударов черносотенства, вообразившего было, что имеет дело с точным повторением 1905 г. и пробовавшего возродить к жизни старые методы. Критика слева совершенно игнорирует эту первую победу блоковой тактики» [66]. Эта тирада означала следующее: Умеренность блока выбивает почву из-под ног крайних правых, целью которых является разгон Думы и переход к открытым репрессиям, обвинение блока в революционности, в стремлении возродить ситуацию 1905 г. В этом и состоит торжество «реальной политики».

Волна недовольства блоком была так велика, что на его защиту выступил Милюков. «Но уже теперь можно сказать, — уверял он в статье «Четвертая Дума», — что благодаря блоку эта Дума осуществила такие возможности, которые казались совершенно неосуществимыми при начале ее существования». В ее лице «русское народное представительство завоевало себе окончательное доверие населения и приобрело тем твердую почву для дальнейшего существования, свободного от всяких случайных экспериментов» [67].

Приведенные выдержки лишний раз говорят о том, что кадетская партия безоглядно связала свою судьбу с блоком. Последний стал для кадетов краеугольным камнем их политической стратегии и тактики. Расчет состоял в том, что гравитационные силы блока окажутся настолько мощными, что втянут в поле своего притяжения все промежуточные между пролетариатом и либеральной буржуазией широкие слои, отнимут их у революции и тем самым предотвратят повторение 1905 г. Ошибка или несчастье либералов в минувшие годы революции, по мнению Милюкова, как раз и состояли в том, что такого центра притяжения в распоряжении либералов не оказалось. Теперь же он был. Этот стратегический расчет был столь же фантастичен, сколь утверждение кадетского лидера о том, что четвертая

Дума завоевала себе «окончательное доверие населения». Хуже всякого слепого тот, кто не хочет видеть, гласит народная мудрость.

Несмотря на все усилия рассеять пессимизм и уныние, охватившие либеральную публику и самих законодателей при виде столь ничтожных «достижений» блока, настроение в Думе продолжало оставаться весьма пасмурным. В письме к Гучкову, написанному 5 апреля 1916 г., т. е. на другой день после перерыва думских занятий, Коновалов, отражая общее настроение, жаловался на то, что «в Думе — общая вялость, отсутствие программы и полное отсутствие борьбы. Блок как-то обезличил все фракции, не выявил вместе с тем физиономии и самой Думы. П. Н. Милюков всюду говорит и пишет, что блок достиг громадных успехов и что явится чуть ли не спасителем России, будет спасать ее и по открытии сессии 16-го мая, проводя целый ряд законопроектов о трезвости, волостном земстве, реформе город[ового] положения». Автор письма был далек от такого оптимизма. «Насколько жадно все ожидали созыва Думы, настолько безразлично отнеслись к ее роспуску до 16 мая, — писал он далее. — Вообще сейчас, как это ни грустно, никакой спайки в обществе не происходит. По-моему, обратно — . . .происходит скорее развал. Правительство это видит и прекрасно учитывает в свою пользу. В левых группах также все замерло — все попрятались по своим конурам» [68].

Подобное настроение, повторяем, было всеобщим. Выше уже приводилось свидетельство Родзянки о вялости сессии, частом отсутствии кворума. Дело дошло до того, что каждые месяц-полтора секретарь Думы оглашал список депутатов, отсутствовавших то или иное число раз на общих заседаниях Думы за указанный период. Так, 9 марта был оглашен список в 202 депутата (включая и пять сосланных большевистских депутатов, которые формально продолжали оставаться членами Думы), пропустивших с начала сессии от одного до 16-ти заседаний [69]. Список пропустивших то или иное количество заседаний с 10 марта по 4 апреля насчитывал уже 329 человек [70], а с 16 мая по 20 июня — 300 [71].

В статье «Дума в опасности» Меньшиков писал: «. . .едва собравшись, она (Дума. — *А. А.*) уже самовластно разъехалась и самораспустилась». Пуришкевич подал заявление об отпуске до пасхальных каникул в форме четверостишия:

Предпочитая слову дело,
Я покидаю Петроград.
Здесь в Думе только говорят,
А это мне осточертело [72].

Вот это всеобщее «осточертение» и было действительным реальным итогом деятельности «Прогрессивного блока» в весенне-летнюю сессию 1916 г.

Вся пикантность ситуации для кадетов состояла в том, что они, отдавая себе отчет в нежелании блока осуществлять всерьез намеченную программу, должны были уверять «общественность» в обратном и призывать ее к выдержке и терпению. Исходный тезис Милюкова, доказывавший, что главное значение блока заключается в самом факте его существования, уже означал отказ кадетов серьезно настаивать на программе во избежание трений и угрозы раскола. В этом отношении великолепной иллюстрацией, характеризующей как состояние блока, так и роль и тактику кадетов в нем,

служат двухдневные прения в кадетском ЦК по вопросу о поездке Милюкова и Шингарева к союзникам в составе «парламентской» делегации.

Дискуссия носила весьма бурный характер, и одной из ее центральных тем был вопрос о блоке, сформулированный примерно следующим образом: что станет с блоком во время отсутствия лидеров партии, имеют ли они право уезжать, когда само существование блока ставится под сомнение, тем более что неизвестно, исполнит ли правительство Штюрмера свое обещание созвать Думу в середине мая, не говоря уже о возможном немецком наступлении и прочих катаклизмах, которыми чревата неустойчивая внутренняя и внешняя обстановка?

Не касаясь сейчас всех аспектов полемики, о которых пойдет речь в другом месте, остановимся лишь на дискуссии, связанной с блоком.

Взяв слово на заседании ЦК 30 марта, Милюков стал доказывать, что опасения противников поездки сильно преувеличены. Отставка Поливанова и назначение гр. Бобринского делают, конечно, общее политическое положение в стране «менее устойчивым», тем не менее созыв Думы после перерыва состоится. «Посещение царем Думы заставляет поддерживать фикцию официальной благожелательности к Думе... а теперь, когда Дума собралась и не затрагивала самых острых и щекотливых тем, которых сверху боялись (т. е. тему о Распутине и «темных силах». — *А. А.*), суждения о Думе начинают принимать другое направление» — созыв новой (пятой) Думы представляет известный риск, и поэтому «удобнее» продлить на год полномочия старой. Следовательно, положение Думы «даже несколько упрочилось», и нет оснований ждать в этом отношении сюрпризов в мае. Отметим, что Милюков признал здесь, в своей среде, то, что так упорно отрицал впоследствии: именно вопрос о Распутине был главным в его переговорах с Хвостовым, именно его капитуляция привела к созыву Думы и даже ее «упрочению».

Противники поездки не разделяли оптимизма своего лидера. А. А. Корнилов поставил вопрос от имени нескольких членов ЦК, включая и москвичей, следующим образом: «Допустимо ли, чтобы лидеры партии уезжали в такие критические моменты жизни страны, каким является настоящий момент?» Положение тревожное, указывал Корнилов, нельзя поручиться за созыв Думы (в мае). Настроение в стране, вторил ему П. Д. Долгоруков, «все более сгущающееся... и вопрос ставится так, что без внутреннего переворота нет возможности достигнуть победы на войне». Такого же мнения был и Д. Д. Протопопов.

Д. И. Шаховской заявил, что он решительно против поездки: «...или блок — серьезное дело, и тогда надо помнить, что Милюков и Шингарев являются единственной нашей дверью в блоке, — или он детская сказка, пустяк, — в таком случае, значит, вы нас обманывали все время!». Пусть даже правительство не готовит никаких сюрпризов, но ведь «страна ждет от Думы великих решений, она надеется, что вам удастся переменить Штюрмера, а вы нас успокаиваете тем, что Штюрмер будет спокойно сидеть. В таких условиях поездка является пощечиной для страны!». К. К. Черносвитов также ожидал «дурных последствий» от поездки, «и особенно для блока, учреждения весьма еще шаткого».

Тему блока подхватил и Н. В. Некрасов. Хотя он блоку лично не симпатизирует, раз он признан необходимым, «нельзя напрасно рисковать им... легко относиться к возможности его развала...». Левый кадет Некрасов был полностью поддержан правым кадетом Н. А. Гредескулом. Нельзя

забывать, что Милюков — «нянька» блока, и, если что случится, «на месте блока может оказаться нечто очень жалкое» [73].

Таким образом, основной лейтмотив всех затрагивавших вопрос о блоке сводился к опасению, что блок в отсутствие Милюкова и Шингарева может просто развалиться. Блок признавался весьма хрупким сооружением, держащимся исключительно усилиями кадетского лидера. Это заставило Милюкова на следующем заседании 31 марта (пленарном) остановиться на положении дел в блоке более подробно. «Общее положение» с блоком, по его мнению, характеризовалось двумя моментами: «. . .в то время как правительство занимается итальянской забастовкой, работает только блок». Но сложность в том, что сговорились «более или менее» лидеры входящих в блок фракций, а «рядовые члены все еще смотрят волками друг на друга». Не удалось до сих пор наладить работу в комиссиях. Все же тактика блока дает некоторые плоды, а именно «некоторые правые», бывшие на совещаниях блока, убедились, что нет поводов занимать непримиримые позиции и что по многим общим вопросам возможно соглашение. «В этом направлении дела в блоке постепенно улучшаются». Из приведенных слов видно, чему в первую очередь подчинял свою тактику в блоке кадетский лидер.

Конечно, продолжал он, когда от общих положений пришлось перейти к обсуждению конкретных законопроектов, всплыли «неизбежные разногласия», которые в каждом отдельном случае придется преодолевать путем компромисса. Так, например, обстоит дело с законопроектом о волостном земстве. Октябристы хотят провести его в наихудшем варианте, в том виде, в каком он был принят III Думой. Придется согласиться: «. . .лучше провести закон хоть так, чем совсем его затормозить». Перечислив еще ряд законопроектов, находящихся в стадии обсуждения и споров, заявив при этом, что в минувшую сессию они «просто не успели» пройти, Милюков заключил: «Одним словом — работа блока идет во всю».

Что касается прочности блока, «то здесь наименее надежными являются бывшие чиновники, входящие во фракцию земцев-октябристов, они часто пытались возбуждать думских крестьян и духовенство против к.-д., указывая: „. . .вас Милюков на веревочке ведет за собой“», — но те не поддавались. «Эти элементы, склонные к чиновничьей угодливости перед правительством, являются самой опасной частью блока», но все же неожиданные сюрпризы с их стороны маловероятны. Итоговый вывод был вполне оптимистичным. «Следующая сессия, — уверял Милюков, — по-видимому, будет целиком блоковая», причем под «следующей сессией» он разумел возобновление занятий Думы в середине мая [74].

Замечание Милюкова о роли и месте октябристов в блоке вновь подтверждает наше утверждение о том, что блок стал возможным только благодаря правым, вошедшим в него. Без них блока не было бы. Поэтому утверждение Милюкова в цитированной выше статье — «единение, состоявшееся теперь, было подготовлено еще тогда» — не соответствует действительности [75].

Дискуссия о блоке имела свою строго обусловленную логику — она неизменно перерастала в вопрос о революционном кризисе в стране, о перспективах революции, для предупреждения которой блок и был создан. Даже соратница Струве А. В. Тыркова осталась недовольна чрезмерным, на ее взгляд, оптимизмом Милюкова. Она «не порицает политики блока, готова даже признать важность ее, но она не видит никаких общих перспектив». Блок не ведет никакой политической борьбы. «И главный вопрос сейчас в том, может ли блок или кто другой указать еще какие-либо способы

борьбы, — или так уж и ждать революции (потому что иначе революция совершенно неизбежна)». Поэтому, когда Милюков говорит, что «к.-д. чуть ли не хозяева положения» в Думе, его оптимизм явно преувеличен (*Милюков*: «Не к.-д.-ты, а блок хозяин в Думе. Это разница!»).

Самая болевая точка была снова задета, и в который раз кадетское руководство встало перед своим «проклятым» вопросом.

«Что касается внутреннего положения, — сразу ринулся в бой Милюков, — то он расходится в диагнозе с А. В. Т[ырковой] и не ждет революции. Это слишком упрощенный диагноз: вот уже 20 месяцев как предвещают революцию, а события систематически опровергают эти предсказания». Налицо не угроза революции, а «полная прострация». Никаких катастрофических событий в ближайшем будущем не предвидится, равно как и не предвидится перелома в политике блока, поэтому он и Шингарев могут ехать со спокойной душой.

Сославшись на Д. И. Шаховского, указавшего, что в Москве царит «крайнее недовольство, но о революции ничто не говорит», Милюков продолжал: таким образом, налицо «обычное» раздражение, не обещающее в ближайшем будущем «крупных перемен». Что касается блока, то он «укрепляется». Кроме того, надо иметь в виду, что он «не к.-д.-тами только держится, — весь состав блока дорожит существованием блока».

Шингарев в отрицании возможности революции был еще более решителен. В стране, заявил он, настроение «бессильно-революционное, и во всяком случае раньше окончания войны никаких выступлений ждать нельзя». Это была общая и неизменная идея всех либералов, которую они защищали тем более упорно, чем меньше имели для этого оснований.

Остальные ораторы выступали по схеме: революции, конечно, в ближайшее время не будет, но судьба блока, если уедут кадетские лидеры, окажется под вопросом. По мнению В. И. Вернадского, «никаких данных», говорящих о приближении революции, нет. «И блок надо оценивать вовсе не со стороны его пригодности к решительной политической борьбе: *он создан не для борьбы*, а для организации тыла». Здесь-то и возникает опасение, «не отразится ли вредно» на его деятельности отсутствие кадетских лидеров, когда возобновятся занятия Думы. Он, Вернадский, именно так и думает и поэтому в принципе против поездки.

В отличие от Вернадского Аджемов считал, что «для борьбы (с вредными тенденциями правительства. — *А. А.*) блок является сильной организацией», «самая трудная часть блоковой работы» — это реализация намеченной программы [76]. Выступления В. С. Шаховского, Д. Д. Протопопова, Н. В. Некрасова, В. А. Степанова, Ф. И. Родичева, П. Д. Долгорукова и др. в отношении блока шли в том же русле и ничего нового к изложенным выступлениям не добавляют.

Оставляя пока в стороне умозаключения кадетской элиты о перспективах революции, на основании их суждений о блоке можно уверенно сделать три вывода: 1) Милюков, собираясь за границу, не опасался за распад блока в его отсутствие; 2) ни о какой реализации программы блока при возобновлении сессии Думы не могло быть и речи; 3) такая перспектива не только не обескураживала кадетского лидера, но, наоборот, его устраивала, поскольку главным для него, как мы видели, был сам факт существования блока как противовеса революции. Само решение ехать к союзникам говорило о том, что Милюков поставил крест на «реформах», по крайней мере в эту сессию, отлично сознавая, что правые и октябристы в отсутствие главных толкачей спокойно положат их под сукно, что и случилось.

В этой связи возникает вопрос, насколько вообще был прочен блок, не грозил ли ему в самом деле ежеминутный распад? Факты показывают, что кадеты, частью сознательно, частью бессознательно, преувеличивали его хрупкость. Когда Милюков указывал, что не только кадеты, но и остальные участники блока дорожат его существованием, он был совершенно прав. И «прогрессивные националисты», и «центр», и чиновники-октябристы, которые больше других противились «реформам», держались за блок как за последний якорь спасения. Поэтому, как показала вся недолгая история блока, какие бы острые конфликты ни возникали внутри него, они неизменно погашались, ибо *все* стороны, а не только кадеты, искали путей их мирного разрешения.

Итак, закончившаяся сессия «реформ» не принесла. Что же касается главного лозунга блока — «министерства доверия», то вместо последнего появился кабинет Штюрмера, «доверял» которому не блок, а царь. Впрочем, и участники блока прониклись своеобразным «доверием»: «центральные фракции», вошедшие в блок, рассчитывали на влияние и политические потенции кадетов, последние же возлагали надежды на стопроцентную благонадежность и безупречный патриотизм в глазах правящих «сфер» своих собратьев справа. Итог оказался нулевой.

2. ВЗРЫВ И ОТЧАЯНИЕ

Осень 1916 г. в смысле настроения, охватившего помещичье-буржуазную общественность, включая и думский «Прогрессивный блок», поразительным образом напоминала весну—лето 1915 г. Та же тревога, граничащая с паникой, страх перед неминуемой и близкой катастрофой, крайнее озлобление по отношению к правительству как главному виновнику всего происходящего, полная растерянность по части ответа на вопрос, что предпринять, чтобы уйти от беды. Эти чувства полностью захватили оппозиционный лагерь, начиная от лидеров блока и союзов и кончая обывательской массой. Разница была лишь в том, что главным объектом и источником тревоги стали не военные поражения, а хозяйственная разруха с ее сердцевиной — продовольственным кризисом, да само ощущение близости революционного взрыва, который полностью идентифицировался с катастрофой, стало острее и глубже.

Раздражение и недовольство думского блока вызывал ряд причин. Это была прежде всего, как отмечено выше, продовольственная проблема. 6 (19) октября 1916 г. передовая «Речи» констатировала: «В России нет в настоящее время более важного вопроса, чем вопрос о снабжении армии и народа предметами продовольствия, и прежде всего хлебом». Но этот вопрос, естественно, влек за собой другой и главный вопрос, по признанию газеты еще более важный: «кто и при каких условиях» может вывести страну из продовольственного кризиса. Вопрос «„кто и при каких условиях“ есть, так сказать, та общая скобка, в которую входят все важные и важнейшие вопросы русской современности». Год назад первым вопросом был «кто и каким образом добудет снаряды». Этот вопрос «блестяще разрешила русская общественность (что не соответствовало действительности. — *А. А.*)... Теперь внутри, в тылу, повторяется нечто подобное тому, что тогда оказалось на фронте. И вот русская общественность снова заговорила. Она заговорила в лице своих представителей в специальных органах снабжения, в лице своей печати, наконец, в лице своих народных представителей» [77].

«Продовольственный вопрос не выходит из поля общественного внимания», — констатировала передовая той же газеты два дня спустя, и трудность его разрешения в том, что он немедленно превращается в вопрос политический — в пресловутое «мы» или «они» [78].

1 ноября 1916 г., т. е. в день открытия думской сессии, передовая «Речи», посвященная этому событию, также начиналась с указания на то, что общеполитическая обстановка сильно изменилась по сравнению с предшествующей сессией именно в связи с обострением продовольственного вопроса. Уже сам факт, что на протяжении менее недели кадетский официоз разразился по продовольственному вопросу четырьмя передовыми, говорит об остроте проблемы.

Перенос акцента на продовольственный вопрос вовсе не означал, что остальные проблемы, включая и чисто военные, потеряли свою актуальность или в какой-то мере стали менее напряженными. Наоборот, их острота также росла вместе с продовольственными трудностями, но последние выступили на первый план в силу катастрофичности ситуации, которая сложилась к осени 1916 г.: наступила реальная и притом весьма скорая угроза настоящего голода не только в больших городах, включая обе столицы, но и в армии, где запасы хлеба местами доходили до двухдневной нормы.

В помещичье-буржуазном общественном сознании продовольственная разруха очень тесно увязывалась с разочарованием по поводу конечных результатов брусиловского наступления, с которым были связаны огромные надежды не только стратегического, но и внутриполитического характера (ослабление или ликвидация революционного кризиса на почве нового «патриотического» взрыва в случае вывода из строя Австро-Венгрии, улучшение того же продовольственного дела, усиление блока и т. д.). Отражая это настроение, нововременский публицист в день открытия пятой сессии Думы писал: «Государственная дума разошлась в солнечные дни лета, в разгар брусиловских побед, под знамением ожидавшегося прекрасного урожая. Собирается вновь Дума в ненастные ноябрьские дни. . . когда ожидание урожая сменилось острой продовольственной нуждой и когда фельдмаршалу Гинденбургу удалось все гигантское наступление среднеевропейской коалиции повернуть в сторону России» [79].

Была еще одна причина, усиливавшая раздражение и нервозность думского блока по отношению к власти — «измена» Протопопова — назначение его министром внутренних дел в сентябре 1916 г. Причина эта, конечно, совершенно несоизмерима с указанными выше, но с точки зрения не только психологической, но и политической вполне объяснимо, почему этот сам по себе мелкий факт послужил существенным источником потери душевного равновесия у заправил блока: их вчерашний товарищ (и товарищ председателя Думы), глава «парламентской» делегации, посетившей весной 1916 г. союзные страны, теперь стал не только самым реакционным министром внутренних дел, старавшимся перещеголять своих предшественников, но и оказался прежде всего антидумским, антиблоковским министром, что он специально демонстрировал на каждом шагу. Недовольство усугублялось еще тем обстоятельством, что вначале это назначение было многими блокистами воспринято чуть ли не как победа блока. Незадолго до сентября Родзянко рекомендовал Протопопова царю в качестве министра торговли и промышленности, взамен В. С. Шаховского. Ненависть к ренегату была настолько сильна, что его вчерашние друзья сделали попытку обвинить его в прямой измене, вытащив для этого на свет известную историю стокгольмского сви-

дания Протопопова с Варбургом, хотя до его назначения министром (и после тоже) никто не сомневался, что в данном случае имело место обычное легкомыслие их недавнего собрата, а отнюдь не стремление позондировать возможность заключения сепаратного мира [80].

Отправной датой открытия прямых военных действий между блоком и Протопоповым можно считать известную встречу последнего, по его просьбе, с руководителями блока 19 октября 1916 г. на квартире Родзянко. Беседа эта, носившая весьма резкий характер со стороны блокистов, была почти со стенографической точностью записана по свежим следам Милюковым, а затем в огромном числе экземпляров, причем не только машинописных, но и отпечатанных типографским способом, стала распространяться по всей России. Документ этот широко известен в литературе, и поэтому нет смысла на нем дальше останавливаться [81].

Таким образом, не случайно, что последняя перед революцией схватка между думской оппозицией и правительством была резко окрашена в личные тона, персонифицировалась в нападках на Штюрмера и Протопопова, приняв при этом характер развернутой политической кампании не только в Думе, но и в прессе, на всевозможных съездах и сборищах того времени против «изменников».

При всем нарастании недовольства блокисты не скатились влево. Наоборот. Главная особенность последней думской сессии, без которой нельзя понять политику и тактику «Прогрессивного блока», равно как и усиление противоречий в нем в последние месяцы существования царизма и Думы, состояла в том, что центр тяжести в требовании «министерства доверия» переместился с «доверия» политического на «доверие» профессиональное. Иначе говоря, блокисты хотели теперь такого правительства, которое было бы способно контролировать экономику страны и выполнять другие общественно необходимые функции, т. е. было бы технически пригодно безотносительно к его политической линии. Прежнее главное условие пригодности кабинета — готовность сотрудничать с Думой — сменилось другим — способностью элементарно управлять. Уже не имело значения «либерал» или правый данный министр. Пусть архиправый, но знающий свое дело. Компетентность — вот подлинное содержание лозунга «министерства доверия» в пятую сессию. Данный компонент и раньше играл большую роль в содержании этого требования, теперь же он становится главным, если не единственным.

Как ни странно, такое понижение порога «доверия» увеличивало, а не уменьшало, как логично было бы ожидать, противоречия внутри блока, и объяснялось это тем, что требование компетентности неизбежно сопровождалось у каждой группировки своими представлениями о тех или иных конкретных шагах, которые необходимо было срочно предпринять хотя бы в том же продовольственном деле, а это сразу задевало классовые и групповые интересы участников блока: националисты и октябристы — аграрии, входившие в блок, имели весьма отличные от кадетских представления о способе его разрешения.

Это обстоятельство обусловило и тональность как думских выступлений, так и речей, а также резолюций на земских и городских съездах, достигших крайних пределов резкости, возможных для помещичье-буржуазной оппозиции. Хотя главные действующие лица были далеки от героев высокой трагедии, тем не менее обстановка была преисполнена подлинного драматизма. Отражением ее, в частности, стали повсеместные разговоры о необходимости

дворцового переворота. Итак, раздражение, требование компетентного управления страной, нарастание внутренних противоречий в блоке — и при всем этом преобладание настроения, охватившего всю цензовую «общественность», которое наиболее полно и точно характеризуется словом «отчаяние», застывшим ожиданием революции — потопа, который смоет и унесет вместе с прогнившим режимом и саму эту общественность. Отражая это самочувствие отчаяния, З. Гиппиус с ужасом писала 3 октября 1916 г. в дневнике: «В атмосфере глубокий и зловещий штиль. Никто не знает, какая и когда она будет, и — не ужасно ли? — Никто не думает об этом. Оцепенели» [82].

В другой столице, в Москве, автор другого дневника, Тихомиров, выразил ту же мысль в иных словах (5 декабря 1916 г.), не менее красочных. «Мы, — писал он, — находимся в положении рыбачьей лодки, попавшей в водоворот Мальштрома: медленное опускание к горлу страшной воронки, которая должна нас поглотить» [83].

В такой атмосфере началась новая серия совещаний руководителей «Прогрессивного блока» в октябре 1916 г., за месяц до назначенного царским указом срока возобновления занятий Думы. «Чем заниматься?», т. е. что делать в Думе, какой тактики держаться — с этого, по сути, единственного вопроса, обсуждавшегося на всех преддумских заседаниях бюро блока и на сей раз поставленного Шульгиным, и началось первое заседание 3 октября 1916 г. Обсуждение показало, что ответа на него ни у кого не было. Каждый предлагал свое, но логика вещей так или иначе возвращала блокистов к той же квадратуре круга — как добиться ухода негодного правительства и замены его годным, применяя стопроцентно непригодные средства — «парламентскую» борьбу в рамках «законности». В результате было больше жалоб и отдельных разобщенных идей и предложений, чем ясного и отчетливого представления о едином и продуманном плане действий. «Что-нибудь надо сделать, иначе мы пропадем», — взывал Годнев. «Мы должны перестать длить обман — Думу — декорацию: обман — служить Протопоповым», — заявил Милюков. Бобринский подчеркнул серьезность продовольственного вопроса и предложил, как и Милюков, «взяться за правительство и особенно за Протопопова. . . Я, как П. Н. [Милюков], — продолжал он, — не верю в законодательные реформы. Правительство стало невозможно: бездарность, распущенность, разгильдяйство».

По мнению Шингарева, положение сложилось просто отчаянное. Даже пришедший к нему старик из «Союза русского народа» заявил, что «Русь гибнет». Блок должен ответить на главный вопрос: «. . .идем ли мы вместе, чтобы сказать (!): с этим правительством — *никакой совместной работы*. Не знаю даже, для нас не поздно ли: мы накануне катастрофы». И. С. Васильчиков (земец-октябрист) также считал, что «кардинальный вопрос — наше отношение к правительству и к Штюрмеру. Мы должны заявить (!), что с ним работать не можем».

Шульгин, любивший ясность, поставил точку над «I». Он согласен на любую резкую критику Штюрмера, «за ломку шеи правительству». Но кто придет на смену Штюрмеру, вот в чем вопрос. В ответ Милюков вынужден был назвать Трепова и А. А. Бобринского, т. е. таких же реакционеров и противников Думы, как и Штюрмер, и «может быть» будет назначен А. В. Кривошеин. В это «может быть» Милюков явно не верил сам. Капнист, кроме Штюрмера, предложил «ломать Протопопова».

В конце заседания Милюков призвал «сосредоточить удар на Штюрмере»

и переформировать президиум Думы таким образом, чтобы он стал органом блока [84]. Таков был итог первого заседания, где было больше импровизации и чувства, чем продуманных идей, но общее настроение — главный удар наносится по Штюрмеру — более или менее определилось.

Разноголосица, перемешивание пустяков с серьезными вопросами продолжались и на следующих заседаниях, свидетельствуя о полной беспомощности и растерянности заправил блока перед лицом надвигавшихся грозных событий. Признав, что прошлая сессия была «неказистого внешнего (?) вида», Шингарев высказался за долговременный план работы предстоящей сессии и предложил обсудить вопрос, *«что делать в первый день»*. Ефремов предложил создать «парламентскую» контрольную комиссию, оформив ее в виде специального законопроекта; «большой программой», т. е. законодательством, по крайней мере первую неделю, не заниматься — иначе «понизим тон». Шульгин был озабочен вопросом о немецком засилье, обсуждение которого требуют не только Марков и Балашов, но и его собственная фракция. «Это такая подлая вещь, что мы перегрыземся и устроим кавардак». Шингарев возражал Ефремову, что законодательствовать надо — «держать „тон" долго нельзя, нам надо показать, что *мы умеем* работать». В качестве примера «большого вопроса», над которым Дума должна работать, Шингарев назвал «волость», т. е. законопроект о волостном земстве [85].

На следующем заседании 13 октября Родзянко, прервав рассуждения Шульгина и др. о франко-амбаре, твердых и свободных ценах и т. п. в связи с продовольственным кризисом, попросил их вернуться к главному вопросу. «Что бы вы ни делали, — резонно заметил он, — вы не уйдете от вопроса, что это правительство никуда не годится». Надо именно с этого начать сессию, «иначе доклад вашего председателя (Шидловского? — *А. А.*) водянист будет». Милюков с готовностью поддержал председателя Думы. «Я приветствую слова М. В. С моей стороны возражений не будет, если вы (т. е. правее стоящие. — *А. А.*) решите сказать: с вами, пока вы у власти, никаких советов делать не будем. Но тогда нужно обдумать дальнейшие шаги». Под совместными советами Милюков разумел тактику «параллельной деятельности» Думы и правительства, т. е. политику косвенного сотрудничества: идем врозь, но делаем общее дело — работаем на войну.

Дальнейшая дискуссия снова и очень быстро обнаружила ахиллесову пяту блока — боязнь реальных, а не словесных средств воздействия на «негодное правительство» и на тех, кто манипулирует им. Признавались и произносились только слова, слова, слова.

Ефремов заявил, что он, подобно Милюкову, также приветствует призыв Родзянко. «Мы должны сказать: этому правительству справиться с продовольственным кризисом невозможно». Дело не в лицах, пояснил он то, что всем было хорошо известно, а в том, чтобы министры «не были увольняемы безответственными советниками». Справиться с положением «может только ответственное министерство». В ответ Шульгин поспешил возразить, что такая линия, если ее довести до абсурда, сама себя опорочит. Он готов на любую критику Штюрмера, но этого мало: «Надо указать положительный путь... что сделать». Но, увы, это было легче сказать, чем осуществить. Блокисты и сам Шульгин не лучше знали средства для такого осуществления, чем «негодное правительство».

Капнист подхватил эстафету: «...надо дать нечто положительное». Маклаков ринулся в сражение с Ефремовым: «Нам больше по плечу министерство доверия». Любопытна была аргументация: «Если мы хотим

идти до конца, надо говорить больше, чем об ответственном министерстве. Но об этом мы говорить не будем». В переводе на более понятный язык мысль Маклакова сводилась к следующему: оба лозунга — и «правительство доверия» и «ответственное министерство» — одинаковы в том смысле, что не решают в действительности вопрос о власти. Это может сделать только революция, но . . .мы, блокисты, об этом не говорим. Ефремов это так же хорошо понимал, как и Маклаков [86].

Подтверждением этому явилось следующее заседание 20 октября. Тот самый Ефремов, который требовал (и продолжал требовать) «ответственного министерства», заявил: «Наше положение трагично, потому что наш долг — произвести переворот, чтобы добиться победы. Но это производство переворота — предательство (?). Я не хочу приходить к выводу: братцы, свергайте правительство!». Весь вопрос в том, можно ли говорить в адрес правительства, ставя все точки над «I», таким образом, чтобы это объективно не звучало призывом к революции. Ефремов, как и все остальные, считал (или надеялся), что можно. «Но, — продолжал он, — возможно говорить, чтобы не вытекал призыв к революции», — аргументировать любовью к отечеству (которое революция якобы погубит). Надо суметь «соединить нападки с отсутствием революционных вызовов. Нам придется наметить в бюро пределы, за кои не следует выходить в заявлениях, но они должны еще прямее называть вещи своими именами».

Таким образом, снова и снова с неумолимой неотвратимостью все возвращалось на круги своя. Квадратура круга состояла в том, чтобы сказать все, не сказав ничего, ибо не говорилось главного, сделать шаг вперед так, чтобы тут же безболезненно отступить на два шага назад — к шингаревской положительной работе, большому плану и т. п. Как выдать свое бессилие за силу, как поднять авторитет Думы в глазах масс, противопоставив ее революционному выходу, делая все, чтобы этого авторитета не было? Такова была проблема, которую блокисты должны были решать в очередной раз.

Бессилие поиска начинало переходить в отчаяние. Положение еще хуже, чем его здесь описывают, заявил Стемпковский. «Вдалеке от столиц говорят: *измена*». Он согласен, что сказать надо «сильно». «Понятно, что революции нельзя». Но, если не будем агрессивны, «страна забежит вперед». Может быть, пойти на «не вполне конституционный акт» — устроить, например, *закрытое заседание*, на котором обратиться «к короне» (а не к правительству. — *А. А.*). «Без резкого (!) поворота мы все равно проиграем». Мысль Капниста об обращении «к короне», т. е. к царю, была горячо поддержана Родзянко. Капнист «предвосхитил мою мысль. . . не представляю себе будущего царя, нет другого человека. Свержению (т. е. замене одного царя другим. — *А. А.*) я не верю. Но надо на него воздействовать, — и не одному председателю. . . Если моя линия не удастся, надо подкрепить заявлением, депутацией, всеподданнейшим представлением. На революционные действия не пойду» [87].

Милюков вместо этого предложил другое: «. . .есть средство — *парламентская борьба*, к которой мы до сих пор *никогда не прибегали*». Под парламентской борьбой лидер кадетов имел в виду отвержение бюджета. Капнист также был против обращения к короне: за ним последует роспуск Думы, а объявить себя учредительным собранием — заведомо быть захлестнутым волной слева. «Надо идти путем Павла Николаевича», даже если это будут булавочные уколы. «Только в случае сепаратного мира можно идти революционным путем». На это Стемпковский возразил, что он и «*после*

сепаратного мира» на революцию не пойдет. Но для него также «несомненно, что продолжение нескольких *месяцев* этого режима — гибель для России».

Что разумели кадеты под «парламентской борьбой» и в каких масштабах и пределах они ее представляли, лучше всего иллюстрирует выступление Шингарева, на фоне которого даже Капнист и Стемпковский выглядели чуть ли не революционерами. Он, Шингарев, против чрезмерного пессимизма и утраты веры. «Я не вижу гибели России, — безапелляционно заявил соратник Милюкова. — . . .Революционный взрыв . . . услуга врагу и режиму. Я большой скептик насчет революции вообще». Единственно правильная позиция — «парламентская борьба», причем «не бессильная и понятная». Как же этого добиться? «Давайте *ахать законопроекты*, [проведенные] по ст. 87», т. е. отклонять, но притом лишь те, которые «безразличны» для страны (т. е. мелкие законопроекты). Можно отклонить смету Совета министров (но не весь бюджет). Рабочим же надо сказать: «не верьте смутьянам» — это «измена». Призвать их к патриотическому подвигу и «*не поддаваться*» на удочку дьявольски замышляемого и подготавливаемого сепаратного мира (заключение которого облегчит рабочее движение). «Этим Госуд. дума создаст недосягаемую позицию. Она скажет, *где опасность*, и будет звать к победе. . . Эту тему надо сделать темой многих речей. А вместе начать ряд парламентских ударов. (*Родзянко:* Правильно.)» [88]. Трудно сказать, что больше отразилось в этом призыве — личная политическая слепота второго по значению лидера кадетской партии или же объективная «глупость» самой партии, обусловленная ее паническим страхом перед народом.

В конечном итоге все поиски путей, предпринятые либералами, тем более блоком в целом, логикой исходной позиции неизбежно сводились к вопросу, что сказать и, главное, как сказать. Что сказать, чтобы страна поверила в Думу как своего лидера, способного вести борьбу с «негодным правительством»? Как сказать, чтобы это правительство Думу не разогнало, а народ невольно не подтолкнуть на революцию? Именно эту проблему и решал блок, перейдя к обсуждению проекта декларации, которую он решил огласить в первый день сессии.

Обсуждение декларации прошло три этапа. Вначале дебатировался проект, написанный Милюковым. Он был забракован, и второй проект было предложено написать Шульгину. Его тоже признали неудовлетворительным и сошлись на том, что объединили оба проекта в один, оставив их сильные с точки зрения блока места и удалив слабые. Анализ принятого текста у нас впереди, когда речь пойдет о Думе. Сейчас же главный интерес представляет именно ход обсуждения, аргументация за или против того или иного положения проектов.

Как нетрудно догадаться, проект Милюкова носил более резкий характер, чем текст Шульгина. Но неприемлемым он оказался не из-за резкости выражений как таковых, а потому что носил, по мнению правой части блока, исключительно негативный характер, был слишком пессимистичен и поэтому мог создать впечатление в народе о безвыходности положения. «Очень многих может ошарашить отсутствие положительной части», — заявил Стемпковский. Такого же мнения был и Шидловский: «. . .необходимо прибавить положительную часть: есть неисчерпанные комбинации (с властью. — *А. А.*), при которых необходимо довести дело до конца с надеждой на благополучный исход» [89].

На следующем заседании 24 октября эта тема зазвучала еще более определенно. «В настоящих условиях трудно составить декларацию», — при-

знался Васильчиков. Почему? С одной стороны, «мы должны заклеймить правительство», но в то же время «учитывать впечатление, которое это производит в стране и в армии. Настроение скверное: от нас ждут *прилива бодрости*», а Милюков ее не дает: «ложись и умирай. Впереди катастрофа, выхода нет, время упущено». Поэтому он, Васильчиков, «склоняется» к проекту Шульгина, где «желание придать бодрости» присутствует.

Декларация Милюкова «погребальная», у Шульгина — «более веселая», — вторил своему собрату другой земец-октябрист. Годнев предложил «изложить все, как у П. Н., а потом высказать положительную сторону». Цель декларации, развивал эту же мысль Капнист, прежде всего должна состоять в том, что «*средства есть на все, а беспорядок громить вовсю*», тогда не будет погребального тона. Верно, что у Шульгина «мало места отведено *осуждению системы*», — и это надо делать, но главное все же в первом тезисе.

За этими спорами о менее погребальном тоне декларации стояли гораздо более глубокие противоречия, которые едва не привели к распаду блока уже на этих заседаниях, до открытия сессии. Частичный раскол все же произошел: прогрессисты поставили в качестве непременного условия своего дальнейшего пребывания в блоке включение в декларацию их требования об «ответственном министерстве» и, получив отказ, вышли из него. Но еще до этого в главных думских комиссиях шла глухая и непрекращавшаяся борьба между кадетами, с одной стороны, октябристами и правыми — с другой, говорившая о том, что противоречия близки к критической отметке, *несмотря на обоюдное желание сохранить блок*.

На октябрьских заседаниях бюро блока выявились и окончательно определились три новые и тесно связанные между собой момента, вокруг которых и разгорелась основная борьба. Первый состоял в том, что наметилось расхождение в понимании существа лозунга «министерства доверия». В то время как правые и октябристы отстаивали его прежнее содержание, кадеты (не говоря уже о прогрессистах) начали вкладывать в него несколько более оппозиционный оттенок, допуская, по крайней мере теоретически, создание министерства во главе с Родзянко или князем Г. Е. Львовым, интерпретируя «доверие» в смысле определенной ответственности и т. п. Но это расхождение было наименее трудным, вернее, легко преодолимым. Второй момент формулировался двумя словами — «изменение системы», а третий и главный — одним: «измена». Все они, повторяем, были новым явлением в жизни блока и Думы и сыграли свою заметную роль в последние месяцы их существования.

Смысл требования «изменения системы», как уже видно из записей Милюкова и еще более определенно из думских речей, не был равнозначен требованию замены существовавшей системы самодержавия конституционной монархией. Здесь разумелось другое: требование изменить систему *назначения* министров, под которой разумелась система назначения их царицей и Распутиным. Новизна здесь состояла не в самом требовании, общем для всего блока, а в стремлении открыто связать его с именем монарха, т. е., говоря жаргоном блокистов, кадеты предложили начать борьбу с «короной».

Включение Милюковым в свой проект слова «измена», которое полностью идентифицировалось с обвинением распутинской клики и, следовательно, самого царя в желании пойти на заключение сепаратного мира с немцами, означало дальнейшее углубление «борьбы с короной» с неизвестным конечным результатом.

Уже в заседании 22 октября П. Н. Крупенский решительно потребовал исключить термины «измена», «предательство», указав, что, «главное: уничтожить Штюрмера». «Я во время войны не хочу штурма власти, — пояснял он смысл своей позиции. — Не надо затрагивать императора... *Не требовать* усиления власти „до конца", „всеми средствами", а обращаться к долгу и к патриотизму самого премьера, чтоб ушел».

Противоположный фланг представлял Ефремов. Хотя критическая часть декларации Милюкова «очень тяжка», он к ней «присоединяется всецело». Сейчас он не будет говорить об ответственном министерстве, но категорически настаивать на «министерстве доверия было бы ошибкой: термин дискредитирован. Так легко дойти и до П. Н. Крупенского: говорить только о Штюрмере, может быть, о парочке других. Очень сильная аргументация разменивается на мелочь». Критическая часть проекта Милюкова «превосходна, но сделан слишком маленький вывод и нет обращения к стране (в духе Шульгина — придание бодрости, и т. п. — *А. А.*)» [90].

На заседании 24 октября даже Шингарев высказался с несвойственной ему решительностью, прямо увязав вопрос об «измене» с возможностью раскола блока. «Сгустить краски лучше того, что есть, невозможно, — заявил он. — Внутри страны голодовка... Рабочие вот-вот вырвутся на улицу». Единственная сила — Дума, моральный авторитет которой нельзя колебать. Дальше была брошена многозначительная фраза: «Может быть, наши настроения так расходятся, что нам не по дороге?». И это говорил Шингарев — самый оппортунистичный из кадетских лидеров. «Надо поставить вопрос ребром, — продолжал он, — или *правительство, или Дума*». Иначе «улица заговорит». Надо сказать, что «в России нет министров, а Штюрмер — предатель. Надо публично сказать: берегитесь измены». Страсти накалились. Шингарев «взял быка за рога», заявив, что надо говорить правду; ринулся в бой Крупенский: «*Но правду каждый понимает по-своему. Для меня правда А. И. — неправда*».

Б. А. Энгельгардт (перешедший от националистов к октябристам) поспешил смягчить напряжение: не надо идти врозь. «Это был бы самый печальный результат». Нет повода для таких разногласий. «Мы должны ярко осудить систему (в указанном выше смысле. — *А. А.*)», но в то же время не нужно называть министров мошенниками, предателями, ворами. «Я верю в „ответственное министерство"», к которому первый шаг — «министерство доверия».

К единству призывал, в свою очередь, и Милюков: «Надо попытаться найти *общую правду* и смотреть на декларацию как на увертюру общих *действий*, общей *воли*». Если не сможем — разойдемся. О «злодействе» (т. е. об «измене») поговорим (в смысле попытаемся договориться. — *А. А.*)». Он был поддержан Ефремовым и Шидловским. Последний напомнил, что до этого «мы стали быстро приближаться к полному единению» и достигали этого тем, что «выдергивали» (из прежних деклараций и формул. — *А. А.*) все таким образом, «чтобы не было ничего разъединяющего». Надо поступить так же и теперь, и притом еще более осмотрительно: «...теперь надо писать с гораздо большим разумом и меньшим чувством (в адрес правительства. — *А. А.*)» [91].

На заседаниях 27 и 28 октября обсуждался уже «соединенный» текст декларации. Вносимые поправки носили частный характер, и дело, казалось, шло к благополучному завершению. Но ситуация вдруг резко осложнилась. 30 октября на совместном заседании бюро блока и членов Государственного совета, примкнувших к нему (на квартире у Меллера-Закомельского),

Шидловский в полной растерянности сообщил, что декларация (державшаяся в строгой тайне) стала известна Совету министров и вызвала с его стороны «резкое отношение», чреватое репрессиями, «вплоть до роспуска». Наиболее сильное впечатление произвело слово «измена», сильнее даже, чем тезис о борьбе с властью, который был интерпретирован «как выпад против короны».

В связи с этим у блокистов возникла проблема двух «измен». Первая — в собственных рядах: как быстро выяснилось, один из шести заготовленных экземпляров декларации был передан в Совет министров лидером фракции «центра» Крупенским. Конфузность ситуации в данном случае усугублялась тем обстоятельством, что лидерам блока было хорошо известно, что их сотоварищ давным-давно обо всем осведомляет правительство, и тем не менее считали возможным с ним сотрудничать на базе оппозиции этому же правительству. Растерянный В. Н. Львов, соратник Крупенского, заявил (уже на следующем заседании 30 октября), что он выходит из фракции, что вызвало не менее растерянные прения. Шульгин предложил Львову и его фракции «потопить или оседлать» Крупенского. Львов возразил на это, что программа блока была подписана им «вопреки» Крупенскому. Только половина фракции сочувствует блоку, и он выходит из нее. «Я не могу совладать с партией, созданной Крупенским». Проделайте опыт: «потребуйте от Крупенского новой подписи (под программой блока. — *А. А.*). Он никогда не даст ее».

Шингарев вынужден был признать, что все поведение Крупенского было «антиблоковое». В Особом совещании по обороне, сообщил он, Крупенский выступал против Англии, пригрозив даже, что если блокисты будут высказывать благодарность Англии, то «мы с трибуны (Думы. — *А. А.*) будем протестовать», на что Шингаревым был дан поразительный ответ: «Мы всегда знали, что вы сделаете, что угодно Штюрмеру». Крупенский, пояснял далее Шингарев, сам «не раз заявлял, что ходит к правительству». Последовали и другие признания в том же роде. По словам Львова, Крупенский во фракции заявил, что земцы-октябристы отвергают декларацию. Шидловский, со своей стороны, сообщил, что Крупенский и среди депутатов-крестьян вел антиблоковую кампанию. Крупенский пугал их тем, что или Думу «*отсрочат*» на три года и они будут продолжать получать жалованье (лучший вариант), или их после роспуска возьмут в солдаты (худший вариант). Еще весной говорилось, что «осенью постараемся, чтобы блока не было» [92].

Обсуждение вопроса — идти или не идти на риск роспуска — означало, что заправилы блока заговорили о судьбе блока как такового. Почин сделал тот же Шингарев. Может быть, вопрос глубже, чем собственно инцидент с Крупенским, поставил он прямой вопрос, «и нам надо разойтись... Если инцидент Крупенского только обнаружил разложение (блока. — *А. А.*), давайте обсудим». В ответ Капнист заявил, что в его фракции все сознают, что не выступить с декларацией значило бы действительно обнаружить признаки разложения. Поэтому, когда в основном сговорились, разрушать «большинство» (т. е. блок. — *А. А.*) не годится. Стемпковский пояснил, что фракция земцев-октябристов стоит за «необходимость блока», и она поручила своим представителям в бюро блока «сделать все усилия», чтобы сохранить блок. Она, фракция, «затруднялась выпадами против верховной власти (в проекте декларации. — *А. А.*). Но ненависть к правительству (перевесила. — *А. А.*)».

Шидловский взмолился: «Если этот эпизод с Крупенским может нас разбить, это — последнее дело. Боже сохрани, чтобы получилась рассыпанная храмина. Нельзя надеяться на подпольную работу, которой цена — грош».

Шульгин, однако, поставил вопрос иначе. «У нас, — заявил он, — раньше было твердое сознание необходимости единства. Теперь под него подведена мина». Кем же? Отнюдь не Крупенским, а кадетами, забравшими слишком влево. Единство «рвется на *новой* программе, а не на старой: на *активной* борьбе, а не на пассивной. Стало быть, дело не только в злых силах, а в этом *новом*. Кадеты решили идти своей дорогой, и если другие (фракции блока. — *А. А.*) пойдут вместе, то хорошо, если нет, то канат рвут... Если удастся выработать определенные условия в нашей тактике, все наладится; если нет, Крупенский победит (т. е. блок распадется. — *А. А.*)». Это была неприкрытая угроза в адрес кадетов с требованием, чтобы они сбавили тон, проявленный как в проекте милюковской декларации, так и в выступлениях кадетских членов бюро блока в ходе ее окончательной выработки.

Но дело кончилось не распадом блока и не выходом из него кадетов, а, как указывалось, уходом прогрессистов. В конце своего выступления, последовавшего сразу же за речью Шульгина, лидер прогрессистов заявил: «Сегодня я увидел, что разногласия глубже, чем я полагал... Нельзя искать причину колебаний только во внешних интригах, а не во внутренних причинах. Есть коренная трещина в организме блока».

Смысл сказанного был очевиден. Милюков и Шидловский все же сделали попытку удержать прогрессистов. «Трещина была с самого начала. Но теперь она меньше», — уговаривал первый. «Нежелателен распад именно теперь. Ничего коренного, нас разъединяющего, нет...», — убеждал другой. Но попытка не удалась. Ефремов доложил о решении его фракции не присоединяться к декларации, что означало выход из блока, и на этом покинул заседание [93].

Что касается «измены», то именно это слово в проекте Милюкова дало повод Шульгину заявить, что кадеты ставят блок под удар. Обсуждение этого вопроса было еще более показательным для оценки боеспособности блока, чем прения в связи с инцидентом Крупенского.

Правые и земцы-октябристы не только поставили вопрос в ультимативной форме — или выбрасывается слово «измена», или блока не будет, — но и потребовали значительного смягчения всего тона декларации. Возник даже вопрос об отказе от декларации вообще. Защищал кадетскую позицию на этот раз не первый лидер, а второй. Но делал он это вяло, явно не рассчитывая на успех. «...Происходящее ... мрак и ужас, — взывал Шингарев. — Состав правительства дошел до распада. Продовольственное дело — гордиев узел. На фронте неважно... Уличные беспорядки уже существуют... Мысли (об «измене». — *А. А.*) носятся в воздухе». Если в таких условиях уже выработанная декларация не будет прочитана, «скажут: Дума сдрейфила» и блок «потеряет моральный авторитет». Этот авторитет надо сохранить даже ценой роспуска. Иначе скажут: «Испугались (угрозы роспуска. — *А. А.*), послушались» и т. д.

На это Гурко возразил, что изменять текст декларации под гнетом угрозы, конечно, не следует. Но дело не в угрозе, а в том, что некоторые части декларации «вредны» сами по себе, и прежде всего мысль об «измене», ибо она будет понята массами неверно: «Во главе России предатели, а потому будем их гнать. Присоединяясь почти ко всему, *я это место* ... считаю опасным». Он был поддержан Шульгиным. Если выходит, что слово «„измена" —

ненужная опасность, то надо уступить (т. е. выбросить из декларации. — *А. А.*)». Шидловский аргументировал несколько иначе: народ при такой констатации «опустит руки».

Желание найти компромисс было обоюдным. Первый пошел по этому пути М. А. Стахович. «Измена на устах у всех, а потому надо сказать в том смысле, что такая система *может привести* к толкам об измене», — предложил он. Гурко тут же подхватил эту мысль. «Измены правительства как такового *нет: это представление ложное*. Нужно усилить (?) обвинение: правительство *столь глупо*, что приводит к *ложным слухам* об измене». Голицын предложил еще одну формулировку той же мысли, которая, по-видимому, судя по дальнейшим событиям, развернувшимся уже в ходе сессии, была признана самой удачной: «Надо сказать, что *такие-то факты* могут привести к одному убеждению, *что либо — круглые идиоты, либо — изменники: выбирайте*. Двух толкований быть не может» [94].

В результате фраза об «измене» была смягчена, но и это не удовлетворило партнеров кадетов по блоку. Кадеты, заявил Шульгин на последнем перед открытием Думы заседании 31 октября, выставляют теперь «добавочное условие нашему соглашению» — основать его «на началах активной борьбы с правительством. Бороться надо, правительство — дрянь. Но так как мы не собираемся идти на баррикады, то не можем подзуживать и других. Дума должна быть клапаном, *выпускающим пары*, а не создающим их. Поэтому . . . декларация должна быть изменена: абзац об измене, хотя изложен в приемлемой форме, [тем не менее] удалить».

В. И. Стемпковский полностью поддержал Шульгина: «Тон декларации . . . для фракции малоприемлем: мы не желаем никого звать на баррикады, сами не пойдем» [95]. Поскольку кадеты столь же мало хотели «звать на баррикады», как и их союзники справа, и стремились сохранить блок любой ценой, слова об «измене» были, естественно, выброшены, равно как произведены и все другие требуемые смягчения. «Возможность конфликта между правительством и Государственной думой предстала перед прогрессивным думским большинством, — писала по этому поводу прогрессистская газета „Утро России". — И вчера большинство входящих в состав блока фракций постановило смягчить редакцию декларации. Непримиримой оказалась группа прогрессистов, заявившая о своем уходе из блока» [96].

Опасения блокистов не оправдались — Дума была открыта вовремя, а последовавший вскоре перерыв был кратковременным и обусловлен был обратной целью — найти какой-то modus vivendi дальнейшего сожительства с Думой. Штюрмер, получив от Крупенского текст проекта декларации, в котором еще фигурировало слово «измена» и другие выражения (потом смягченные или убранные), немедленно, 31 октября, отправил царю «всеподданнейший» доклад, в котором, однако, не решился сразу требовать разгона Думы, а лишь ходатайствовал о возможности такого роспуска в будущем, на случай крайних обстоятельств.

Изложив основное содержание декларации, процитировав центральную фразу об «измене», Штюрмер далее сообщал, что он пока пошел по пути угроз. Члены правительства «принимают меры», чтобы разъяснить представителям Думы, что путь, на который они собираются встать, повлечет за собой «не только немедленный перерыв занятий Государственной думы, но даже полное ее закрытие, впредь до новых выборов и до созыва Государственной думы». Разъяснение сводилось к двум «удерживающим стимулам». Штюрмер лично обратил внимание думцев на то, что ближайшим

последствием роспуска Думы будет немедленная отправка на фронт всех ее депутатов призывного возраста и лишение всех депутатов их депутатского содержания. «Оба последние соображения, — умозаключал премьер, — по всей вероятности, получат решающее значение и образумят большинство Государственной думы».

В связи с этим Штюрмер просил царя уже заранее подписанные и переданные главе правительства указы о перерыве занятий Думы дополнить еще подписанным указом о роспуске, так как обе угрозы можно осуществить только при роспуске и объявлении о выборах в новую Думу. При этом он заявлял, что указ будет пущен в ход только тогда, когда «все прочие способы» умиротворения Думы «окажутся совершенно исчерпанными и не достигающими целей».

Царь согласился подписать такой указ, но на докладе наложил резолюцию: «Надеюсь, только крайность заставит прибегнуть к роспуску Гос. думы» [97]. «Миролюбие» Николая II объяснялось не только исключительностью обстановки, но и тем, что это был период интенсивного давления на царя со стороны великих князей и некоторых лиц из его окружения (в частности, генерала Алексеева), настаивавших на удалении Распутина и необходимости лояльного сотрудничества с Думой на базе «министерства доверия». В этих условиях царь (равно как и Штюрмер) решил подождать дальнейшего развития событий.

Заседание 1 ноября 1916 г. и особенно речь Милюкова прочно вошли в анналы либеральной публицистики, мемуарной и иной литературы как «исторические», тогда как крайняя правая белоэмигрантская литература клеймила их самым энергичным образом, считая, что именно в этот день «Прогрессивный блок» положил начало революции. Уже это повышенное и обостренное внимание к первому дню последней сессии Думы свидетельствует, что он не был рядовым днем, а действительно являл собой какой-то этап в развитии конфликта между царизмом и Думой. К такому же выводу приходят и все исследователи, акцентируя основное внимание на речи Милюкова. Сделаны определенные умозаключения, даны некоторые оценки. Однако, на наш взгляд, предмет далеко не исчерпан и требует дальнейшего анализа.

Оппозиционный характер заседания со стороны блока был специально подчеркнут тем обстоятельством, что оно было открыто не на базе повестки дня, а на базе принятия предложения совещания Думы (состоявшего из президиума и руководителей фракции) о немедленном обсуждении постановления бюджетной комиссии от 6 октября по продовольственному вопросу, и первое слово было предоставлено Шидловскому для зачтения «декларации» блока [98].

Ничего нового в смысле содержания декларация блока по сравнению с его прежними заявлениями не имела. Была лишь разница в тоне. Но в нем-то на этот раз и заключалось всё дело. Несмотря на смягченный вариант, декларация сохранила достаточно резкий характер. Правительство не только не стало опираться на общественные силы, как того требовала Дума, говорилось в документе, «но, наоборот», новые министры оказались в этом отношении еще хуже, демонстрируя «в гораздо большей степени недостатки своих предшественников, неосведомленность, некомпетентность в вверенной им области и враждебность к общественности». «Недоверие к власти сменилось чувством, близким к негодованию», — указывалось дальше. Мысль об «измене» была выражена в следующих словах. Насе-

ление ищет объяснение действиям правительства, которые «служат на пользу врагу», и, не находя их, «готово верить самым чудовищным слухам». Такое состояние умов уже само по себе «представляет чрезвычайную опасность». После этого шло осуждение деятельности правительства по части продовольственного дела, отношения к общественным организациям, цензуры.

В конце заявлялось (и в этом состояла квинтэссенция декларации), что теперь, «во имя достижения ... национальной задачи — победы над врагом», большинство Думы «решительно заявляет» о том, что «лица, дальнейшее пребывание которых во главе управления грозит опасностью успешному ходу нашей национальной борьбы и которые вызывают к себе открытое недоверие», должны быть заменены лицами, готовыми «опираться» на большинство Государственной думы и провести в жизнь ее программу. «Отныне мы будем стремиться к достижению этой цели всеми доступными нам законными способами» [99].

Для того чтобы правильно понять смысл и цель речи Милюкова, ее место в процессе дальнейшего углубления кризиса «верхов», думского блока и помещичье-буржуазной оппозиции в целом, нужно все время иметь в виду одно решающее обстоятельство — единственной темой этой речи, определившей ее тональность, содержание, и, наконец, саму форму, которая оказалась наиболее эффективным компонентом выступления, была «измена». Та самая «измена», удаления которой из декларации так решительно потребовала правая часть блока. Естественно, что речь вызвала весьма бурную реакцию, шла под аплодисменты, крики «браво» и «верно», с одной стороны, и возмущенные возгласы правых («клеветник», «ложь» и т. п.) — с другой.

Начал Милюков с признания, что все прежние попытки блока исправить и улучшить власть «не оказались удачными». Вера в то, что эта власть может привести к победе, теперь окончательно потеряна. «Теперь пропасть между нами и ею расширилась и стала непроходимой».

Далее Милюков перешел к своей непосредственной теме. Во французской «Желтой книге», заявил он, опубликован немецкий документ, который содержал инструкции, как дезорганизовать неприятельскую страну, создать в ней брожение и беспорядки. Так вот, если бы настоящее правительство сознательно поставило бы перед собой такую цель, то ничего не надо было бы делать специально, а «поступать так», как оно делало до этого. Естественно, это вызывает тяжелые подозрения. Еще 13 июня 1916 г. он, Милюков, предупреждал, что «из края в край земли русской расползаются темные слухи о предательстве и измене» и что они, эти слухи, «забираются высоко (т. е. до престола. — *А. А.*) и никого не щадят (т. е. затрагивают непосредственно царскую чету. — *А. А.*)». Это предупреждение не было принято, и вот в заявлении 28 председателей губернских земских управ, собравшихся в Москве 29 октября, прямо говорится: «Мучительное, страшное подозрение, зловещие слухи о предательстве и измене, о темных силах, борющихся в пользу Германии и стремящихся ... подготовить почву для позорного мира, перешли ныне в ясное сознание, что вражеская рука тайно влияет на направление хода наших государственных дел». Оратор не хотел бы идти навстречу «излишней» подозрительности. «Но как вы будете опровергать возможность подобных подозрений, когда кучка темных личностей руководит в личных и низменных интересах важнейшими государственными делами?»

После этой предварительной пристрелки последовал первый мощный залп, целью которого был Штюрмер. Сославшись на статью из «Берлинер тагеблат», озаглавленную: «Мануйлов, Распутин, Штюрмер», в которой сообщалось, что Штюрмер арестовал своего секретаря Манасевича-Мануйлова, Милюков, охарактеризовав последнего самым отрицательным образом, как грязного и продажного агента русской тайной полиции (в прошлом) и нововременского журналиста, попытавшегося перед войной исполнить поручение немецкого посла Пурталеса по подкупу «Нового времени», заявил, что это сообщение не соответствует действительности и дело обстояло как раз наоборот. Манасевич был арестован за то, что взял взятку. «А почему он был отпущен? Это, гг., тоже не секрет: он заявил следователю, что поделился взяткой с председателем Совета министров» (это обвинение не соответствовало действительности).

После первого удара был нанесен второй. В указанной статье, продолжал Милюков, упоминается еще кн. М. М. Андроников и митрополит Питирим, которые также вместе с Распутиным принимали участие в назначении Штюрмера. Но оратора в данном случае интересовало прежде всего назначение Штюрмера министром иностранных дел. Милюков привел далее обширные цитаты из нескольких немецких газет, представлявшие собой пустые, ничем не подкрепленные домыслы о том, что «старик Штюрмер не будет столь же строгим приверженцем союза с Англией», как его предшественник С. Д. Сазонов, и это «удовлетворяет тайные желания правых».

Понимая, что этот аргумент очень слаб, Милюков решил его подкрепить другим, оказавшимся, впрочем, еще более слабым. Откуда же черпают немецкие и австрийские газеты свою уверенность, что Штюрмер, «исполняя желание правых, будет действовать против Англии и против продолжения войны?» — ставил он само собой напрашивающийся вопрос, и отвечал: «Из сведений русской печати». В московских газетах была напечатана в те же дни (в сентябре 1916 г. — *А. А.*) записка крайних правых, доставленная в ставку в июле перед второй поездкой (в ставку. — *А. А.*) Штюрмера. В ней говорилось, что хотя и нужно бороться до победы, но тем не менее надо войну кончить своевременно, «а иначе плоды победы будут потеряны вследствие революции. . .». На требование правых («Подписи, подписи!») Милюков смог лишь ответить: «Я цитирую московские газеты».

От цитирования немецких и русских газет Милюков затем перешел на свои личные впечатления и материалы, собранные во время поездки «парламентской делегации» к союзникам весной—летом 1916 г. В частности, он сообщил, что у него в Швейцарии спрашивали, чем занимаются чиновники департамента полиции «известный» Ратаев и «неизвестный» Лебедев, посещая салон некоей «дамы», которая известна своим германофильством. Передавая ничего не стоящие сплетни об этой «даме» и ее прежних хлопотах о назначении Штюрмера послом в одно из второстепенных государств Европы, Милюков говорил весьма подробно.

Отдавая себе отчет, что и эти доводы не сильнее прежних, Милюков решил восполнить недостаток доказательств спекуляцией на взвинченности аудитории и ее готовности откликнуться на самую тривиальную, но мастерски поданную демагогию. Когда Дума обвиняла В. А. Сухомлинова, продолжал оратор, ведь в ее распоряжении также не было данных, которые потом обнаружило следствие. Но «мы имели то, что имеем теперь, — *инстинктивный* голос всей страны и ее *субъективную* уверенность». Эта субъективная уверенность, в частности, подсказывает, что хотя стокгольмское свидание

А. Д. Протопопова есть всего-навсего «неумение считаться с последствиями своих собственных поступков», но тем не менее «я не могу сказать, какую именно роль эта история сыграла в той уже известной нам прихожей, через которую, вслед за другими, прошел и Александр Дмитриевич Протопопов... Там, вероятно, эти вещи любят».

Протопопов был вторым лицом, по которому наносился главный удар. Тут же был нанесен и третий. Милюков процитировал по-немецки выдержку из газеты «Neue Freie Presse», где Распутин, Питирим, Мануйлов и Штюрмер упоминались в связи с императрицей как члены «партии молодой императрицы», и где назначение Штюрмера расценивалось как победа именно этой партии. Таким образом, достаточно ясно имя царицы было связано со словом «измена», т. е. было сделано то, что считалось с точки зрения либерального парламентаризма недопустимым, — выпад против личности монарха. То, что удар наносился косвенно, сути дела не меняло. Это был, безусловно, новый факт, свидетельствовавший о крайней степени раздражения и тревоги, охватившей кадетское руководство.

Однако свой главный эмоциональный заряд Милюков приберег под конец. С точки зрения ораторского искусства исполнен он был превосходно. Говорят, что один из министров (это был военный министр Д. С. Шуваев), услыхав, что Дума на этот раз собирается говорить об «измене», взволнованно воскликнул: «Я, может быть, дурак, но я не изменник». Пусть так. Но практически разве не все равно, «имеем ли мы дело в данном случае с глупостью или изменой?». Дальше шли примеры, сопровождавшиеся вопросом-рефреном, в котором и заключалась вся тяжесть наносимого удара. Бездарная история с вступлением в войну Румынии — «как вы назовете это — глупостью или изменой?». Интриги в польском вопросе, играющие на руку Германии и приведшие к отставке Сазонова, «что это — глупость или измена? Выбирайте любое. Последствия те же». Указав далее на хаос и дезорганизацию тыла, на отставку Сазонова с заменой его Штюрмером, Милюков резюмировал: «Нет, гг., воля ваша, уж слишком много глупости... Как будто бы трудно объяснить все это только глупостью». Закончил Милюков свою речь фразой: «Кабинет, не удовлетворяющий этим признакам (указанным в декларации. — *А. А.*), не заслуживает доверия Государственной думы и должен уйти», и сошел с кафедры, как зафиксировано в стенограмме, под крики «браво» и «бурные и продолжительные рукоплескания левой, центра и в левой части правой» [100].

Такова была эта речь. Она произвела большое впечатление не только в Думе, но и в правительственных кругах, и вызвала огромный резонанс в стране. Доклад департамента полиции, составленный на другой же день и представлявший собой достаточно точное и подробное изложение этой речи, начинался следующей преамбулой: «Кульминационным по своей резкости из вчерашних выступлений ... было, несомненно, выступление ... П. Н. Милюкова. Вся его речь, построенная в ораторском смысле необыкновенно искусно, изобилующая недомолвками и намеками ... пропитанная сарказмом, третирующая свысока лиц, стоящих у вершины власти, очевидно, предназначалась для так называемой широкой публики, достаточно озлобленной против правительства, чтобы принимать без проверки и критики самые тяжелые обвинения против последнего» [101].

Эта характеристика была близка к действительности. Запрещение публиковать речь кадетского лидера только усилило эффект. «В миллионах экземпляров, — вспоминал много лет спустя Милюков, — они (его речь

и речь Маклакова. — *А. А.*) были размножены на машинках министерств и штабов — и разлетелись по всей стране» [102]. Более того, явочным порядком эта речь (как и ряд других, о которых будет сказано дальше) была напечатана в нескольких типографиях, даже в нескольких изданиях, с указанием содержания следующих аналогичных выпусков [103].

Сам Милюков и кадетская партия в целом считали себя триумфаторами. Во фракции 2 ноября, записала А. В. Тыркова в своем дневнике, «устроили Милюкову бурную овацию. Он был спокоен и доволен. Понимал, что сразу стал героем» [104]. Появление Милюкова во фракции вечером 2 ноября, поспешил оповестить «общественность» кадетский официоз, было встречено «громом аплодисментов». Ф. И. Родичев от имени фракции выразил «восхищение» речью 1 ноября. Милюков благодарил [105]. Столь же эмоционально выразил свое восхищение и патриарх российского либерализма И. И. Петрункевич в письме от 13 ноября Милюкову: «Хочу выразить Вам наш восторг и преклонение перед Вашим подвигом, совершенным 1 ноября, когда Вы смело и решительно взяли руль в свои руки и круто изменили курс не только настроения Думы, но и настроения всей страны, свалили Штюрмера и обеспечили Россию от позора, а Европу от возможной катастрофы» [106]. Ни мало, ни много.

Но раздались и встревоженные голоса. Та же Тыркова писала: «Мы все не находили настоящей оценки (речи Милюкова. — *А. А.*). А дальше что? Неужели на улицу идти?» [107]. И. В. Гессен прямо заявил Милюкову, что его речь от 1 ноября есть начало революции [108].

Такое восприятие милюковской речи в либеральной среде отнюдь не было единичным. В. В. Водовозов позже писал в своих воспоминаниях, что, когда он прочитал эту речь, для него «сразу стало несомненным, что революция приближается; я даже формулировал дело так: „революция началась". Начало ее можно приурочивать к этому моменту с таким же правом, как начало Великой французской революции ко дню открытия Генеральных штатов 5 мая 1789 г., а не к взятию Бастилии» [109]. Если так думал и рассуждал народный социалист, то и для правых было вполне логичным и естественным окрестить речь Милюкова как «штурмовой сигнал революции» [110]. Сам же Милюков считал, что его выступление имело совершенно обратную цель. «Речь, в которой я предоставлял слушателям решить, „глупость" это, или „измена", была произнесена в Думе с целью предотвратить, а не вызвать революцию, — писал он впоследствии. — Я знал, что революция во время войны приведет Россию к величайшей катастрофе» [111].

Как же отнестись к этим двум взаимоисключающим оценкам, какая из них верна? Как это ни кажется парадоксальным, но истина присутствует в обеих. Разумеется, Милюков совершенно искренен в своем утверждении. Революция, как он сам писал и говорил множество раз, включая и цитированные выше высказывания, была для него врагом номер один. Само собой понятно также, что хлесткая квалификация его речи как «штурмового сигнала» революции со стороны правых представляла собой стандартный демагогический выпад, имевший целью представить Милюкова в плане, конечно, максимального осуждения, как инициатора, и если не вождя, то главного виновника Февральской революции 1917 г. Но если подойти к этой оценке с точки зрения объективных последствий выступления Милюкова 1 ноября, то дело меняется.

Для того чтобы правильно и в полной мере оценить значение этой речи, следует ответить на вопрос, почему Милюков избрал темой своего

выступления именно «измену», а ранее так упорно настаивал на включении этого слова в декларацию блока? Вопрос можно сформулировать и иначе: почему правые и октябристы требовали исключения «измены» из декларации, а кадеты, вынужденные согласиться с этим требованием, резервировали и использовали «измену» в качестве своей собственной фракционной декларации? Частично ответ на этот вопрос был дан выше. Более подробный ответ на него мы находим у Шульгина.

Описывая споры в бюро блока по поводу включения (или невключения) слова «измена» в декларацию, Шульгин приводит весь набор аргументов обеих сторон в свойственной ему живописной и выразительной манере. Мнение первое — где доказательства измены? Мнение второе — правительство продолжает вести безумную политику: назначение Штюрмера если и не прямое предательство, то объективный результат этого назначения таков, что истинные предатели лучшего и ждать бы не могли. Мнение первое — это так, но это не измена. И если доказательств нет — слово это долой. Мнение второе — это слово повторяет вся страна. Если мы его не скажем, то не скажем того, чего от нас ждут. Это политика страуса. Если промолчим в силу чрезмерной добросовестности, скажут, что Дума испугалась, покрыла измену. В настроении ничего не изменим, а себя похороним. «Мы должны это сказать, *если бы и не хотели*». Дума — цепочка, которая сдерживает напор толпы, но сдержать его можно только упираясь (потому что толкают в спину), подвигаясь, иначе сомнут, прорвут и ринутся на предмет, *что мы, ругая, все же охраняем*». «Этот предмет — власть... Не носители власти, *а сама власть* (т. е. строй. — *А. А.*)... *Пока мы говорим, ее ненавидят, но не трогают. Когда мы замолчим, на нее бросятся*». Мнение первое — твердо: нельзя обвинять, не имея фактов. Кроме того, есть контрдоводы: авторитет Думы потеряем именно тогда, когда окажемся голословными. Авторитет, основанный на лжи или даже на легкомысленной терминологии, продержится недолго. «Карты на стол» — либо факты, либо вычеркнуть. Мнение второе — факты есть, но сейчас не можем их всем сообщить. Мнение первое — в таком случае стоим на своем.

Победил компромисс, подвел итоги спора Шульгин. Слово «измена» было включено, но без приписывания его правительству. Сформулировали так: действия его такие нелепые, что привели к тому, что это слово ходит. «Это правда... действительно ходит...». 1 ноября Милюков предъявил факты «измены» — «факты были не очень убедительные...» [112]. Зная партнеров по блоку, можно не сомневаться, что позиции сторон были изложены Шульгиным достаточно точно и добросовестно.

Приведенное мнение номер два, особенно подчеркнутые нами курсивом места, вскрывают те мотивы, которые заставляли кадетов настаивать на «измене». Когда Милюков и Шингарев указывали на то, что давление стало слишком сильным и цепочка вот-вот порвется, они имели в виду в первую очередь, конечно, настроение масс, особенно в столицах, а также в армии. Но не только. Будучи кадетами, они придавали большое значение позиции Земского и Городского союзов, военно-промышленных комитетов и других подобных организаций. Все эти организации осенью 1916 г. уже обогнали Думу в своей оппозиционности. Городской союз, в частности, требовал «ответственного министерства». Более того, сама кадетская партия, особенно ее провинциальные ячейки, стали настойчиво выражать недовольство политикой своего руководства, все чаще подымая вопрос о необходимости выхода из блока, пребывание в котором, по их мнению, дискредитирует кадетов

в глазах масс и «общественности», что полностью соответствовало действительности.

Кадетское руководство уже больше не могло отмахиваться и игнорировать все эти весьма осязаемые признаки угрозы лишиться поддержки и сочувствия даже в собственной социальной и партийной среде. Но вместе с тем оно меньше всего хотело выходить из блока, по-прежнему считая блок главным своим достижением и генеральным политическим курсом, а «парламентскую» тактику борьбы — единственно приемлемой.

Таким образом, перед Милюковым, Шингаревым и К^0 встала весьма замысловатая задача: как вернуть былые симпатии, ничего принципиально не меняя в своей тактике? Как изобразить шаг вперед, не делая этого шага, ибо «борьба всеми законными средствами» был тот предел, тот порог, за которым начинались «незаконные» средства борьбы, которые с этого же порога решительно отвергались как принципиально неприемлемые? И Милюкова осенило: «измена» — вот то спасительное средство, которое позволит кадетам восстановить и даже усилить как собственную репутацию в глазах страны и армии, так и авторитет и значение «Прогрессивного блока», Думы, сделать последнюю центром политического притяжения, с одной стороны, и нанести удар по идее выхода «на улицу» — с другой.

Во-первых, обвинение в «измене» не только правительства, но даже императрицы свидетельствовало о смелости и решительности кадетской оппозиции, ее готовности бороться с режимом за программу блока до конца. Во-вторых, поскольку мысль об измене действительно овладела умами миллионов людей, кадеты, взяв ее на вооружение, становились тем самым выразителями настроений этих самых миллионов. Кроме того, — и это было главным, — лозунг «Долой измену и изменников в правительстве и „верхах"!» говорил о ненужности революционного пути: беда не в строе как таковом, а в «изменниках», достаточно добиться их удаления, и все пойдет на лад, а для этого вполне достаточно «парламентских» средств борьбы, — таков был подспудный смысл этой позиции.

С точки зрения фактов «историческая» речь не выдерживала критики. Уже из приведенных выдержек видно, что она представляла собой окрошку из голословных газетных выдержек, слухов и сплетен, сдобренных ловкой демагогией и откровенными инсинуациями. У Милюкова, с полным основанием писал С. П. Мельгунов, не было никаких материалов, одни «сплетни». Такой знаток всяких закулисных дел, будь то провокация или шпионаж, как В. Л. Бурцев, дал речи Милюкова (при полном сочувствии к ней) еще более определенную оценку: «Историческая речь, но она вся построена на лжи» [113].

Сам Милюков, конечно, хорошо понимал, что вся его аргументация весьма легковесна, и позже косвенно признал это. В собранных данных, использованных в речи 1 ноября, писал он, «повторяю, нелегко было разобраться». «Аудитория, — указывал Милюков в другом месте, — решительно поддержала своим одобрением второе толкование (т. е. «измену», а не «глупость». — *А. А.*) — даже там, где сам я не был в нем вполне (!) уверен» [114].

В заключение следует отметить, что даже знаменитая фраза — рефрен о «глупости» и «измене», — в первую очередь и обеспечившая успех речи в чисто ораторском плане, была не плодом собственного вдохновения ее автора, а заимствована (с легкой переделкой) у кн. Голицына, который,

как мы помним, предложил ее на заседании бюро блока 30 октября эту формулу: такие-то факты приводят к убеждению: «либо — круглые идиоты, либо — изменники: выбирайте». Проказница история знает немало случаев, когда пустяковые сами по себе вещи оказывали такое воздействие на последующий ход событий, которые не могли вызвать факторы, куда более весомые и важные. Так произошло и на этот раз. Во взвинченной и нервной обстановке, которая царила в Думе, оппозиционных кругах, а также в «верхах» и правительстве удачно примененный ораторский прием оказался тем катализатором, который на какое-то время повернул лицом к Думе не только оппозиционные, но и широкие демократические слои, а также — что было особенно важно с точки зрения блока — армию, прежде всего в лице ее офицерского корпуса.

Ровно полтора месяца спустя Милюков с той же трибуны, где произнесена была им «историческая речь», признáет, что вызванный ею подъем настроения уже больше не существует. А пока ощущение победы усиливалось чувством торжества по отношению к посрамленным прогрессистам, начавшим систематически ставить палки в колеса блокистской тактике кадетов и возомнивших себя претендентами на руководство левым флангом оппозиции за счет вытеснения оттуда партии Милюкова. Первый день сессии, подчеркивала передовая «Речи», в значительной мере удовлетворил ожидания страны. Прогрессисты ушли из блока слишком рано [115]. Кроме того, чувствовалось, что речь Милюкова отразилась в той или иной степени на тональности выступлений других представителей блока, что создавало впечатление как у публики, так и у самих кадетов о их руководящей роли в «объединении центральных фракций» Думы.

В этом плане наиболее резкой по тону была речь Шульгина, произнесенная на втором заседании 3 ноября. Подчеркнув, что он принадлежит к числу тех людей, для которых «даже дурная власть лучше безвластья», и поэтому он и его единомышленники готовы терпеть «до последнего предела», Шульгин далее заявлял: «И если мы сейчас выступаем ... с резким осуждением этой власти, если мы подымаем против нее знамя борьбы, то это только потому, что действительно мы дошли до предела, потому что произошли такие вещи, которые дальше переносить невозможно». Положение таково, что «страна смертельно испугалась собственного правительства»; не боясь Гинденбурга, люди «затрепетали перед Штюрмером». В результате остается только одно: «Бороться с этой властью до тех пор, пока она не уйдет».

Смысл и необходимость этой борьбы Шульгин пояснил следующим образом. Такая борьба с властью есть единственный способ «предотвратить анархию и безвластие». Ему представляется, что «офицеры более уверенно ведут свои роты», уполномоченные и земства «будут увереннее закупать и везти свой хлеб», а рабочие, «в руках которых наполовину судьба России», будут работать у своих станков, не поддаваясь на провокационные призывы и забастовки, если они будут знать, что Дума «исполняет свой долг», борясь с негодным правительством. В чем же должна заключаться эта борьба? «Мы, — отвечал на этот вопрос оратор, — можем бороться только одним пока (?). Мы можем бороться тем, что говорить правду, как она есть. (*Голос слева*: В четырех стенах)».

В своей речи Шульгин затронул и тему об «измене». На прошлом заседании, пояснил он свой взгляд на этот предмет, были «произнесены очень тяжкие обвинения». Но беда не в них самих, а в реакции на эти

обвинения со стороны правительства. «Ужас» в том, что когда было сказано, что секретарь председателя Совета министров поделился со своим шефом взятками, то аудитория не только не вознегодовала, но молчала так, что это молчание можно было истолковать как «да, пожалуй, это возможно». «Ужас» в том, что когда спрашиваешь у членов Думы и Государственного совета, даже тех, кто был в одной фракции с премьером, кто же такой Штюрмер? — в ответ говорят: «Человек без убеждений, с сомнительным прошлым, человек, готовый на всё; человек, которого специальность обходительными манерами обходить людей; человек, который, кроме этого, в государственных делах ничего не смыслит».

Заключительный антиштюрмеровский аккорд содержал уже явный намек на «измену». При назначении Штюрмера, подытоживал оратор, немецкие газеты писали о нем как о белом листе бумаги. Теперь на этом листе уже кое-что написано: «Продовольственная разруха», «Англия» (в смысле враждебного отношения. — *А. А.*) . . .«безнаказанность Сухомлинова», а внизу, в виде примечания: «Манасевич-Мануйлов». «Но и это не всё. Ведь это только начало. Вот где ужас, где самый ужас — мы боимся, что это только заглавие к той сатанинской грамоте, в которой будет изложена программа позора и гибели России». Всем было понятно, что под последними словами Шульгин разумел сепаратный мир с немцами, который замыслил Штюрмер и К°. «И вот, чтобы этого не случилось, гг., — закончил он свою речь, — Государственная дума должна стоять здесь на своем месте и бороться за безопасность России» [116].

Земец-октябрист Д. П. Капнист с первых же слов полностью солидаризировался с Шульгиным, однако его собственная речь и по тону и по содержанию, не говоря уже о яркости, значительно уступала речи «прогрессивного националиста». Начал он так же, как и Шульгин, с признания необходимости сказать правду. «Но эту правду уже сказал Шульгин, и сказал так, что повторять ее — значило бы ослабить ее или исказить. Шульгин сказал то, что думает вся страна. . .» Дальше шли знакомые мотивы: «Прогрессивный паралич правительственной власти», хаос в продовольственном деле и т. д. Закончил он призывом к народу соблюдать . . . спокойствие. Хотя, заявил Капнист, мы знаем, что власть не способна помочь народу, «тем не менее мы призываем народ не к революции, как говорит Марков 2-й, а призываем его к тому, чтобы сохранить спокойствие внутри, грозное для врага и грозное (*указывая на места правительства*) для них» [117].

Что касается прогрессистов, то выход из блока никак не отразился на речи их лидера. Совершенно в духе выступлений цитированных ораторов Ефремов снова говорил о том, что «никогда в стране престиж власти не падал так низко, никогда не были возможны такие унизительные характеристики, такое пренебрежительное отношение к носителям власти; никогда, наконец, в отношении к власти не наблюдалось такого недоверия и не высказывались такие чудовищные обвинения, какие в настоящее время народная молва передает с тревогой и волнением из уст в уста». Как обычно, Ефремов потребовал «коренного изменения всей нашей политической системы», разумея под этим «ответственное министерство» в его, прогрессистской, интерпретации [118].

Закончилось второе заседание признанием спешности трех запросов, обращенных к председателю Совета министров, министрам внутренних дел и военному по поводу запрещения военной цензурой речей П. Н. Милюкова, А. Ф. Керенского и Н. С. Чхеидзе и др. Любопытно, что эти речи упоминались

только в запросе социал-демократов и трудовиков, а в кадетском запросе говорилось лишь о купюрах в декларации блока, речах председателя Думы, правого С. В. Левашева и члена Государственного совета Д. Д. Гримма [119].

Правительство ответило на эти запросы так, как и заслуживали интерпеллянты, — дополнительным запрещением публиковать речи Шульгина и Маклакова, произнесенные тогда, когда запросы были поставлены на повестку заседания Думы.

Как же отреагировали на демарш блока и речь Милюкова крайние фланги Думы? Важность ответа на этот вопрос состоит в том, что, будучи достаточно хорошо осведомлены о намерениях друг друга, и крайние правые и левые знали, о чем в общем шла речь на октябрьских заседаниях бюро блока, т. е. были в курсе намерений последнего «свалить правительство».

Надо отдать справедливость Маркову 2-му, который в своей полемике с Шульгиным и Милюковым бил по самому больному месту блокистов: указывал на то, чего боялись они сами, — разжигания революции вместо ее предупреждения. Шульгин заявляет, что долг Думы говорить правду, сразу взял Марков быка за рога. Но результат этой правды будет прямо противоположный тому, на что рассчитывал оратор блока. Вы говорите «будем бороться с государственной властью», а рабочие — «они люди дела, они люди мозолистых рук, они не болтуны» — в ответ подымут «знамя восстания, и не закрывайтесь, что вы только словами хотите ограничиться; нет, знайте, что ваши слова ведут к восстанию... и народному возмущению... Вы тут шумите и говорите: мы только говорим, и от наших слов ненавистные министры разбегутся. Нет, гг., от ваших слов ненавистные министры не разбегутся». Таким путем этой цели не достичь, тут требуются совсем иные средства.

Речи Милюкова, Керенского, Чхеидзе и Шульгина, делал Марков 2-й свой главный удар, «разнятся только в тоне... но суть их одна, и все они ведут к одному — к революции».

Вторая половина речи Маркова 2-го была посвящена изложению собственной программы правых, преимущественно по продовольственному вопросу, в которой центральными моментами был поход против твердых цен, сопровождаемый обвинением общественных организаций и буржуазии в хищничестве и мародерстве за счет народа [120]. Центральным пунктом программы по-прежнему оставался лозунг о «немецком засилье», который изложен был Левашевым еще на заседании 1 ноября.

На этом же первом заседании выступили (сразу за Шидловским, т. е. раньше Милюкова) Чхеидзе и Керенский.

Речь Чхеидзе свидетельствовала о полном идейном подчинении думских меньшевиков кадетам, превращении их в полукадетов. Если отвлечься от фразеологии, то суть позиции меньшевиков сводилась к двум пунктам: к прежнему требованию мира, который получился бы в результате координации «сил европейской демократии», что на деле означало поддержку политики продолжения войны, и уговаривания блока и кадетов быть верными собственной тактике. Сегодня нам было заявлено, что блок применит «все законные средства борьбы» с правительством. «Мы, гг., на большее вас не зовем... мы большего и не требуем...» Но, «не знаю, гг., насколько верно, но была попытка сказать несколько внятнее» (чем в декларации. — *А. А.*) об «изменнических деяниях и замыслах» тех,

в чьих руках находится судьба страны. У вас, однако, «не хватило смелости» это сказать. Осмелитесь ли вы отвергнуть бюджет? В состоянии ли вы отвергнуть законы, проведенные по 87-й статье? «Я боюсь, гг., что у вас и на это не хватит решимости. Но, гг., наступила... очень решительная минута, когда надо, гг., быть с народом против правительства или с правительством против народа... Мы вас призываем, гг., принять это к сведению и руководствоваться именно тем, чего требует в настоящее время момент, переживаемый нами» [121]. Этот призыв, которым закончил свою речь Чхеидзе, был обращен не только к кадетам, но и ко всему блоку, т. е. к Шульгину, Капнисту и Шидловскому в том числе. Именно их призывал Чхеидзе быть с народом в «решительную минуту» за четыре месяца до революции.

Речь Керенского ничем не отличалась от дюжинных кадетских речей, характерных для конца 1916 г. Вот ее типичные образчики. «Страна истекает кровью... Все новые и новые жертвы приносит народ, но они остаются бесплодными!» Правительство «разрушает организм государства...» Оно не считается с общественным мнением и «в своей деятельности руководствуется нашептываниями и указаниями безответственных кругов, руководимых презренным Гришкой Распутиным! Неужели, гг., ... мы единодушным и единым усилием не заставим уйти тех, кто губит, презирает и издевается над страной». «Они (правительство. — *А. А.*) не решаются, не осмеливаются придти сюда ... потому что они знают, какая буря негодования и возмущения их ожидает, если они появятся на этой кафедре». И так до конца в том же духе [122].

Каков же был итог «штурма власти», как были окрещены правыми речи в Думе 1 и 3 ноября? Достиг ли блок своей цели — свалить «негодное правительство» с тем, чтобы взамен получить «министерство доверия»? По признанию самих «штурмующих», эта цель достигнута не была. Единственным положительным итогом была отставка Штюрмера, и то она была произведена не столько благодаря речи Милюкова (как думал последний и вся оппозиция), сколько потому, что в Штюрмере разочаровался Распутин. Именно позиция «старца» сыграла в его отставке решающую роль, о чем блокисты в то время и не подозревали, будучи уверены, что это дело их рук.

Правда, в состояние известной растерянности власть, и прежде всего самого Штюрмера, Дума все же привела. Об этом свидетельствует реакция последнего, а также кабинета в целом на речь Милюкова. С точки зрения престижа власти она могла и должна была реагировать двояко: 1) игнорировать ее, 2) немедленно распустить Думу. Штюрмер избрал третий и самый ошибочный путь — он решил привлечь Милюкова к суду за клевету [123]. Особый журнал Совета министров от 3 ноября 1911 г. «О возбуждении уголовного преследования за клевету против члена Государственной думы Милюкова» зафиксировал решение, состоящее из двух пунктов: 1) предложить министру юстиции возбудить уголовное преследование против Милюкова за клевету, содержащуюся в его речи от 1 ноября, и 2) это решение «повергнуть на ... благоусмотрение» царя. 9 ноября Николай II наложил резолюцию: «Согласен» [124], а на другой день Штюрмер был уволен в отставку. Решение же Совета министров осталось на бумаге.

В передовой, посвященной отставке Штюрмера, милюковская газета писала: «Таким образом, впервые в истории наших представительных учреждений установлено в столь ясной и определенной форме соотношение между мнением большинства Гос. думы о кабинете и существовании послед-

него». Казалось бы, все хорошо: создан столь желанный «парламентский» прецедент, по которому власть, не получившая вотума доверия, уходит в отставку. Но, вынужден был признать кадетский официоз, до этого еще далеко. Достигнута только ближайшая цель блока, притом отрицательная. Положительная же задача еще не выполнена: смена состава кабинета «осуществилась пока далеко не вполне», в частности не сделано «самое важное... — удаление министра внутренних дел» и назначение «компетентного министра иностранных дел» [125].

В свою очередь, прогрессистская газета «Утро России» в статье «Страна и режим» печально констатировала: «Одно ясно, тотчас вслед за его уходом, когда в Петрограде были получены известия, что уход Б. В. Штюрмера повлечет за собой уход ряда других министров и сформирование нового кабинета, можно было думать, что перед нами происходит нечто такое, что может быть истолковано как *прецедент* к установлению ответственности министров». Пусть бы при этом оказалось, что новое правительство, созданное взамен «свергнутого», так же не соответствовало бы чаяниям общества, «было бы по-прежнему бюрократическим... все же большой шаг был бы уже сделан (т. е. создан пресловутый „прецедент". — *А. А.*)». Но «известия последних дней показывают, однако, что даже и эти скромные надежды были, что называется, „преувеличены"» [126].

Много лет спустя Милюков, вспоминая о своей знаменитой речи и говоря о ее последствиях, писал: Штюрмер был немедленно уволен и вместо него назначен А. Ф. Трепов. «Казалось, тут одержана какая-то серьезная победа. Но ... это только казалось». Об этом «казалось» говорит уже сам выбор Трепова [127].

Трепов был такой же правый, как и Штюрмер, сидел с ним на одних скамьях в Государственном совете, с той лишь разницей, что был гораздо умнее и энергичнее своего предшественника. Будучи назначенным вместо Штюрмера, он потребовал у царя отсрочки заседаний Думы, чтобы иметь возможность подготовиться для встречи с ней. Помимо выработки декларации, он рассчитывал также добиться отставки А. Д. Протопопова, без чего нельзя было наладить отношения с Думой. Николай II ему эту отставку сначала полуобещал, но потом под давлением императрицы взял свое обещание обратно.

В связи с этим бюро блока возобновило свои заседания, чтобы определить дальнейшую линию поведения. Эти заседания показывают, что блокисты нащупывали эту линию, исходя не из дальнейшего наступления, а, наоборот, из отступления, и предметом дискуссии был вопрос о способах, характере и мере предстоящей ретирады.

Заседание 11 ноября 1916 г. началось с информации Капниста о посещении Родзянко новым премьером, хотевшим прозондировать у председателя Думы настроение и условия, на которых Дума согласится с ним сотрудничать. Трепов выразил готовность вставить в свою декларацию слова о том, что правительство будет опираться на общественные силы, но с оговоркой — «здоровые», что на деле означало отказ от такого сотрудничества, поскольку под «здоровыми» общественными силами правительство и сам Трепов (не говоря уже о дворе) разумели такие, которые представляли Марков 2-й, Балашов и ему подобные. Он обещал также отставку Протопопова и Бобринского (с поста министра земледелия). Вопрос об отставке министра торговли и промышленности В. С. Шаховского, которого блок также считал неприемлемым, Трепов оставлял открытым. На это Родзянко ответил, что он

не может подсказывать премьеру конкретных кандидатов в министры, но если бы он каким-либо образом заявил или дал понять, что полностью разрывает с политикой Штюрмера и возвращает Сазонова, «это бы сразу образовало». На вопрос Родзянко, имеет ли Трепов какие-либо полномочия (на перетряску кабинета), последний от прямого ответа уклонился, но у вопрошавшего сложилось впечатление, что таковые у Трепова имеются, а вот программы никакой нет.

По мнению Шидловского, это означало, что власть решила отделаться пустяками — «отыграться на лицах», т. е. сделать некоторые несущественные перестановки в Совете министров, а политику оставить прежнюю. Никаких полномочий на составление однородного кабинета, он уверен, у Трепова нет. Поэтому можно сказать: «Известную удачу мы имеем, но нельзя придавать чрезвычайного значения, ибо существо осталось то же». В декларации нового премьера будут одни «общие места и детские оговорки. . .», удовлетворяющего нас правительства «не получим», «ни малейшего признака изменения системы» нет, и поэтому положение блока становится еще более сложным и ответственным.

Шульгин смотрел веселее. Основываясь на том, что Трепов «человек умный. . . [он] может далеко пойти в обе стороны», т. е. и в сторону Думы. Поэтому, «может быть, сможем *осуществить* „параллелизм“. . . Существуем независимо бок о бок», — пояснил он смысл «параллелизма», в свое время предложенного Милюковым в отношении Штюрмера, на что Шульгин и сослался. Поскольку «мы (т. е. его фракция. — *А. А.*) придаем большое значение нашей победе: будем *избегать* конфликта». Иными словами, Шульгин, считая, что главная задача блока выполнена, предложил покончить с идеей «штурма» и перейти к совместной (деликатно названной «параллельной») работе с новым премьером. Его соратник А. И. Савенко был еще более откровенен. «Если новый премьер пойдет на частные соглашения, — прямо заявил он, — то можно объявить [ему] *дружественный нейтралитет*».

Представитель «центра» предложил занять пока выжидательное положение. Октябрист И. В. Годнев бросил замечание, что Трепов явно «*ждет от нас уступок*». Шингарев заявил, что Трепов — «человек бесцеремонный», с самолюбием, неискренний, неправдивый, избирающий «непрямые пути» и злой по природе. Но что́ должно из этого следовать, осталось неизвестным [128].

Второе выступление Шидловского показало, что земцы-октябристы готовы принять предложение Шульгина. «Уже намечается решение (в ходе данного обсуждения. — *А. А.*), — констатировал он, — что тухлыми яйцами мы не встретим». Мы не будем требовать всего сразу. «*Нет, не сразу, но с самого начала в одном фарватере. Предвзято не бойкотируем*», — пояснил он. Иначе говоря, хотя Трепов еще ничего не обещал и тем более ничего не дал по части удовлетворения требований блока, последний должен начать с ним совместную работу [129].

Решение действительно наметилось. Но, поскольку оно означало на деле отказ от дальнейшей борьбы (по крайней мере на ближайшее время), блок, прежде чем сделать его окончательным, счел нужным посоветоваться с «союзами» (и ЦВПК) по вопросу о том, как этот шаг отразится на настроении рабочих и «общественности», не приведет ли это к быстрой ликвидации «настроения», достигнутого 1 ноября. Совместное заседание состоялось 16 ноября.

Коновалов, ссылаясь на информацию «оборонцев», сообщил, что после 1 ноября в рабочей среде «моментально установилось бодрящее настроение». Терпеливо ждут тактики Думы, но о примирении с Треповым, считают, речи быть не может, так как он — «сподвижник Штюрмера». В то, что власть переродится, никто не верит. «Если невозможен компромисс, то надо занять ту же непримиримую позицию». Таким образом, ЦВПК и «оборонцы» не исключали возможность компромисса с Треповым, они только плохо в это верили.

Меллер-Закомельский поставил вопрос ребром: что выбрать — продолжение борьбы или роспуск или на роспуск не идти, но тогда Дума «потеряет свой авторитет среди масс».

«Это вопрос трудный», — признал Шидловский. Но ответ у него уже был готов: «Снизу говорят: кричи, а иногда нужно промолчать». Дальше доказывалось, почему это нужно — война стесняет в выборе средств и требует большой осмотрительности.

Когда «а» было произнесено, не заставило себя ждать и «б». «Тактически сделано ужасно много», — заявил М. А. Стахович. Дума одержала большую победу. Поэтому, «если Трепов хоть что-нибудь скажет из того, что́ требует блок», надо этим и удовлетвориться. «Крупные дела не повторяются» — нельзя дважды в течение месяца повторять 1 ноября. «Дума должна благодарить за удаление Штюрмера... Должна показать свою способность работать... Пусть Протопопов не сменен, но Дума должна говорить: я довольна, главная цель достигнута, теперь поедем дальше».

Это было настолько откровенно, что Милюков поспешил отмежеваться: «Не согласен на тактику Стаховича». Аргументы Милюкова сводились к следующему: «Парламентская борьба еще не испытана». Надо иметь в виду не только Думу, но и страну, с которой необходимо добиться взаимопонимания, учитывать резонанс, производимый политикой и тактикой Думы.

Позиция Городского союза, изложенная Н. И. Астровым, была самая левая. Правительство ничего не уступило, и поэтому блок при встрече с Треповым должен занять ясную и четкую позицию: «Полное осуждение недопустимого положения». От того, какие будут найдены слова, зависит «созвучие» как разных общественных съездов между собой, так и с Думой. «Формулы должны быть *такие же четкие*. Иначе произойдет переориентация настроения».

Дальнейшее обсуждение показало, что единство блока висит на волоске и страсти, давно уже кипевшие в котле противоречий между его правой и левыми частями, готовы ежеминутно вырваться наружу.

Что нужно блоку? — поставил ребром вопрос Шульгин. «Должен быть *дельный* и с нами *согласный* Совет министров». Так в чем же дело? «*Назначен не предатель, не распутинец, не взяточник*, человек, *к делу способный*...». Это раз. Новый министр земледелия А. А. Риттих — «человек дельный». Это уже нечто. Далее: министры П. Н. Игнатьев, И. К. Григорович, Н. Н. Покровский — «приличные». П. Л. Барк, В. С. Шаховской, Д. С. Шуваев — «под знаком вопроса». «Мрачные личности» только А. Д. Протопопов, Г. Е. Рейн и Н. П. Раев. Куда отнести А. А. Макарова, еще не решил. Таким образом, если добьемся отставки этой троицы, то будет сделан большой шаг к тому, чтобы Совет министров стал бы «артелью дружной и дельной», что, собственно, и требуется доказать. А раз так, то тактика Думы должна исходить из следующего: «теоретически» мы поддерживаем

свои требования в полном объеме, практически же «*должны идти* (с правительством. — *А. А.*) *в полном согласии* ... решать задачу по частям».

В ответ Милюков вынужден был заявить, что Шульгин «меняет цели». Он не учитывает, что «1 ноября — эра», рабочие признали за Думой руководящую роль, и иметь это в виду чрезвычайно важно. Даже М. В. Челноков (один из самых правых кадетов и постоянных противников Милюкова) на этот раз поддержал его, указав, что «опасно идти ... *другой дорогой*, чем страна». «*Положение сейчас обязывает* ... чтобы речи не были *декоративными*». Хотя бы в умеренной форме, но это надо сказать, «чтобы они *не думали, что поймали* вас некоторыми уступками».

Шидловский, однако, был другого мнения насчет дилеммы Дума—страна. «Думал ли кто-нибудь (из нас. — *А. А.*), что все это (т. е. декларация и речи 1 и 3 ноября. — *А. А.*) произведет полное крушение системы (назначения министров. — *А. А.*)? — обнажил он самое сокровенное. — Нет, мы стали на путь *борьбы длящейся* (в смысле долгой. — *А. А.*). Раз никто не становился на точку зрения блестящего штурма, это — борьба длящаяся». А раз так, то не надо бояться расхождений в блоке по части лозунгов, опасаться следует разногласий относительно «форм борьбы». Общественные организации окажут блоку большую услугу, если не будут требовать форм борьбы, которые только «*издали* кажутся *наиболее действительными*». Надо стать на путь длительной борьбы, «штурмом ничего не достигнем. Иначе мы будем не решающей силой, а одним из факторов; другим будет улица». Мы не должны идти и «*не идем на вызов масс*» [130].

Так выглядел «штурм власти» в представлении самих «штурмующих». Эти люди — от Шульгина до Милюкова — не были способны ни к какой серьезной борьбе.

Выше уже говорилось, что с развитием и углублением в стране политического кризиса, обусловленного разрухой и другими факторами, сумма качеств и условий, которая ассоциировалась в представлении блока с их лозунгом «министерства доверия», не только не повышалась, как следовало бы ожидать, а, наоборот, понижалась. В конце концов от «министерства доверия» осталось только требование к правительству в какой-то мере ослабить продовольственный кризис, обеспечить в продовольственном деле минимум компетентности, честности и порядка. На последнем заседании руководства блока перед возобновлением работы Думы, т. е. 18 ноября, В. Н. Львов выразил эту общую мысль достаточно ясно и откровенно. «Я, — заявил он, — помирился бы со всяким правительством, которое бы вывело из продовольственного кризиса. Но убежден, что *это* правительство с продовольственным кризисом не справится».

В этом заявлении содержался еще один, скрытый смысл, который, однако, был хорошо понятен заседавшим авгурам. Львов намекал на твердые цены, пока еще не ставя открыто вопрос о необходимости их отмены. Однако он бросил достаточно ясный намек, добавив к своей тираде фразу: «Мы идем путем государственного социализма», разумея под последним, как и все блокисты, тот минимум регламентации со стороны правительства (реквизиции, твердые цены, специальные продовольственные органы и т. п.), на который заставила пойти война. Именно вопрос о твердых ценах стал последним и наиболее острым конфликтом в недрах «Прогрессивного блока» в последние месяцы его существования. Борьба внутри бюджетной комиссии по нему между кадетами, с одной стороны, и остальной частью блока — с другой, уже шла вовсю и вот-вот должна была вырваться наружу. Новый

министр земледелия Риттих был как раз сторонником отмены твердых цен на хлеб, и когда Шульгин на предшествующем заседании говорил, что Риттих — человек дельный, он не просто излагал свое мнение о нем, он также бросал вызов своим левым партнерам по блоку.

На данном заседании он это подтвердил. «Чтобы ответить, знаем ли мы вообще (чего надо требовать в своей формуле перехода по ожидаемой декларации Трепова по части продовольствия. — *А. А.*), надо знать, чего мы не знаем (т. е. признать собственную неспособность разрешить продовольственный вопрос. — *А. А.*). Ждут продовольствия, как снарядов. Если мы верим, что можем (предложить правительству эффективный способ действия в продовольственной политике. — *А. А.*), то одно. Но мы переругаемся на продовольствии, и моя мысль двоится». Последнюю фразу надо понимать в том смысле, что он и другие блокисты изверились в политике твердых цен, на которых до сих пор настаивает бюджетная комиссия и блок, но отказ от них будет означать конец блока, чего он не хочет и, кроме того, не уверен, спасет ли путь, предлагаемый Риттихом.

В ответ Шингарев, так же как и Шульгин, заботящийся о целости блока, заявил без лишней скромности, что взялся бы от имени Думы разработать продовольственный план, если бы ему была предоставлена полная информация о положении дела. Но и он признал, что «трудность только (!) решить: будем отстаивать или херить путь государственного *социализма*? Тут можем рассориться».

Но правая часть блока, видно, уже наметила свою линию, означавшую возможность, на их взгляд, и твердые цены уничтожить, и кадетов удовлетворить. «Против твердых цен вообще никто не возражает», — заявил Н. А. Ростовцев (*Бобринский*: Савенко, он произнесет речь)». Но они «требуют *поправок*». Весь вопрос в том, «*кто будет исполнять*», кто будет при Риттихе?

И. Ф. Половцов пошел еще дальше. «В блоке есть известная трещина. Следует блок скреплять — это возможно, если блок пойдет *средним путем*». Пора бросить всем надоевшие трафаретные речи. «*Прекратите* временно вашу борьбу и *дайте нечто реальное*».

Требование от правительства компетентности при неверии в эту компетентность было одновременно и признанием своей собственной некомпетентности, о чем простодушно сказал Львов. У нас, заявил он, «та же задача: надо указать правительству, что *они — справиться* не могут, а мы — помочь *не можем*» [131]. За день до возобновления сессии Думы блок пребывал в том же состоянии растерянности, в котором находилось и критикуемое им правительство.

Что касается позиции социал-демократов и трудовиков, то она наиболее полно проявилась с возобновлением заседаний Думы 19 ноября 1916 г. В создавшейся ситуации бездеятельности они решили, что надо помочь блоку расшевелить его, заставить продолжать борьбу. С этой целью они устроили новому премьеру обструкцию, т. е. повторили то, что было устроено вместе с большевиками Горемыкину незадолго до начала войны. Но, удивительное дело, если обструкция 22 апреля 1914 г. получила широкую поддержку рабочего класса и вызвала громадный резонанс в стране, повлекла за собой осуждение кадетской фракции, воздержавшейся от голосования при исключении обструкционистов на 15 заседаний (высшая мера наказания, предусмотренная думским наказом), вместо того чтобы голосовать против, в собственной кадетской среде, так что А. С. Изгоев поднял шум на стра-

ницах «Русской мысли» о новом взрыве «кадетоедства», то теперь она не произвела никакого впечатления не только за стенами Таврического дворца, но в самой Думе. На этот раз кадеты совершенно спокойно, вместе с октябристами и правыми, проголосовали за исключение обструкционистов [132].

И это было абсолютно закономерно. Обструкция 22 апреля принципиально отличалась от обструкции 19 ноября [133]. Тогда она подчеркивала самостоятельность революционно-демократического лагеря, противостоявшего лагерю либерализма, т. е. была направлена против кадетов. Теперь она демонстрировала превращение фракций Чхеидзе и Керенского в фактический левый фланг «Прогрессивного блока», обусловленное тем же страхом перед революцией, какой владел помещичье-буржуазной оппозицией. Что было посеяно, то и собрано. Крайний оппортунизм, политика «подталкивания» блока обернулись изоляцией от широких масс, превращением в группу людей, опирающихся, по сути дела, на самих себя и «оборонцев» из ЦВПК.

Уже сама фразеология речей обструкционистов свидетельствовала о том, что выступали не революционеры, а мелкобуржуазные радикалы. «Власть в плену у своих слуг, которые забыли о своем долге, о своей присяге, забыли, какие государственные интересы им вверены», — говорил Чхеидзе. «Новый кабинет еще хуже старого... нам не дают говорить при этом новом кабинете... Исключите нас и скажите стране, что между народом и вами нет ничего общего. Мы остаемся одни на посту верными служителями народа. Мы ему говорим: „Страна гибнет, спасайте!“», — истерически кричал Керенский. «Исстрадавшаяся страна с трепетом чувствует, как ее все ближе и ближе ведут на край пропасти. Она уже знает и отчетливо сознает, что самая страшная опасность, самый ужаснейший враг сидит здесь (*указывая на места правительства*)», — вторил им Скобелев. Остальные говорили в том же ключе. Любопытно, что Родзянко, вначале предложивший исключить обструкционистов на 15 заседаний, предложил затем по собственной инициативе ограничиться восемью заседаниями, что и было сделано (кроме трудовика А. С. Суханова, исключенного на 10 заседаний) [134]. (На заседании 22 апреля 1914 г. он такого добродушия и снисхождения не проявлял.)

Заседания Думы, возобновившиеся 19 ноября 1916 г., были открыты декларацией нового премьера. Декларация Трепова еще раз показала, что никакого изменения правительственного курса не произошло и не произойдет. Новый премьер обещал, что «власть, врученная ему державной волей государя императора», будет «властью твердой и сильной, закономерно использованной во всей ее полноте». «От лица правительства» он «прямо и открыто» заявил, что «оно исходит из желания посвятить свои силы на совместную с законодательными установлениями положительную реальную работу». Но дальше пояснил, что в области законодательства «первейшее место» должно принадлежать вопросам, «в какой бы то ни было степени соприкасающимся с делом обороны». Вместе с тем правительство учитывает, что «существуют неотложные потребности» и другого рода, в частности «потребности народного просвещения» и развитие профессионального образования.

Речь была до предела скучной, не рассчитанной ни на какой отклик со стороны Думы (исключая, разумеется, крайних правых). Единственная попытка сыграть на самой чувствительной струне блока — упоминание о соглашении с союзниками, согласно которому они признавали право России на Константинополь и Черноморские проливы, — не сработала:

в ответ на это Милюков с места воскликнул: «Браво, Сазонов!», т. е. дал понять, что это заслуга не Трепова и тем более не Штюрмера, а бывшего министра, стоявшего на позиции сотрудничества правительства и Думы и за это из правительства изгнанного [135].

Казалось, скучная и пустая речь нового премьера повлечет за собой столь же скучные и нудные речи оппозиции, в сотый и тысячный раз повторяющие одни и те же слова с одним и тем же результатом. Но и на этот раз произошло нечто такое, что до некоторой степени повторило 1 ноября. Только 19 ноября героем сцены оказался не Милюков, а Пуришкевич. Сразу за Треповым он произнес речь, которая вызвала примерно такой же резонанс, как и первоноябрьская речь кадетского лидера. Она выражала острую тревогу даже таких ультраконсервативных кругов, которых представлял один из столпов крайних правых. Незадолго перед этим Пуришкевич вышел из фракции крайних правых, разорвал со своим многолетним другом Марковым 2-м, и его речь одновременно являлась публичным ответом своим бывшим соратникам.

С этого, по существу, он и начал. «Гг., я с невыразимым душевным волнением сегодня выхожу на эту трибуну, и не потому, что я покинул ряды своей фракции, — я не могу покинуть ряды правых, ибо я самый правый, быть может, из всех, кто сидит в правом лагере». Явно продолжая свой спор с Марковым 2-м, Замысловским и др., Пуришкевич следующим образом охарактеризовал суть своего расхождения с недавними друзьями. «Бывают, однако, моменты, гг., когда должно быть приносимо в жертву все, когда нельзя позволить себе говорить, взобравшись на уездную или губернскую колокольню, а нужно бить в набат, взойдя на колокольню Ивана Великого, откуда видим все то, что творится на святой матушке-Руси».

Что же увидел глава «Союза имени Михаила Архангела» с этой колокольни такого, что никак не мог разглядеть Марков 2-й с Щигровской уездной колокольни Курской губернии, его главной цитадели? Примерно то же, что и лидеры «Прогрессивного блока». Он признал обоснованными «темные слухи» об «известных кругах, стремящихся так или иначе добиться для нас сепаратного мира». Обвинил правительство в разобщенности, несогласованности работы отдельных ведомств, «где каждый работает на свой страх и риск». Персонифицировал этот всеобщий беспорядок и быструю смену министров в лице Протопопова, процитировал ходящий по Петрограду афоризм про то, как «Русь, что ни день, меняет няньку, предавшись горькому посту, в лицо скорей узнаешь Ваньку, чем Протопопова на посту» и т. д.

По мнению Пуришкевича, «главный бич русской общественной и государственной жизни» на данный момент составляли «четыре положения: бессмысленная цензура ... ложь и паралич власти, — опасные симптомы торжества германофильских течений среди органов правительственной власти, и в связи с этим полная неизвестность за завтрашний день...». Все дальнейшее изложение представляло собой конкретизацию приведенных положений. В этой конкретизации и заключался главный эффект речи, ибо самый правый из всех правых, по его собственному заявлению, привел такие примеры, которые наносили удар уже не по правительству, а по самой верховной власти. В качестве первого крупного «бобра», приносящего в жертву интересы страны ради своих личных шкурных интересов, он назвал дворцового коменданта В. Н. Воейкова, одного из самых близких царской чете лиц; этого «генерала от-кувакерии» (или «от кабакерии», как

он выразился в другой речи) Пуришкевич обвинил в том, что, когда «дорога каждая пара рельсов», из его имения «Кувака» на казенные деньги проведена к станции железная дорога для вывоза добываемой в этом имении минеральной воды под тем же названием. (Факт этот оказался неверным, и Пуришкевичу пришлось тут же в Думе, после разъяснения Трепова как министра путей сообщения, это признать.) Во время отступления с Варшавского фронта, повествовал Пуришкевич, когда все было запружено беженцами, нельзя было достать хлеба, керосина, масла, он «собственными глазами видел», как «Кувака» «безнаказанно проезжала повсюду и доставлялась в места, где население голодало».

Следующей мишенью Пуришкевича оказался гр. А. А. Бобринский, которому в аналогичных условиях, в бытность его министром земледелия, был доставлен состав из 70 вагонов, на которых было написано: «Суперфосфат, Смела (название имения. — *А. А.*), гр. Бобринскому». Был нанесен также удар по Штюрмеру, который в свое время лично говорил ему, Пуришкевичу, что «нужно несколько сократить аппетиты наших союзников, потому что они слишком много от нас требуют», т. е. достаточно прозрачно обвинил его в германофильстве.

Но главный свой удар Пуришкевич приберег под конец. «Откуда все это зло? — поставил он вопрос ребром. — Я позволю себе здесь, с трибуны Государственной думы, сказать, что все зло идет от тех темных сил, от тех влияний, которые двигают на места тех или других лиц и заставляют взлетать на высокие посты людей, которые не могут их занимать, от тех влияний, которые возглавляются Гришкой Распутиным».

Концовка речи была выдержана в свойственном Пуришкевичу мелодраматическом ключе. Он стал заклинать Совет министров поехать в Ставку, «кинуться в ноги государю» и просить царя «позволить раскрыть глаза на ужасную действительность», просить «избавить Россию от Распутина и распутинцев больших и малых», в том числе от митрополита Питирима, кн. Андроникова, епископа Варнавы и др. «В былые годы, в былые столетия Гришка Отрепьев колебал основы русской державы. Гришка Отрепьев воскрес в Гришке Распутине, но этот Гришка опаснее Гришки Отрепьева. (*Голоса слева и в центре*: Верно!) Гг., надо просить государя, и вы (*обращаясь к министрам*), его верноподданные слуги», должны его просить: «Да не будет Гришка Распутин руководителем русской внутренней, общественной мысли». Эта заключительная фраза, как свидетельствует стенограмма, вызвала «*бурные и продолжительные рукоплескания центра, левой и справа; голоса* «Браво!» [136].

Речь Пуришкевича, как и речь Милюкова, вызвала широкий резонанс, и прежде всего в правых кругах. «Она показывала, — писал кадетский официоз „Речь", — как далеко вправо проникли те настроения, которые 1 ноября объединили всю Гос. думу» [137]. В статье «Искреннее слово» М. О. Меньшиков отмечал: «Речь В. М. Пуришкевича в бурную парламентскую субботу я прослушал с большой благодарностью к оратору и с полным, как вся аудитория, удовлетворением» [138]. Но и в либеральной среде она была встречена весьма сочувственно. «Впечатление было очень сильное, — писал прогрессист Е. Н. Трубецкой своей корреспондентке М. К. Морозовой. — Самые консервативные члены Гос. совета и многие бывшие министры не стеснялись громко одобрять Пуришкевича, а великий князь Ник[олай] Мих[айлович] из своей ложи громко ему аплодировал. Очень важно, что такое слово было сказано, притом именно правым. За это

Пуришкевичу можно простить очень многое. Я подошел пожать ему руку» [139].

В конечном итоге речь Пуришкевича привела к расколу фракции крайних правых, хотя внешне дело выглядело таким образом, что толчком послужил скандал Маркова 2-го, развязанный им во время его речи на следующем заседании Думы 22 ноября 1916 г.

Понимая, что речь Пуришкевича произвела большое впечатление на его софракционеров, могущее повлечь за собой самые нежелательные последствия, Марков 2-й посвятил значительную часть своего выступления полемике с недавним другом и соратником. Но поскольку он не мог опровергнуть факты, приведенные Пуришкевичем, то он разоблачение последнего построил по схеме: сегодня он говорил то-то и то-то, а вот что он писал и говорил раньше, до войны. Естественно, что такая критика не только не ослабляла, а, наоборот, усиливала впечатление от речи Пуришкевича (если даже такой человек заговорил языком, какой в пору самому Милюкову, то дело действительно обстоит хуже некуда), и Марков 2-й, чувствуя это по реакции аудитории и все более и более раздражаясь в связи с этим, пошел на шаг, который ошеломил даже его собратьев по фракции. Подойдя к председательствовавшему Родзянко, сделавшему ему перед этим самое обычное, очень спокойное замечание, он бросил ему в лицо: «Болван! Мерзавец!». Объясняя мотивы своего поступка перед тем как быть исключенным на 15 заседаний, Марков 2-й заявил: «Я сделал это сознательно. С этой кафедры осмелились оскорблять высоких лиц безнаказанно, и я в лице вашего председателя, пристрастного и непорядочного, оскорбил вас» [140].

В ответ Дума демонстративно, в тот же день, переизбрала своим председателем Родзянко (подавшего немедленно после инцидента заявление об отставке именно для того, чтобы Дума вновь подтвердила свое доверие к нему и тем самым еще раз осудила Маркова 2-го).

Марков 2-й, по-видимому, полагал, что его отчаянная выходка послужит сплочению фракции. Результат же получился обратный: фракция раскололась. Из 53-х человек во фракции осталось 37, причем 10 из них были земляками Маркова 2-го по Курской губернии [141]. Спустя неделю отколовшиеся образовали новую фракцию «независимых правых» в количестве 34-х человек. Председателем был избран кн. Б. А. Голицын, товарищем председателя — А. А. Раткевич, секретарем — священник С. А. Попов [142]. «Марков своей руганью нанес удар не Родзянко, а правым и тем укрепил позиции блока», — сообщал в письме от 28 ноября 1916 г. националист К. Н. Рудич (священник) в Винницу [143].

Один из корреспондентов октябриста Годнева писал ему из Казани 1 декабря: «Мне лично пришлось услышать от очень правых интеллигентных и простых людей сознание, что они молились не тем богам и просили достать им где-либо речи Милюкова и пр. Об этих речах всюду огромный гул. Популярность огромная» [144]. Нет сомнения, что, говоря об «этих речах», автор имел в виду и речь Пуришкевича. «В совершенно доверительном, личном» письме от 24 ноября 1916 г. на имя председателя Совет министров Трепова московский градоначальник писал: «Речь Пуришкевича, произнесенная в Государственной думе, произвела огромное впечатление во всех кругах московского общества» [145].

Однако речь Пуришкевича не могла заслонить того основного факта, который сразу стал очевиден как в Думе, так и за ее пределами: нового «первого ноября» больше не будет. Встав на путь фактического сотруд-

ничества с Треповым, блок тем самым обрекал себя и Думу на дальнейшие бессильные и никчемные словопрения, полностью игнорируемые двором и правительством, на потерю последних остатков авторитета. Всплеск симпатий к Думе в населении и армии, вызванный речами 1 ноября, грозил смениться еще бо́льшим разочарованием.

Именно учет этого обстоятельства лежал в основе речи Милюкова, стремившегося во что бы то ни стало доказать, что «подъем» и якобы руководящая роль Думы, достигнутые этими речами, продолжают оставаться главным фактором внутренней жизни, и уже сам факт этого настойчивого и упорного вдалбливания тезиса «все хорошо, прекрасная маркиза», свидетельствовал о том, что в глубине души кадетский лидер был настроен далеко не так оптимистично.

«С тех пор, как 1 ноября раздались с этой кафедры обличительные речи представителей большинства Государственной думы, — начал Милюков свою речь, — произошли большие события». Таковыми являются не перемены на министерских постах, которые произошли или имеют совершиться. «Это, гг., маленькие и пока еще очень маленькие события». Смысл же больших событий состоит в том, что Дума «дала стране луч света» и в ней «затеплилась надежда, что исход наконец найден». Цензура своим запретом только подстрекнула интерес к этим речам. Теперь у рабочего станка, с апломбом уверял кадетский вождь, читаются не прокламации, а речи депутатов, произнесенные 1 и 3 ноября. Их читает и армия, «и я смею сказать, армия их одобрила». «Гг., — уверял Милюков своих слушателей, — после 1 ноября страна вас вновь нашла и готова признать в вас своих вождей, за которыми она пойдет». И если бы сейчас в стране было бы «то правительство, которого мы все желаем... мы совершили бы чудеса».

Но, «увы, гг., — вынужден был Милюков сменить мажорный тон на минорный, — мы перед прежними, маленькими, чужими народу людьми». Правда, ушел Штюрмер, «и это, гг., ваша победа... Но она далеко не полна». Поэтому блок продолжает настаивать на своем прежнем лозунге «министерства доверия».

Подвергнув подробному анализу и критике декларацию правительства, указав что «его уступки общественности неискренни и ненадежны», что оно по-прежнему «продолжает игнорировать указания большинства... относительно необходимости немедленной и коренной перемены системы управления», он делал следующий вывод: «Гг., с таким правительством мы согласно работать не можем...». Казалось, такой вывод можно толковать только однозначно. Но это только казалось. С точки зрения политических интеллектуалов кадетского типа, такой вывод означал нечто совсем иное, чем слишком простое толкование «улицы». «Не можем, — пояснял далее Милюков, — совсем не в том смысле, чтобы мы этому правительству объявляли бойкот. Бойкота и обструкции мы не объявляли и не объявим (этим-де пусть занимаются наивные с.-д. и трудовики. — *А. А.*) ... Но мы говорим, что не можем работать с этим правительством в смысле более глубоком и более серьезном. Мы не можем взять на себя ручательство, что с таким правительством мы доведем Россию до победы». «Мы не можем, конечно (!), сами стать правительством, как иногда, к сожалению, думают в стране, — закончил Милюков свою речь. — Единственный исход есть тот, который указан в нашей декларации» — добиваться правительства, пользующегося доверием страны и Думы, «стремиться к достижению этой цели всеми доступными нам законными способами» [146].

Если так разъяснял смысл «штурма власти» лидер левого крыла блока, то «левый» октябрист Шидловский, никогда не корчивший из себя демократа, считал себя в полном праве договаривать за своего партнера слева, и в такой форме, что конституционалист-демократ считал для себя не совсем удобным. «Я желал бы с этой кафедры, — заявил Шидловский, — во всеуслышание и совершенно громко опровергнуть ... мысли.... о том, что мы объявили какой-то поход правительству, что мы желаем его свергнуть и что желаем забрать правительственные функции в свои руки. Я утверждаю совершенно определенно, у нас (у блока. — *А. А.*) никогда этой мысли не возникало, никогда никто ее с этой кафедры не защищал и никогда этого намерения ни у кого не было».

Это была святая правда. Блок действительно никогда ничего подобного не требовал. Единственное, чего он добивался, как снова и снова разъяснял тот же Шидловский, это «пожелание, чтобы правительство в своей организации соответствовало бы самым элементарным требованиям, необходимым для рационального и разумного исполнения своих обязанностей», т. е. элементарной дееспособности и компетентности. Таков был истинный смысл лозунга «министерства доверия» и в начале образования блока и в конце, вплоть до последних дней его существования. Блок никогда не высказывал намерения «захватить в свои руки бремя управления, нам законом не предоставленное, — еще и еще твердил председатель бюро блока. — Мы здесь — представители закона, и ... те права, которые нам законом не предоставлены, мы их не ищем и не желаем. (*Голоса слева*: Правильно, очень приятно!)».

Нынешний же состав правительства таков, разъяснял далее Шидловский, что «в нем царит полная разруха», нет никакого «единения». Мнение одного министра не является отражением мнения всего правительства. Вот почему правительственная декларация, оглашенная Треповым, «ни в чем решительно нас успокоить не могла», она повторила декларацию Штюрмера, а в некоторых случаях даже была уже ее [147].

Следует при этом учитывать, что, говоря о розни в правительстве, блокисты имели в виду прежде всего и главным образом Протопопова, удаления которого они требовали в первую очередь. Можно сказать, что вопрос об отставке Протопопова становится навязчивой идеей блока, его основным принципиальным требованием. Подоплека здесь была не только политическая, но и психологическая. Блок чувствовал себя травмированным от сознания, что самую воинственную и непримиримую позицию по отношению к нему занял их вчерашний соратник, к тому же еще оказавшийся самым некомпетентным из всех некомпетентных министров.

В цитированной выше речи Милюков, будучи уверенным, что песенка Протопопова спета, говорил: «Пусть, гг., река забвения поглотит Протопопова, пожелаем, чтобы это было сделано в ближайшие дни и чтобы я мог сказать, как сказал о Штюрмере, что он сюда больше не вернется. (*Голоса слева*: Браво, какое счастье!)» [148]. Подводя итог первому дню обсуждения декларации Трепова, «Речь» констатировала: правительство поддержки не встретило, особенно Протопопов [149]. В передовой от 2 декабря та же газета самоуверенно утверждала: «При этом никто не сомневается, что не сегодня завтра нынешнее положение будет ликвидировано» — Протопопов уйдет.

Выступивший вслед за Шидловским лидер земцев-октябристов Н. В. Савич часть своей речи специально посвятил Протопопову, поскольку послед-

ний был именно земцем-октябристом, «с легким наклоном к левому крылу», как он изящно охарактеризовал своего бывшего товарища. Сославшись на бессмертный афоризм Тараса Бульбы — «я тебя породил, я тебя и убью», — Савич провозгласил: «Гг., по делу Протопопова Государственная дума сказала свой приговор, он суров и решителен». В заключение земец-октябрист присоединился к тому, что говорил октябрист «левый», но, естественно, уже «с легким наклоном к правому крылу». Тем, кто ставит провокационный вопрос — зачем вы будете помогать правительству, которое по вашей же собственной оценке не годится, «я должен сказать ... за себя и за моих товарищей: на этот путь, куда нас зовут ... мы не пойдем. (*Голоса слева*: Верно!)». Шидловский, «лучший, чем я, оратор», уже сказал, и «хорошо сказал, почему мы не пойдем и что будем делать» [150].

Социал-демократы и трудовики не выступали по декларации Трепова, поскольку бóльшая их часть, будучи исключенной, отсутствовала. Косвенно, однако, об их линии поведения можно судить по той позиции, которую они заняли в связи с инцидентом Марков 2-й—Родзянко. По традиции они всегда воздерживались от выборов президиума Думы, включая и выборы председателя. На этот раз они тоже воздержались, но сделали устами трудовика В. М. Вершинина и социал-демократа И. Н. Тулякова (не участвовавших в обструкции) весьма характерные заявления. Первый огласил следующий текст: «Несмотря на нетерпимое к нам отношение большинства Государственной думы и только что совершившийся акт политической мести над рабочими и крестьянскими депутатами, мы, борясь за торжество идеи народоправства, всей силой негодования клеймим попытку прислужников старой власти путем оскорбления смешать с грязью зачатки народного представительства в России. (*Рукоплескания слева, в центре и в левой части правой*)». Это было сказано сразу за выступлением Шидловского, который не только от имени блока, но и от имени националистов-балашовцев осудил выходку Маркова 2-го и выразил «Михаилу Владимировичу Родзянко чувство нашего глубокого и искреннего уважения».

Аналогичным было и заявление Тулякова «от имени социал-демократической фракции», которая, «принимая во внимание, что Государственная дума является результатом завоевания в борьбе народа с властью», также сочла «необходимым выразить самый решительный протест против сознательного оскорбления Государственной думы и заклеймить грубую выходку депутата Маркова 2». Вполне естественно, что и это заявление было встречено «рукоплесканиями слева, в центре и в левой части правой» [151].

По декларации Трепова были внесены две формулы перехода. Одна из них принадлежала прогрессистам, вторая — блоку. Первая требовала ответственного министерства и выражала недоверие правительству. Вторая, констатируя, что совершившиеся в составе кабинета изменения «далеко еще не закончены и представляют смену лиц, а не перемену системы», требовала устранения влияния «темных сил» и заявляла, что Дума и впредь «будет стремиться всеми доступными ей законными способами к тому, чтобы был образован кабинет, объединенный одинаковым пониманием задач переживаемого времени, готовый в своей деятельности опираться на Государственную думу и провести в жизнь программу ее большинства». Разумеется, была принята вторая формула [152].

В докладе царю об итогах обсуждения в Думе правительственной декларации, доложенном 26 ноября, Трепов отмечал холодный прием, оказанный ему думским большинством, но нигде не делал вывода о том,

что Дума отказывается с ним работать. Декларация, писал он, «несмотря на сочувственное отношение» ко всем ее «основным положениям», «в общем встречена Думой с крайней сдержанностью». Совершенно верно указывал Трепов и на основную причину этой сдержанности. «Главной причиной таковой. . ., — говорилось в докладе, — служит. . . до крайности неприязненное отношение огромного большинства Государственной думы к некоторым членам правительства, и прежде всего к управляющему Министерством внутренних дел», т. е. к Протопопову. Причем даже со стороны «большей части правых партий» в его адрес «последовали не менее резкие выпады, нежели со стороны членов Думы, принадлежащих к оппозиционным партиям» [153].

Весьма прозрачно Трепов намекал царю на необходимость увольнения Протопопова как главного препятствия для установления «взаимного доверия и должного единения» не только с Думой, но и с Государственным советом, «столь необходимого для планомерной законодательной работы» [154]. Иными словами, Трепов был уверен, и он был абсолютно прав в этой уверенности, что, если из состава правительства будет удален Протопопов и еще два-три министра — откровенные ставленники Распутина, желанное «единение» будет достигнуто. Напомним, что в качестве предварительного условия своего согласия занять пост премьера Трепов потребовал у царя отставки Протопопова, понимая, что это единственный путь проложить дорогу к блоку, и царь ему такое обещание дал. Теперь Трепов в косвенной форме напоминал о невыполненном обязательстве. Отмеченная выше уверенность «Речи» в том, что дни Протопопова как министра сочтены, как раз и основывалась на знании этого факта. Однако в конечном итоге царь уволил не Протопопова, а Трепова (ровно месяц спустя после сделанного им доклада), и очередное самоуверенное заявление кадетского официоза, как и многие другие такого рода, оказалось еще одной несбывшейся надеждой.

Совершенно очевидно, что, встав на такой путь по отношению к Трепову, блок (и Дума в целом) покатился по привычному пути инфляционной говорильни, быстро теряя те симпатии, которые ему удалось завоевать 1 ноября. О законодательной работе, нацеленной на выполнение программы блока, о чем торжественно обещали кадеты за несколько месяцев до этого, уже не было речи. Ситуация была такова, что было уже не до законотворчества. Правда, на повестку дня Думы был поставлен законопроект о волостном земстве, считавшийся главным пунктом программы, но его успели только начать обсуждением, а главное — к нему был потерян всякий интерес, ибо события требовали иных, более значительных решений. Именно этим объясняется, что Дума до очередного перерыва 16 декабря практически занималась обсуждением тех или иных запросов, выливавшихся в те же знакомые упреки правительству, столь же безрезультатные, как и ранее.

Первым таким запросом, поставленным на обсуждение Думы сразу после окончания прений по декларации, как это уже можно было предвидеть заранее, был запрос, обращенный к председателю Совета министров и к министрам земледелия, военному и морскому, «о положении продовольственного дела в империи». Первыми подписавшими его были Шидловский и Ефремов. Пересказывать содержание прений по нему, занявших четыре заседания, значило бы заново повторять все, что было сказано до этого по части обвинения правительства в насаждении хаоса, неумении и пр. и пр. в вопросе, который не только по мнению Думы, но и самого правительства и царя стал вопросом жизни и смерти режима.

Снова обнаружились и еще более углубились противоречия как внутри блока, так и в Думе в целом по части того, какой должна быть продовольственная политика правительства. Если Шидловский продолжал считать, что «принципа твердых цен колебать нельзя», ибо такое колебание «внесет... громадную неразбериху и навсегда скомпрометирует все дальнейшие меры в этом направлении» [155], то недавний земец-октябрист, ставший потом «независимым», т. е. беспартийным, в самой категорической форме требовал такого повышения твердых цен, которое фактически означало их отмену. Он прямо и откровенно высказал претензию аграриев (которых было немало среди октябристов) о том, что «крупное и среднее землевладение это такие формы землевладения, которые заслуживают гораздо большего поощрения, чем мелкие формы землевладения» [156].

Прозвучали в очередной раз «страшные» слова и пустые угрозы в адрес правительства и «режима», под которым, как и под «системой», разумелось решающее влияние «темных сил» на правительственные назначения. «Жуткая картина», заключал, в частности, свою речь Шингарев, становится «все более и более страшно схожей с концом французского XVIII века», и «без отмены или отменения этого проклятого режима, без разгона этой жадной толпы, гг., без смены этой послушной и никудышной власти выхода государству нет». Для решения продовольственного вопроса «нужно дело, а на дело они (*указывая на места правительства*), гг., не способны» [157]. Все эти бесконечные констатации о неспособности к делу означали, что сами констатирующие не годились для дела, были простыми болтунами.

Теми же по смыслу словами закончил свою речь и «левый» октябрист И. В. Годнев: «Должна быть сейчас же изменена вся система управления», создано «правительство доверия», которое требуется Думой. «Я категорически, гг., заявляю, что без этих коренных изменений никакая организация продовольственного дела невозможна...» [158].

Прения по запросу закончились внесением около десятка формул перехода, но, как обычно, была принята формула блока, очень длинная, с перечнем ряда конкретных мер, необходимых, по его мнению, для решения продовольственного вопроса, и с знакомым заключением, что все эти меры могут быть выполнены лишь при условии... изменения «системы», т. е. создания «правительства доверия» [159].

Оставшиеся до перерыва пять заседаний (из шести) ушли на обсуждение законопроекта о волостном земстве и нескольких других запросов.

Особый интерес представляет обсуждение запроса, внесенного социал-демократами, о незаконном применении 87-й статьи основных законов правительством. Это обсуждение показало, что думские левые полностью проникнись доктриной и психологией блока. Более того, оно показало еще раз, что их критика блока, сводившаяся к пресловутому «толканию» влево, была продиктована *тем же чувством страха перед революцией*, который целиком определял линию поведения блока. Политика, основанная на оборончестве и поддержке блока, закономерно превратила думских социал-демократов в людей, начавших бояться перспективы революции столь же остро и панически, как ее боялись Милюков и Шингарев.

Уже сам факт избрания темы запроса свидетельствовал об указанной эволюции. Смысл 87-й статьи сводился к тому, что она разрешала в исключительных обстоятельствах издавать законы помимо Думы, в перерыве ее занятий, но с последующим обязательным внесением в Думу. Правительство же применение 87-й статьи превратило в повседневную практику,

издавая десятки и даже сотни законов без Думы, которые потом, если бы даже Дума и захотела, невозможно было в большинстве случаев отменить, так как они уже прочно входили в жизнь. Правительство явно издевалось над Думой: чем было ближе начало ее занятий, тем интенсивнее шло чрезвычайное законодательство. Именно такого рода сюжеты, связанные с нарушением «законности», особенно незаконное применение 87-й статьи, были, как нетрудно догадаться, излюбленными темами запросов не только кадетов, но и октябристов, что они не раз и демонстрировали. Теперь думские социал-демократы — меньшевики решили составить достойную конкуренцию либералам по части борьбы за третьеиюньскую «законность».

Запрос о 87-й статье должен был быть поставлен на повестку сразу же по возобновлении заседаний Думы 19 ноября. Но, так как три первых подписавших запрос интерпеллянта были исключены в связи с обструкцией на 8 заседаний, обсуждение было отложено до их возвращения [160].

Спешность запроса, когда он был вновь поставлен на повестку спустя ровно 8 заседаний, была принята без прений, и первый ее подписавший А. И. Чхенкели в конце своего выступления достаточно четко выявил его главную цель. Обращаясь к руководителям блока, оратор заявил: «Контраст между тем, что вы сказали 1 ноября, и тем, что вы делаете сейчас, настолько велик и разителен», что ставит под сомнение вопрос о том, существует ли блок, не умер ли он. Смысл этого противопоставления очевиден: блок, каким он был 1 ноября, нас полностью устраивает, мы хотим, чтобы он опять вернулся к нему и тогда мы снова целиком с вами. «Я готов признать, гг., свою ошибку, пояснял оратор, — готов допустить, что блок жив, он не умер, но я заявляю, что он больше не живет против правительства, он скорее живет против страны, против народа».

Последнее было сказано, как видно из дальнейшего, просто так, для красного словца. «На очереди, гг., стоит борьба с правительством, с режимом (в понимании блока. — *А. А.*). Вы произнесли это слово. . . но вы тотчас же испугались слова „борьба". Вы, гг., гнете соглашательскую линию» октябристов. Из этих слов видно, что Чхенкели в первую очередь подталкивал кадетов. Особенно пикантно в устах Чхенкели, принимая во внимание весь контекст его выступления, звучал упрек в соглашательстве. Характерен был конец речи: «Я понимаю вас, я понимаю, вы чувствуете себя между молотом и наковальней. С одной стороны, правительство, ведущее нас, всю страну, к верной гибели, с другой стороны, революция снизу, как последствие не только правительственной политики, но и вашего абсолютного непонимания всей важности момента. Гг., мы упираемся в тупик, откуда один выход — революция» [161].

Было бы весьма наивным принять последние слова как призыв и надежду на революцию. Наоборот, они говорили об обратном. Не только правительство, но и вы, кадеты, ведете страну *в тупик* революции.

Вторая попытка вернуть блок и кадетов на путь 1 ноября была предпринята социал-демократами при помощи запроса о разгоне земского и городского съездов в Москве 9—11 декабря. И здесь расчет строился на том, что темой запроса был избран предмет не менее дорогой сердцу оппозиции, чем профанация 87-й статьи. «Мы предлагаем вам немедленно откликнуться на то, что имело место в ближайшие дни в Москве», — заявил в своем выступлении по запросу М. И. Скобелев.

Разгоняли, возмущался оратор, «самых почетных общественных деятелей» за то, что они «сказали то, что нужно». Далее следовал вывод: «Час на-

стал! Неотложной задачей момента является сплочение *всех* слоев и классов населения в крепкую спаянную организацию, способную вывести страну из мертвого тупика. Опираясь на организующийся народ, *Государственная дума* должна неуклонно и мужественно довести начатое великое дело борьбы с нынешним политическим режимом до конца. Ни компромисса, ни уступок»[162]. Это было именно то, за что боролся и к чему призывал «организующийся народ» блок и кадеты. Дума — центр и руководитель движения — вот альфа и омега всей кадетской политики, на почву которой целиком перешли Скобелев и Керенский, выступивший сразу за Скобелевым с аналогичной речью в поддержку запроса.

Блок ответил на призыв «друзей-врагов» слева внесением собственного запроса о событиях в Москве 9—11 декабря, который они хотели использовать в качестве повода для развертывания общеполитических прений на последнем перед перерывом заседании Думы. Но от этого намерения пришлось отказаться, так как Протопопов, к которому был обращен запрос, заявил, что он может дать требуемые разъяснения только на закрытом заседании. Поскольку обсуждение запроса на закрытом заседании лишало его всякого смысла, блок снял свой запрос, избрав поводом для общеполитических выступлений мелкий законопроект, вносивший некоторые изменения в закон об Особом совещании по обороне.

Центральным моментом этих прений снова оказалась речь Милюкова, и значение ее состояло в признании, что блок снова оказался у разбитого корыта. Он начал с напоминания о 19 ноября, когда блок и кадеты были еще преисполнены оптимизма по части резонанса в стране от думских речей 1 ноября. «Вы помните, каково было положение перед возобновлением сессии Государственной думы месяц тому назад — 19 ноября, при новом премьере?» Тогда «страна встрепенулась. Сердца зажглись новой надеждой... Дума указала, где зло и в чем способ лечения... Высшей точкой успеха были съезды в Москве (9—11 декабря. — *А. А.*)». Совершилось то, «к чему мы стремились: страна признала нас своими вождями». Казалось, все хорошо, однако дальше шло горькое «но».

«Сила первоначального толчка ослабела, — вынужден был признать Милюков, — и я боюсь, что психологическое настроение отлива после прилива распространилось и на некоторых из нашей среды. Я боюсь, что теперь отсюда пойдет новая волна, но уже волна разочарования и недоверия к нашим силам». Это было важное признание. С этим новым настроением, заключал оратор, нужно «бороться всеми силами, если мы хотим остаться в русле событий и сохранить руководство этими событиями». Приходится признать, что «наша цель не достигнута» и не будет достигнута: картина «влияния темных сил ... закулисных влияний ... не изменилась ни на йоту». Более того, «темные силы ... снова перешли в наступление».

Правительство, жаловался далее Милюков, по-прежнему ни в грош не ставит мнение и желания Думы. Совет старейшин вынес решение ограничить свои каникулы последней неделей года. Но вопрос о перерыве «делается предметом какой-то странной (!?) игры». То хотят распустить Думу до 9 января (1917 г.), то до 15-го января, называют сроком февраль, «а то, может быть, и совсем распустят без срока». Милюков призвал «протестовать ... против этого недостойного обращения с народным представительством», но что стóил этот призыв, когда на редкость недостойным было само «народное представительство».

Закончил Милюков тем, чем ему меньше всего хотелось бы кончить:

«Разочарование в успехах Думы, в ее победе на той почве, на которую она встала в своей борьбе (1 ноября. — *А. А.*), уже начинает приносить злые плоды. По мере того как теряется вера в силу народного представительства, выступают, гг., на первый план другие силы. Мы переживаем теперь страшный момент. На наших глазах общественная борьба выступает из рамок строгой законности и возрождаются явочные формы 1905 г. ... Атмосфера насыщена электричеством. В воздухе чувствуется приближение грозы. Никто не знает, гг., где и когда грянет удар... Но, гг., чтобы гром не разразился в той форме, которой мы не желаем, — наша задача ясна: мы должны в единении с общими силами страны предупредить этот удар» [163]. Это было сказано 18 декабря 1916 г., когда до «грома» оставалось два с небольшим месяца.

Остальные выступления как оппозиционных, так и правых ораторов не представляют интереса. Исключение составила речь Скобелева, в которой еще более настойчиво звучали те же мотивы, что и в цитированной выше речи Чхенкели. Ваша парламентская тактика, обратился он к «духовным отцам» блока, «хуже, чем всякое пораженчество». Уже это сравнение, из которого следовало, что хуже пораженчества ничего не могло быть, свидетельствовало, что думские меньшевики полностью проделали тот путь, который предопределялся антипораженческой, т. е. антибольшевистской, позицией, занятой оборонцами. «Если вы всерьез убеждены, — продолжал уговаривать своих либеральных партнеров Скобелев, — что эта власть не в состоянии не только осуществить ваши чаяния, но может погубить *нас вместе с вами*, вы должны отказаться от вашей игры в парламентскую тактику...» По логике вещей следовало, что дальше оратор призовет сменить обанкротившуюся парламентскую тактику на революционную. Но из последующих слов видно, что Скобелев так же боялся революции, как и Милюков: «...и самым решительным образом, — продолжал он, — обрушиться вместе с вашей общественностью на власть, а мы вас в таких случаях всегда поддерживали и на этот раз не откажемся поддержать» [164]. Здесь не только не пахло призывом к революции, но, наоборот, прямо предлагалось продолжать те самые способы «обрушивания», которые блок применил 1 ноября и нашел благодаря этому полную поддержку того же Скобелева и его собратьев по фракции. Скрытый контекст этого призыва как раз и состоял в том, чтобы не довести дело до революции.

Возражая на упреки и призывы к единству кадета М. С. Аджемова, Скобелев счел нужным еще раз разъяснить смысл своих претензий к блоку и кадетам. Страна «ждет от вас действий, *руководительства*... а вы нас упрекаете в том, что мы вам расстраиваем единство. Мы лучше вас знаем, что власть сваливается общими усилиями всей страны, и не вам нас этому учить. Беда в том, что вы, говоря об единстве, всегда думаете, что страна должна равняться по блоку, мы же, говоря об единстве, говорим: вы равняйтесь по стране... Вам дорог блок, а нам дорога Россия. Вот в чем разница» [165]. Если отвлечься от пустопорожней манеры оратора, то смысл его призыва к единству блока со страной (и с ними, социал-демократами) был однозначен: вы слишком отстаете от страны, а надо взять ноту повыше и несколько повернуть голову влево. Призывом к революционной тактике здесь и не пахло.

Обсуждение закончилось принятием формулы перехода блока, зачитанной Шидловским, содержание которой исчерпывалось осуждением правительства за разгон декабрьских съездов в Москве [166]. Любопытны были

некоторые выступления по мотивам голосования. В частности, Савенко, активный деятель блока, заявил, что, хотя его фракция будет голосовать за предложенную блоком формулу перехода, это не значит, что «мы согласны со всем тем, что содержится в резолюциях, принятых на московских съездах». Более того, «мы считаем, что новые меры правительства (в продовольственном вопросе. — *А. А.*) не «довершают расстройство» (как говорится в резолюциях съезда. — *А. А.*), а ослабляют это расстройство, может быть даже приведут страну к благополучному выходу из затруднений. Во всяком случае, мы полагаем, что мешать Министерству земледелия и Особому совещанию по продовольствию в этой области не следует и не надлежит» [167].

Священник С. А. Попов от группы «независимых правых» (т. е. от отколовшихся от фракции Маркова 2-го), наоборот, приветствовал «патриотическую деятельность» земского союза, союза городов и военно-промышленных комитетов, но отказался присоединиться к формуле блока, потому что путь политических резолюций, на который стали эти организации, незаконен [168]. Фракция марковцев, естественно, высказалась против формулы блока, хотя ее оратор, крестьянин К. Е. Городилов, также заявил, что он не будет «охулять» союзы там, где «они стоят правильно», работая «на пользу обороны». Но не их дело принимать подобные резолюции. «Пусть такую вынесете вы, гг., члены Государственной думы, может быть тогда мы с вами вполне и согласимся и пойдем вместе с вами...» [169]. Это уже звучало явным диссонансом к речи Г. Г. Замысловского, призвавшего правительство «обратить серьезное внимание на тот революционный митинг, которым вы вот уже два дня позорите стены этого учреждения» [170].

На этом Дума 16 декабря 1916 г. закончила свою работу, и блоку оставалось гадать, когда царь и Протопопов пожелают снова ее созвать.

Настроение блокистов и помещичье-буржуазной общественности к концу 1916 г. было более чем мрачное. Даже Меньшиков вынужден был признать, что предупреждение, сделанное Милюковым в его речи 16 декабря, — не пустые слова. «Эти слова, — писал он в статье «Мрачные предсказания г. Милюкова», — ...являются документом известного политического течения. Можно быть далеким от поклонничества в отношении этого старого парламентария, но нельзя не признать, что долгие годы, посвященные им сплошь политической оппозиции, достаточно изощрили его чутье» [171]. Даже оптимист Шингарев потерял душевное равновесие. «В ЦК поразил меня Шингарев, — записала Тыркова 21 ноября. — Он сказал, что политическое положение не соответствует решимости в стране, что Дума не может остаться на данной высоте, на кот[орую] она поднялась, и что лучший выход — это роспуск Думы. Словом, сказал то, что твердят левые» [172].

Еще более мрачно был настроен А. И. Коновалов. «Сейчас в Думе идет продовольственный вопрос, — писал он в Москву 28 ноября. — Один за другим тянутся ораторы на кафедру, критикуют, обвиняют, с жаром нападают. Реальных, однако, предложений, системы или плана ни у кого нет; нет их и у Думы в целом. Чувствуется обычный, будничный думский день, но в газетах, конечно, все будет представлено в ином виде. Нет настроения, нет действительных побуждений к борьбе. Будущее совершенно неясно. Какой ужас, что в такой грозный исторический момент такое гнусное и жалкое правительство и собранное народное представительство на основе избирательного закона 3-го июня» [173].

Говоря о газетах, которые постараются изобразить положение дел в лучшем виде, Коновалов, конечно, имел в виду такие газеты, как «Речь». И действительно, кадетский официоз поспешил последнее заседание Думы приравнять к заседанию 1 ноября. В передовой так и было сказано: 16 декабря равнозначно 1 ноября. Ничтоже сумняшася, газета декларировала основную идею Милюкова (повторенную и в речи 16 декабря) о том, что после 1 ноября в стране образовался единый фронт оппозиционных сил, «естественным руководящим центром» которого стала Дума. Показательно, что главным положительным итогом этого процесса газета считала не завоевание масс Думой (чего не было, что́ была она вынуждена признать вместе с Милюковым), а присоединение к блоку правой «общественности» в лице 12-го Съезда «объединенных дворян» и Государственного совета, которые в конце ноября—начале декабря приняли сходные резолюции, осуждавшие «темные силы» и «безответственные влияния» и требовавшие более или менее определенно «правительства доверия». Итоги 16 декабря «весьма велики, — утверждала «Речь». — После того как около думских решений сгруппировалась вся правая часть русской общественности, вплоть до съезда объединенного дворянства, началось распространение думских лозунгов среди широких масс населения» [174]. Что касается последнего утверждения, то более уместным было бы здесь слово «кончилось», если считать, что 1 ноября на какое-то короткое время и в весьма ограниченных пределах «началось».

Однако деланный оптимизм «Речи» длился недолго. Ровно через 10 дней, 26 декабря, получил отставку Трепов. Причем не под нажимом блока, который этой отставки вовсе не добивался, решив сотрудничать с новым премьером на «параллельных» курсах, а, наоборот, по требованию Распутина и царицы, которая с самого начала заявила царю, что Трепову не доверяет, поскольку он потребовал у Николая II в качестве предварительного условия увольнения Протопопова и удаления Распутина из Петрограда.

Вместо Трепова председателем Совета министров был назначен кн. Н. Д. Голицын — «полное ничтожество в политическом отношении, — по характеристике Милюкова, — но лично известный императрице в роли заведующего ее „Комитетом помощи русским военнопленным“» [175]. Действительно, только это «личное знание» было единственным основанием для назначения последнего царского премьера, человека абсолютно непригодного ни к какому серьезному делу. Разумеется, он, как и Трепов и Штюрмер, сидел на самых правых скамьях Государственного совета.

Даже «Новое время» на этот раз могло написать о новом премьере только следующее: «В высшем светском обществе кн. Н. Д. Голицын известен своим чарующе-любезным обращением. В течение долгих лет он состоит членом и старшиной одного из самых аристократических клубов Петрограда, а именно Английского» [176].

Весьма быстро было покончено и с оппозицией верхней палаты, которая привела в такой восторг «Речь». 1 января 1917 г. в Государственный совет были назначены царем 18 новых членов взамен удаленных «оппозиционеров», которые и обеспечивали правое большинство в Совете в 12 человек. Председателем Совета был назначен И. Г. Щегловитов, стоявший на позиции непримиримой борьбы с блоком и «общественностью». Вдобавок созыв Думы, который сперва был назначен на 12 января 1917 г., был отсрочен до 14 февраля [177].

События ноября—декабря 1916 г., завершившиеся назначением Щегло-

витова и отсрочкой созыва Думы, как-то сразу сделали понятным для всех — в том числе и для блокистов, — что Думе и блоку как сколько-нибудь действенному морально-политическому фактору пришел практически конец, что реальный ход вещей уже не связан ни с той, ни с другим. Стало всеобщим ощущением, что близится развязка, и идет она не из Таврического дворца, а с ненавистной «улицы». Январь-февраль 1917 г., писал позже Милюков, осмысливая минувшие события, представляли «отдельный исторический момент», — его основной чертой было, что все теперь (включая и «улицу») чего-то ждали, и обе стороны, вступившие в открытую борьбу, к чему-то готовились [178].

В начале января 1917 г., свидетельствовал Шульгин, он приехал в Петроград по тревожной телеграмме Шингарева. «Положение ухудшается с каждым днем. . ., — в отчаянии твердил недавний непробиваемый кадетский оптимист, заявлявший на каждом шагу, что он не верит в революцию. — Мы идем к пропасти... Революция — это гибель, а мы идем к революции... Надо бы дотянуть до весны ... но я боюсь, что не дотянем... Пропущены все сроки... Настроение уже перемахнуло через нашу голову, оно уже левей прогрессивного блока... Страна уже слушает тех, кто левей, а не нас... Поздно...» [179].

Поздно прежде всего спохватился сам Шингарев, так и не понявший, что надо было говорить не «уже», а «еще», ибо подлинное настроение страны (а не помещичье-буржуазной «общественности», которую кадеты идентифицировали со страной) перемахнуло через голову блокистов еще *до* образования блока. Признание Шингарева — это тот случай, когда поговорка «лучше поздно, чем никогда» уже не годилась.

Только на фоне подобных настроений, охвативших верхние классы страны накануне революции, становится понятным всеобщее увлечение идеей дворцового переворота. Малым насилием предотвратить большее, революционный взрыв предупредить антимонархической акцией во имя сохранения монархии — вот идея, которая становится буквально «идеей фикс» всего контрреволюционного лагеря, вплоть до некоторых великих князей. Напрасно было бы искать того, кто первый высказал эту мысль. Суть ее как раз и была в том, что она, по свидетельству современников, носилась в воздухе, приходила одновременно в голову сотням, а то и тысячам людей, одним словом, была спонтанной. О дворцовом перевороте «воробьи чирикали за кофе в каждой гостиной», — свидетельствовал тот же Шульгин [180].

С этой точки зрения убийство Распутина в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. Пуришкевичем и двумя сиятельными особами было своего рода абортивной реализацией дворцового переворота [181]. Исходная мысль убийц Распутина и приверженцев идеи отстранения царя от власти была в принципе совершенно одинакова: царем управляют «темные силы». Можно покончить с этим двояко: 1) устранить источник влияния, 2) устранить объект влияния. Убийцы Распутина рассуждали так, как только и могли рассуждать люди подобного политического уровня: не будет Распутина — исчезнет источник дурного влияния на царицу и, следовательно, дурного влияния последней на царя, и все наилучшим образом устроится: царь помирится с Думой, даст «министерство доверия» и т. п. Революции не будет.

Люди, у которых уровень политического мышления был выше, чем у вел. князя Дмитрия Павловича и кн. Ф. Ф. Юсупова, понимали бесполезность подобной затеи. Шульгин, которого Пуришкевич посвятил в дело,

прямо сказал, что убийство Распутина бессмысленно: «Убьете его — ничего не изменится» [182].

Шульгин, конечно, оказался совершенно прав. Убийство «старца» не послужило дополнительным стимулом к форсированию заговора. Наоборот, можно с полной уверенностью утверждать, что планы дворцового переворота, а их было несколько, так и не вышли из стадии «чириканья», т. е. разговоров и переговоров, в большей своей части сводившихся к пустой болтовне. Очень обстоятельно и убедительно это показал в своей известной книге, выпущенной в 1931 г. в Париже, Мельгунов [183]. Собрав все, что можно было собрать по данному вопросу, он шаг за шагом, методично и последовательно разобрал все существовавшие версии, свидетельства и факты, проанализировал реальное состояние дел во всех заговорщицких кружках, начиная от группы А. И. Гучкова и кончая так называемыми «морскими» заговорами, и пришел к единственно возможному выводу, что все эти «заговоры» к началу Февральской революции 1917 г. находились в эмбриональном состоянии.

В советской литературе, начиная с 20-х годов и кончая первой половиной 60-х годов, господствовала известная концепция так называемых «двух заговоров», согласно которой «заговор буржуазии» имел целью дворцовый переворот, а «заговор царизма» — заключение сепаратного мира с Германией. Родоначальником ее был М. Н. Покровский, а наиболее авторитетным продолжателем — «История гражданской войны в СССР» (М., 1936, т. 1). Согласно этой точке зрения заговор, имевший целью низложение Николая II и возведение на престол его малолетнего сына Алексея (при регентстве брата царя Михаила), был уже полностью подготовлен, и только Февральская революция помешала его осуществлению, опередив на какие-нибудь дни, может быть на две-три недели.

Другая группа советских исследователей пришла к иному выводу. Первым, кто подверг сомнению указанную концепцию, в частности идею о полной подготовленности дворцового переворота, был Э. Н. Бурджалов [184]. Вслед за ним В. С. Дякин уже более решительно заявил, что все существовавшие «разрозненные заговоры отдельных малочисленных групп, находящихся по большей части на самой ранней стадии, и даже наиболее далеко зашедший заговор Гучкова—Крымова» находились в «эмбриональном состоянии» [185]. К такому же примерно выводу пришел и А. Г. Слонимский: «Не доведя до конца разработку конкретного плана дворцового переворота, — писал он, — заговорщики еще менее сделали для его практического осуществления» [186].

Наиболее решительно и доказательно против концепции двух заговоров выступил в своей последней книге Е. Д. Черменский. Он убедительно полемизирует со сторонниками этой концепции, доказывая, что она не имеет никакой опоры в фактах. Он правильно отмечает также, что версию о дворцовом перевороте буржуазные лидеры стали намеренно раздувать *после* Февральской революции с вполне понятной целью — предстать перед революционным народом в более привлекательном свете непримиримых противников Николая II. Черменский верно называет также и общую причину неспособности заговорщиков осуществить свой замысел, которую он определяет словом «народобоязнь» [187].

Настоящее исследование еще раз приводит к выводу, что накануне Февральской революции никакого «заговора буржуазии» как сколько-нибудь реально подготовленного проекта отстранения Николая II от власти не

существовало. Весь «заговор» не вышел из стадии досужих разговоров и маниловских проектов. Проделанный названными выше авторами анализ избавляет нас от необходимости заново приводить всю цепь доказательств в подтверждение данного вывода.

Подлинное положение дел в лагере помещичье-буржуазной оппозиции в последние месяцы существования царизма характеризовалось не «заговором», а всеобщей растерянностью и лихорадочным поиском средств спасения от надвигавшейся революции, которых заведомо не было. Эти поиски выхода из создавшегося положения нашли свое выражение в целом ряде частных совещаний в обеих столицах, устраиваемых кадетами, прогрессистами, промышленниками, ЦВПК и др., на которых в разных комбинациях и сочетаниях заседали те же блокисты, деятели Земского и Городского союзов и т. п., включая меньшевиков и эсеров, но где с удручающим однообразием обсуждался один, по сути, вопрос — что делать, ничего реального не делая. Естественно, что все они оказались совершенно бесплодными.

Типичным в этом отношении было одно из заседаний бюро «Прогрессивного блока», которое очень живо и точно описал Шульгин. Последний поставил вопрос конкретно. Будем исходить из того, что решения принадлежат блоку, а не правительству. «Что надо сделать, чтобы лучше вести войну?» С этим вопросом, пояснял Шульгин, он обращался к руководителям блока неоднократно, с момента его основания. Какова практическая программа? «Сам я ее придумать не мог, а потому пытал своих „друзей слева", но они отделывались от меня разными способами, а когда я бывал слишком настойчив, отвечали, что практическая программа состоит в том, чтобы добиться „власти, облеченной народным доверием"». Ибо эти люди будут толковыми и знающими и поведут дело. Дать же какой-нибудь рецепт для практического управления невозможно — «залог хорошего управления — достойные министры». Далее следовал самый весомый аргумент: это и на Западе так делается.

Тогда, продолжал Шульгин, он стал добиваться, кто эти «достойные министры», но и на это получил уклончивый ответ, сводившийся к тому, что сейчас рано об этом говорить. Были ли мы готовы, если бы нас позвали? — ставит он в этой связи главный вопрос. Ответ гласил: «Ни малейшим образом». «Таковы мы . . . — русские политики. Переворачивая власть, мы не имели смелости или, вернее, спасительной трусости подумать о зияющей пустоте. . . Бессилие свое и чужое снова взглянуло мне в глаза насмешливо и жутко! . . Мы (блок. — *А. А.*) были рождены и воспитаны, чтобы под крылышком власти хвалить ее или порицать. . . Мы способны были, в крайнем случае, безболезненно пересесть с депутатских кресел на министерские скамьи. . . под условием, чтобы императорский караул охранял нас. . . Но перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала у нас кружилась голова и немело сердце» [188].

В другом месте Шульгин описывает совещание «где-то в конце января», на котором присутствовали Милюков, Шингарев, Ефремов, Шидловский, деятели союзов, Гучков «и еще разные». Разговор шел о том, что надо что-то делать, и сейчас же. «Но гора родила мышь. . . поговорив, разъехались. У меня было смутное ощущение, что грозное близко. . . А эти попытки отбить это огромное были жалки. . . Бессилие людей, меня окружавших, и свое собственное в первый раз заглянуло мне в глаза. И был этот взгляд презрителен и страшен» [189].

В своих воспоминаниях Гучков подчеркивал, что, задумав дворцовый переворот, он и его единомышленники, собственно, не связывали свой замысел с переходом власти к «общественным деятелям». Наоборот, они считали, что такой переход недопустим в принципе. Претензий на захват власти, свидетельствовал Гучков, у них не было никаких. Списка будущих министров тоже. «Мы были убеждены, что если бы новая власть составилась из представителей старой бюрократии, то и среди них нашлось бы достаточно морально незапятнанных государственных людей, из которых мог бы быть составлен кабинет, приемлемый для широких общественных кругов». В качестве примера Гучков сослался на Кривошеина, Сазонова и др. Что же касается правительства из общественной среды, то «я всегда скептически относился к возможности создания в тогдашней России общественного или парламентского кабинета» [190].

Это было общее настроение всей оппозиции, включая и ее левый фланг. «В Петрограде я завтракал с Струве, Н. Н. Львовым и В. А. Маклаковым, — сообщал в письме от 17 ноября своему корреспонденту кн. Г. Н. Трубецкой. — Они были в очень приподнятом настроении (очевидно, в связи с заседанием Думы 1 ноября и отставкой Штюрмера. — *А. А.*) и в то же время поразили меня скромностью своих желаний. Во время войны они хотели бы вовсе не министерства общественного и думского, а просто [кабинет] из несомненно честных людей. В качестве желательного министра внутренних дел они называли А. Д. Самарина... Мне показалось даже трогательной их скромность и такой патриотизм. Может быть, не все так думают, но в том то и беда, что власть не умеет и не хочет иметь поддержку у лучших людей» [191].

Но в том-то и дело, что так думали «все» — не только Маклаков, но и Милюков, и не только в 1915 г., но и в 1917 г., до самого конца. До последнего момента, т. е. до роспуска Думы 27 февраля 1917 г., когда революция в Петрограде шла полным ходом, они надеялись, что царь даст просимое правительство, и разбушевавшаяся народная река после этого вновь войдет в берега. «До последней минуты, — признался Шингарев, — я все-таки надеялся, ну, вдруг просветит господь-бог, — уступят... так нет... Не осенило — распустили Думу...» [192].

Возобновившая 14 февраля 1917 г. свою работу Дума начала с того же, с чего начала 1 ноября — с продовольственного вопроса. И хотя положение стало намного хуже по сравнению с концом 1916 г., — Петроград уже был накануне того, чтобы остаться без хлеба, — споры в Думе о необходимых мерах по срочной доставке этого хлеба в столицу и другие крупные центры вылились в еще более ожесточенную схватку между сторонниками и противниками «твердых» цен, чем это было в ноябре 1916 г. «Прогрессивные националисты» и октябристы прямо и открыто поддержали нового министра земледелия А. А. Риттиха, человека, крайне правого по своим убеждениям, решительно заявившего о необходимости отмены твердых цен как единственного способа достать хлеб.

С первых же слов своей речи Капнист заявил: «Мы совершенно расходимся во взглядах с ...Милюковым» по вопросу о ценах, и «с нами вместе расходятся партии, сидящие правее нас и входящие в блок» [193]. Шульгин, прямо сказав о своей поддержке и сочувствии аграриям и «объединенному дворянству», так же прямо и без обиняков высказался за одобрение политики Риттиха: «Я думаю, что наступило время от идолопоклонства перед твердыми ценами отказаться... и считаю, что министр земле-

делия поступил правильно, когда первым делом он эту зловредную крысу твердых хлебных цен стал излавливать и стал насколько возможно парировать ее зловредную деятельность» [194].

Противоречия в блоке по продовольственному вопросу на этот раз достигли такой остроты, что, казалось, дни блока были сочтены. Шульгин в своих воспоминаниях такой финал считал вполне возможным [195]. Однако он явно и, пожалуй, намеренно преувеличивал, говоря о своем несогласии с Милюковым. Капнист тут же специально подчеркивал, что расхождения касаются только «технической части продовольственного дела», а с политической частью речи Милюкова он и вся правая часть блока полностью согласны [196]. Накануне выступления «улицы» правая часть блока и помыслить не могла, чтобы остаться перед лицом этой «улицы» без кадетов, единственных, кто сумеет столковаться в нужный момент с Керенским и Чхеидзе, левее которых она никого не могла себе представить.

Что дело обстояло именно таким образом, свидетельствует реакция газеты Милюкова. Оценивая речи Савенко, Шульгина (а перед этим Капниста) в поддержку Риттиха, передовая уверенно подчеркивала: это не страшно, ибо объединение сейчас главное. «Никаких оснований отчаиваться в этой возможности (единства блока. — *А. А.*) пока не имеется. Напротив, уже есть некоторое основание думать, что разногласия не так велики, как это показалось в первую минуту и при первом прикосновении к щекотливому вопросу. Мы почти уверены, что дальнейшие прения . . . не будут отличаться существенным образом от общего содержания думской формулы 5-го декабря» [197].

Именно так и произошло, как предсказывала «Речь»: дальнейшие речи блокистов, как правых, так и левых, равно как и предлагавшиеся блоком формулы перехода ничем не отличались от речей и формул минувшего декабря.

В своих воспоминаниях Милюков пишет, что он не помнит, о чем он говорил в своем выступлении в Думе 15 февраля. «В эти дни, — пояснял он свою забывчивость, — главная роль принадлежала не Думе» [198]. Но Милюков хитрил: ему неловко было вспоминать то, о чем он говорил в дни, когда — как он сам правильно считал — Дума осталась далеко позади событий, ибо, несмотря на это, главная идея его речи сводилась к тезису, что слово тоже есть дело. «Может быть, несколько вялый тон прений и не особенно внимательное отношение к ним слушателей, — начал он свою речь, — вызываются именно сознанием, что по этому вопросу (отношение между властью и страной. — *А. А.*) нельзя сказать ничего нового и неизвестного». Однако это неправильно. «Даже если ничего не изменилось, повторить старые истины. . . было бы нашей обязанностью». И далее шло повторение этих «истин», о которых он говорил десятки раз.

Конец речи был повторением ее начала. «Наше слово есть уже наше дело. Слово и вотум суть пока (!) наше единственное оружие. Но ведь, гг., и это оружие — не тупое». Последними словами Милюков обманывал и себя и своих слушателей. Оружие полностью отказало, и Милюков это отлично понимал. Тем не менее он продолжал убеждать, что слова, ранее сказанные с кафедры Думы, «живут своей собственной жизнью и превращаются в дело». В частности, результатом этих слов является «то, что Государственная дума теперь уже не одна. Она окружена дружественными силами, которые слышат ее слова и с ними сообразуют свое поведение» [199]. Последнее утверждение перестало соответствовать истине даже примени-

тельно к Земскому и Городскому союзам, потребовавшим в декабре «ответственного министерства», а в отношении трудящихся масс было явным абсурдом.

В противоречии с самим собой, Милюков в качестве отличительной черты думских прений 14 и 15 февраля указывал на резкость выступлений «внеблоковой» оппозиции, как левой, так и правой. Но, признавал он, печать засвидетельствовала, что ее выступления казались бледными сравнительно с общим настроением страны.

Печать в данном случае была права. Несмотря, например, на повышенную резкость тона речи Чхеидзе, речь, как и его прежние выступления, имела ту же безнадежную цель подталкивания влево «Прогрессивного блока». Лидер думских меньшевиков заговорил о революции, но в весьма своеобразном контексте: он пугал революцией, призывал блок, буржуазию возглавить ее в случае, если она разразится. Социал-демократы все время указывали, утверждал Чхеидзе, что надо идти французским путем, но Дума пошла «иным путем, не французским, а германским, лучше сказать, прусским. . .». Что значит решительная борьба с правительством? — ставил он главный вопрос. Ответ гласил: «Это значит, чтобы это правительство сошло со сцены и чтобы явилось здесь правительство, которое вам (блоку. — *А. А.*) нужно, которое стране нужно». Таким образом, Чхеидзе, так же как и блок, считал: главное, что́ нужно стране, это — «министерство доверия» или «ответственное министерство», между которыми Чхеидзе не видел особой разницы.

Но добиться этой *всенародной* цели, развивал он дальше свою мысль, можно только борьбой народа, а с ним «шутить нельзя», ибо это, «гг., в революцию может перейти». Из контекста и из дальнейшего изложения видно, что такая перспектива Чхеидзе отнюдь не радовала. «Улица, гг., начинает говорить. — предупреждал он подталкиваемых, пугаясь при этом сам. — Плохо ли это, хорошо ли, но ведь факта, гг., не выкинешь». Перед этим Чхеидзе утверждал, что в настоящее время единственный «кандидат на власть — это буржуазия». Закончил он весьма неопределенно, сказав, что «Россия становится на путь, который ее несомненно выведет с честью из того тяжелого кризиса, в котором она сейчас пребывает, и путь этот нами уже указан» [200]. Сказать прямо, что этот путь — революция, социал-демократ Чхеидзе не посмел.

Нет сомнения, что не только Шингарев, но вся кадетская верхушка с Милюковым во главе до самой последней минуты надеялась, что монархия уцелеет и дело кончится желанным «министерством доверия». Со своей стороны кадеты все делали для такого исхода.

В этом отношении весьма показательной была позиция, занятая Милюковым в Думе 27 февраля в связи с ее роспуском. По его собственному признанию, она была самой умеренной. После зачтения царского указа о роспуске перед думцами встал вопрос: как на него реагировать в условиях уже полным ходом идущей революции? «Были предложения, — свидетельствует Милюков, — вернуться (в зал заседаний из Полуциркульного зала Таврического дворца. — *А. А.*) и возобновить формальное заседание Думы, не признавая указа (М. А. Караулов), объявить Думу учредительным собранием, передать власть диктатору (ген. Маниковскому), взять власть собравшимся и создать свой орган, — во всяком случае, не разъезжаться из Петербурга».

Милюков решительно выступил против всех этих более или менее

радикальных проектов и взамен предложил свой, который оставлял вопрос о власти открытым, в надежде на то, что монархии удастся уцелеть. «Я выступил, — писал он, — с предложением выждать, пока выяснится характер движения, а тем временем создать временный комитет членов Думы „для восстановления порядка и для сношений с лицами и учреждениями"». Эта неуклюжая формула, разъяснял свою идею автор воспоминаний, «обладала тем преимуществом, что, удовлетворяя задаче момента, ничего не *предрешала* в дальнейшем. Ограничиваясь минимумом, она все же создавала орган и не подводила думцев *под криминал*». Как известно, именно это предложение и было принято.

Что речь здесь шла не о захвате власти, а, наоборот, о возвращении ее при первой возможности царю (Николаю II или вел. кн. Михаилу Александровичу), Милюков подтверждает дальше еще более определенно. На вопрос пришедшей в Думу группы интеллигентов во главе с его старой знакомой Татьяной Богданович (племянницей В. Г. Короленко), которая «взволнованным, умоляющим голосом» спрашивала его: «Неужели и теперь Государственная дума не станет во главе народного движения?», лидер кадетов в момент, когда революция фактически уже победила, дал резко отрицательный ответ. «Я имел тысячу оснований объяснить ей, что Думы больше нет и что я лично не хочу, чтобы именно она взяла власть» [201].

Точно так же оценивал позицию блока в целом, и кадетов в частности, и Шульгин. «Вопрос стоял так, — писал он, — не подчиниться указу государя императора, т. е. продолжать заседания Думы, — значит стать на революционный путь. . . Оказав неповиновение монарху, Государственная дума тем самым подняла бы знамя восстания и должна была бы стать во главе этого восстания со всеми его последствиями. . .

На это ни Родзянко, ни подавляющее большинство из нас, вплоть до кадет, были совершенно неспособны. . .». «Разве эти люди (блок. — *А. А.*), — записал Шульгин перед этим, — способны были управлять революционной толпой, овладеть ею?» [202] Факты показывают, что «Прогрессивный блок», включая кадетов, только тогда, когда стало ясно, что революция победила, взял власть в свои руки, переименовав себя, вернее, бюро блока во Временный комитет Государственной думы под председательством Родзянко (с добавлением Чхеидзе и Керенского).

Даже в такой ситуации Родзянко долго не решался брать власть и «все допытывался, что это будет — бунт или не бунт? Я не желаю бунтоваться, — пояснял он. — Я не бунтовщик, никакой революции я не делал и не хочу делать». И лишь после того, как Шульгин (и другие руководители блока) убедили его, что «никакого в этом нет бунта, берите (власть. — *А. А.*) как верноподданный. . .», Родзянко согласился.

Характерна при этом мотивировка Шульгина, которая была, несомненно, и точкой зрения блока в целом, почему и для чего надо брать власть. «Положение ясно. Может быть два выхода: все обойдется — государь даст новое правительство, мы ему и сдадим власть. . . А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие, те, которые выбрали уже каких-то мерзавцев на заводах» [203]. В других выражениях, но по существу так же уговаривал Родзянко взять власть и Милюков [204].

Суть этой тактики руководителей блока и Временного комитета Гос. думы, их подлинное отношение к вопросу о власти и роли в революции охарактеризовала их же соратница З. Гиппиус. «Слишком ясно вдруг все понялось, — осенило ее ночью 28 февраля 1917 г. — Вся позиция Коми-

тета, вся осторожность и слабость его „заявлений" — все это вот отчего: в них теплится еще надежда, что царь утвердит этот комитет как официальное правительство, дав ему широкие полномочия, может быть „ответственность" — почем я знаю! Но еще теплится, да, да, как самое желанное, именно эта надежда. Не хотят они никакой республики и не могут они ее выдержать. А вот, по-европейски, „коалиционное министерство", *утвержденное верховной властью*... Только просить могли у „законной власти". Революция свергла эту власть — без их участия. Они не свергали. Они лишь механически остались на поверхности — сверху пассивно, — явочным порядком. Но они *естественно* безвластны, ибо *взять* власть они не могут, а власть должна быть им дана, и дана „сверху", раньше, чем они себя почувствуют *облеченными* властью, они и не будут властны» [205].

Как бы подтверждая эти слова, кн. Е. Н. Трубецкой день спустя писал М. К. Морозовой: «И все еще не хочется верить! Неужели в самом деле невозможно соглашение Думы с государем. А, кажется, мало на это шансов». 5 марта автор этих строк разразился в «Речи» восторженной статьей в адрес победившей революции. Но вот что́ он писал своей корреспондентке по этому поводу на другой день. Если прочла эту статью, предупреждал он Морозову, «имей в виду, что в день первого выхода газете нужно было написать в праздничном тоне *только хорошее*. О тревогах и опасениях пока молчу, но скажу тебе по совести, что они — глубоко мучительны ... *в республиканский рай* могут верить только малолетние, а мне 53 года» [206].

Спустя годы, оценивая Февральскую революцию 1917 г. и свою речь в ней уже ретроспективно, с достаточной исторической дистанции, Милюков в письме И. И. Петрункевичу от 2 октября 1919 г. писал: «Перехожу к „революции" (кавычки автора. — *А. А.*)... я лично ... казалось, и партия до известного момента всегда относился (к ней. — *А. А.*) отрицательно... Я не хотел, во всяком случае, революции во время войны, и я в ней лично неповинен. Набоков прав и *фактически*, что революция 27 февраля совершилась не нами и против нашей воли...». Заодно Милюков дал оценку в этой связи и своей речи 1 ноября. «Тут я встречаю в Вашем письме ссылку на меня, лестную ссылку на мою речь 1 ноября. Это возвращает меня к моей ответственности за революцию. Да, в истории бывают моменты, когда личность служит ее орудием. И я послужил орудием истории в этом случае... Но я, как я, как маленькая личность, все-таки припоминаю и мои скромные личные мотивы. Я, кажется, думал в тот момент, что, раз революция стала неизбежна, — а я считал ее уже неизбежной, — то надо попытаться взять ее в свои руки. Но это *та*, другая революция, — не та, которая действительно готовилась. И повторяю, за ту, которая совершилась, я все-таки не согласен нести полную ответственность» [207].

Под словами «*та* революция» Милюков имел в виду дворцовый переворот, и именно эту «революцию» он хотел утилизовать. Что касается речи 1 ноября, то мысль Милюкова здесь совершенно ясна: он пытался ею предотвратить революцию, но результат получился обратный — ускорил ее. Он стал «орудием истории», двигавшей страну к цели прямо противоположной той, о которой так страстно мечтал Милюков: не допустить революции, хотя бы на время войны.

Вот эту контрреволюционность до последнего дыхания всей помещичье-буржуазной оппозиции надо все время иметь в виду при оценке движущих сил Февральской революции. Ее совершили рабочие и солдаты столицы не

только без поддержки Думы и блока, но *против* них. Это важно подчеркнуть, чтобы была правильно понята известная мысль В. И. Ленина, высказанная им в первом «Письме издалека», где он писал, что на первом этапе революции царизму был нанесен «совместный удар» двумя силами: «всей буржуазной и помещичьей Россией. . . и *Советом рабочих депутатов*. . .» [208]. Удар был нанесен действительно совместно, но только в том смысле, что «Прогрессивный блок», Земгор, ЦВПК и др., вынужденные резко критиковать царизм, тем самым будили массы и приближали революционный взрыв. Наиболее наглядным примером этой диалектической взаимосвязи контрреволюции с революцией является речь Милюкова 1 ноября.

Далее В. И. Ленин совершенно четко и ясно проводит именно эту мысль, указывая на то, что в едином антимонархическом потоке слились совершенно противоположные классовые силы и цели. «Если, — писал он, — революция победила так скоро и так . . . радикально, то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации *слились* вместе, и замечательно „дружно" слились, *совершенно различные потоки, совершенно разнородные* классовые интересы, *совершенно противоположные* политические и социальные стремления» [209].

Даже после победы революции, которая так, казалось, счастливо завершилась, передав власть в руки буржуазии, она продолжала вызывать у вчерашней оппозиции страх и отчаяние. «Официально торжествовали, славословили революцию, кричали „ура" борцам за свободу, — свидетельствовал современник. — Но в душе, в разговорах наедине — ужасались, содрогались и чувствовали себя плененными враждебной стихией, идущей каким-то неведомым путем». То же самое происходило и с Временным комитетом Думы. «Говорят, представители Прогрессивного блока плакали по домам в истерике от бессильного отчаяния» [210].

Подобные настроения были характерны не только для помещичье-буржуазных лидеров, но и для думских и внедумских соглашателей с ними. Цитированный автор упирал именно на это обстоятельство. «. . .Я склонен утверждать, — писал он, — что такие настроения были в сущности главенствующими. И при этом не только в сравнительно правых группах (т. е. в указанных думско-блокистских кругах. — *А. А.*)». Перед этим он в качестве примера таких настроений описал очень живую сценку с Чхеидзе. Когда один из батальонов восставших солдат подошел к Таврическому дворцу с музыкой, в строю, «*с офицерами на местах*», Чхеидзе (ожидавший увидеть вместо организованного воинского подразделения разнузданную вооруженную толпу, крушащую все на своем пути) «пал на колени и, схватив красное знамя первой роты, стал в восторге целовать его, как символ победившей революции» [211].

Еще более опасливое отношение к революции было характерно для А. Ф. Керенского и его соратников, к которым принадлежал и автор воспоминаний. Здесь оно практически ничем не отличалось от отношения к ней Шидловского и Милюкова. Еще до революции, в конце января 1917 г., писал Станкевич, ему «пришлось в очень интимном кружке встретиться с Керенским. Речь шла о возможностях дворцового переворота. К возможности народного выступления все относились определенно отрицательно, боясь, что, раз вызванное, народное массовое движение может попасть в крайне левые русла, и это создаст чрезвычайные трудности в ведении войны. Даже вопрос о переходе к конституционному режиму вызывал серьезные опасения и убеждение, что новой власти нельзя будет обойтись

без суровых мер для поддержания порядка и недопущения пораженческой пропаганды» [212]. Так на деле выглядели «революционные» призывы Керенского. «Крайние левые, — делал вывод автор, разумея под ними тех же меньшевиков и эсеров, — чувствовали, что масса чужда им не менее, чем крайние правые. И это сознание питало все время опасения перед контрреволюцией. Сегодня массы . . . идут за комитетом. Но кто поручится, что завтра они не пойдут за кем-нибудь иным, за каким-нибудь бравым генералом. . .» [213].

Следует отметить, что приведенные выше свидетельства шли и из либеральной среды. Трагичность положения, сложившегося накануне Февральской революции, писал лидер прогрессистов Ефремов в своей автобиографии, написанной много лет спустя после описываемых событий, сближала с кадетами и прогрессистами и «социалистов». Все вместе они «искали выхода». На одно из таких совместных собраний утром 25 февраля пришел с митинга рабочих, на котором были также матросы из Кронштадта, меньшевик Н. Д. Соколов и сообщил, что митинг «решил ждать до пасхи, не делая революции. Все вздохнули спокойнее и разошлись в уверенности, что хоть завтра ничего решительного не произойдет» [214].

Один из лидеров народных социалистов В. В. Водовозов даже в 1932 г. (когда были написаны воспоминания) ставил перед собой мучительный вопрос о своем отношении к революции. «Хотел ли я революции?» — снова спрашивал он самого себя и отвечал: «На этот вопрос мне самому не так легко ответить». Еще в 1905 г. он сделал прогноз о том, что настанет день, когда «закричим: нет, лучше какой угодно Плеве, чем *такая* революция». «Если таков был мой прогноз революции, то мог ли я желать ее, и желал ли, а когда она пришла, то мог ли я радоваться?». Да, несмотря на прогноз и на все прочее, «революции я желал, о ней мечтал, к ней стремился». Мечтал потому, что «слишком ясно чувствовалось, что правительство медленно, но верно тянет нас не то в пропасть, не то в трясину. Естественно было желать, чтобы буря освежила воздух, хотя бы и ценой не только многих поломок, но, что гораздо хуже, ценой поднятия из глубины жизни новых миазмов. . .» [215].

Что понимал под «миазмами» народный социалист, понять не трудно — то же, что и кадеты, и прогрессисты, и октябристы, — весь контрреволюционный лагерь в целом, — народное революционное правотворчество, которое указанными силами воспринималось только как анархия, разрушение и т. п. Конечно, «освежающая буря» — это неплохо и даже хорошо на фоне такого дурного правительства, но было бы еще лучше, если бы можно было бы обойтись без нее, скажем, ценой создания «министерства доверия», и как жаль, какая трагедия, что оно не было создано, — вот примерный смысл раздвоения «революционной» личности Водовозова.

Действительные «крайние левые», т. е. большевики, добавим мы от себя, такого страха перед массами никогда и ни при каких обстоятельствах не испытывали. В этом была их сила.

Показательно, что точно так же рассуждала и З. Гиппиус — дама вполне прокадетская, с «легким наклоном влево» — в сторону эсеров и тех же народных социалистов. «Я боюсь, ибо во время войны революция *только снизу* — особенно страшна». Хочу, чтобы была «Революция». Нас убеждают, что если делать революцию, то после войны. «О реальные политики! Такого выбора: революция теперь или революция после войны — совсем *нет*. . . Хотя бы узкий переворот подготавливали. . .», — записывала

она в своем дневнике в конце декабря 1916 г.—начале января 1917 г.[216] Досада и негодование в адрес кадетов — «реальных политиков», которые своим бессилием ведут к революции и не оставляют никакого выхода, как желать ее прихода, — вот лейтмотив этого «желания» революции.

Страх перед революцией в указанных либерально-«социалистических» кругах нашел свое выражение в форме скептически-презрительной оценки революционных потенций неорганизованных народных масс и конечных итогов их выступлений, коли они все же произойдут. Уже в ходе революции, свидетельствовала та же Гиппиус (запись от 25 февраля), «Карташов (кадет, религиозный мистик. — *А. А.*) упорно стоит на том, что „балет" (а не революция. — *А. А.*)» [217]. Другой кадет, Мануйлов, говорил, что «революция делается мальчишками» [218]. На вопрос, что будет в результате разразившейся революции, единомышленник автора цитированных выше воспоминаний, известный историк и пушкинист П. Е. Щеголев решительно ответил: «Что будет? Монархия будет, вот что ... Не будет никаких „революционных порядков"... Глупости все это! Русский крестьянин не мыслит правопорядка, не венчанного короной...» [219].

Едва ли не на другой день после пророчества человека, от которого можно было бы ждать бóльшей проницательности, другой современник событий, меньшевик Н. Н. Суханов, наблюдая, как два солдата, за работой которых следили еще несколько вчерашних крестьян, одетых в солдáтские шинели, выковыривали штыками из рамы портрет Николая II в Таврическом дворце, отмечал, что замечания по этому поводу «делались спокойно и деловито — в выражениях столь „категорических", что не стоит их повторять» [220].

В свете всего изложенного не вызывает сомнения ответ на вопрос, почему царизм, в сильнейшей степени завися от помещичье-буржуазной оппозиции в годы войны, нуждаясь в Думе, Земгоре, ЦВПК и т. д., находясь в предельно кризисной ситуации, тем не менее не пошел ни на какие уступки этой оппозиции, не удовлетворил ни одно из ее требований, хотя они были исключительно скромны. «Личный» характер режима, на который так сетовал «Прогрессивный блок», влияние «темных сил», особенности царской четы играли здесь определенную роль. Но главная суть была, конечно, не в них. Коренная причина фиаско «Прогрессивного блока» и всех поддерживавших его сил коренилась в их политической слабости, в ничтожности «интеллигенции», представлявшей и выражавшей эти силы, которую так зло и верно охарактеризовал П. Н. Дурново в своей Записке. Слабость эта определялась, как правильно констатировал тот же Дурново, оторванностью помещичье-буржуазной оппозиции от народа, а эта оторванность, в свою очередь, объяснялась патологическим страхом перед народом, страхом, который В. И. Ленин выразил точной и емкой формулой: «Бýржуазия боится революции больше, чем реакции».

Все сказанное свидетельствует также о банкротстве тактики «подталкивания» думского «Прогрессивного блока» меньшевистской думской фракцией. Департамент полиции, убрав из Думы депутатов-большевиков, создал идеальную возможность для Чхеидзе и его соратников на деле проверить главную теоретическую идею меньшевизма, согласно которой в буржуазной революции, раз она буржуазная, гегемоном должна выступать буржуазия, а ее колебания по этой части надо нейтрализовать давлением и подталкиванием слева. Результатом этой тактики было превращение левого крыла Думы в охвостье «Прогрессивного блóка», полностью шедшего у него

на поводу. Этот факт имеет принципиальное значение для правильного понимания всех зигзагов политики меньшевистско-эсеровских соглашателей в период между Февралем и Октябрем 1917 г.

[1] *Милюков П.* Россия на переломе. Париж, 1927, т. 1, с. 20.
[2] *Родзянко М. В.* Крушение империи. — В кн.: Архив русской революции. Берлин, 1926, т. 17, с. 127.
[3] Красный архив, 1932, т. 3 (52), с. 151—157.
[4] Там же, с. 181—183.
[5] Там же, с. 157—161.
[6] Там же, с. 163—168.
[7] Там же, с. 163—165.
[8] Там же, с. 184—187.
[9] ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 479, л. 1—2 об.
[10] *Милюков П. Н.* Воспоминания. Нью-Йорк, 1955, т. 2, с. 224—226.
[11] Там же, с. 225.
[12] Новое время, 1916, 21 янв. (3 февр.).
[13] Речь, 1916, 20 янв. (2 февр.).
[14] Там же, 27 янв. (9 февр.).
[15] Утро России, 1916, 28 янв.
[16] Там же, 1916, 4 февр.
[17] Там же, 9 февр.
[17a] Там же, 10 (23) февр.
[18] *Милюков П. Н.* Воспоминания, т. 2, с. 228.
[19] Там же, с. 227.
[20] «Счастлив также находиться посреди вас и посреди верного моего народа, представителями которого вы здесь являетесь»,— заявил Николай II. «Какая радость нам, какое счастье, — наш русский царь здесь, среди нас», — отвечал ему М. В. Родзянко. Обе речи были встречены *«долго несмолкавшими кликами „ура"»*. (Государственная дума. Четвертый созыв: Стеногр. отчеты (далее: Стеногр. отчеты...), сес. 4. Пг., 1916. После оглавления, без пагинации.
[21] Речь, 1916, 10 (23), 2 (15) янв.
[22] *Милюков П. Н.* Воспоминания, т. 2, с. 228; Стеногр. отчеты, сес. 4, стб. 1221.
[23] Стеногр. отчеты, сес. 4, стб. 1223—1225.
[24] Там же, стб. 1247—1252.
[25] Там же, стб. 1267—1270.
[26] Там же, стб. 1440—1441, 1445, 1447, 1454, 1457.
[27] Там же, стб. 1499—1500, 1507—1509, 1515.
[28] Там же, стб. 1302.
[29] Там же, стб. 1335.
[30] Там же, стб. 1305, 1307, 1309, 1323.
[31] Там же, стб. 1387.
[32] Речь, 1916, 15 (28) февр.
[33] Стеногр. отчеты, сес. 4, стб. 1520.
[34] Красный архив, т. 3 (52), с. 164.
[35] Стеногр. отчеты, сес. 4, стб. 1761—1762.
[36] Там же, стб. 1953.
[37] Там же, стб. 1800, 1802.
[38] Там же, стб. 1983, 1989.
[39] Там же, стб. 2040—2041.
[40] Там же, стб. 2041—2044.
[41] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 10, д. 7, л. 201—201 об.
[42] Стеногр. отчеты, сес. 4, стб. 2368—2369.
[43] Там же, стб. 2377—2378.
[44] Там же, стб. 2744—2748.
[45] Там же, стб. 2795, 2813.
[46] Там же, стб. 3024—3025.
[47] Там же, стб. 2628—2629, 2632.
[48] Там же, стб. 2632—2643.
[49] Там же, стб. 4206, 4727.
[50] Там же, стб. 4731—4732.
[51] Там же, стб. 4779—4781.
[52] Там же, стб. 4966.
[53] Там же, стб. 5007.
[54] Падение царского режима. Л.; М., 1925, т. 2, с. 135.
[55] Стеногр. отчеты, сес. 4, стб. 3138.
[56] Там же, стб. 3141.
[57] Там же, стб. 3143—3144.
[58] Там же, стб. 5072—5076.
[59] Новое время, 1916, 10 (23) июня.
[60] Стеногр. отчеты, сес. 4, стб. 5475—5478.
[61] Речь, 1916, 16 (29) июня.
[62] Там же, 22 июня (5 июля).
[63] Там же, 21 июня (4 июля).
[64] Там же, 5 (18) апр. Курсив наш. — *А. А.*
[65] Там же, 9 (22) апр.
[66] Там же, 13 (26) апр.
[67] Там же, 27 апр. (10 мая).
[68] ЦГАОР СССР, ф. 555, оп. 1, д. 1438, л. 1—1 об.
[69] Стеногр. отчеты, сес. 4, стб. 3159—3160.
[70] Там же, стб. 4465—4467.
[71] Стеногр. отчеты, сес. 5. Пг., 1917, стб. 64—66.
[72] Новое время, 1916, 25 февр. (9 марта).
[73] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 3, д. 9, л. 37 об.—41 об.
[74] Там же, л. 45—45 об.
[75] Речь, 1916, 27 апр. (10 мая). См. также: *Аврех А. Я.* Раскол фракции октябристов в IV Думе. — История СССР, 1973, № 4, с. 115—127.
[76] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 3, д. 9,

л. 46 об.—47, 48, 50, 41, 52—52 об. Курсив наш. — *А. А.*

[77] Речь, 1916, 6 (19) окт.

[78] Там же, 8 (21) окт.

[79] Новое время, 1916, 1 (14) нояб.

[80] *Милюков П. Н.* Воспоминания, т. 2, с. 256.

[81] ЦГАОР СССР, ф. 555, оп. 1, д. 64, л. 1—9; ф. 102 (Департамент полиции), Особый отдел (далее: ДП, ОО), 1916 г., д. 307, лит. А, т. 1, л. 230 и след.

[82] *Гиппиус З.* Синяя книга: Петербургский дневник, 1914—1918. Белград, 1929, с. 51.

[83] ЦГАОР СССР, ф. 634, оп. 1, д. 27, л. 67.

[84] Красный архив, 1933, т. 1 (56), с. 82—83.

[85] Там же, с. 84—85.

[86] Там же, с. 86—87.

[87] Позже М. В. Родзянко писал, что перед осенней сессией 1916 г. он собрал совещание представителей фракций, входивших в «Прогрессивный блок», на котором, изложив подробно «создавшееся грозное положение вещей и близость неминуемого общего взрыва, предложил сделать еще одну попытку его предотвращения: представить коллективный доклад царю, который Дума поддержала бы своими речами. Однако против этой идеи выступил Милюков ввиду ее «неконституционности». Позже группа националистов добилась частной аудиенции у царя, «но успеха не имела» (*Родзянко М. В.* Государственная дума и Февральская 1917 года революция. Ростов н/Д., с. 34—35).

[88] Красный архив, т. 1 (56), с. 90—92.

[89] Там же, с. 101—102.

[90] Там же, с. 100.

[91] Там же, с. 104—106.

[92] Позднее С. И. Шидловский писал, что, когда Крупенский был уличен в осведомлении правительства о заседаниях блока, он сконфузился, но тем не менее стал развивать теорию о необходимости содействия и совместной работы с правительством. Но бывать на заседаниях бюро «почти» перестал (*Шидловский С. И.* Воспоминания. Берлин, 1923, т. 2, с. 45—46). Из этого «почти» следует, что Крупенскому это было сказано *раньше*, до того как он передал экземпляр декларации правительству.

[93] Красный архив, т. 1 (56), с. 115—117.

[94] Там же, с. 111—113. Кто был этот Голицын — неизвестно. В IV Думе был только один князь — Б. А. Голицын, но он входил в фракцию правых, т. е. был соратником Маркова 2-го. Среди членов Государственного совета, примкнувшим к блоку, также не было человека с такой фамилией. Возможно, это был октябрист кн. А. Д. Голицын, но он был депутатом III Думы.

[95] Там же, с. 114—115.

[96] Утро России, 1916, 1 нояб.

[97] ЦГАОР СССР, ф. 644, оп. 1, д. 15, л. 1—4.

[98] Стеногр. отчеты, сес. 5, стб. 10.

[99] Там же, стб. 11—13.

[100] Там же, стб. 35—48; ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 5, д. 306, л. 2—6 об. Курсив наш. — *А. А.*

[101] ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1916, д. 307, лит. А, т. 3, л. 2.

[102] *Милюков П. Н.* Воспоминания, т. 2, с. 277.

[103] ЦГАОР СССР, ДП, ОО, 1916 г., д. 307, лит. А, ч. 1, л. 140 об. Вот содержание одного из выпусков (второго): Декларация «Прогрессивного блока»; письмо Г. Е. Львова к председателю Государственной думы; речь Милюкова от 1 ноября 1916 г. (Там же, л. 140). В докладе начальника Московского охранного отделения директору Департамента полиции от 20 ноября 1916 г. сообщалось, что в Москве «имеют большое распространение» брошюры с перечисленными выше выступлениями (вып. 2) и что печатание их происходило в типографии «Победа» в количестве полутора тысяч экземпляров (Там же, л. 228). О распространении речи Милюкова и других документов см.: *Слонимский А. Г.* Катастрофа русского либерализма. Душанбе, 1975, с. 46—47.

[104] ЦГАОР СССР, ф. 629, оп. 1, д. 19, л. 2 об.

[105] Речь, 1916, 3 (16) нояб.

[106] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1060, л. 1075.

[107] Там же, ф. 629, оп. 1, д. 19, л. 2.

[108] *Гессен И. В.* В двух веках: Жизненный отчет. Берлин, 1937, с. 347.

[109] ЦГАОР СССР, ф. Коллекция, д. 6, л. 1 об.

[110] *Резанов А. С.* Штурмовой сигнал П. Н. Милюкова. Париж, [1924].

[111] *Седых А.* Далекие, близкие. [Нью-Йорк], Б/г, с. 156—157.

[112] *Шульгин В. В.* Дни. Л., 1925, с. 60—62. Курсив наш. — *А. А.*

[113] *Мельгунов С.* На путях к дворцовому перевороту: (Заговоры перед революцией 1917 г.). Париж, 1931, с. 72.

[114] *Милюков П. Н.* Воспоминания, т. 2, с. 271, 277.

[115] Речь, 1916, 2 (15) нояб.

[116] Стеногр. отчеты, сес. 5, стб. 67—71.

[117] Там же, стб. 120—122, 126.

[118] Там же, стб. 73—74.

[119] Там же, стб. 136—140.

[120] Там же, стб. 97—98, 102, 106—107.

[121] Там же, стб. 19—22.

[122] Там же, стб. 29—33.
[123] В одной из речей П. Н. Милюков заявил, что этот шаг Б. В. Штюрмера полностью соответствует его собственному желанию. И действительно, если бы таковой был предпринят, Штюрмеру пришлось бы пережить второе 1 ноября, весь пропагандистский и политический выигрыш был бы, конечно, на стороне Милюкова при любом решении суда.
[124] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 9, л. 1—3.
[125] Речь, 1916, 11(24) нояб.
[126] Утро России, 1916, 17 нояб.
[127] *Милюков П. Н.* Воспоминания, т. 2, с. 277—278.
[128] Генерал М. К. Марченко (зять И. Л. Горемыкина) в своем дневнике 11 ноября 1916 г. записал: назначен Трепов вместо Штюрмера. «Про него Т. (по-видимому, Н. Тальберг, очень осведомленный чиновник, ярый черносотенец. — *А. А.*) говорит довольно резко: „Сын вора". Он большой нахал, но человек с характером!!!» (ЦГВИА, ф. 80, оп. 1, д. 1, л. 176).
[129] Красный архив, т. 1 (56), с. 118—120.
[130] Там же, с. 122—125.
[131] Там же, с. 129—131.
[132] За исключение голосовали правые, националисты, октябристы, часть прогрессистов и почти все кадеты. См.: Речь, 1916, 20 нояб. (3 дек.).
[133] *Аврех А. Я.* Указ. соч., с. 131—135.
[134] Стеногр. отчеты, сес. 5, стб. 240—250.
[135] Там же, стб. 252, 254, 258.
[136] Там же, стб. 261, 263, 266, 270, 273—274, 285—288.
[137] Речь, 1916, 20 нояб. (3 дек.).
[138] Новое время, 1916, 22 нояб. (5 дек.).
[139] РО ГБЛ, ф. 171, картон 9, д. 1, 1916 г., л. 65 об.
[140] Стеногр. отчеты, сес. 5, стб. 370—371.
[141] Речь, 1916, 26 нояб. (9 дек.).
[142] Там же, 1(14) дек.
[143] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1063, л. 1340.
[144] Там же, д. 1064, л. 1435.
[145] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 167, л. 301.
[146] Стеногр. отчеты, сес. 5, стб. 323—324, 338, 347.
[147] Там же, стб. 389, 391, 384—395.
[148] Там же, стб. 344.
[149] Речь, 1916, 20 нояб. (3 дек.).
[150] Стеногр. отчеты, сес. 5, стб. 400, 402.
[151] Там же, стб. 371—372.
[152] Там же, стб. 412—413.
[153] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 10, д. 7, л. 412—412 об.
[154] Там же, л. 413 об.
[155] Стеногр. отчеты, сес. 5, стб. 432.
[156] Там же, стб. 573—574.
[157] Там же, стб. 474.
[158] Там же, стб. 553.
[159] Там же, стб. 801—803, 809.
[160] Там же, стб. 297.
[161] Там же, стб. 921—922.
[162] Там же, стб. 1093—1094. Курсив наш. — *А. А.*
[163] Там же, стб. 1172—1173, 1176, 1178—1179.
[164] Там же, стб. 1183. Курсив наш. — *А. А.*
[165] Там же, стб. 1246. Курсив наш. — *А. А.*
[166] Там же, стб. 1208.
[167] Там же, стб. 1230.
[168] Там же, стб. 1239.
[169] Там же, стб. 1240.
[170] Там же, стб. 1238.
[171] Новое время, 1916, 20 дек. (1917, 2 янв.).
[172] ЦГАОР СССР, ф. 629, оп. 1, д. 19, л. 5—5 об.
[173] Там же, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1063, л. 1359.
[174] Речь, 1916, 17(30) дек.
[175] *Милюков П. Н.* Воспоминания, т. 2, с. 283.
[176] Новое время, 1916, 29 дек. (1917, 11 янв.).
[177] *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967, с. 266.
[178] *Милюков П. Н.* Воспоминания, т. 2, с. 282.
[179] *Шульгин В. В.* Указ. соч., с. 86.
[180] Там же, с. 88.
[181] Газеты, которым было запрещено упоминать имя Распутина, убийство его описывали примерно следующим образом: «Одно лицо было у другого лица еще с несколькими лицами. Первое лицо после этого исчезло. Одно из других лиц заявило, что первое лицо у второго лица не было, хотя известно, что второе лицо приехало за первым лицом поздно ночью».
[182] *Шульгин В. В.* Указ. соч., с. 84.
[183] *Мельгунов С.* На путях к дворцовому перевороту...
[184] *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967, с. 77—80.
[185] *Дякин В. С.* Указ. соч., с. 304.
[186] *Слонимский А. Г.* Указ. соч., с. 137.
[187] *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976, с. 238—245.
[188] *Шульгин В. В.* Указ. соч., с. 99—101.
[189] Там же, с. 88.

[190] Последние новости (Париж), 1936, 13 сент.
[191] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1061, л. 1136.
[192] *Шульгин В. В.* Указ. соч., с. 103.
[193] Стеногр. отчеты, сес. 5, стб. 1390.
[194] Там же, стб. 1498—1499.
[195] *Шульгин В. В.* Указ. соч., с. 96.
[196] Стеногр. отчеты, сес. 5, стб. 1390.
[197] Речь, 1917, 20 февр. (5 марта).
[198] *Милюков П. Н.* Воспоминания, т. 2, с. 283.
[199] Стеногр. отчеты, сес. 5, стб. 1328, 1344.
[200] Там же, стб. 1291, 1295, 1297—1298.
[201] *Милюков П. Н.* Воспоминания, т. 2, с. 292—294. Курсив наш. — *А. А.*
[202] *Шульгин В. В.* Указ. соч., с. 106—107.
[203] Там же, с. 121—122.
[204] *Милюков П. Н.* Воспоминания, т. 2, с. 298.
[205] *Гиппиус З.* Синяя книга, с. 88—89.
[206] РО ГБЛ, ф. 171, картон 9, д. 2, л. 4, 5 об., 7.
[207] ЦГАОР СССР, ф. Коллекция, д. 184, л. 5—6.
[208] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 13—14.
[209] Там же, с. 16.
[210] *Станкевич В. Б.* Воспоминания, 1914—1919 гг. Ленинград, 1926, с. 33—34.
[211] Там же, с. 32—33.
[212] Там же, с. 30.
[213] Там же, с. 37.
[214] ЦГАОР СССР, ф. Коллекция, д. 24, л. 20.
[215] Там же, д. 6, л. 2, 5, 7, 9.
[216] *Гиппиус З.* Синяя книга, с. 62—64.
[217] Там же, с. 75.
[218] *Мельгунов С. П.* Воспоминания и дневники. Париж, 1964, вып. 1, с. 220. (Запись в дневнике от 27 февр. 1917 г.).
[219] *Станкевич В. Б.* Воспоминания, с. 38.
[220] *Суханов Ник.* Записки о революции. Берлин, 1922, кн. 1, с. 659.

Глава III

ГЕНЕРАЛЫ БЕЗ АРМИИ

Серьезность намерений и претензий партий и организаций испытывается не только их деятельностью на политической арене, но в не меньшей мере проверяется по их организационному состоянию, по тому, что они представляют собой с точки зрения их численности, структуры, функционирования и взаимодействия центральных и местных учреждений, наличия собственной прессы, кадров функционеров и т. д. Разумеется, помещичье-буржуазным партиям России, избравшим своим генеральным курсом сделку с царизмом на базе так называемой «законной», т. е. легальной, борьбы с ним, не требовалась такая массовость и строгость организации, какая была необходима для революционной партии пролетариата, единственным оружием которого в борьбе за свои идеалы является именно организация. Да такая организация была для них и недостижима в силу их классовой природы, обусловливавшей ту или иную степень оторванности от народа, сравнительной малочисленности самих классов, интересы которых эти помещичье-буржуазные партии представляли.

Тем не менее в эпоху, когда миллионные массы рабочих и крестьян пришли в движение, после опыта революции 1905—1907 гг., все русские партии и организации, даже самые правые, не могли уже обойтись без апелляции к народу и, более того, не выдавать себя за защитников общенародных и общегосударственных интересов. А всякая такая апелляция требует не только идейного, но и организационного воплощения, иначе говоря, создания такого организационного механизма, который обеспечивал бы определенный минимум партийного сплочения, численности, создания более или менее постоянной и массовой партийной периферии.

Следующий ниже анализ положения и деятельности октябристов, прогрессистов и кадетов именно в этом плане также приводит к выводу об их полной несостоятельности.

1. ОКТЯБРИСТЫ

«Союз 17 октября», как официально именовалась партия октябристов, в описываемый период находился в весьма тяжелом положении. Фактически партия как таковая перестала существовать. Процесс деградации и упадка начался еще в период III Думы, и причины его коренились в классовой и политической неоднородности фракции и партии, в свою очередь обусловленной контрреволюционностью и даже реакционностью октябристской буржуазии. Страх перед революцией заставил в ноябре 1905 г. объединиться в одну партию консервативного буржуа типа Г. А. Крестовникова, Н. А. Найденова, братьев А. И. и Н. И. Гучковых с помещиком, которого отличала от

помещика-националиста и помещика — открытого черносотенца только словесное признание манифеста 17 октября.

В 1906 г. лидер октябристов А. И. Гучков открыто одобрил введение П. А. Столыпиным военно-полевых судов, а после третьеиюньского переворота октябристы стали правительственной партией в обратном, чем в парламентарных странах, смысле — личной партией Столыпина, проводником его политики в Думе в качестве думского «центра». «На словах, в своей программе, — писал В. И. Ленин, — октябристы отстаивают „конституцию" и даже... свободы! На деле ... октябристы — такая же правительственная партия, как националисты» [1].

Курс на открытый союз с реакционным правительством, помещиками, чиновниками и другими подобными элементами, взятый октябристской буржуазией и олицетворявшийся Гучковым, привел к тому, что «Союз 17 октября» в центре и особенно на местах стал партией с огромным преобладанием помещичье-чиновного элемента. Основной массой октябристских избирателей стали именно помещики и чиновники, а не буржуа. В результате, как подсчитал один из думских обозревателей, из 148 членов октябристской фракции в III Думе только 15 представляли собственно буржуазию [2]. Историк и журналист Михаил Лемке, со слов одного из близких друзей А. И. Гучкова, в своем дневнике от 20 февраля 1916 г. записал: «Столыпин был его (Гучкова. — *А. А.*) идолом, он верил в него, как в единственного человека, способного спасти Россию... Образовался Союз 17 октября — Гучков сам говорил, что девять десятых его — сволочь, ничего общего с целью союза не имеющая...» [3].

В ЦК, находившемся в Москве, цитадели октябристской буржуазии, засилье помещиков и чиновников было несколько меньшим, чем во фракции. Но это будет верно только по отношению к 40 членам ЦК, избиравшимся непосредственно на съезде. Если же иметь в виду, что октябристы — депутаты Думы и Государственного совета — также считались членами ЦК, то ситуация опять менялась в пользу правопомещичьего большинства. Справедливости ради следует, однако, сказать, что эти «добавочные» члены ЦК последним совершенно не интересовались и в его работе никакого участия не принимали.

Можно с полным основанием утверждать, что октябристы в третьеиюньский период были на три четверти консервативно-помещичьей партией, где о «знамени» манифеста 17 октября помнили лишь немногие «левые» октябристы. Если в начальный период существования «Союза 17 октября» В. И. Ленин отмечал его буржуазное начало, то в конце существования III Думы он выделял в первую очередь его помещичью сущность. В статье «Политические партии в России», опубликованной в мае 1912 г., он писал: «Не отличаясь ничем существенным в теперешней политике от правых, октябристы отличаются от них тем, что, *кроме* помещика эта партия обслуживает *еще* крупного капиталиста, старозаветного купца, буржуазию, которая так перепугалась пробуждения рабочих, а за ними и крестьян, к самостоятельной жизни, что целиком повернула к защите старых порядков» [4]. Из приведенных слов с полной очевидностью следует, что В. И. Ленин расценивает октябристов как *помещичью* партию, обслуживавшую также и часть буржуазии, ее наиболее консервативное и отсталое крыло. Именно исходя из такой оценки, он при характеристике партийного состава III Думы проводил рубеж, отделявший помещичьи партии от буржуазных, не между правыми и октябристами, а между *октябристами* и прогрессистами.

Под рубрикой «помещики» В. И. Ленин поместил правых, националистов и *октябристов*, называя их *правительственными* партиями, а под рубрикой «буржуазия» — прогрессистов, кадетов и др., объединив их термином «либералы» [5].

Совершенно очевидно, что при такой внутренней противоречивости фракции и партии октябристов, в случае неудачи правительственного курса «умиротворения» страны (по известной формуле Столыпина: «Сначала успокоение, потом реформы», на которой строились все их расчеты), ставилось под угрозу само существование «Союза 17 октября» как единого целого. Поскольку иллюзорность столыпинского курса обнаружилась с первых же дней существования третьеиюньской системы, во фракции октябристов начались трения между правым большинством фракции и ее «левым» меньшинством, которые к концу легислатуры III Думы достигли такой остроты, что единство фракции стало чисто формальным.

Полное подчинение Столыпину и своим правым соседям — националистам, неизменно проводившееся правым большинством фракции, привело к тому, что авторитет и влияние октябристов резко упали. В них разочаровались не только буржуазия, но и часть помещиков. За «Союзом 17 октября» прочно утвердились клички «партии потерянной грамоты» (т. е. манифеста 17 октября), «последнего правительственного распоряжения» и т. п.

В результате на выборах в IV Думу октябристы потерпели тяжелое поражение: их представительство уменьшилось чуть ли не вдвое — с 148 депутатов (в начале работы III Думы) до 80. Позже эта цифра увеличилась до 98. Более того, московская первая городская курия, пославшая своим депутатом в III Думу А. И. Гучкова, забаллотировала его, избрав вместо него в IV Думу правого кадета М. М. Новикова. Это было самое серьезное выражение недоверия и разочарования лидером октябристов и его партией в целом со стороны московской буржуазии.

Поэтому еще до начала работы IV Думы лидер «левых» октябристов С. И. Шидловский и некоторые другие «левые» октябристы начали обсуждать в своей среде вопрос о целесообразности выхода из октябристской фракции и создания своей отдельной группы. С этой целью были предприняты некоторые шаги, но ни к какому результату они не привели. В результате прежние противоречия во фракции не только не были устранены, но, в связи с провалом октябристов на выборах, роста революционного движения в стране и прогрессирующим кризисом третьеиюньской системы, еще более углубились и достигли такого накала, что встал вопрос о необходимости созыва партийного съезда.

Однако в силу того, что «Союз 17 октября» находился практически в состоянии развала, съезд, несмотря на все усилия, созвать не удалось. Вместо него была созвана конференция октябристов, проходившая в Петербурге с 7 по 10 ноября 1913 г. В центре ее внимания оказался доклад Гучкова. Констатировав, что «молчаливый договор» между октябристами и правительством, не давшим обещанных «реформ», последним «разорван», лидер октябристов призвал думскую фракцию «в борьбе за реформы» использовать «все легальные средства парламентской борьбы... и прежде всего бюджетное право, право отклонять кредиты. Теперь мы должны заявить, что нашему терпению пришел конец одновременно с нашей верой (в правительство. — *А. А.*)». В духе этого доклада была принята резолюция, которая так же и в той же формулировке требовала от октябристов в Думе использования всех средств «парламентской борьбы», вплоть до отказа в кредитах,

т. е. частичного или полного отвержения бюджета — главного средства всех буржуазных парламентов в их борьбе с правительством.

Казалось, на конференции победила точка зрения «левых» октябристов. «Голос Москвы» также целиком поддерживал эту линию. Но 29 ноября октябристская фракция, обсуждая указанную резолюцию, приняла свою резолюцию, в которой говорилось: «Принятие предлагаемых совещанием тактических мер в каждом частном случае должно определяться отдельными решениями фракции». В переводе на более определенный язык это означало, что фракция отказывается признать резолюцию ноябрьской конференции в качестве обязательной для себя директивы, а принимает ее только к сведению. В ответ 22 «левых» октябриста, не добившись у фракции признания резолюции директивой, вышли из фракции. Тогда основная часть фракции во главе с М. В. Родзянко, Н. В. Савичем и др. тоже вышла из фракции, образовав фракцию земцев-октябристов, которая в скором времени стала насчитывать 70 человек. Оставшаяся самая правая часть во главе с Н. П. Шубинским и Г. В. Скоропадским не захотела создавать свою отдельную фракцию, и они, октябристы, стали числить себя беспартийными. Таким образом, октябристская фракция раскололась на три части, продемонстрировав этим расколом как свою непрочность, так и полное поражение «левого» октябризма [6].

В еще более скверном положении находилась *партия* октябристов. Заместитель председателя ЦК партии профессор К. Э. Линдеман, на котором лежала вся практическая работа ЦК, прилагал отчаянные усилия, чтобы не дать окончательно замереть «Союзу 17 октября», высечь из него хотя бы искру жизни. Но все его усилия были тщетны. В письме от 12 марта 1913 г. своему постоянному корреспонденту, октябристу П. В. Каменскому, он писал: «Относительно решения о съезде (в очередной раз отложить его созыв. — *А. А.*) я не знаю, что сказать. Мы много хлопотали и работали, а теперь все насмарку. С другой стороны, в провинции такая апатия, так не заинтересовались мыслью о съезде, что, может быть, и хорошо, что его откладывают» [7].

Спустя три дня он в полном отчаянии писал Гучкову: «„Союз 17 октября", очевидно, разрушается. По поводу съезда мною дважды были разосланы доклады и циркуляры в провинцию по всем отделам и частным лицам, в числе около 250 экз. каждый, а ответов (за три месяца) получено не более 25! Два отдела сообщили даже, что они не существуют. Московские отделы собираются так: Замоскворецкому отделу было послано 150 пригласительных повесток — собралось всего шесть человек. Мещанскому отделу было послано 75 повесток, прибыло три человека. Вчера Пречистенскому отделу было послано 40 повесток, а собралось всего два человека. У меня опускаются руки, и я теряю положительно все надежды и всякую энергию. Что же теперь делать? Очевидно, у нас политическое развитие ниже нуля. С такой армией нельзя воевать ни влево, ни вправо. Газеты у нас нет, ибо „бывшая" («Голос Москвы». — *А. А.*) уходит влево и похожа больше на кадетскую. Я бьюсь как рыба об лед и чувствую, что бессилен и потерял веру в возможность что-либо сделать» [8].

Столь же скверно обстояло дело в «Союзе 17 октября» и с финансами, хотя октябристская партия была партией богатых людей. В письме от 8 июля 1912 г. Ф. И. Гучков писал Линдеману: «Денежный вопрос — больной вопрос у нас. Думаю, что недоимщикам за прошлый и настоящий год полезно было бы напомнить о взносах письмом, на бланке Центрального комитета. Затем придется специально еще собирать деньги на предвыборную кампанию... Если Вам потребуются деньги до моего возвращения —

не даст ли некоторую сумму взаймы А. Л. Кноп или М. В. Живаго?» [9] Из письма видно, что отсутствие денег в кассе Центрального комитета объяснялось именно индеферентизмом и равнодушием местных отделов «Союза».

Дела были настолько плохи, что вызвали критику работы ЦК «снизу» — факт исключительный, если иметь в виду то полное безразличие октябристской периферии, которое так красочно описал Линдеман. С такой критикой выступил руководитель Царскосельского отдела «Союза» В. Н. Латкин, обратившись с соответствующим письмом к тому же многострадальному Линдеману. Последний не выдержал: «Вы находите, — отвечал он 15 марта 1914 г. весьма раздраженно и резко, — что „деятельность центральных организаций „Союза" носит случайный характер, лишена общего плана и недостаточно энергична". Конечно, очень легко высказывать такие обвинения, но расскажите нам, какой бы план действий Вы предложили, и почему Вы думаете, что мы работаем неэнергично. Что стали бы Вы делать на нашем месте, при общей безучастности и боязни выступать вперед? Почему Вы думаете, что в другом месте пребывания Центрального комитета можно было бы сделать больше? Не находите ли Вы, что энергия ЦК парализуется полным бездействием провинциальных отделов и их бесполезным ныне существованием? Вот вопросы, которые следовало бы обсудить на местах... Местным отделам следовало бы более активно помогать ЦК, а не ограничиваться лишь обвинениями его малой энергии и бессистемности» [10].

Латкин был совершенно прав в своих упреках, равно как и Линдеман в своих. Центральный комитет «Союза 17 октября» был больше похож на клуб, чем на руководящий орган. В нем читались лекции, делались доклады, носившие чисто академический характер и никак не влиявшие на поведение думской фракции, единственной организации октябристов, где действительно занимались политикой. Как правило, отчет об очередном мероприятии начинался стереотипной фразой: в заседании от такого-то числа такой-то сделал доклад на тему...[11]. На заседаниях ЦК и его комиссий (совещаний), как правило, занимались обсуждением мелких вопросов и «вермишельных» законопроектов.

Казалось, война должна была поправить дела столь «патриотической» партии, какой считали себя октябристы, но, как отмечалось вначале, они стали совсем плохи, о чем красноречиво свидетельствует тот же Линдеман в своих письмах. «Дело у нас не налаживается, а скорее идет все хуже, и я прихожу в очень пессимистическое настроение, — писал он П. В. Каменскому 13 января 1915 г. — Я вижу, что ничего нельзя сделать и что все мои планы разрушаются так же, как предполагавшееся нами собрание (в смысле конференция. — *А. А.*) на 20-е ноября прошлого года. Н. И. Гучков находит все ненужным — и конференцию, и остальное... А. И. Гучков опять потонул в своей работе близ войны и не дает никакой весточки. На него надо махнуть рукой до конца войны» [12].

В письме тому же адресату, датированном 27 января того же года, Линдеман сообщал: «У нас полный застой и прекращение всякой жизни. В ЦК не бывает никого и писем там не получают и не отправляют. Прямо удивительно» [13]. 31 января 1915 г. Линдеман писал сыну: «От Союза 17 октября я совсем откачнулся. Хотя я и продолжаю числиться товарищем председателя, но не принимаю никакого участия в делах» [14].

Уже из этих писем видно, что «Союз 17 октября» как партия фактически перестал существовать. В письме от 7 мая 1915 г. некоему Отрадинскому

Линдеман прямо признает это. «Думается мне, — писал он, — что нам после войны придется созидать новую партию, так как „Союз 17 октября" уже слишком развалился и ждать от него нечего» [15].

Давая такие пессимистические оценки положению дел в партии октябристов и делая столь мрачные прогнозы о ее конечной судьбе, Линдеман нисколько не преувеличивал. Действительно, всякая жизнь в «Союзе 17 октября» в годы войны совершенно замерла. Одним из доказательств служит также тот факт, что в соответствующих делах департамента полиции, тщательно следившего за каждым шагом всех партий и организаций страны, «Союз 17 октября» как таковой почти исчез. Только 8 января 1917 г. в одном из его документов дается более или менее подробное описание заседания ЦК октябристов от 30 декабря 1916 г. под председательством А. И. Гучкова, после того как о нем сообщили газеты. В заседании, говорилось в этом документе, принимали участие «всего около 15 человек», и в их числе «известные октябристы» Н. И. Гучков, К. Бахрушин, Н. В. Щенков, профессор М. К. Любавский и др. Доклад Гучкова был главным образом посвящен настоящему политическому положению в связи с убийством Распутина. По поводу этого положения Гучков «высказался в самом мрачном духе», но «намекнул... на возможность неожиданного выхода из тупика в ближайшие дни (т. е. намекал на дворцовый переворот. — *А. А.*)». Он рекомендовал всячески поддерживать «Прогрессивный блок», для чего обратиться к председателю бюро блока Шидловскому и председателю думской фракции октябристов Н. В. Савичу с «особыми письмами».

По мнению полицейского ведомства, «сокровенной целью предпринятых А. И. Гучковым и его группой выступлений является желание оживить деятельность „Союза 17 октября", дабы не уступить полного первенства в политической борьбе текущего момента партии кадетов, привлекающей теперь к себе главнейшее внимание». В конце указывалось, что «в тех же видах оживления и подъема деятельности октябристов» Гучков предложил, а ЦК одобрил его мысль о том, чтобы в провинции в ближайшее время устроить «октябристские собрания по той же программе» [16]. Были ли проведены такие собрания, неизвестно, скорее всего нет, но из цитированного документа видно, что «оживлять» свой «Союз» Гучков решил совсем незадолго до революции, а до этого никаких подобных попыток не предпринимал. По-видимому, это было первое заседание ЦК октябристов начиная с 1915 г.

Какова была партия октябристов, таковы были и ее вожди. Соответствие здесь было полное. Пытаясь как-то сгладить впечатление у широкой публики от раскола фракции, Центральный комитет октябристов в своем отчете одной из его причин назвал самолюбие ряда членов фракции, обусловленное в первую очередь тем, что многие из них были крупные незаурядные личности. «Мелкие различия политических взглядов», объяснял автор отчета (вероятнее всего, это был тот же Линдеман), вызваны еще и тем, что «большинство членов фракции — суть крупные местные общественные деятели», и это придает «некоторую (собственную. — *А. А.*) окраску их взглядам» [17]. На самом же деле характерным для октябристов была как раз бедность даже не талантами, а сколько-нибудь значительными людьми.

Доказательством этому служит сам Линдеман. Из его писем видно, что он был очень ограниченной и недалекой личностью, к тому же весьма правым, если не сказать реакционным, по своим взглядам [18].

Самой крупной фигурой у октябристов был, несомненно, А. И. Гучков. Он был политиком и оратором, но политиком низкого, «купецкого» пошиба.

Всяким программным соглашениям он предпочитал тайную или явную сделку, т. е. был не столько политиком, сколько политиканом. На такой основе, в частности, базировались отношения октябристов с П. А. Столыпиным, которые сам Гучков, как уже отмечалось выше, называл «молчаливым договором», т. е. закулисной сделкой, согласно которой октябристская фракция становилась личной партией Столыпина в обмен на туманные обещания «реформ» после наступления «успокоения».

Таким же путем Гучков сохранял «единство» своей разношерстной братии в III Думе. Каждый раз очередную угрозу раскола он предотвращал одним и тем же путем: капитуляцией перед правым большинством (которое он сам характеризовал как «сволочь») за счет «левых» октябристов, хотя в интервью, речах и т. д. он неизменно демонстрировал себя как деятеля «лево»-октябристской ориентации.

В годы войны Гучков потерял к своей партии всякий интерес, вспомнив о ней, как мы видели, лишь за несколько недель до Февральской революции 1917 г. Его главным полем деятельности стал Центральный военно-промышленный комитет, который он, будучи его председателем, вместе с А. И. Коноваловым (товарищем председателя) намеревался сделать влиятельной политической силой в стане либеральной оппозиции, но особых успехов не добился. В сентябре 1915 г. Гучков был избран членом Государственного совета от торговли.

Летом 1915 г., в связи с военными поражениями, у петроградских кадетов — Милюкова, Шингарева и др. — возникла идея внести в Думу законопроект об учреждении нового министерства (или главного управления) снабжения армии. . . во главе с Гучковым. Пикантность этой идеи состояла в том, что Гучков считался — и он сам это неоднократно подчеркивал — одним из самых непримиримых ненавистников кадетов. Соображения Милюкова и К°, остановивших свой выбор на столь, казалось, странной для них кандидатуре, лежали на поверхности. Гучков давно специализировался на военных вопросах (в III Думе, до того как стать председателем Думы, он был председателем комиссии по государственной обороне), имел большие связи в военных кругах. В то же время он, несмотря на провал во время выборов в IV Думу, продолжал оставаться в общественном мнении представителем торгово-промышленных кругов, прежде всего московских, а новому министерству, будь оно учреждено, пришлось бы иметь дело прежде всего именно с промышленниками.

Но так как кадеты-москвичи все-таки лучше знали своего земляка, чем деятели кадетского ПОЦК, вопрос о кандидатуре Гучкова на проектируемый министерский пост стал предметом специального обсуждения на «частном совещании» членов Московского городского комитета кадетской партии 24 июля 1915 г. Вероятнее всего, указание или просьба об этом обсуждении последовали со стороны ПОЦК. Это обсуждение представляет большой интерес, так как вносит весьма существенные коррективы в то довольно ходульное и во многом неверное представление о Гучкове, которое уже с прочностью предрассудка вошло в нашу историческую литературу.

Открывая прения, кн. Д. И. Шаховской заявил, что поскольку Гучков «является представителем милитаризации промышленности», то «в петроградских кадетских кругах есть склонность поддержать его кандидатуру в министры на случай образования особого ведомства снаряжения армии». Лично «относясь отрицательно к этой кандидатуре», он, Шаховской, должен перечислить те «плюсы», которые выдвигаются в пользу кандидатуры Гучкова, а именно — в Думе приобрел «достаточный круг знаний и опыта

в военной области», энергичен, «популярен в армии и пользуется именем человека одновременно решительного и достаточно тактичного».

В ответ на это Л. Е. Эльяшев, «знающий А. И. Гучкова около 20 лет, вспоминает жалобы на его неделовитость, давно слышанные от его отца. Крайне неумелое ведение фабричного предприятия, полученного по наследству в цветущем состоянии и закончившееся убыточной его продажей в другие руки, доказывает правильность отцовской оценки. Человека с такой деловой репутацией следует признать совершенно негодным в качестве руководителя военной промышленности в столь ответственное время... Наконец, А. И. Гучков живет синекурами. То обстоятельство, что он состоит в многочисленных правлениях и везде получает жалованье, ничего не делая, накладывает на него отпечаток, делающий его кандидатуру неприемлемой для кадетов».

И. М. Чупров поделился своими впечатлениями от встреч с Гучковым в ранние годы его деятельности. Тогда бросалась в глаза «неустойчивость его взглядов». Отзывы окружающих были хорошие, но одновременно подчеркивалось «его мелкое самолюбие, тщеславие и отсутствие твердости в убеждениях». Однако надо признать, что «в широких кругах русского общества Гучков несомненно пользуется доверием». Что касается Гучкова-политика, то «в его свойствах как политического вожака оратор сомневается, указывая на то, что он свою партию растерял и привел к ничтожеству, не сумев использовать блестящих шансов, которые ей когда-то представляла политическая конъюнктура».

Вслед за Эльяшевым на отсутствие у Гучкова «деловитости» и «постоянной погони за эффектами» указал А. А. Губарев. К этому он прибавил, что Гучков популярен в тех предпринимательских кругах, которые отличаются «примитивными политическими взглядами», что «не служит достаточно» рекомендацией для выдвижения его на проектируемый пост. По всем этим соображениям Губарев «решительно» высказался против кандидатуры Гучкова.

Ф. Ф. Кокошкин также засвидетельствовал, что в Московской городской управе Гучков «способностями не блистал». Способности его «не деловые, а политические». Но и в политике Гучков будет «срываться и нервничать».

Следующий оратор, д-р Членов, указав, что во главе проектируемого министерства «нужен человек, отличающийся широким организаторским талантом и стойкий... который при этом не способен был бы подпасть соблазну использовать свое положение для побочных целей», делал вывод, что «ни с одной из этих точек зрения Гучков требованиям не удовлетворяет».

Только один В. К. Олендзкий заявил, что Гучков в случае назначения его министром, вне всякого сомнения, «промышленникам импонировал бы». Однако на это Эльяшев возразил, что «московские промышленники в общем относятся к А. И. Гучкову с улыбкой. Если у него и есть связи с металлургией, то именно эти связи и представляются опасными, так как он человек без средств и у него не будет нужной независимости».

Итог обсуждению подвел Шаховской, резюме которого сводилось к тому, что «кандидатура А. И. Гучкова на предполагаемый пост министра по снаряжению армии симпатии в Московском городском комитете не встретила» [19].

Из этого чрезвычайно любопытного обсуждения прежде всего следует, что Гучков, хотя и был действительно представителем и выразителем интересов

буржуазии (прежде всего московской), но представителем неавторитетным как в политическом, так и особенно в деловом отношении, даже несколько презираемым. Московская буржуазия, притом, как указывалось, наиболее примитивная ее часть, ориентировалась на Гучкова за неимением в своей среде лучшего кандидата, исходя из ситуации, выражаемой в поговорке, что на безрыбье и рак рыба. Считать приведенные оценки необъективными на том основании, что они сделаны людьми, считавшими себя идейными противниками Гучкова и, судя по всему, не симпатизировавшими ему лично, в данном случае было бы неправильно. Эти оценки были даны в узкой интимной среде, главное здесь состояло в том, что участники заседания были *политически заинтересованы* в том, чтобы Гучков подошел на проектировавшийся пост, *хотели этого*, исходя из общего политического курса кадетской партии и зная, что этого хотело ПОЦК во главе с Милюковым и Шингаревым. Констатируя неприемлемость Гучкова, московские кадеты делали это с сожалением и с удовольствием высказали бы положительное суждение, если бы лидер октябристов хотя бы минимально, с их точки зрения, годился в министры военного снабжения. Из обсуждения также видно, что утвердившаяся в нашей литературе версия, что Гучков был крупным капиталистом, богатым человеком, является совершенно несостоятельной [20].

В этом свете выглядит весьма наивным представление некоторых историков о том, что если тот или иной представитель делового мира входит в качестве члена в правления нескольких банков, страховых компаний и т. п., то это всегда означает, что он принадлежит к числу финансовых и торгово-промышленных воротил, капитанов капитализма. Пример Гучкова является достаточно красноречивым опровержением такого упрощенного подхода. В данном случае подлинные капитаны просто напросто подкармливали своего не очень уважаемого, но тем не менее могущего оказаться полезным политического слугу, чтобы дать ему возможность выглядеть достаточно респектабельно [21].

Другим признанным лидером октябристов был М. В. Родзянко, в отличие от Гучкова, действительно очень богатый домовладелец и землевладелец. Его реальное влияние в стане октябристов, прежде всего в думской фракции, было намного большим, чем у Гучкова, так как он выражал настроения большей, правой части фракции, оформившейся после раскола во фракцию земцев-октябристов. Начиная с марта 1911 г. и по февраль 1917 г. Родзянко был бессменным председателем III и IV Дум. Намного превосходя Гучкова в богатстве, он по уму и прочим талантам сильно уступал ему. Никакими политическими и организаторскими способностями Родзянко не обладал. От своих соратников он прежде всего отличался могучим телосложением и громовым басом. Один из чиновников канцелярии Думы, некий Алексеев, непосредственно наблюдавший Родзянко на его председательском посту день за днем, отзывался о нем с крайним пренебрежением. «Я с трепетом читаю в газетах, — писал он в одном из своих писем от 23 июня 1914 г., — что к Родзянко хотят обратиться с просьбой стать во главе комитета по оказанию помощи семьям раненых. Я прихожу в ужас от одной мысли от возможности того, чтобы Родзянко поставили во главе какой-либо организации. Он безусловно неспособен работать, лишен какого бы то ни было организаторского таланта, преисполнен глупого чванства» [22]. В письме, написанном два дня спустя, Алексеев характеризовал своего шефа еще более резко. «Родзянко способен только на пустые разговоры... Прямо порой краснеешь, слушая его измышления... Если только среди военачальников есть похожие на Родзянко, то наше поражение обеспечено... Нельзя

запомнить всех глупостей и пошлостей, которые Родзянко отпускает, и единственное ему оправдание, что не ведает, что́ творит» [23].

В этой оценке нет никакого преувеличения. Можно привести еще свидетельства людей, хорошо знавших и наблюдавших Родзянко на протяжении ряда лет, которые также говорят о его недалекости и чванстве.

Что касается лидера «левых» октябристов С. И. Шидловского, то он был вполне разумным и уравновешенным человеком, но никакими сколько-нибудь значительными политическими способностями не обладал.

Октябристы в годы войны действительно, как выразился один из московских кадетов, были «приведены к ничтожеству», причем к такому, что они не смогли возродиться даже после Февральской революции, т. е. тогда, когда власть *перешла к буржуазии*. Это означало, что в годы войны «Союз 17 октября» фактически перестал существовать.

2. ПРОГРЕССИСТЫ

Прогрессисты занимали срединное положение между октябристами и кадетами. Они вели свое начало от партии «мирного обновления», образовавшейся в 1906 г. и оказавшейся нежизнеспособной. В III Думе (1907—1912) прогрессисты оформились в отдельную фракцию, которая так и называлась — «фракция прогрессистов». Возглавил ее И. Н. Ефремов, депутат от Области войска Донского, богатейший землевладелец. Одним из руководителей фракции был также саратовский депутат Н. Н. Львов, в прошлом кадет. Никакой партии за думскими прогрессистами не стояло, а сама фракция была весьма аморфным образованием как по своему составу, так и по организации. «Партию прогрессистов в Думе, — писал С. И. Шидловский, — называли пристанодержательницей, потому что в ней было всякого жита по лопате, и было все, что хотите, кроме определенной физиономии». В ее составе было даже «несколько лиц определенно правых убеждений», а в общем там были «самые разнообразные элементы, неизвестно чем связанные» [24]. К этой совершенно точной характеристике надо добавить, что фракция предоставляла своим членам свободу голосования, т. е. никакой обязательной фракционной дисциплины не было, а единственным условием, требовавшимся от члена фракции в программном плане, была так называемая «общая прогрессивность».

Подобное положение не только не тяготило фракцию и ее лидеров, но, наоборот, было основой ее тактического и политического курса: беспартийность и широкая терпимость считались главным средством усиления их роли и увеличения численности в Думе и за ее пределами.

Расчет строился на том, что, по сути дела, кружковой характер думского прогрессистского объединения облегчит вовлечение в него родственных элементов, которых почему-либо не устраивало дальнейшее пребывание в других фракциях Думы. В определенной степени он оправдался. С 1908 по 1912 г., отмечал В. И. Ленин, фракция прогрессистов увеличилась на 11 человек, с 25-ти до 36-ти. В начале работы IV Думы их уже было 48, т. е. по сравнению с начальным периодом III Думы рост составил 92 %, и он был тем более заметен, что происходил на фоне непрерывного падения численности октябристской фракции, уменьшившейся со 148 человек в 1908 г. до 120 — в конце легислатуры III Думы и до 98 — в начале работы IV Думы.

Таким образом, делал В. И. Ленин вывод, «*самое характерное*» в русском либерализме, что имело место за период с 1908 по 1912 г. — это «громадный рост прогрессизма» [25].

Несмотря на быстрый рост в конечном итоге курс прогрессистов на «всеядность» не только не приближал, но, наоборот, отдалял перспективу образования прогрессистской *партии*, куда бы вошли, помимо самих прогрессистов, которых было очень мало, еще и «левые» октябристы, и правые кадеты, на что и был весь расчет. То, что до определенного предела и в известных условиях даже способствовало увеличению фракции, никоим образом не подходило для партии, требующей минимума организованности и единства, которые принципиально отвергались прогрессистскими «пристанодержателями». Вот почему «левым» октябристам после раскола октябристской фракции и в голову не пришла возможность объединения с прогрессистами. По той же причине не стремились слиться с прогрессистами и правые кадеты, в том числе и видные члены ЦК, очень сочувствовавшие и помогавшие прогрессистам, особенно во время выборов в IV Думу.

В силу этого возник прогрессизм, поставивший своей целью создать партию «настоящей» русской буржуазии, свободную от засилья помещичьих элементов, как это было у октябристов, и «доктринерской», «беспочвенной» интеллигенции, хозяйничавшей в кадетской партии. «Это будет партия „настоящей" капиталистической буржуазии, какую мы видим и в Германии, — писал по этому поводу В. И. Ленин. — Чисто интеллигентские, мало-„почвенные" либеральные элементы остаются у кадетов. Национал-либералы получают себе таких идеологов, как Струве, Маклаков, Протопопов, Ковалевский и другие, давным-давно стоящих уже одной ногой в реакционном лагере. К ним же безусловно примкнут и умереннейшие „шиповские" земско-помещичьи элементы, тоже стоящие за узкоцензовую конституцию — „конституцию" для богатых» [26].

Именно о такой партии долгие годы мечтали «веховцы» с П. Б. Струве во главе — партии откровенно контрреволюционного либерализма, непосредственным социальным базисом которой была бы буржуазия, а не помещичье-буржуазная интеллигенция.

Но, как это ни парадоксально выглядит на первый взгляд, главным препятствием на пути создания такой партии была ... буржуазия. Несмотря на то что революция 1905—1907 гг. заставила купцов и промышленников в той или иной мере приобщиться к политике, способствовала их политическому самосознанию, в массе своей российские Кит Китычи чуждались политики и не желали консолидироваться в политически организованную силу, предпочитая *партийной* организации сословно-корпоративные — всевозможные советы съездов, биржевые комитеты и т. п., где «чистую» политику, т. е. политику, не связанную непосредственно с финансово-экономическими, торговыми и другими проблемами, не только не жаловали, но просто изгоняли. Политика, направленная на решение основных задач, стоявших перед страной, их не интересовала. Они предоставляли заниматься ею «беспочвенным» интеллигентам.

Показательно, что такими «беспочвенными» политиками русская буржуазия считала не только кадетов, но и октябристов. В результате возникла и утвердилась весьма своеобразная ситуация: партии, выражавшие наиболее широкие и ключевые интересы буржуазии как класса, — особенно это относится к кадетской партии, — буржуазия не желала признавать своими, счи-

тая таковыми только Совет съездов торговли и промышленности и аналогичные ему организации. Факт этот не был ни временным, ни случайным. Он коренился в слабости русской буржуазии, ее зависимости от казенных заказов и протекционистской политики царизма, в тесном переплетении ее экономических интересов с помещичьими. Экономическая отсталость порождала отсталость политическую, консерватизм верхов торгово-промышленной буржуазии, особенно петербургской, сугубо прагматический, «купецкий» подход к политике. Все это усугублялось крайней контрреволюционностью буржуазии, воспитанной десятилетиями привычкой полагаться не столько на реформы и «парламентаризм», сколько на карательный аппарат царизма, который, хотя и создавал известные неудобства для нее самой, но зато со всей энергией боролся с рабочим и революционным движением.

Именно поэтому все попытки буржуазных идеологов поднять свой класс до уровня общеклассовой партийной консолидации, все их призывы покончить с азиатской практикой ходатайств в министерских передних, почувствовать себя законным преемником на политической сцене «благородного сословия» неизменно терпели неудачу.

В 1908—1909 гг. воспитание буржуазии в указанном общеклассовом духе проводила специально созданная для этого петербургская газета «Слово» во главе с М. М. Федоровым. Из номера в номер газета доказывала необходимость и выгодность для буржуазии стать организованным, политически независимым от царизма классом. «Буржуазия, переходя в оппозицию, — говорилось в одной из передовых, — может, пожалуй, проиграть только в одном смысле: временно утратить „покровительство", возможность легко добиваться подачек в своих ходатайствах по так называемым классовым (в смысле групповым. — *А. А.*) и личным интересам; известная часть буржуазии и сейчас не прочь держаться старой политики выпрашивания и выжидания приема и благ в приемных у властей предержащих всех рангов. Но времена все-таки существенно изменились, и сознание, что на таких подачках уже далеко не уедешь, что производительные силы страны могут крепнуть и развиваться только при полной самостоятельности их творческого применения, при обеспечивающих творческую работу страны условиях правового строя, делает успехи» [27].

Однако «успехи» в самосознании буржуазии автор передовой явно переоценивал, ибо все подобные призывы остались гласом вопиющего в пустыне, и газету пришлось за полной неэффективностью закрыть. «Самая тяжелая сторона нашей деятельности, — признал Федоров в прощальном номере, — и заключалась именно в сознании, что мы не встречаем в общественных (*читай:* буржуазных. — *А. А.*) кругах той широкой поддержки, которая бы позволила изданию стать на свои ноги» [28].

По той же причине прекратил свое существование в 1910 г. другой орган — «Московский еженедельник», возглавлявшийся князем Евгением Трубецким, задавшийся аналогичной целью воспитания буржуазии.

Было бы, однако, неверным на основании сказанного делать вывод о том, что аполитизм буржуазии в третьеиюньский период ничем не отличался от ее политической безучастности в дореволюционное время. Революция 1905—1907 гг. несомненно сильно способствовала росту ее политического самосознания. Доказательством этому служит сам факт образования помещичье-буржуазных партий, их деятельность в Думе, рост либеральной прессы и т. д. Да и сами профессиональные организации буржуазии стали все же больше уделять внимания общеполитическим вопросам. Аполитизм

существовал в том смысле, что буржуазия отставала от самой себя как мощной экономической силы, отставала от своих идеологов.

Подтверждением этого факта является и судьба московского прогрессизма. Задавшись целью подняться над узкосословными интересами, возвысить буржуазию до общеклассовых позиций, он в конечном итоге потерпел неудачу. Его основная особенность состояла в том, что за создание партии «настоящей» буржуазии взялась сама буржуазия, вернее, известная ее часть в лице группы московских промышленников во главе с П. П. Рябушинским, А. И. Коноваловым, С. И. Четвериковым и некоторыми другими. Это было принципиально новым явлением в жизни буржуазии, ибо раньше, как указывалось, подобной деятельностью занимались только «идеологи». Указанная группа получила в литературе название «молодой» буржуазии, в отличие от «старой» октябристской, во главе с такими фигурами, как братья Александр и Николай Гучковы, Г. А. Крестовников и др. Появление «молодых», равно как и направление их деятельности, было отрицательной реакцией части московской буржуазии на октябризм. Тем не менее «молодые» вовсе не отмежевались от собственно интеллигентских идеологов типа того же Федорова, кн. Е. Н. Трубецкого, Струве. Наоборот, они вступили с ними в тесный контакт, в том числе и с некоторыми видными московскими кадетами — Н. М. Кишкиным, С. А. Котляревским, П. И. Новгородцевым и др. На известных «чаепитиях» у Рябушинского и Коновалова они совместно стали вырабатывать доктрину национал-либерализма, программу и тактику будущей партии «настоящей» буржуазии. Органом московского прогрессизма стала московская газета «Утро России», занявшая резко критическую позицию по отношению к октябристам и их газете «Голос Москвы».

Основная идея «молодых» состояла в том, что купец должен занять место дворянина. В сентябре 1912 г., на праздновании 100-летнего юбилея Коноваловской фирмы, П. П. Рябушинский с вызовом заявил: «Нам, купцам, не место в рядах дворянства. Сама судьба сулит торговому классу первенствующую роль». «Русскому купечеству, — снова повторил он в конце речи, — пора занять место первенствующего сословия, пора с гордостью носить звание русского купца». В том же духе говорил и Коновалов [29].

В 1911 г., в связи с подготовкой к выборам в IV Думу, начался процесс сближения московского прогрессизма с петербургским. Летом этого года по инициативе некоторых бывших мирнообновленцев и думских депутатов-прогрессистов на ряде совещаний стал обсуждаться вопрос о создании внедумской группы прогрессистов с целью объединения всех родственных элементов. В результате было образовано бюро группы прогрессистов, а в декабре — прогрессистские избирательные комитеты в столицах. В апреле—мае 1912 г. прошел новый цикл «прогрессистских» совещаний в Москве и Петербурге.

На собрании 12 мая в Петербурге, обсуждавшем «общие основания» избирательной платформы и программы прогрессистской фракции в будущей IV Думе, была принята резолюция, провозгласившая в первом же пункте «*внепартийность* и отсутствие *партийной* программы и *партийной* дисциплины» в качестве исходного принципа. Второй пункт ориентировал «направление деятельности» прогрессистов «не на *разрушение* существующих уже, а на *соглашение* всех партий и групп к предстоящим выборам». В третьем пункте указывалось, что деятельность столичных избирательных комитетов «должна быть обращена» на образование местных комитетов и на «сношение» с прогрессивными органами печати, составление докладов и брошюр.

, наконец, последний, четвертый пункт провозглашал, что избирательная платформа «может быть утверждена только общим съездом» [30].

Из резолюции видно, что курс на беспартийность по-прежнему оставался альфой и омегой прогрессистского символа веры. Иначе говоря, на собрании полностью восторжествовала точка зрения петербургских, точнее, думских прогрессистов.

Следующим этапом в процессе консолидации прогрессистов был съезд, предусмотренный 4-м пунктом резолюции. Но собрался он не во время избирательной кампании, как было задумано, а уже после выборов в Думу, за несколько дней до ее открытия (15 ноября 1912 г.). На съезде в форме резолюций, без каких-либо разногласий, были приняты два документа. Первый, под названием «Руководящие начала деятельности прогрессистов», определял тактику прогрессистской фракции в Думе. Основное содержание резолюции сводилось к требованию, чтобы деятельность фракции исходила из «начал строгой законности». Второй, состоявший из 12-ти пунктов, перечислял программные требования прогрессистов. «Основные положения прогрессистов», как была озаглавлена резолюция, провозглашали «решительную и стойкую борьбу» за «водворение правового строя в жизнь страны», выработку нового избирательного закона в Думу и «расширение» ее прав, реформу Государственного совета, свободу слова, собраний, печати, союзов и т. п. «Для полного и действительного осуществления всех вышеуказанных начал, — заключала резолюция, — необходимо утверждение конституционно-монархического строя с политической ответственностью министров перед народным представительством» [31].

Оценивая итоги прогрессистского съезда, В. И. Ленин писал: «Они *не* хотят полного и безраздельного господства помещиков и бюрократов. Они добиваются — и говорят это прямо — умеренной узкоцензовой конституции с двухпалатной системой, с антидемократическим избирательным правом. Они хотят „сильной власти", ведущей „патриотическую" политику завоевания огнем и мечом новых рынков для „отечественной промышленности". Они хотят, чтобы бюрократы с ними считались столько же, сколько с Пуришкевичами. И тогда они готовы забыть „старые счеты" с реакционерами и работать рука об руку с ними над созданием „великой" капиталистической России» [32].

Особенно важны организационные итоги съезда — вопрос о том, как прогрессисты решили проблему *партийного* объединения, или, говоря иначе, чья точка зрения здесь победила — петербуржцев или москвичей? В свое время автор считал, что ноябрьский съезд прогрессистов «провозгласил образование прогрессистской партии» и избрал ее центральный комитет с Петербургским и Московским отделениями [33]. Такого же мнения придерживаются и исследователи прогрессизма В. Я. Лаверычев [34] и В. А. Селецкий [35]. Хотя они и оговариваются при этом, что процесс не был завершен, но на основной вопрос — была ли создана *партия*? — отвечают утвердительно.

Однако более внимательный анализ итогов ноябрьского съезда заставляет отказаться от этого вывода. В действительности *партия* не была создана. Начать с того, что само название отчетной брошюры — «Съезд прогрессистов» — умышленно затемняет вопрос, о каком съезде идет речь — просто ли о собрании политических единомышленников или об *учредительном* собрании, призванном создать *организацию*. В повестке вопрос о партии вообще не значился. Только в связи с обсуждением «основных положений», т. е. *программного* документа, совершенно неожиданно некий кн. Мике-

ладзе, «поддержанный частью членов съезда, предложил рассмотреть вопрос о расширении деятельности организации прогрессистов и о замене названия „группа" названием „партия"... Ввиду того, — говорилось далее, — что поднятый вопрос уже был предусмотрен комитетом и внесен (?) в один из пунктов порядка дня следующего заседания, обсуждение его было отложено» [36].

Но на последующих двух заседаниях о создании партии не было сказано ни слова. Правда, была принята резолюция «об организации на местах», но и она не дает оснований считать, что ноябрьский съезд создал партию. Резолюция носит компромиссный и намеренно двусмысленный характер, указывающий на то, что партия не была создана. «Съезд признает необходимым, — говорилось в ней, — немедленно приступить к организации прогрессистов на местах [в стране] на следующих началах». Этих «начал» было четыре: 1) основой объединения прогрессистов должны служить принятые съездом «основные положения»; 2) Московский и Петербургский «внепартийные комитеты прогрессивных избирателей» переименовываются в «Центральный комитет прогрессистов», с двумя отделами, на которых возлагается «организация местных комитетов и сети корреспондентов» в районе своей деятельности; 3) Центральный комитет принимает меры к скорейшей организации районных комитетов в Харькове, Тифлисе, Киеве, Казани, Саратове и других провинциальных центрах; 4) он же должен выработать «подробности организации ... а затем созвать делегатский (по-видимому, в смысле учредительный. — *А. А.*) съезд прогрессистов» [37]. Из резолюции видно: слова «партия» авторы документа тщательно и намеренно избегают, вопрос об образовании партии откладывается, по крайней мере, до созыва делегатского съезда.

Этого вывода не колеблет и краткая резолюция о «легализации прогрессистов». Съезд, говорилось в ней, признал «желательным легализацию *организации* прогрессистов до созыва делегатского съезда» [38]. К сказанному надо добавить, что никаких районных комитетов создано не было, а делегатский съезд никогда созван не был. Что же касается Центрального комитета с его двумя отделами, то он не оставил после себя ни одного документа [39].

Показательно, что В. И. Ленин в цитированной выше статье ставил вопрос о создании партии прогрессистов в связи с их съездом в условной форме. «Быть может, — писал он, — национал-либеральная партия сейчас окончательно и не сложится, еще и газета их (речь идет о «Русской молве». — *А. А.*) погибнет, как года 3 назад погибла газета „Слово", ставившая себе в общем те же цели... Но открытое выступление национал-либеральной буржуазии означает, во всяком случае, значительное созревание классовых противоречий в России» [40].

Оценивая ноябрьский съезд, «Новое время» прежде всего подчеркнуло активное вторжение в прогрессистское движение буржуазии. «Уже самым присутствием своим в рядах прогрессистов энергичные первогильдейские политики значительно изменили общий вид партии, — писал некий Незнамов в статье, озаглавленной „Эхо дня". — Патриции тятеньких капиталов, получившие образование в Оксфорде и высшее просвещение на нижегородской ярмарке, народ отменно шустрый и бойкий, знающий цену копейке и понимающий силу рубля. С наплывом этого шумного народа прогрессисты сразу перестают быть партией мечтающих о севрюжине земских деятелей и партией беспредметно-прогрессивных интеллигентов и становятся в неко-

тором роде главным штабом деятельной и воинственной, так называемой „прогрессивной буржуазии“» [41].

Но нововременский публицист явно, и притом намеренно, преувеличил роль «молодых» и перспективу придания якобы нового организационно-политического облика до того вялому и инфантильному прогрессизму. Кадетский официоз оценил эти итоги более правильно. Прогрессистский съезд, отмечала «Речь», сделался учредительным, «по-видимому, неожиданно для некоторых руководителей ... если не „партии“ (прогрессисты все еще боятся этого слова), то „организации“. Доклад Ефремова при всей решительности (оппозиционных) слов содержал много неопределенного. Переворот сделан Рябушинским, Коноваловым, Барышниковым. Прежние вожди прогрессизма: Н. Н. Львов, М. М. Ковалевский, В. Д. Кузьмин-Караваев по-прежнему считают себя „анархистами“ — противниками партии, но поскольку они более „мягкие“, чем первые, то уступили. Но еще неизвестно, выведет ли эта уступка „группу“ из состояния дальнейшей бесформенности... Серьезное затруднение ... будет в том, как согласовать землевладельческие элементы *будущей партии* с торгово-промышленными элементами. Но этот вопрос может разрешить только жизнь» [42].

В чем же причина того, что учредительный съезд прогрессистов, несмотря на все давление «твердых» москвичей и уступчивость «мягких» петербуржцев, так и не смог учредить партию? Анализ показывает, что основная причина этой неудачи коренилась... в самой буржуазии, в ее политической отсталости и заскорузлости.

Начать с того, что «молодые» представляли собой явное меньшинство среди московской буржуазии, которая, несмотря на все разочарование в октябризме и его лидере Гучкове, продолжала по своему настроению оставаться октябристской. Еще более консервативно была настроена петербургская буржуазия.

В 1912 г. Совет съездов промышленности и торговли выпустил специальную книгу, в которой резко критиковалась деятельность III Думы в сфере социально-экономического законодательства, и прежде всего октябристов и кадетов, за их полное непонимание, с точки зрения промышленников, нужд и интересов «народного хозяйства», т. е. их собственных.

Из этого вывода следовал другой: промышленники и торговцы сами должны защищать свои интересы в Думе, никаким партиям доверять их нельзя. Поэтому буржуазия должна послать в Думу собственных представителей, решительно отвергая предложение «руки и сердца» не только со стороны кадетов, но и со стороны прогрессистов и октябристов. Результат, полученный III Думой, указывалось в той же книге, «требует самого серьезного внимания и самого живого участия со стороны торгово-промышленного класса в выборах в четвертую Думу» [43].

Еще более определенно эти мотивы развивал орган Совета съездов журнал «Промышленность и торговля». «Печать всевозможных политических оттенков, — говорилось в одной из статей, — стремится подвести наш призыв к торгово-промышленному классу об участии в выборах под определенные политические лозунги». Этот призыв напрасен. Торгово-промышленный класс должен сам принять «самое активное участие в предстоящих выборах (в IV Думу. — *А. А.*)». Именно такая рекомендация была дана Советом съездов очередному IV съезду промышленности и торговли. Торговцы и промышленники наотрез отказались стать социальной

базой какой бы то ни было партии русского либерализма, предпочитая всяким партийным образованиям свои «купецко»-патриархальные сословные организации. К этому следует добавить, что идея самостоятельного выступления на выборах потерпела полный провал, и не только потому, что в условиях углублявшегося революционного кризиса в стране она выглядела просто нелепо, но и из-за полного неумения буржуазии претворить эту идею в жизнь, поставить ее на практические рельсы. Призывы Совета съездов обернулись пустой болтовней. «Деловая» буржуазия в своих выборных претензиях оказалась совершенно неделовой.

Почти такими же беспомощными в организационном отношении показали себя и прогрессисты, причем особенно московские, т. е. «молодые». К тому же их было очень мало. В частности, для ноябрьского съезда не понадобилось даже снимать помещение: весь он без труда умещался в домах (или квартирах) Н. Д. Шубина-Поздеева, А. Н. Брянчанинова и А. А. Барышникова. У прогрессистского «генералитета» не было даже «офицеров», не говоря уже о «солдатах» — рядовых членах организации. С первых же шагов избирательной кампании в IV Думу обнаружилось, что прогрессисты совершенно не могут обойтись без помощи кадетов [44]. В дальнейшем, уже после выборов, они также не могли обойтись без кадетской помощи. Именно группа членов кадетского ЦК — П. Б. Струве, А. В. Тыркова, Д. Д. Протопопов и др. — создала и вела прогрессистскую газету. Сами прогрессисты могли только дать на ее издание деньги. «Либеральный миллионер, фабрикант Коновалов, — писал по этому поводу В. И. Ленин, — получил разрешение на основание общества „Русская молва" с капиталом *в полмиллиона рублей* и с целью совокуплять кадетов с октябристами в „прогрессистской" газете „Русская молва"» [45]. «Этот орган прогрессистов, — указывал В. И. Ленин в другом месте, — подбирает к себе все больше *официальных* членов к.-д. партии». Вслед за Струве «оказались там и Мансырев, и Маклаков, и Оболенский, и Гредескул, и Александров» [46].

Но и затея с «Русской молвой» оказалась мертворожденной, что еще раз свидетельствовало об организационно-политической слабости прогрессизма. Газета имела не более 400 подписчиков. Собранные на ее издание деньги вскоре были исчерпаны. Не просуществовав и года (с 9 декабря 1912 г. по 20 августа 1913 г.), «Русская молва» канула в Лету, разделив участь своей предшественницы — газеты «Слово».

Поскольку в годы войны организационное состояние прогрессистов не претерпело никаких изменений, можно было бы поставить точку, считая рассмотренный сюжет исчерпанным. Но при поисках ответа на совсем другой вопрос вдруг обнаружилось, что сюжет имел продолжение, приняв очень любопытную и своеобразную форму.

Указанный вопрос сводится к следующему: почему прогрессисты, *оставаясь по-прежнему* политическим течением, стоящим *правее кадетов*, в вопросе об ответственном министерстве заняли более левую позицию, чем их соседи слева? Насколько известно, этот странный феномен до сих пор не привлек ничьего внимания. Возможно, дело здесь в отсутствии прямых источников. Однако, как нам представляется, на основании имеющихся косвенных данных все же можно предложить ответ, и все дальнейшее изложение будет реализацией этой попытки.

В этой связи вызывает большой интерес довольно обширный документ, представляющий собой отчет о деятельности фракции прогрессистов с января

по сентябрь 1915 г. Судя по всему, Ефремов, Коновалов, П. П. Рябушинский и другие лидеры прогрессизма придавали ему большое значение.

Обращает на себя внимание прежде всего направленность документа: он целиком и полностью подчинен одной идее: критике кадетов и даже уже — критике Милюкова. Прогрессистский отчет не устает повторять одну и ту же мысль: на пути всех благих начинаний прогрессистов стояли не правые, не октябристы, а кадеты. Именно Милюков, и никто другой, оказался главным, если не единственным противником всех их инициатив. Эта мысль проводится так энергично и последовательно, что не может не обратить на себя внимание.

Когда, говорилось в отчете, в марте 1915 г. стали поступать сведения, что дело снабжения армии снарядами и ружьями не только не улучшается, но, наоборот, ухудшается, находившиеся в Петрограде члены фракции И. Н. Ефремов, А. С. Посников, Н. И. Павлинов, В. А. Ржевский и И. В. Титов, обсудив положение, пришли к выводу, что «необходимость контроля Государств[енной] думы над деятельностью правительства становится все очевиднее, решили начать среди членов Думы кампанию за скорейшее возобновление сессии». Однако эта идея встретила «вначале далеко не единодушное признание даже среди оппозиционных фракций». Так, например, Милюков и Маклаков склонялись к тому, что «длительная сессия Думы во время войны является несвоевременной и открытие ее в то время (март-апрель) нежелательно».

Вслед за этим шел подробный рассказ о том, как тот же Милюков на тех же неофициальных собраниях в Думе и помещении фракции прогрессистов упорно возражал против идеи прогрессистов «об установлении политической ответственности министерства», и это тогда, когда даже октябрист Клюжев «горячо призывал не упускать единственный момент добиться установления ответственности министерства и исполнить этим наш долг перед родиной», а в Думе «стало возможно сплоченное большинство»: с одной стороны гр. Вл. А. Бобринский утверждал: «среди нас нет больше партий», а с другой — Керенский говорил: «Мы теперь хотим забыть партийные раздоры, классовые счеты; мы все желаем сейчас, чтобы Россия не была побеждена».

Мысль о единстве всех флангов Думы и о прогрессистах как инициаторах и катализаторах этого единства проводится в отчете очень настойчиво. На продолжавшихся совещаниях у прогрессистов, подчеркивалось в нем, «принимали участие члены всех фракций без исключения... На этих совещаниях представитель националистов упрекал в оппортунизме и нерешительности оратора к.-д. и соглашался со взглядом трудовика Керенского».

Конфронтация между прогрессистами и кадетами, указывал отчет, шла буквально по всем пунктам. Так, прогрессисты считали, что с требованием созыва Думы надо обращаться непосредственно к царю, «кадеты же доказывали, что сперва надо обратиться к председателю Совета министров», и именно это мнение восторжествовало. Милюков и далее настаивал на том, чтобы «не форсировать событий» и ждать, «ничего не предпринимая».

Он же выступил в качестве главного противника проекта прогрессистов об Особом совещании при военном министре, который, судя по всему, они считали своей главной находкой, центральным пунктом их законодательной программы и тактики, переходной ступенью к «ответственному министерству». Прогрессисты предложили такую схему реорганизации Осо-

бого совещания, которая ставила его над правительством. «Практически такой орган, — говорилось в отчете, — мог стать ... над исполнительной властью, и министерства были бы лишь исполнителями его велений (в деле снабжения армии, движения по железным дорогам, мобилизации промышленности и продовольствования населения. — *А. А.*)».

Проект предусматривал также разработку законопроекта о наделенном распорядительной и исполнительной властью Комитете государственной обороны, в который, наряду с министрами, «на равных с ними правах» вошли бы члены законодательных палат, Земского и Городского союзов, военно-промышленных комитетов, представители рабочих. Высказанная в проекте «мысль ... о создании новой переходной власти взамен старой», выраженная в этом проекте, говорилось далее, «встречала общее сочувствие», указывалось, что это «своеобразный переход к общественному ответственному министерству». Показательно, что «эта мысль не пугала и правых участников совещания». Так, в частности, один «правый октябрист» предложил даже ввести в Совет министров такое число членов Думы на равных с министрами правах, чтобы они составляли большинство.

На третье собрание, где продолжал обсуждаться этот проект, явились Милюков и Шингарев. Они свели проект к нулю, предложив взамен свой — об учреждении трех новых министерств: снабжения армии, народного здравия и труда. «Убежденные Милюковым в радикализме схемы, намеченной на первых собраниях, — жаловались авторы отчета, — октябристы и правые приблизились к его точке зрения и отказались от распорядительных и исполнительных функций комитета (Милюков называл это „кастрировать" и „окультурить" проект прогрессистов. — *А. А.*)». В результате проект «потерял интерес для прогрессистов», а кадеты получили возможность внести в Думу свой законопроект о создании министерства снабжения армии. «Вместе с тем пал среди членов других фракций интерес к внепартийным собраниям (устраиваемым прогрессистами. — *А. А.*), и они прекратились сами собой».

Свою политику противодействия, говорилось далее в отчете, кадеты продолжали и во время сессии. Так, когда в первый день сессии (19 июля 1915 г.) прогрессисты познакомили со своей формулой перехода (требующей ответственного министерства) «представителей соседних фракций», то «левые» октябристы «выразили готовность ее поддержать», представитель земцев-октябристов гр. Э. П. Беннингсен «не возражал против нее и считал возможным склонить своих товарищей принять ее», и лишь Милюков «категорически отказался ее поддерживать, присоединившись к формуле, внесенной фракциями националистов и центра, говорившей лишь о министерстве доверия. Октябристам, — меланхолично заключали авторы отчета, — трудно было быть радикальнее к.-д., и Государственной думой была принята формула националистов».

Все дальнейшее содержание отчета представляло собой те же жалобы-обвинения в адрес кадетов по целому ряду вопросов (законопроект об Особом совещании, образование «Прогрессивного блока», посылка депутации к царю в связи с роспуском Думы и др.) [47].

Естественно, возникает вопрос, в чем тут дело? Напрашивающийся ответ состоит в том, что прогрессисты решили стать более радикальной партией, чем кадеты, не их правыми, как было, а их левыми соседями. Такие метаморфозы в истории бывали. Однако на этот раз ничего подобного не произошло, на чем решительно настаивали сами авторы отчета. Причиной

специального разъяснения послужил выход из фракции одного из ее лидеров, Н. Н. Львова, который как раз и объяснял свой уход тем, что фракция, взяв на вооружение лозунг «ответственного министерства», изменила своему политическому назначению, впав в неподобающий для нее радикализм.

При обсуждении основных положений речи Ефремова, с которой он должен был выступить на открытии сессии, указывалось в отчете, «с особой яркостью обнаружилось расхождение между фракцией и ее членом Н. Н. Львовым». Львов «горячо убеждал» фракцию, что лозунг «ответственного министерства» несостоятелен, что «задача фракции прогрессистов — быть связующим звеном между октябристами и кадетами и склонять их к принятию общих решений, что фракция ошибочно усваивает все более и более радикальную тактику, становясь левее кадетов. Но фракция единодушно не соглашалась с этими доводами, держалась как раз обратного мнения».

«Фракция, — говорилось далее, — считает, что ее назначение *не исчерпывается служебной ролью примирителя кадетов и октябристов, обязанного всегда иметь среднее между ними мнение:* она считает неоспоримым свое право и свою обязанность иметь свои определенные взгляды, совершенно независимые от того, в каком отношении они находятся ко взглядам других партий ... Фракция считает, что твердое отстаивание своих интересов *не есть радикализм*». Расхождение между Львовым и фракцией «оказалось настолько глубоким», — констатировалось далее в отчете, что Львов вышел из фракции и вступил во фракцию «левых» октябристов. Члены фракции «глубоко сожалели» об уходе «весьма любимого» товарища, «но, конечно, не могли поступиться своими *убеждениями* для удержания его в своей среде» [48].

Но из приведенного отрывка видно, что спор между Львовым и его оппонентами шел не об «убеждениях», а об отношении к кадетам. Первый считал необходимым держаться прежнего посреднического курса. Вторые настаивали, как это видно из всего тона документа, на резком изменении отношения к своим соседям слева, граничащим, если не с враждой, то с открытым вызовом, смысл которого точнее всего выражается словом «соперничество». С этой стороны конфликт фракции со Львовым надо рассматривать как явную победу над «мягкими» петербуржцами «твердых» москвичей, к которым примкнул и лидер фракции Ефремов.

Недоумевавшие вначале, какая муха укусила «смирнообновленцев» — всегда вялых и покладистых прогрессистов, — кадетские лидеры вскоре поняли, что речь идет именно о соперничестве. В докладе на VI съезде партии кадетов в феврале 1916 г. Милюков прямо заявил, что «некоторые», противопоставляя ответственное министерство «министерству доверия», «делают из него орудие борьбы против к.-д. Так поступает не только ... трудовик Керенский, но и прогрессисты, пытающиеся, по-видимому, улучшить свою репутацию за счет к.-д.». Поскольку «среднему обывателю ... далекому от партийных политических приемов, трудно разобраться во всем этом», то сложность термина «ответственное министерство», трудность его научного объяснения «облегчают пользование им как демагогическим приемом». «Требование ответственного министерства, — повторил он, — является либо дилетанством, либо демагогией». До этого, говоря об Особых совещаниях, которые прогрессисты также сделали орудием борьбы с кадетами, требуя выхода из них, на что кадеты ни за что не соглашались, Милюков заявил: «Политические *конкуренты* наши, строя *свою карьеру*

на этом вопросе», доказывают, что «будто бы совещания явились суррогатом Госуд[арственной] думы» [49].

Хорошо знавший природу и потенции прогрессистов председатель бюро «Прогрессивного блока» Шидловский выражал свое полное недоумение по поводу выхода прогрессистов из «Прогрессивного блока» в ноябре 1916 г., который они обосновывали все тем же требованием ответственного министерства. «Какое-то странное отношение к блоку, в который они входили, высказывали прогрессисты, — писал лидер „левых" октябристов. — Понять, в чем здесь было дело, я не могу до сих пор, но знаю, что все время они были чем-то недовольны, грозили выходом из блока, что перед революцией и исполнили». Положение их оказалось от этого «какое-то странное» — между блоком и «социалистами» (т. е. трудовиками и с.-д. меньшевиками. — *А. А.*), они «были ни в чем не осведомлены, бегая постоянно частным образом ко мне справляться, как блок относится к тому-то или тому-то. Мне кажется, что подобное поведение их может быть объяснено только чрезвычайной пестротой фракции и не особенно искусным ее руководством» [50].

Недоумение Шидловского, человека весьма осведомленного, не следует истолковывать таким образом, что он не понимал, против кого была направлена акция прогрессистов. Он, конечно, отлично знал, в чем тут дело. Недоумение касалось совсем другого вопроса: зачем они ее предприняли, будучи тем, чем они были на самом деле, т. е. весьма умеренными либералами, отнюдь не левее кадетов? Вот они и оказались в ложном положении: выйдя из блока, фактически продолжали идти вместе с ним, поскольку блок с думскими «социалистами» был их природе совершенно противопоказан. Намек на неискусность руководства фракции также свидетельствует о том, что Шидловский был полностью в курсе антикадетской интриги прогрессистов. Показательно, что кадеты придерживались точно такого же взгляда на подоплеку всего дела, будучи уверенными, что это дело рук нескольких лиц, прежде всего москвичей. Так оно в действительности и было.

В числе таких москвичей был В. А. Ржевский, избранный в IV Думу от Московской губернии по съезду землевладельцев. Он быстро занял место одного из лидеров фракции прогрессистов, выдвинувшей его сначала в товарищи, а затем в старшие товарищи секретаря Думы, что обеспечило ему место в президиуме Думы. В письме от 7 ноября 1916 г., т. е. спустя неделю после выхода прогрессистов из блока, Ржевский, не скрывая самодовольства, писал в Москву своей жене: «До сих пор наш выход из блока вызывает разговоры, кадеты бесятся и винят исключительно меня, видя в этом выходе результат моей интриги против Милюкова». В то же время он косвенно подтвердил, что суть «интриги» не в «ответственном министерстве» и что фактически прогрессисты остаются в блоке. На вопрос Шидловского, намерены ли прогрессисты дать своего кандидата в думский президиум, «я ответил: мы не считаем для себя возможным присоединиться к декларации блока и тем самым вышли из него; но мы ведь не заявляли блоку, что мы отказываемся от всех бывших между нами соглашений». Что дело было именно в соперничестве с кадетами, очень наглядно подтверждает концовка письма: «Большего торжества прогрессистов и поражения кадет, — ликовал автор, — трудно было ожидать» [51].

Спустя месяц, 3 декабря 1916 г., Ржевский писал тому же адресату: «Негодование кадет против меня до сих пор не проходит; они все продолжают

копаться в поисках виновника выхода прогрессистов из блока и все больше утверждаются в мнении, что это я» [52].

Но кадеты, конечно, без труда «докопались» и до других инициаторов выхода из блока, а не только до него одного, как похвалялся Ржевский. В частности, они считали таковым Коновалова, о чем хотя и косвенно, но достаточно ясно дает понять в своих воспоминаниях Милюков [53].

Что выход прогрессистов из «Прогрессивного блока» (равно как до этого и из Особого совещания) был делом рук буквально нескольких человек, использовавших пассивность и бесхребетность большинства своих софракционеров, подтверждается и свидетельствами, исходящими от самих прогрессистов. «Партия прогрессистов, — сообщал в письме от 5 ноября 1916 г. один из видных прогрессистов, их главный авторитет в области экономики и финансов проф. А. С. Посников, — сделала большую бестактность, и сделала ее довольно единодушно, потому что за меня, в течение двух дней говорившего против предложения о выходе из блока, голосовало всего лишь три или четыре человека. Созданная ошибка *сознана теперь всеми*, но дело непоправимо и положение партии весьма незавидное. Я бы охотно вышел из фракции, бесцветной всегда и способной действовать столь бестактно, как она действовала сейчас, но куда уйти. Оставаться беспартийным — значит оставаться недеятельным. На такую безучастную роль я не могу пойти, и потому пока не решаюсь уходить из партии прогрессистов, с которой, однако, сейчас я ничем не связан» [54].

Такое настроение во фракции было, по-видимому, господствующим. «Из блока прогрессисты вышли, — писал другой, рядовой прогрессист В. И. Колесников 2 ноября. — . . .Многие недовольны выходом, но что делать, партийная дисциплина обязывает подчиняться большинству» [55]. Тем не менее, помимо Львова, в знак протеста против выхода из блока вышли из фракции М. Ф. Калугин, И. Т. Евсеев, гр. А. А. Орлов-Давыдов [56].

Таким образом, из всего этого видно, что, когда Шидловский говорил о «пестроте» фракции, он прежде всего разумел под нею инертность ее большинства, неспособного оказать сопротивление нескольким своим энергичным сочленам, навязывавшим им решения, с которыми они внутренне были несогласны.

В свете изложенного неизбежно возникает вопрос: зачем понадобился прогрессистам этот вызов кадетам, демонстративная конкурентная борьба с ними? Ясно, что такого рода действия не могли быть самоцелью или предприняты для удовлетворения амбиций некоторых прогрессистских лидеров. Совершенно очевидно, что эта акция была не целью, а средством для достижения какой-то цели. Какой? Ответ на этот вопрос и будет решением загадки «левого» зигзага прогрессистов с «ответственным министерством» и симуляцией более левой, чем у кадетов, думской тактики.

Ответ, на наш взгляд, сводится к следующему: антимилюковский поход был избран «москвичами» в качестве *главного средства* создания своей партии. Потерпев неудачу с этой попыткой в довоенные годы, они задумали решить ее иным путем.

Дело в том, что реально указанная партия могла возникнуть на базе объединения с прогрессистами «левых» октябристов, с одной стороны, правой части кадетской партии — с другой. Это понимали как «мягкие» лидеры прогрессистов, вроде Львова, так и «твердые» — Коновалов и др. Здесь расхождений не было. Они начинались с проблемы, как содействовать этому процессу слияния. Первые считали, что под лежачий камень

вода не течет, и, согласно именно этому убеждению, сделали первую попытку в 1912 г. Если эту попытку рассматривать изолированно, как чисто внутреннее дело прогрессистов, то ее можно расценивать как полуудачу москвичей — какой-то организационный шаг вперед в деле создания партии был все же сделан. Но с точки зрения конечной задачи — объединения всех родственных элементов — это была полная неудача: как «левые» октябристы, так и правые кадеты не выразили ни малейшего желания идти на объединение с прогрессистами, а организационные решения ноябрьского съезда прогрессистов они, особенно кадеты, как уже отмечалось, восприняли весьма скептически. И московские «молодые» не могли этого не понимать. В связи с этим им стало совершенно ясно, что все их дальнейшие усилия по созданию партии прогрессистов обречены на неудачу до тех пор, пока не будет расколота кадетская партия. А единство этой партии, по их глубокому убеждению, и это соответствовало действительности, в значительной, если не в решающей степени, обеспечивалось Милюковым, его авторитетом в партии, умением вести ее за собой, способностью сохранить ее целостность, преодолевая противоречия и борьбу различных флангов. До войны, как показал опыт, никаких надежд на раскол кадетов у москвичей не было. Война, на их взгляд, изменила ситуацию и создала реальную возможность помочь недовольным элементам кадетской партии покончить с засильем Милюкова со всеми вытекающими отсюда последствиями. Причем, и это было новым моментом в тактике прогрессистов, расчет строился на недовольстве не только правых, но и левых кадетов.

Но война была не единственной надеждой москвичей, вторым их главным козырем была ... сама Москва. Связь между обоими факторами состояла в том, что война создала благоприятные условия, а Москва стала главным центром их реализации. Выше уже говорилось об активном участии московских кадетов в «экономических беседах» у Коновалова и Рябушинского и их активной поддержке прогрессистов во время избирательной кампании в IV Думу, вызвавшей даже неудовольствие Милюкова и Петроградского отделения кадетского ЦК. Здесь уместно добавить, что эта помощь в значительной степени объяснялась тем, что помогавшие были *москвичами*, и причина этого явления коренилась не в земляческой солидарности, а в исторической традиции, сложившейся под влиянием как политических, так и социально-экономических и в известной степени даже бытовых факторов.

Еще с допушкинских времен Москва заняла фрондирующую позицию по отношению к Петербургу. Эта фронда редко была серьезной, но всегда постоянной, и само значение ее было именно в этом постоянстве. Каждая социальная и профессиональная группа бывшей столицы считала своим долгом и хорошим тоном противостоять таковой же в столице настоящей. Московский университет соперничал с Петербургским, московское родовитое дворянство противопоставляло себя столичной знати, их земляки-чиновники выказывали недовольство петербургской бюрократией, наконец, московские купцы и заводчики находились в постоянном конфликте с заправилами столичного торгово-промышленного мира и т. д. Далеко не всегда эта специфическая оппозиция шла под либеральным и тем более под демократическим флагом. Наоборот, нередко она носила консервативный характер, а порой принимала даже карикатурные формы, где чудачество, фанфаронство и спесь играли едва ли не главную роль. Одним словом, Москва никак не могла забыть, что когда-то она была первопрестольной, чем-то

напоминая оппозицию двора вдовствующей императрицы Марии Федоровны Александровскому дворцу, резиденции Николая II.

Даже помещичье-буржуазные партии и организации не удержались от общего поветрия. Разделение Центральных комитетов прогрессистов и кадетов на Московское и Петербургское отделения (МОЦК и ПОЦК) было также проявлением соперничества между их московскими и столичными заправилами [57].

Из всего этого следует, что указанной оппозицией Москвы как определенным политическим фактором пренебрегать нельзя. Марксизм, как известно, расценивает традицию как исключительно важный и действенный фактор исторического процесса, и чем длительнее эта традиция, тем ее воздействие сильнее. Суть дела тут состоит часто в том, что с течением времени, под влиянием меняющихся обстоятельств, традицию начинают наследовать совсем другие силы, подчас полностью меняя ее прежние проявления. Так именно происходило и с Москвой. Наряду с дворянским консерватизмом появился и стал проявлять себя дворянский либерализм, его стал теснить демократизм разночинцев и т. д. Говоря иначе, первоначальный импульс — бывшая первопрестольная — стал вытесняться или соседствовать с куда более серьезными мотивами.

В частности, недовольство московских тузов своими столичными собратьями покоилось на весьма реальной экономической основе, суть которой сводилась к тому, что московская буржуазия была, если так можно выразиться, более национальной по сравнению с петербургской, находившейся в тесной связи, зачастую в форме личной унии, с высшим петербургским чиновничеством и в значительной мере зависевшей от иностранного капитала. Основной сферой деятельности москвичей была торговля и легкая промышленность, особенно текстильная, в то время как петербургские магнаты капитала занимали ведущие позиции в тяжелой промышленности и в банковском деле. Классическим примером недовольства московской буржуазии столичной является ее оппозиция Совету съездов промышленности и торговли — общероссийскому объединению русской буржуазии, где заправилами были именно петербуржцы [58].

Очень важной чертой оппозиционности московского торгово-промышленного мира, которая, возможно, является ключевой в понимании ее истинного характера и претензий, была его тесная связь с другими социальными группами Москвы — с интеллигенцией, дворянством и даже чиновничеством. Эта связь покоилась не только на общей «обиженности» Петербургом, но, что гораздо важнее, на особенностях развития самой московской буржуазии. Наглядное представление об этих особенностях дает книга воспоминаний П. А. Бурышкина, великолепного знатока среды, к которой он сам принадлежал.

Прежде всего он отмечал недолговечность московских купеческих фамилий. «Может быть, — писал он, — трудно найти объяснение тому обстоятельству, что среди московского купечества было очень мало фамилий, которые насчитывали бы более ста лет существования, но это факт. Редко в каком деле было три или четыре поколения. Или выходили из дела, или сходили на нет». Зато была сильна тяга к одворяниванию. «Для меня несомненно, — умозаключал автор, — что тяга в дворянство в сильной степени мешала „классовому" осознанию торгово-промышленной массы... „Облагороженный" элемент купечества был элементом непрочным и, пользуясь терминами Кокорева, можно сказать, что генеральские дети не хотели

оставаться у прилавка». В итоге «вся масса московского купечества не была ни классом с осознанной психологией, ни даже профессиональной группой единомыслящей и сплоченной» [59].

Процесс «облагораживания» влек за собой, естественно, альянс с либерально-буржуазной интеллигенцией, осуществлявшийся через городскую думу, всевозможные общества, театр, прессу, университет и другие высшие учебные заведения Москвы. Бурышкин особенно подчеркивает совместную деятельность московских тузов и интеллигентов в городской думе, которая, несомненно, выступала и как местный политический центр, а не только была средоточием забот о местных коммунальных делах. Причем, как подчеркивает Бурышкин, главную роль в думе играла именно интеллигенция. По своему составу, указывал он, большинство гласных думы состояло из представителей торгово-промышленной среды. Но, как ни странно, лидерство принадлежало интеллигентам. Прогрессивной группой гласных, составлявшей большинство, руководил комитет группы, который почти целиком состоял из лиц свободных профессий. Председателем его был Н. И. Астров, многолетний городской деятель. При этом комитет не ограничивал свою деятельность только думой, а стоял во главе «всей московской либеральной общественности». Членами комитета были также врач Н. М. Кишкин, присяжный поверенный Н. В. Тесленко, учитель гимназии А. Д. Алферов, два приват-доцента из купцов — С. В. Бахрушин и А. А. Титов, директор Взаимно-страхового общества П. А. Вишняков, из собственно промышленников — Л. Л. Катуар и сам П. А. Бурышкин [60]. Добавим к этому, что первые два были членами ЦК кадетской партии, причем Кишкин вместе с кн. П. Д. Долгоруковым возглавлял его Московское отделение (МОЦК). Алферов и Бахрушин также были кадетами. Бурышкин же принадлежал к «молодым», т. е. был прогрессистом, которым он также дает весьма точную оценку.

«Может быть, — писал он по этому поводу, имея в виду именно москвичей, — наиболее „торгово-промышленной" была „группа прогрессистов" четвертой Государственной думы; это объясняется, конечно, той первенствующей ролью, которую в ней играл А. И. Коновалов. За пределами Думы партии прогрессистов почти не было. Во всяком случае, та роль, которую эта группа сыграла в Государственной думе, в частности в деле создания „Прогрессивного блока", объяснялась прежде всего авторитетом ее лидеров. Тем не менее нужно сказать, — продолжает автор, — что в Москве была попытка подвести базу под думскую фракцию. Комитет прогрессивной группы установил контакт со своими петербургскими единомышленниками. В Москве в этом комитете участвовали: В. П. Рябушинский, С. С. Ермолов-Зверев — крупный оптовик мануфактурой из Тулы, присяжный поверенный Л. И. Лисицын и автор этой книги. В Петербурге были: А. А. Барышников, Шубин-Поздеев и А. Н. Брянчанинов» [61]. Таким образом, Бурышкин подтверждает все сказанное выше как о роли Коновалова и других «москвичей» в прогрессистской фракции Думы, так и о состоянии «партии», а точнее, как признает сам автор, группы прогрессистов.

Все сказанное о помещичье-буржуазно-интеллигентской Москве говорит также о том, что при определенных условиях вторая столица могла поднять свои амбиции до претензии на общенациональное лидерство в помещичье-буржуазной оппозиции режиму. Война создала эти условия, и именно в эти годы дотоле хвастливый клич как октябристского «Голоса Москвы»,

так и прогрессистского «Утра России» — Москва — сердце русской оппозиции — становится в значительной степени реальностью. Главным элементом этой реальности стали Всероссийский союз земств и Всероссийский союз городов.

В литературе, так или иначе затрагивающей эту тему, факту, что центром указанных союзов стала Москва, а не Петроград, как следовало бы ожидать, практически не придается значения. Создается впечатление, что союзы действовали полностью в унисон с кадетской партией и, более того, являлись как бы внепартийными филиалами последней. Между тем выбор Москвы уже сам по себе означал определенное противопоставление кадетской партии, вернее, ее *петроградскому* руководству, специальное подчеркивание не только независимости, но даже известной отчужденности от него.

В докладе на VI съезде кадетской партии Милюков признал, что «образование союзов, земского и городского, не есть актив партии к.-д. или Центр[ального] комитета. Само общество сделало эти союзы, к.-д. лишь вступили с ними в контакт. *Наши противники, однако, выдвигают параллелизм наших действий и действий москвичей*». В заключительном слове, отвечая Н. В. Некрасову, левому кадету и одному из руководителей Всероссийского городского союза, упрекавшего свой ЦК в том, что он приписал себе заслугу образования союзов, Милюков сослался на свой доклад, «в котором именно было отмечено, что партия не может приписать себе заслуги образования союзов» [62].

Аудитория, к которой обращался Милюков, отлично понимала, какой «параллелизм» и каких «противников» кадетов имел в виду кадетский лидер. Речь шла о том, что руководство обоих союзов, *будучи на деле более правым*, чем кадеты, присоединилось к лозунгу *прогрессистов* об ответственном министерстве, хотя до 1916 г. поддерживало требование «министерства доверия» и целиком шло в фарватере кадетской политики и «Прогрессивного блока», т. е. сблокировалось с прогрессистами против Милюкова и ПОЦК.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что кн. Г. Е. Львов, возглавлявший Земский союз, и М. В. Челноков, стоявший во главе Городского союза, были и оставались людьми, критиковавшими политику кадетов справа.

Биограф кн. Г. Е. Львова на вопрос, был ли кн. Львов когда-либо «правоверным» кадетом, отвечал: «Едва ли». Хотя он и баллотировался в I Думу как кадет, но был противником кадетского «принудительного отчуждения» и избран был блоком кадетов и октябристов. «Вероятно, для него, — замечает Т. И. Полнер, — были одинаково приемлемы (и одинаково безразличны) как кадетская, так и октябристская программы». Милюков, уже в эмиграции, в одной из своих статей назвал кн. Львова «сомнительным кадетом», и автор книги о кн. Львове полностью соглашается с такой оценкой: «Это, конечно, совершенно верно» [63].

Все эти оценки относятся к тому периоду, когда кн. Львов, пусть формально, все же считался кадетом. После революции 1905—1907 гг. он не только порвал с кадетами и стал прогрессистом, но и занял по отношению к ним довольно недружелюбную позицию. Милюков и К^0 платили ему тем же. В этом отношении были весьма показательными суждения о кн. Львове на пленарном заседании 21 августа 1915 г. кадетского ЦК. Вопрос поднял кн. Д. И. Шаховской. Отражая настроение помещичье-буржуазной Москвы, в том числе и московских кадетов, он заявил: «Во главе Министерства («общественного доверия». — *А. А.*) Москва наметила кн. Львова. Мы

должны присоединиться к этому решению, хотя Львов и не принадлежит к нашей партии и его недостатки для нас не тайна». Милюков и Родичев были на этот счет другого мнения. «Активной поддержки кн. Львову, — заявили они, — партия к.-д. оказывать не может. Кандидатура эта не партийная, и отношение Львова к партии народной свободы не дружелюбно, а скорее опасливо» [64].

Несмотря на то что на заседании было признано, что на кандидатуре кн. Львова «сходятся все московские течения» [65] (а возможно, отчасти и благодаря этому), Милюков и ПОЦК и в дальнейшем продолжали относиться весьма сдержанно к его кандидатуре, тогда как их собратья-москвичи по-прежнему активно на ней настаивали.

М. В. Челноков, в отличие от кн. Львова, продолжал оставаться кадетом и после революции 1905—1907 гг., но был столь же правым, как и последний. Не случайно он был не только единомышленником, но и другом князя. До войны Челноков вместе с москвичами В. А. Маклаковым и М. М. Новиковым возглавлял в кадетской фракции IV Думы правую оппозицию Милюкову. Конфликты порой достигали такой остроты, что Челноков намеревался уйти к прогрессистам, а Милюков должен был пускать в ход угрозу об отставке с поста председателя фракции, чтобы настоять на своем в противоборстве со строптивым москвичом. В начале войны Челноков, стремясь добиться своего утверждения московским городским головой, послал министру внутренних дел Н. А. Маклакову (отказывавшему в утверждении на том основании, что принадлежность к кадетской партии, как противоправительственной, несовместима с государственной службой) письмо, в котором заявлял, что если он будет утвержден на указанном посту, то выйдет из кадетской фракции Думы, что он затем и сделал, не заявив, однако, о своем выходе из партии. Возник очередной затяжной конфликт между ним и кадетами-москвичами, с одной стороны, и ПОЦК — с другой (о котором подробно будет сказано в следующем разделе).

В свете всего сказанного достаточно ясно вырисовывается цель, ради которой прогрессисты в пику кадетам выдвинули свой лозунг «ответственного министерства». Цель эта состояла в том, чтобы на негативной основе критики курса Милюкова объединить всех его противников в партии, расколоть ее, а затем объединиться с отколовшейся правой частью и присоединить к себе родственные элементы справа. Коновалов и Ржевский, по всей вероятности, считали — и в этом они были правы, — что у бесформенного прогрессизма нет никаких шансов на успех в создании партии «настоящей» буржуазии до тех пор, пока ему будет противостоять организованный кадетизм. Кадетская партия была далека от организационного совершенства, но на фоне прогрессистов она выглядела образцом организованности и дисциплины, и пока сохранялось такое положение вещей, последним трудно было на что-либо рассчитывать.

Объяснять оппозицию прогрессистов и москвичей тем, что они действительно стали левее кадетов, нет ни малейших оснований. Неверно было бы также заключать, что они лучше понимали всю опасность сложившейся обстановки в стране, чем Милюков и К°, «Прогрессивный блок» и Дума в целом. Факты показывают, что последние испытывали страх перед надвигавшейся революцией не меньший, чем их оппоненты. Наконец, последним доводом в пользу высказанной гипотезы служит еще один, на наш взгляд, решающий довод: лозунг «ответственного министерства», который в его подлинном смысле, конечно, более левый, чем требование «министер-

ства доверия» (поскольку он имеет целью ограничение самодержавия, превращение его в конституционную монархию, как было показано выше), интерпретировался прогрессистами таким образом, что он на деле нисколько не был левее, чем лозунг «министерства доверия», что отлично понимали и знали как сами прогрессисты, так и кадеты.

Лозунг «ответственного министерства» как орудие борьбы был для прогрессистов очень удобен в двух отношениях: во-первых, он ставил в крайне затруднительное положение Милюкова и К^0, поскольку это требование было *главным* пунктом программы «Партии народной свободы», отличавшей себя от других партий прежде всего тем, что она-де стоит на принципе «парламентаризма», т. е. конституционной монархии в чистом виде, выражением чего и был пункт об ответственности. И действительно, Милюкову и другим кадетским лидерам, как мы видели, пришлось демонстрировать чудеса словесной эквилибристики, чтобы как-то объяснить отказ от своего генерального требования; причем, несмотря на все усилия, доводы их звучали неубедительно как вне, так и внутри партии. Во-вторых, этот отказ объединял внутри партии на базе оппозиции Милюкову и ПОЦК и правый и левый фланги партии.

С этой точки зрения кампания прогрессистов против кадетского руководства (Милюкова прежде всего) выглядит достаточно *беспринципной,* и кадеты это отлично понимали. Между формулами «министерство общественного доверия» и «министерство, ответственное перед парламентом», писал Влад. Гессен в статье «Ответственное министерство», — «даже простого расхождения подметить невозможно» — это «*равнозначные понятия*». Дело здесь совсем в другом: «Не станем скрывать, что, по мнению многих московских патриотов, это значит: *доверие Москвы, а не Петрограда*» [66].

Из затеи «московских патриотов» ничего не вышло. Провалились прежде всего их расчеты на раскол кадетской партии. Несмотря на то что внутренняя борьба в партии иногда приобретала достаточно острые формы, она была намного слабее того общего, что объединяло воедино все внутрипартийные течения и группы. По ряду причин, о которых речь пойдет ниже, авторитет Милюкова как вождя партии в конечном итоге оказывался безоговорочным не только для центра, линию которого он проводил, но и для правых и левых кадетов. Но главная причина провала второй попытки прогрессистов-москвичей создать единую партию буржуазии была та же: политическая инертность этой буржуазии, в том числе и московской прогрессистской ее части.

Более того, если до войны Рябушинский и московские «молодые» в политическом отношении были на шаг впереди петербургских тузов, то теперь они остались даже несколько позади. До войны, как нам известно, журнал «Промышленность и торговля» категорически отвергал идею о присоединении торгово-промышленного класса к какой-либо партии. Теперь же он стал испытывать известные колебания на этот счет. Вскоре после образования «Прогрессивного блока» он опубликовал статью (правда, в дискуссионном порядке, оговорив свое несогласией с ней), в которой автор прямо настаивал на необходимости отказа от прежней позиции. Статья называлась «Политическое объединение торгово-промышленного класса» и представляла собой полемику с газетой ... прогрессистов. «Торгово-промышленный класс, — говорилось в ней, — должен влиться в широкое русло одной из существующих политических партий, чтобы вместе с ней принять участие в борьбе за власть и политическое влияние. Это предложение несомненно находит

себе поддержку в многочисленных фактах, позволяющих говорить о сформировании у нашей буржуазии политического кредо... Иного мнения, однако, держался орган московских промышленников „Утро России". По заявлению газеты, представители промышленности и торговли имеются среди всех партий, и поэтому отдать торгово-промышленные организации „под надзор" какой-либо одной партии значит потерять членов их, принадлежащих к другим партиям».

Возражая против такой позиции прогрессистской газеты, автор писал: бояться, что политическая программа «свяжет промышленников, лишит их», по словам «Утра России», «самостоятельности, своего разума и политического влияния нет оснований: надо думать, что промышленная организация явится не механическим привеском к какой-нибудь партии, а твердым ядром ее, и всякий голос представителей промышленности будет оказывать значительное, подчас решающее влияние на партийную политику.

Однако и автор статьи недалеко ушел от москвичей, закончив ее следующими словами: «...Может [однако] случиться, что ни одна из партий не выдвинет приемлемой для торгово-промышленного класса экономической программы». Тогда дело коренным образом меняется. «Если же такое слияние окажется неосуществимым, торгово-промышленный класс должен кристаллизоваться в самостоятельную политическую партию» [67].

Хозяин «Утра России» не только провозгласил свое credo, но попытался осуществить его на практике. Незадолго до революции он принялся за сколачивание из торгово-промышленных элементов особой политической партии. В одном из документов департамента полиции, датированном 15 февраля 1917 г., говорилось: «По имеющимся сведениям, возникший в марте минувшего года на съезде Земского и Городского союзов в Москве вопрос об объединении торгово-промышленного класса в союз близок ныне к осуществлению. Известный общественный деятель Рябушинский, усмотрев в произнесенных на означенном съезде речах недоверие конституционно-демократической партии к торгово-промышленному классу и стремясь к упрочению своей репутации, как весьма либерального деятеля, принялся энергично за организацию союза. В целях окончательного завоевания симпатий левых кругов Рябушинский в устроенном у себя на квартире 25 минувшего января частном совещании определенно обещал придать ярко оппозиционную окраску союзу и использовать его как политическую силу во время выборов в 5-ю Государственную думу» [68].

Однако департамент полиции явно переоценивал возможности Рябушинского. Из его усилий ничего не вышло, и начальник Московского охранного отделения полковник Мартынов был уверен, что и не могло выйти, приведя на этот счет ряд соображений в своем донесении департаменту полиции от 5 февраля 1917 г.[69]

Не верили в эту затею и в либерально-буржуазной среде, будь то Земский и Городской союзы, кадетская партия и сами прогрессисты, не только петроградские, но и московские, так как хорошо знали, что представляют собой на деле вожди прогрессизма, отличавшиеся болтливостью и политической неопытностью, что делало совершенно несостоятельными их претензии на политическое руководство в стане помещичье-буржуазной оппозиции. Эта неспособность была прямым следствием и отражением политической неспособности самой буржуазии, в том числе и буржуазии московской.

Известный издатель И. Д. Сытин, хорошо знавший московскую буржу-

азную среду, так охарактеризовал в разговоре с депутатом Думы, «левым» октябристом И. С. Ключевым, некоторых представителей московской буржуазной элиты. Кн. Львов, по его мнению, «человек далеко не высшей марки». Астров выдвинулся «только благодаря своему умению болтать». Рябушинский — «самая бесцветная личность. . . тип современной акулы, как и все остальные наши московские купцы, старающиеся и теперь лишь об одном — как бы нажить миллиончик на несчастии родины» [70].

Начальник московской охранки сообщал 21 июня 1916 г. в департамент полиции, что главным источником его сведений о положении в Земском и Городском союзах является болтовня их деятелей. Даже среди крупных деятелей, указывал он, много «болтунов», особенно Коновалов [71]. Болтливость «наших» деятелей, подтверждает Полнер, была потрясающей [72]. В связи с разговорами о «дворцовом заговоре» и якобы скором «дворцовом перевороте», вспоминал Бурышкин, называли прежде всего Гучкова, реже Коновалова. «Но, может быть, потому что в Москве их хорошо знали, мало кто верил в серьезность такого начинания» [73]. Идейный вождь прогрессизма М. М. Ковалевский, по свидетельству А. В. Тырковой, «делал много, но все распыленное, разбросанное» [74].

М. С. Маргулиес в своих воспоминаниях писал, что в Петроградской городской думе М. М. Федорову, о котором говорилось выше как об издателе газеты «Слово», присвоили кличку «общественное бедствие», имея в виду, что он «не человек дела» [75].

Великолепную характеристику кн. Г. Е. Львову как политическому деятелю дал Полнер, тем более объективную и точную, что она сделана ближайшим сотрудником кн. Львова и его глубоким почитателем. «Князь, — писал он, — был прежде всего практиком, „делягой", как любил он называть людей, которых хотел особенно похвалить». Кн. Львов также «не обладал даром слова», а «в чуждую ему область политики» был вовлечен помимо своей воли «волной общественного подъема». Политические суждения князя «казались иногда весьма наивными и странными. Он не знал истории общественного движения в России, путал эсдеков с эсерами и, видимо, менее всего на свете интересовался политикой». Таким был кн. Львов до и во время революции 1905—1907 гг., таким он остался и дальше. Выступая с речью на земском съезде уполномоченных 12—14 марта 1916 г., в которой признавал, что «отечество действительно в опасности», он тем не менее заявил: «Мы не занимаемся политической борьбой» [76]. И только «к концу 1916 г. настроение его изменилось ... коренным образом», а именно «мирный из мирных» стал намекать на угрозу государственного переворота [77].

Милюков также писал, что кн. Львов не любил «политику», а любил и знал «дело». В другом месте он охарактеризовал князя как «толстовца» от политики [78].

Совершенно очевидно, что такие люди, начиненные самомнением, а порой и причудами [79], мало были пригодны к роли создателей партии, базирующейся на более или менее твердой организационной основе, с минимумом партийной дисциплины. Созданные в конце 1912 г. ПОЦК и МОЦК прогрессистов, как можно судить по некоторым данным, проявляли иногда некоторые признаки жизни, но очень слабые и ненадолго.

Партия «настоящей» русской буржуазии, о которой так мечтали П. Б. Струве и московские «молодые», никак не вытанцовывалась.

Деловая буржуазия выказала себя в этом отношении отнюдь не деловой.

Характерно, что после Февральской революции 1917 г., когда *буржуазия пришла к власти*, прогрессисты (и октябристы) не только не упрочили своих позиций, но практически сошли на нет, оказавшись в условиях двоевластия полностью неспособными не только руководить своим классом, но и верно оценивать ситуацию. Полномочия единой партии русской буржуазии в период между Февралем и Октябрем полностью перешли к кадетам, отличавшимся от своих правых соседей гораздо большим партийно-организационным сплочением и организацией, которые, однако, не шли ни в какое сравнение с партией революционного пролетариата.

3. КАДЕТЫ

Кадетская партия стояла в организационно-партийном отношении неизмеримо выше октябристов и прогрессистов. Из всех буржуазно-помещичьих партий дореволюционной России она наиболее близко подошла к тому, что́ обычно понимается под словом «партия». Учет численности, определенная дисциплина, наличие местных ячеек — всем этим кадеты отличались от тех же октябристов и прогрессистов. Однако организационные возможности руководить массами оказались столь же непригодными, как и ее программно-тактические установки. Это полное несоответствие внутренних организационных потенций партии задаче преобразования огромной страны было тесно связано с интеллигентским, «профессорским» характером партии, в свою очередь отражавшим слабость и контрреволюционность русской буржуазии, ее нежелание вести реальную борьбу против царизма. Организационно-партийное состояние кадетской партии, как показывают факты ее внутренней истории в 1914—1917 гг., является убедительным подтверждением ее несостоятельности как лидера в решении неотложных задач, стоявших перед страной.

Своего наибольшего успеха кадеты достигли в период первых двух Дум. Руководители партии считали, что в это время она насчитывала 100 тыс. членов. Другие, правда, называли меньшую цифру — 70 тыс., но так или иначе счет шел на десятки тысяч. В третьеиюньский период от этих цифр остались жалкие обломки. Счет уже шел даже не на сотни, а на десятки, когда же речь заходила о немногих уцелевших местных организациях, то считали уже единицами. Прибегая к военному сравнению, можно сказать, что в кадетской армии генералов в третьеиюньский период было больше, чем офицеров, а унтер-офицеров и солдат почти не осталось. Все сколько-нибудь живое и демократическое ушло, глубоко разочаровавшись в партии, именовавшей себя «партией народной свободы», а на деле продемонстрировавшей в ходе революции полную политическую анемичность, жалкое «парламентское» доктринерство и органическую тягу к соглашению с царизмом за счет народной свободы (без кавычек).

Кадетские вожди, однако, объясняли это массовое бегство из недавно столь популярной в средних слоях партии прежде всего полицейскими преследованиями, тем, что партия не была легализована. Вне всякого сомнения эта причина имела немалое значение. За принадлежность к кадетской партии тюрьма, высылка не грозили, но административный произвол, особенно в провинции, мог безусловно сказаться на имущественном и об-

щественном положении адвоката, журналиста, земца и им подобных, составлявших главный кадетский резерв. В результате многие предпочли открытому членству тайное сочувствие. Тем не менее, как уже отмечалось, основной причиной массового бегства из партии было ее политическое банкротство в годы первой революции.

В связи с этим главной организационной проблемой, вставшей перед кадетским руководством еще задолго до войны, стал вопрос о съезде. По уставу партии съезд должен был созываться ежегодно. Однако после V съезда, заседавшего осенью 1907 г. в Гельсингфорсе, созвать следующий съезд, из-за малочисленности и чисто формального существования большинства провинциальных комитетов (за исключением Петрограда, Москвы и Киева), оказывалось невозможным. В результате ЦК, не переизбираясь, ветшал от времени, сокращался в числе, авторитет его падал, не подтверждавшиеся полномочия стали выглядеть как узурпация. Создалась ситуация заколдованного круга. Удачный съезд, как предполагалось, оживил бы деятельность местных групп, увеличил бы их численность и т. д. И, наоборот, съезд, состряпанный вопреки всему, грозил обнаружением крайней малочисленности партии, отсутствием правильного представительства, возможной случайностью решений по тактическим и даже программным вопросам, чего, кстати сказать, больше всего боялись заправилы партии.

На первых порах ЦК довольствовался так называемыми конференциями, которые формально именовались совещаниями думской фракции кадетов с представителями местных групп (поскольку устав не предусматривал конференций). Обычно «представителей с мест», т. е. из провинции, приезжало человек 20—30, основную же массу участников конференции составляли члены ЦК и фракции.

До 1912 г., т. е. до нового революционного подъема, с этим еще как-то можно было мириться. Но углубление и расширение революционного кризиса в стране делало для кадетской верхушки все более очевидным, что продолжение прежнего организационного развала грозит партии весьма отрицательными политическими последствиями. Все чаще и чаще отдельные члены ЦК начинают требовать внимания к организационным вопросам. На заседании ПОЦК 17 ноября 1912 г. А. М. Колюбакин, в частности, «указал на необходимость поставить (на предстоящей очередной конференции. — *А. А.*) на первую очередь и оставить главное место вопросам организационным, а не вопросам будущей тактики». При этом он ссылался на тот факт, что на предыдущих конференциях «много говорилось о необходимости восстановить полуразрушенные партийные ячейки. . .»[80].

Тому же Колюбакину совместно с Шингаревым было поручено составить для конференции соответствующий доклад, который предварительно подвергся обсуждению в ЦК. В докладе делался вывод, что «*современное положение партийных организаций на местах крайне неудовлетворительно*», и предлагался ряд конкретных мер для «оживления» местных комитетов. Оба докладчика считали, что возможности для этого есть и обстановка более благоприятна, чем прежде. Милюков также полагал, что «условия сейчас более благоприятны и попытки более возможны». Доклад был одобрен [81].

Однако, как только был поднят в очередной раз вопрос о необходимости переизбрания ЦК и, следовательно, о съезде, согласие сразу нарушилось. Колюбакин стоял за переизбрание ЦК на съезде или на конференции. Шингарев был против. Милюков был решительным противником съезда и переизбрания ЦК на протяжении всех довоенных лет. «Созыв съезда

невозможен не столько по условиям внешним, полицейским, — прямо заявил он, — сколько по обстоятельствам современной жизни партии в стране... *Всем ясно, что правомочного партийного съезда сейчас получить нельзя вследствие дезорганизации партийных ячеек на местах*». В результате обсуждения все против одного признали, что созыв съезда пока невозможен [82].

МОЦК в заседании 20 января 1913 г. также высказался отрицательно по поводу созыва съезда, так как, по словам А. А. Кизеветтера, он будет «несомненно фиктивным», а вывод о том, что «на предстоящей конференции выборов (ЦК. — *А. А.*) производить нельзя», был принят единогласно [83].

Вопрос о съезде был поднят и на конференции, проходившей в Петербурге 2—3 февраля 1913 г. Максимум, чего удалось добиться, было решение следующую конференцию созвать «главным образом для обсуждения вопросов об организации партии на местах... и о возможности созыва партийного съезда для переизбрания ЦК...» [84].

14 мая 1913 г., за десять дней до открытия конференции, вопрос о съезде и переизбрании ЦК стал предметом обсуждения пленарного заседания ЦК (ПОЦК и МОЦК). Шестью голосами против 4-х «созыв съезда для выборов ЦК» был признан «желательным и возможным». В ответ на это Кишкин и Милюков, оставшиеся в меньшинстве, объявили о своем «праве выступить на конференции с защитой своих мнений (против созыва съезда. — *А. А.*)» [85]. Однако это «право» Милюков использовал самым решительным образом на заседании ПОЦК 24 мая, за день до открытия конференции. «Абсурдность этой затеи (со съездом. — *А. А.*), — заявил он, — вытекает уже из того факта, что сейчас имеется лишь 9 организованных групп». Предварительные перевыборы местных групп практически невозможны. «За немногими исключениями перевыборы явятся по существу фиктивными, и вместо съезда получится та же конференция». Поэтому на завтрашней конференции следует обсудить вопрос лишь о «возможности правильного съезда». Когда же представитель МОЦК кн. Шаховской высказал свое недоумение по поводу права ПОЦК «перерешать вопросы, решенные в пленарном совещании 12 мая», ему было «разъяснено», что «решения 14 мая никого не связывают и возможно параллельное изложение (на конференции. — *А. А.*) различных точек зрения».

Жесткая позиция Милюкова решила дело. Большинство, как всегда, послушно пошло за ним, а сторонники созыва съезда в лице как их левого фланга — Колюбакин и Некрасов, так и правого — Н. А. Гредескул, Тыркова, несомненно рассчитывавшие, что им удастся увеличить свое представительство в новом ЦК, хотя и оказали сопротивление натиску лидера, в конце концов фактически капитулировали. Это объяснялось не столько малочисленностью сторонников съезда, сколько слабостью их аргументации в пользу его созыва. Когда А. А. Корнилов доказывал, что не окажется даже 60-ти правильно избранных делегатов съезда, а патриарх партии И. И. Петрункевич утверждал, что «созывать съезд из омертвевших членов — не значит оживлять партию», сторонникам съезда по существу нечего было возразить, так как их доводы сводились в конечном итоге к надежде, что сам созыв съезда приведет к возрождению местных комитетов и увеличению их численности. В результате, когда вопрос был поставлен на голосование, «формула МОЦК о возможности и желательности съезда для переизбрания ЦК была отвергнута 9-ю голосами против 3-х воздержавшихся» [86].

Однако на конференции, открывшейся на другой день и продолжавшейся два дня (25—26 мая 1913 г.), большинство представителей с мест высказалось за созыв съезда и переизбрание ЦК. Если главным доводом ЦК против созыва съезда было указание на «омертвение» провинциальных организаций, то провинциалы парировали его не менее сильным аргументом об омертвении ЦК. Когда заходит речь о ЦК, говорил делегат из Киева, то в изумлении задают вопрос: «Как, разве он еще существует?». «Что бы ни дал съезд, — заявил представитель Саратова, — это все же будет лучше, чем то, что есть — какой-то живой труп». Страсти разгорелись настолько, что Милюков вынужден был заявить: «В речах впервые прозвучали ноты вражды и недоверия: ЦК обратился чуть не во врага, которого трепали без должной бережливости».

Конечный итог прений тем не менее и на этот раз, несмотря на то что провинциалы впервые отважились на «бунт», оказался обычным: за резолюцию киевлян, требовавшую созыва съезда, проголосовало 11 человек, против — 32. Всеми против 4-х была принята компромиссная резолюция Кишкина, гласившая: «Поручить ЦК-ту предложить местным группам произвести учет своих партийных сил и перевыборы местных комитетов или подготовительную работу для созыва имперского съезда; вопрос о времени созыва съезда отложить до осенней конференции» [87].

Фактически это означало, что вопрос о съезде был решен отрицательно. И действительно, на пленарном заседании ЦК 5 октября 1913 г. было «единогласно признано, что съезд по условиям современного положения не нужен, но что и ЦК и местные группы должны готовиться к тому, что может явиться потребность внезапно созвать съезд» [88]. Иными словами, созыв съезда отодвигался до греческих календ. На последней предвоенной конференции 23—25 марта 1914 г. делегаты с мест встретили в лице ЦК решительного противника съезда, отказывавшегося назвать даже приблизительную дату его созыва. Главным оружием при этом послужил доклад, представлявший собой анализ учета партийныйх сил, произведенного МОЦК во исполнение постановления майской конференции 1913 г. Итоговый вывод доклада гласил: «Все вышеизложенное заставляет признать, что партия к.-д. почти не имеет в настоящее время правильно организованных комитетов, что она не может произвести учет своих членов, следовательно, не может установить точно своего состава, не может выполнить свой устав, переизбрать комитеты, не может созвать съезд» [89]. Лиц, открыто заявляющих о своей принадлежности к партии, оказалось всего 730 человек, кроме того, добавил Кишкин, имеется значительное число «никодимов» — людей, «по тем или иным соображениям не оглашающих своих партийных симпатий», т. е. тайных кадетов или сочувствующих им [90].

Несмотря на давление провинциалов — сторонников съезда, ЦК настоял на своем. Спустя неделю после конференции на заседании ПОЦК 30 мая 1914 г. Милюков еще раз решительно заявил, что съезд можно будет созвать, по мнению многих, не раньше чем через два года, поэтому «никакого срока для созыва съезда сейчас декретировать нельзя» [91].

Таким образом, еще в довоенный период сложилась прочная тенденция ослабления кадетской партии в организационном отношении, что особенно отчетливо выразилось в ее неспособности обеспечить регулярные партийные съезды. «Квадратура круга» состояла в том, что правы были и представители с мест, указывавшие на распад местных ячеек, на необходимость встряхнуть

и оживить весь партийный механизм, и руководство во главе с Милюковым, понимавшее невозможность такого оживления без сдвига влево, без апелляции к массам, что они не могли допустить по самой своей природе.

Одним из примеров изолированности партии от народа явилось обсуждение вопроса о газете «Защита», состоявшееся уже после начала войны и возникшее случайно, однако отразившее как в капле воды отношение Милюкова и других лидеров к попыткам сколько-нибудь широко опереться на массы. На заседании ЦК 9 октября 1914 г., после очередного длительного обсуждения польского и еврейского вопросов, Корнилов «сделал доклад» о необходимости материальной поддержки издаваемой в Москве кн. Шаховским при участии некоторых сотрудников «Русских ведомостей» и специалистов по вопросам кооперации «народной газеты „Защита"». В конце своего выступления он специально подчеркнул, что возбудил данный вопрос по собственной инициативе, без каких-либо полномочий и даже без ведома кн. Шаховского.

Издание это, мотивировал докладчик свое предложение, является попыткой продолжения идеи народной газеты, которая с самого начала «занимала руководящие к.-д.-ские круги, искавшие популяризации своих идей в крестьянстве. Вопрос этот и в ЦК и на конференциях всегда стоял на очереди». До сих пор все попытки оказывались неудачными. Теперь ситуация выглядит более благоприятной. Газета ведется «в патриотическом духе», и, следовательно, у властей нет основания ее приостанавливать. Она издается уже второй месяц, вышло 25 номеров, «и она свое дело приучения народа к ***своей*** газете делает». Ведется газета интересно, у нее уже есть тысяча подписчиков. На издание пока собрано полторы тысячи рублей, и дело требует поддержки. Докладчик знает, что ЦК не располагает средствами, но, может быть, члены партии могли бы разобрать паи, чтобы поддержать издание хотя бы до нового года, в надежде, что после подписки газета станет на собственные ноги. «Без подобных изданий, — заключал Корнилов, — партии никогда не удастся сколько-нибудь широко опереться на народные массы».

К удивлению докладчика, почти все присутствовавшие отнеслись к его предложению совершенно отрицательно. «Мысль об издании „Защиты", — заявил Струве, — является основным объективным заблуждением Д. И. Ш[аховского]». Идейного кадетского издания для народа нельзя поставить на твердую экономическую основу ни во время войны, на что рассчитывает Шаховской, ни во время мира. «Чем лучше издание [т. е. чем оно больше открыто кадетское. — *А. А.*], — пояснил он, — тем менее оно жизнеспособно». На возражение Корнилова, что газета будет «народная», Струве отвечал, что «народная газета — это химера». Для подобного издания заранее исключена возможность такого широкого распространения, как распространены «Копейка» (чуть менее миллиона экземпляров), «Русское слово» (500 тыс.), «Биржевка» (200 тыс.) и др. «Да и по существу эта марка народности не представляет интереса». Конечно, если бы нашлись люди, готовые дать деньги на дело, подобное «Защите», было бы хорошо, «но самая-то идея нежизнеспособна».

А. С. Изгоев также считал, что «в настоящем своем виде дело безнадежно, и жаль той огромной энергии, которая на него затрачивается». У Гредескула также сложилось «впечатление дела безнадежного, вряд ли окупающего затраченную энергию».

Со своей стороны Милюков заметил, что, просмотрев несколько но-

меров «Защиты», он не видит, почему эта газета «народная». «Зачем она нужна мужику? — вопрошал он. — Интеллигентский бледный слог. Получается впечатление, что все это пишется „нарочно" [т. е. подделывается под «народность». — *А. А.*]. Такая газета не пойдет» [92].

Только один В. И. Вернадский высказался в защиту «Защиты», но его выступление прозвучало неубедительно.

«Ввиду выяснившегося отрицательного отношения большинства, — зафиксировал в конце обсуждения протоколист, — А. А. К[орнилов] снял с очереди свое предложение о поддержке издания „Защиты" [93].

Таким образом, основная причина отрицательного отношения ЦК к предложению Корнилова заключалась не в отсутствии необходимых средств — будь дело перспективное, деньги бы нашлись, — а именно в бесперспективности самой идеи привлечь народ к кадетизму, что, в свою очередь, было обусловлено оторванностью кадетской партии от народа, чуждостью ее «мужику», выраженной, в частности, в неумении обращаться к нему в нужной тональности, говорить с ним естественным, а не вымученным псевдонародным языком (что вынужден был констатировать Милюков).

* * *

Судя по всему, война должна была в корне изменить ситуацию. Превращение кадетской партии в лояльного союзника правительства «во имя победы над врагом» снимало, казалось, все препятствия для того, чтобы пресловутые «никодимы» открыто влились в ее ряды, а местные комитеты, пополнившись за их счет, реорганизовали бы себя в те планомерно действующие организации, которых так не хватало ЦК, чтобы собрать партийный съезд и реорганизовать самого себя. Но ничего подобного не произошло. «Никодимы» предпочли деятельности в партии работу в Земском и Городском союзах. Более того, многие кадеты поступили таким же образом, испытывая при этом двойное удовлетворение: выполняя «патриотический» призыв своего ЦК, они избавляли себя под этим предлогом от забот о местных партийных организациях, к чему их так усиленно призывал тот же ЦК в довоенные годы. Факты показывают, что вплоть до Февральской революции 1917 г. партия осталась такой же, какой была до войны: и малочисленность, и организационный развал сохранились в тех же формах и в том же масштабе.

Правда, партия по-прежнему оставалась нелегализованной, но нелегализованными были и Всероссийские земский и городской союзы, испытывавшие со стороны министра внутренних дел Маклакова примерно такое же отрицательное отношение. Довод о том, что союзы были не политическими организациями, также не годится, потому что, как известно, они ударились в политику одновременно с кадетами и в своей оппозиционности правительству в конечном итоге превзошли их. Кадетский ЦК полностью одобрил повсеместное увлечение устройством лазаретов и питательных пунктов, объявив, что это и есть в данных условиях наилучшая партийная деятельность. Он был очень рад этому обстоятельству не только как поводу, избавлявшему его от необходимости очередных, заведомо бесплодных попыток «оживления» партии, но и как выход для него самого, ибо, как обнаружилось, главари партии сами, особенно на первых порах, не представляли отчетливо, чем должна теперь заниматься партия как таковая, кроме тех же лазаретов и тому подобных вещей.

Так, на одном из первых заседаний ЦК после вступления России в войну, 25 августа 1914 г., А. И. Шингарев, побывав на совещании у министра финансов П. Л. Барка, посвященном вопросу об изыскании средств на ведение войны, сообщил о нем в таком контексте, что этим, мол, придется заняться самим кадетам (и, следовательно, ему, Шингареву, считавшемуся в ЦК и фракции главным финансовым авторитетом, к слову сказать, без всяких серьезных оснований), поскольку, как обнаружилось, бюрократия ничего не умеет и не знает.

А. С. Милюкова, специально пришедшая на заседание ЦК, членом которого она не была, сделала сообщение, что на днях ожидается прибытие в Петроград до 10 тыс. раненых, а для их приема нет достаточного количества кроватей и матрацев. Другая дама, А. В. Тыркова, будучи членом ЦК, поставила тот же вопрос в более широком плане: «о более близком участии» членов Думы — петербуржцев в комитетах и комиссиях, организующихся при Петроградской городской думе, ибо оно «необходимо для усиления влияния на недостаточно энергичные органы», каковыми эти комиссии и Дума являются. В свою очередь, кн. Шаховской «сделал сообщение о деятельности общественных сил в Москве» в плане удовлетворения военных нужд. В частности, он отметил, что «высшие заправилы» общеземского союза «опасаются засилья к.-д. и боятся допускать их к делу». Его «общее впечатление» было примерно таким же, как у Шингарева: «Правительство уже выпустило из рук дело помощи жертвам войны, и то же, по-видимому, произойдет и в вопросе о продовольствовании армии». Вывод разумелся сам собой: придется кадетам и этим заняться, ввиду неспособности правительства, да и «общеземский съезд еще плохо справляется с своей задачей» [94].

Следующее заседание ЦК, состоявшееся через два дня, началось с заявления Тырковой, сделавшей «краткое сообщение» о работах по призрению раненых, что «во всех этих работах должны принять участие и члены партии к.-д.». В состоявшемся по этому сообщению «обмене мнений» было «выяснено», что при думской фракции к.-д. должно быть организовано особое бюро для обсуждения тех видов помощи, которые доступны для членов партии, те же вопросы, «которые требуют особого обсуждения в Ц. К-те», бюро будет ему передавать [95].

Одним из мощных средств ухода от действительности стало обсуждение в ЦК национального вопроса. Само по себе желание заранее определить свою линию по этой весьма важной и сложной проблеме для партии, претендующей на общенациональное лидерство, было весьма своевременно, так как война крайне обострила национальный вопрос как внутри страны, так и в международном плане. Но подлинная суть дела состояла здесь не в самом факте обсуждений этих вопросов, а в том, ***как*** это делалось.

В течение первого года войны, по крайней мере, половина всех заседаний ЦК полностью или частично была посвящена польскому, украинскому, еврейскому и армянскому вопросам. Прения велись с такой обстоятельностью, ораторы разбирали такие детали, ожесточенные и длительные споры разгорались по таким мелочам, что создавалась полная иллюзия, будто все это происходило не в руководящем центре политической партии, а в ученом обществе или дискуссионном клубе. Весь ход дебатов как бы говорил: как раз сейчас у нас есть полная возможность, за отсутствием других дел, подробно и не спеша заняться устройством будущих исторических судеб поляков, присоединенных галичан и т. д. Впечатление нереальности,

академичности всех этих многочасовых словопрений подчеркивалось еще их общим тоном: кадетская верхушка вела обсуждение с таким видом, как будто именно она уже призвана и будет реально решать вопрос после войны, хотя и конца войны не было видно, и царизм так же мало считался с их точкой зрения, как с ними самими.

Чтобы получить полное представление о характере подобных обсуждений, достаточно привести две цитаты. В протоколе заседания ПОЦК от 30 ноября 1914 г. читаем: «А. А. К[орнилов] продолжает устное изложение порученного ему общего исторического обзора польского вопроса конца царствования Николая I. Попытки поляков восстановить историческую Польшу в границах 1772 г. прекратились еще раньше. Роль реакции после 1848 г. . . .», и далее шли столь же обстоятельные выступления на ту же историческую тему. На следующем заседании ПОЦК 7 декабря «П. Н. М[илюков] представил порученный ему доклад о территории возможной будущей Польши в связи с этнографическими данными, иллюстрируя свой доклад рядом карт Польши. . .». Далее, как и в первом случае, протокол подробно излагал содержание доклада, а затем и прений по нему, занимавших десятки страниц[96]. Польский вопрос неоднократно в аналогичном ключе обсуждался и на пленарных заседаниях ЦК в Москве.

Столь же отвлеченно и с тем же хозяйским видом будущих безусловных и главных устроителей послевоенной русской жизни обсуждались в ЦК финансово-экономические проблемы, аграрный вопрос, содержание будущих международных торговых договоров и т. п. Более того, ЦК не ограничился обсуждением всех этих вопросов в своей среде, а счел нужным вынести их в полном объеме на конференцию партии 6—8 июня 1915 г.

События второй половины 1915 г. и 1916 г. как в стране, так и в самой партии заставили кадетское руководство обратить свой взгляд на более конкретные и животрепещущие вопросы внутрипартийной жизни, но это не означало, что указанные выше проблемы были отложены до лучших времен. Польский вопрос, например, продолжал обсуждаться до конца 1916 г., завершившись выработкой обширного законопроекта (разработанного по заданию ЦК Ф. Ф. Кокошкиным) о будущем государственном устройстве Польши.

Из сказанного не следует, что ЦК в первый год войны совсем не занимался организационными вопросами и не интересовался тем, что́ делается в местных организациях. Жизнь и тогда заставляла уделять им внимание. Но характерной чертой его организационных целей в этот период было отсутствие какого-либо плана, продуманной перспективы, простого желания заниматься этим систематически и всерьез. Обычно тот или иной организационный вопрос возникал на заседании ЦК вне повестки, случайно, по инициативе кого-либо из его членов, которая, в свою очередь, также была во многом случайна. В связи с этим следует отметить, что и сами заседания ЦК часто шли без всякой заранее подготовленной повестки или отвлекаясь от нее. Тот или иной вопрос возникал спонтанно, либо в ходе обсуждения другого вопроса, либо чаще всего потому, что тот или иной член ЦК предлагал обсудить вопрос, который казался ему важным и срочным. Уже этот один факт свидетельствовал о вырождении ЦК как подлинного организационного центра партии, о превращении его в замкнутый кружок заправил, почти полностью поглощенный теоретизированием и «парламентскими» комбинациями, которые он считал главным своим делом.

Выше уже были приведены примеры личных демаршей двух кадетских дам. Столь же типичным примером спонтанного обсуждения явились упоминавшиеся прения по газете «Защита» 9 октября 1914 г. Большой интерес для понимания курса кадетов на «практически-патриотическую» работу представляет дискуссия о Земском и Городском союзах, о их роли и о месте кадетов в них, развернувшаяся на заседании ПОЦК 15 марта 1915 г. Эта дискуссия отчетливо выявила нежелание большинства кадетского руководства вести активную организационную работу в партийном плане, уклонение от любых действий, способных развиться в политическую борьбу.

Обсуждение и на этот раз возникло спонтанно, по инициативе Некрасова. Заседание было созвано, собственно, для того, чтобы выслушать сообщение о положении на фронте, где Некрасов побывал в качестве уполномоченного от Союза городов по санитарной части. Однако Некрасов, как зафиксировано в протоколе, «в отношении военных действий ограничился лишь самыми общими впечатлениями», а затем перешел «к главному своему вопросу: о роли партии по отношению к всероссийским союзам — Земскому и Городскому».

«Московские впечатления» Некрасова сводились к следующему. Прежде всего он отметил, что все общественные силы ушли, «может быть даже слишком», в работу союзов. Земский союз умереннее Городского. Первый по своему составу *«ограниченнее»*, во втором же больше городской интеллигенции и «вообще прогрессивных элементов». В Городском союзе «представительство к.-д. гораздо сильнее (особенно в центральных органах союза), почему и *следовало бы обратить преимущественное внимание на Городской союз* для того, чтобы по окончании войны он мог явиться влиятельной и сильной общественной организацией». Надо использовать эту счастливую конъюнктуру, развивал дальше Некрасов свою мысль, и на будущих съездах союза выдвинуть перед ним «и политические задачи». Для этого важно занять влиятельные позиции как в центре союза, так и на местах — в губерниях.

Члены же МОЦК поступают наоборот. «. . .Не только главный *работник Н. М. К[ишкин], но и все МОЦК*, — сетовал докладчик, — *совершенно ушли из политической работы и глубоко сидят в практической работе по Городскому союзу»*. Что же касается Земского союза, то там кадетских элементов очень мало, а кн. Львов вполне сознательно проводит в нем «политику аполитизма». Но надо иметь в виду, что и для Земского союза после войны открываются широкие перспективы, а потому и в нем надо «постараться занять хоть кое-какие позиции». Докладчик считает, что «он не исполнил бы своего долга, если бы не обратил внимания ЦК на изложенное им; это и заставило его просить о созыве Ц[ентрального] К[омитета]».

С точки зрения жизненных интересов партии Некрасов предлагал осуществить очень здравую и, главное, сравнительно легко достижимую цель: относительно массовые, совершенно родственные по духу, *всероссийские* организации, с хорошими перспективами дальнейшего распространения своей деятельности вширь и вглубь, сделать своими, подчинить их своему *политическому* влиянию, политически возглавить их. Для партии с хронической малочисленностью и дезорганизацией это был бы истинный дар судьбы, рождественский подарок, полученный хотя и не от святочного деда, а от Марса, но без всяких хлопот и усилий, счастливая возможность одним махом покончить со своим организационным симбиозом. Казалось, вопрос настолько очевиден и ясен, что ЦК ничего не оставалось, как

поблагодарить Некрасова и наметить ряд конкретных шагов по реализации его идей. Но не тут-то было: первая часть сообщения Некрасова была «принята к сведению», а по второй начались длинные и весьма характерные для ПОЦК прения.

Тон дискуссии задал Милюков, выступивший первым. Он сразу поставил под сомнение идею Некрасова, что союзы после войны сохранятся. Наоборот, можно полагать, что реакция в первую очередь ликвидирует именно их. Этим и объясняется аполитичная «деловая» тактика кн. Львова, который таким способом рассчитывает уцелеть после войны. Глава Городского союза М. В. Челноков так же и с той же целью «отчасти идет по линии кн. Львова в смысле аполитизма союза»: «Неясно, что здесь можно сделать (чтобы заставить их отказаться от своего аполитизма. — *А. А.*)». Что касается провинциальных отделов союза, «то, конечно, замещение состава их партийными людьми очень желательно, но опять-таки как это сделать?».

На скепсис лидера Некрасов ответил указанием, что в губерниях желающих стать уполномоченными союза оказывается немного и поэтому в большинстве случаев они выбираются «из прогрессивных элементов», чем и надо воспользоваться. Что же касается центра, то роль и осведомленность в делах Городского союза Челнокова, который «старался не пропускать в уполномоченные лиц с неудобным прошлым («выборжцев», например)», не надо преувеличивать: «*Главными работниками являются все же члены партии Н. М. К[ишкин]. Астр[ов] и Алф[еров] . . .*». В отношении же возможности ликвидации союзов Некрасов заметил, что в этом случае сама подобная акция явится сильным агитационным средством против правительства.

Милюков, однако, стоял на своем. В 1905 г., пояснил он, всякая самочинная общественная организация была нужна и уместна, но в обычное мирное время их роль может оказаться двусмысленной: «Не могут же они заменить Госуд[арственную] думу! В искусственном (!) создании таких организаций, наряду с более правильно организованным представительством, будет нечто странное и ненормальное». Если же положение страны будет «ненормальным» (т. е. она будет находиться в состоянии революционного кризиса. — *А. А.*), то самочинные организации будут возникать как грибы, «и усилий на их создание не понадобится». В этой реплике была выражена вся политическая философия вождя кадетов, которую В. И. Ленин охарактеризовал как «парламентский кретинизм». Всякая «самочинность», даже если она была умеренно либеральная, была для него неприемлема в принципе, ибо бросала вызов «законности» — альфе и омеге кадетской политики и тактики. В данном конкретном случае Милюков к тому же опасался, что союзы могут стать конкурентами Думы в смысле своего политического авторитета и влияния в помещичье-буржуазной среде.

Дальнейшие прения показали, что идея Некрасова о придании деятельности союзов, в частности Городского союза, политической направленности под руководством кадетов не встретила сочувствия. Даже те, кто поддержали мысль Некрасова об усилении кадетского влияния в союзах, настаивали на принципе аполитизма — и союзы, и работающие в них кадеты должны исходить из этого принципа, курс, взятый в этом направлении МОЦК, единственно правильный. Так, Изгоев полагал, что «практическая линия поведения для партии в этом деле была бы: пополнять союзы своими людьми, но не выделяться при этом политически». М. М. Винавер полностью

поддержал Изгоева: губернским партийным комитетам, заявил он, надо дать указание — «стараться проходить в состав Земского и Городского союзов», речь не должна идти об образовании партии внутри союзов, лишь со временем такая работа пригодится «и в политическом отношении».

Вновь выступивший Милюков заявил, что снова и снова возникает вопрос: «Какую же политическую работу могут проделать союзы? Странно было бы возлагать на них роль организаций, могущих оказывать воздействия или давления на Госуд. думу». Психологически он понимает, откуда это идет: в провинции требуют указать перспективу, настроены нетерпеливо. На недавно прошедшей в Москве конференции принято решение «поднять политическую нить, оборванную войной... Но в таком случае речь должна идти не столько о союзах, сколько о восстановлении внутренней организации партии: пусть (!) возобновляют распавшиеся группы, переизбирают комитеты и т. п.» Надо все поставить на свое место. « ...Политическая борьба через союзы не пойдет, — для нее они слишком хрупкое орудие». Всякие попытки в этом направлении привели бы к немедленному закрытию союзов.

Корнилов полностью согласился с тезисом Милюкова, что союзы в силу своей хрупкости «не могут быть использованы как политическое орудие», но при этом заметил, что они могут быть «очень полезны» для объединения бесформенных прогрессивных элементов земств и городов. Поэтому к ним не следовало бы относиться «с пренебрежением, но не следовало бы заниматься и радикализацией их, как предлагает Н. В. Н[екрасов]. Если бы после войны страну ждала революция, необходимо было бы создавать кадры необходимых в такие времена деятелей; но в возможность революции А. А. К[орнилов] не верит». В последних словах и была зарыта собака. Корнилов просто довел до логического конца исходную идею вождя партии, который также не верил в революцию.

Тем не менее Милюков, во избежание всяких неясностей, счел нужным поправить своего единомышленника. Да, он согласен, что союзы полезны в смысле объединения прогрессивных элементов («не левее прогрессистов», счел он нужным подчеркнуть в скобках). Но, «с другой стороны, на Городской союз возлагали преувеличенные надежды, чуть ли не надеялись, что он из своей среды выдвинет временное правительство. Этих надежд П. Н. М[илюков] не разделяет... Движение — если оно будет — пойдет... и мимо Земского, и мимо Городского союза».

Мало надеясь на успех, Некрасов тем не менее снова повторил свои доводы и снова призвал к необходимости для кадетской партии завоевания прочных позиций в обоих союзах, как в центре, так и в губерниях, с тем чтобы сделать их менее аполитичными. Но кое-чего он все-таки добился. По предложению М. М. Винавера, было постановлено списаться с МОЦК относительно пленарного заседания, намечаемого на 29 марта, для обсуждения очередных вопросов, «в их числе и вопроса об участии партии в союзах», на этом дискуссия была закончена [97].

Приведенные дебаты поучительны по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, они свидетельствуют о политическом просчете Милюкова в отношении союзов. Его прогноз оказался прямо противоположным дальнейшему ходу вещей. Союзы не только втянулись в политику и не были при этом разогнаны, но в известном смысле оказались гораздо менее хрупкими, чем Дума. И их относительная прочность базировалась на том, что они не только исполняли работу, без которой фронт и тыл не могли обойтись, но и стали сравнительно массовой организацией. Более того,

они в своей левизне превзошли кадетов, упорно цеплявшихся за блок и «министерство доверия», когда вся «прогрессивная общественность» во главе с *союзами* стала требовать «ответственного министерства» и более решительной борьбы с правительством. В результате Милюкову и его партнерам пришлось резко изменить свое пренебрежительное отношение к союзам, искать тесных контактов с их руководством и намечать планы совместных действий. Короче говоря, союзы, худо-бедно, росли и крепли, а кадетская партия продолжала оставаться в том же плачевном состоянии.

Во-вторых, при любых обсуждениях, связанных с вопросом о расширении политического влияния партии, неизбежно констатировалось плохое положение дел в самой партии. Более того, кадетская верхушка, по-видимому, уже смирилась с мыслью, что партию в обозримом будущем возродить не удастся и, выдавая зло за добро, стала считать, ввиду бесплодности всех усилий, что это и не столь важно. Важно, чтобы функционировала «голова» — ЦК и фракция, а «тело» (так кадетские вожди именовали подчас местные организации) пусть пребывает в том виде, как есть. Особенно проникся этой мыслью Милюков.

* * *

Конференции кадетской партии и заседания ее ЦК, проходившие в 1915 г., обнаружили полную недостаточность и несостоятельность курса на «практически-патриотическую» работу. Фактическое прекращение партийно-организационной деятельности вызвало усиливавшиеся протесты на местах со стороны тех кадетских «низов» (находивших отзвук и среди части партийного руководства), которых не устраивало положение почти исчезнувшей армии при кучке генералов. Нарастающий, хотя и скрываемый, конфликт между местными представителями и ЦК, падение авторитета ЦК и разброд внутри него, приведший к выходу нескольких видных членов, были характерными чертами кадетских форумов 1915 г. Все это в конце концов заставило Милюкова и его окружение признать необходимость созыва съезда.

Первой кадетской конференцией, созванной в военное время, явилось совещание в Москве 22—23 февраля 1915 г. Еще 10 февраля 1915 г. глава МОЦК П. Д. Долгоруков отправил временному секретарю МОЦК Ю. Г. Губаревой известное нам письмо, которое просил прочитать Кишкину, А. А. Кизеветтеру, Ф. Ф. Кокошкину и Шаховскому с тем, чтобы вынести поставленные в нем вопросы «*на обсуждение Моск. отд. ЦК* в течение февраля». В письме говорилось о встрече автора с членами Киевского комитета (Е. Г. Шольп, бар. Ф. Р. Штейнгель и еще пять человек), которые ему заявили, что на каком-то совещании несколько членов ЦК, фракции и двух делегатов-киевлян, проходившем в Петрограде под председательством Милюкова, было решено «*созвать конференцию* до созыва Думы в январе». Обещание не выполнено, и киевляне этим очень недовольны, чувствуют себя обманутыми. Они правы. «Надувать вообще нехорошо. ЦК в Петрограде и наш почтенный лидер совершенно ошибочно... отождествляют фракцию с партией и о партии в стране совершенно забывают и не желают с ней считаться. Поэтому оторванность ЦК от партии все увеличивается. Конференцию, обещанную киевлянам, необходимо созвать. И теперь еще (т. е. после состоявшейся трехдневной январской сессии Думы. — *А. А.*) созыв конференции необходим» [98].

Вероятно, совещание 22—23 февраля в Москве и было тем ответом на письмо Долгорукова, которое дал МОЦК. Милюков на нем был единственным представителем ПОЦК. Он и проинформировал Петроградское отделение ЦК о конференции (на заседании 15 марта 1915 г.). Конференция оказалась весьма малочисленной в сравнении с довоенными конференциями, хотя те также не могли похвастать многолюдностью. Из 30 приглашенных членов провинциальных групп прибыло 17, остальные представляли Петроград и Москву. Занятия конференции, докладывал кадетский лидер, начались «обычными» сообщениями с мест о состоянии дел и настроениях.

Далее Милюков разъяснил, в чем состояла «обычность» этого настроения. С мест раздалась критика в адрес центральных органов, т. е. ЦК и думской фракции, но в общем она была «более мелкой, чем обыкновенно, и чувство неудовлетворенности тактикой партии в Думе быстро исчезло после сделанных П. Н. М[илюковым] и другими разъяснений». Остались неудовлетворенными лишь представители Киева и отчасти Нижнего Новгорода и Екатеринбурга, «обычно составляющие оппозицию на конференциях». Резолюция была принята почти единогласно, и «конференция закрылась при очень дружном настроении»[99]. Таким образом, смысл милюковского «обычно» состоял в том, что, как и прежде, пошумев, покритиковав, представители с мест покорно приняли тот курс и те решения, которые им преподносил ЦК. Однако за этим «обычно» перед авгурами, слушавшими сообщение своего лидера, вставала во весь рост картина глубокого кризиса всей организационной структуры партии, начиная от ЦК и кончая местными губернскими и уездными комитетами.

Представители с мест в своих отчетах, с которых началось совещание, хотя и говорили порой что бог на душу положит, явно демонстрируя свою растерянность и дезориентированность, вызванные войной, все же в лице ряда ораторов указали на недовольство деятельностью ЦК и думской фракции. Так, представитель Нижнего Новгорода после положительной оценки поведения фракции признавал, что «слева упреков много, особенно в преданности правительству». Делегат Киева решительно заявил, что «поведение фракции вызвало страшное неудовольствие, даже некоторые члены решили выйти из партии». Делегаты Иваново-Вознесенска, Тамбова и Уфы говорили о «нападках», «критике» кадетской фракции за ее отказ поддержать запрос социал-демократов об аресте думской большевистской пятерки.

Председательствовавший Кишкин резюмировал все эти выступления следующим образом. «Беспартийная работа на нужды войны одобряется всеми. Обществом ставятся политические вопросы, и одним из главных — чего ждать в будущем. В большинстве настроение пессимистическое... в некоторых местах нашу фракцию упрекают в замалчивании вопросов внутренней политики и в неприсоединении к запросу с.-д.».

Выступивший вслед за этим Милюков говорил все то, что нам уже известно о позиции фракции 27 января 1915 г., — сознательное умолчание о нехватке снарядов и другого снаряжения и т. д. Что касается запроса социал-демократов, то поддержать его, когда против тех «поднимается обвинение в явно враждебном отношении к войне, мы не могли...». Да это и нестрашно: «В повторение революции 1905 г. мы не верим... Армия, вернувшись с войны, за крайними левыми не пойдет... Все это вместе говорит, что позиция наша была правильная и никакой другой позиции для нас и не могло быть». Этому решительному напору делегаты

с мест оказали весьма слабое сопротивление. Представитель Орла указал, что позиция кадетов «настроению общества не отвечает». Делегат Нижнего Новгорода выразился поэнергичнее: он «получил самое безобразное впечатление от разъяснения П. Н. [Милюкова]». Посланец Екатеринбурга предупредил, что «на Урале все ждут революции, и купцы, и промышленники». Однако делегат Весьегонска заявил, что позиция фракции правильная. Тот же орловский делегат, взяв слово вторично, также согласился с ним, что «поведение фракции в общем правильно». В поддержку Милюкова выступили Корнилов, фон-Рутцен, и на этом с критикой с мест было практически покончено.

На другой день были предложены две резолюции. Автором первой был Шаховской, вторую предложил представитель Орла. Проект резолюции Шаховского состоял из четырех тезисов. Первый тезис формулировал основную мысль: «Относясь с полным одобрением к деятельному участию партийных сил в общественных начинаниях, обслуживающих армию и семьи запасных, и, признавая, что отлив сил к обширной работе в этой области естественно отразился на размерах чисто партийной работы, совещание считает необходимым принять в настоящее время меры к возобновлению и усилению последней». Остальные три пункта были конкретизацией первого (оживить деятельность центральных и местных организаций, установить между ними более тесную связь путем повторения подобных совещаний и поездок партийных деятелей на места и т. п.).

Казалось бы, что могло быть невиннее подобной резолюции? Тем не менее Милюков заявил, что он решительно возражает против первого, т. е. главного, пункта резолюции Шаховского. Как следует из разъяснения, сделанного Милюковым позже на заседании ЦК, Шаховской фактически констатировал, что теперь не имеет уже смысла говорить о прошлом поведении фракции, но необходимо, чтобы совещание ответило прямо — одобряет ли оно это поведение. В результате «главный представитель оппозиции К. (делегат Екатеринбурга) предложил резолюцию, где говорилось, что деяльность фракции (в заседании Думы 27 января) «заслуживает полного одобрения». Эта резолюция и была принята как 1-й пункт тезисов Д. И. Шаховского.

Что касается резолюции, предложенной г. Орлом, то Милюков заявил, что он возражает против всех ее восьми пунктов, и она, конечно, принята не была. Милюкова не устраивало прежде всего упоминание о необходимости пересмотра программы, а также, по-видимому, весьма скромная просьба к ЦК *«обсудить вопрос о возможности съезда,* а в случае невозможности — о замене съезда периодическими конференциями».

Оставшаяся часть заседания 23 февраля была посвящена обсуждению национальных вопросов [100].

Из комментария Милюкова видно, что затронутые на конференции организационные вопросы его мало интересовали. Главная идея, которую он развивал с разных сторон, сводилась к тому, что «тактика фракции понята». Он особенно хвалил выступления члена МОЦК А. Р. Ледницкого, который во имя победоносной войны призывал «подняться над узко партийными интересами и, если надо, даже рискнуть уменьшением своей популярности. . .». Сообщение Милюкова было принято к сведению и не повлекло за собой никакого обсуждения [101]. При подобном настроении кадетского руководства трудно было ожидать с его стороны действительного серьезного отношения к организационному состоянию партии. Все сказанное

на этот счет было нудным повторением того, что говорилось уже много раз, при внутреннем сознании, что и дальше все останется по-старому.

Расхождения между ЦК и представителями с мест продолжались и на следующей конференции партии, состоявшейся 6—8 июня 1915 г. По кадетским масштабам она была одной из самых представительных и многолюдных — в ней участвовало примерно 100 человек[102]. Судя по некоторым косвенным признакам, Милюков согласился на ее созыв без особого восторга. Отсутствие энтузиазма у кадетского лидера по части созыва конференции было, по-видимому, обусловлено его нежеланием преждевременно посвящать провинциалов в свои далеко идущие тактические замыслы, особенно когда на горизонте обозначились первые предвестники будущего «Прогрессивного блока». Разумеется, Милюков меньше всего опасался, что конференция может навязать не совсем ту линию, которую он проводил и намеревался проводить впредь. Но в преддверии созыва новой сессии Думы и открывающихся в связи с нею политических перспектив он, вероятно, не хотел, чтобы у его будущих партнеров по блоку сложилось впечатление, что в кадетской среде есть течение, частично или полностью не разделяющее его курс на столь резкий поворот вправо. Кроме того, в связи с развернувшимися в мае событиями — отступлением армии и вызванным им сильным общественным возбуждением, — тянуть с конференцией, видимо, было уже больше нельзя. Более того, в отступление от сложившейся практики она на этот раз была созвана вне сессии Думы, которой еще пришлось ждать больше месяца.

В этой связи следует отметить одну маленькую, но весьма характерную деталь. На заседании МОЦК 1 июня, на котором окончательно утрясалась повестка конференции, Милюков настаивал на том, чтобы тактический доклад был назначен на последний, третий день конференции, хотя не сомневался, что представители с мест потребуют поставить его раньше. В случае, если напор будет слишком силен, он соглашался переставить его на другой день. Если учесть, что кадетские конференции в большинстве случаев созывались именно для обсуждения тактического доклада ЦК, что все они, за одним единственым исключением, начинались с этого доклада, а все остальные вопросы обсуждались под конец и наскоро, что сам Милюков всегда настаивал на таком порядке, то становится ясным, что на этот раз кадетский лидер хотел обратного: чтобы на обсуждение доклада о тактике осталось как можно меньше времени и оно проходило бы тогда, когда уставшие делегаты стремились бы к скорейшему окончанию заседаний. Но и этого мало. ЦК решил поставить в центр обсуждения те самые вопросы, которые, как отмечалось выше, имели в большинстве для партии как таковой чисто академический интерес, и именно на них потратить основное время конференции[103].

После церемонии открытия конференции слово взял лидер партии для обоснования повестки и регламента конференции. Признав, что мысль о конференции «идет из глубины России», Милюков предложил обсудить следующие «главные вопросы»: 1) аграрный, 2) «экономическое расстройство жизни» и причины дороговизны, 3) финансовый, 4) об обеспечении пострадавших от войны, «о роли в этом деле страны и государственной казны». Эти четыре вопроса ЦК предлагал рассмотреть в первый день. На второй день он планировал обсудить национальный вопрос. И, наконец, «в последний день могли бы быть обсуждены общеполитические вопросы, так назыв[аемый] „тактический доклад..."». Упреждая возражения, Ми-

люков заявил: «По-видимому, многие члены конференции предпочли бы другой порядок занятий», — чтобы политические вопросы были выдвинуты на первую очередь. «Если конференция на этом будет настаивать, Ц. К-ту придется уступить». Но ЦК опасается, что тогда «острые вопросы поглотят все силы и время конференции». Если «менее острые вопросы» будут отложены на третий день, вряд ли они будут рассмотрены с достаточным вниманием. К тому же он «во избежание преждевременного разглашения» считает удобнее, чтобы решения «по острым вопросам» были приняты в конце.

Поскольку искусственность и противоречивость обоснования, сделанного Милюковым, бросались в глаза и ЦК уже заранее был готов на компромисс, то как только один из делегатов «выразил опасение», что в условиях предложенного регламента тактический доклад «вряд ли будет рассмотрен основательно», Милюков сразу от имени ЦК предложил начать его обсуждение на второй день в вечернем заседании, что и было принято [104]. После этого, как и хотел Милюков, началось скучное изложение скучных докладов, ненужность которых подчеркивалась вялыми прениями, свидетельствовавшими об отсутствии подлинного интереса.

Первым выступил Шингарев, темой доклада которого была дороговизна. Все, что он говорил и предлагал в качестве рецептов избавления от дороговизны, было пустым прожектерством, типичной маниловщиной. В конце концов делегат из Таганрога, выражая, несомненно, общее настроение, заявил, что он не понимает, «как могут на конференции решаться научные (!) вопросы о мировых причинах дороговизны и т. п.». Никаких решений по докладу Шингарева конференция принять не может. Прения пора прекратить, так как все выступавшие по докладу приходят так или иначе к одному и тому же выводу: «. . .все дело в дезорганизации там, наверху. И надо поскорее к этому перейти (т. е. к обсуждению тактического доклада. — *А. А.*)». Сконфуженный председатель нашел это предложение «приемлемым», но, спасая лицо ЦК, «не согласился с мотивировкой этого предложения некомпетентностью конференции решать будто бы теоретические вопросы. Те, которые торопят перейти к тактическому докладу, упускают из виду, что доклад о дороговизне является одной из предпосылок к общему тактическому выводу». Тем не менее прения были прекращены, и на этом с первым докладом было покончено [105].

Такой же отвлеченный характер носили доклады по аграрному вопросу (Мануйлов) и финансовому (Шингарев). Соответственно были пустыми и ненужными прения по ним, занявшие весь первый день конференции. Утреннее заседание второго дня, как и планировалось, ушло на обсуждение национального вопроса.

Вторая половина конференции в основном была посвящена обсуждению тактического доклада Милюкова. Содержание и характер прений по нему нам уже известны. Вождь партии оправдывал политику думской фракции, вехами которой были 26 июля и 27 января; критики же сводили свои упреки в основном к тому, что о непорядках в снабжении армии надо было говорить уже на январской сессии. Некоторые считали лозунг «министерства доверия» недостаточным и требовали заменить его требованием «ответственного министерства» и т. п. Но голоса критиков все еще тонули в хоре голосов, поддерживающих и одобряющих курс кадетского руководства.

Что же касается организационных проблем, то для них уже не нашлось

времени. Они попутно затрагивались лишь в некоторых выступлениях. В связи с этим председатель, закрывая конференцию, заметил, что «на конференции справедливо было указано на недостаточность времени, помешавшей рассмотреть много важных очередных вопросов, как организационного, так и программного характера». Очевидно, для их обсуждения надо будет вскоре созвать новую конференцию. Со своей стороны, отвечая на пожелания некоторых делегатов о присылке партийных документов на места для оживления партийной жизни на местах, Милюков заявил, что эти документы посылать по ряду причин неудобно, но «существует предположение возобновить функционирование бюро провинциальной печати и что этот вопрос в ближайшем времени будет поставлен на очередь в Центр [альном] ком [ите] те». На этом конференция была закрыта[106].

Милюков и его соратники в целом были довольны итогами конференции, хотя критика, раздавшаяся в их адрес, несмотря на ее умеренность в целом, была, что касается отдельных выступлений, достаточно резка[107]. «Все эти дни, — писал Шингарев 9 июня 1915 г. Е. М. Шингаревой, — у нас происходила конференция, на которую съехалось масса народу. Прошла она с большим подъемом и интересом». Однако предложенная нами тактика «многих очень взволнованных сочленов из породы Н. В. Волкова и Некрасова не удовлетворила. Требовали различно. Одни желали прямо и просто каких-то «дерзких и решительных действий», другие требовали более резких заявлений в нашей резолюции, третьи настаивали на включении в нее указаний на политическую амнистию и ответственное министерство и т. д... Мы не сдались, отстояли все свои позиции и победили» [108].

Характерно, что «Речь», сообщая о состоявшейся конференции, ограничилась чисто информационными сведениями о повестке (какие доклады в какой день обсуждались), отметив при этом, что печать осветила ее «односторонне», но не раскрыв, в чем эта односторонность выразилась. О докладе Милюкова было сказано весьма туманно, что он «устанавливал связь и **преемство** между тактикой к.-д. в предыдущих двух сессиях Гос. думы и в сессии, предстоящей теперь» [109]. Несомненно, эта крайняя сдержанность, нежелание сообщать ни о каких спорах, имевших место на конференции, были продиктованы стремлением Милюкова и Шингарева ничем не осложнить со своей стороны только-только наметившуюся перспективу соглашения «центральных фракций». Как было показано выше, курс на объединение с течениями, стоявшими правее кадетов (будущий «Прогрессивный блок»), являлся центральной идеей лидеров партии и определил всю их тактику, в том числе и в организационных вопросах.

Продолжением тенденций, выявившихся на конференциях в феврале и июне 1915 г., хаарактеризовалось и заседание ПОЦК 9 июня 1915 г. Здесь прежде всего был поставлен вопрос о бюро печати. Этот вопрос обсуждался в ЦК неоднократно, потому что указанное бюро то воскресало на короткое время, то снова прекращало свое существование. Очередное его обсуждение, подчеркнувшее неспособность и нежелание руководства наладить работу бюро даже в самых скромных финансовых пределах, выявило инерцию, равнодушие, сознание никчемности любых начинаний, обращенных к сколько-нибудь широким кругам, столь характерные для состояния партии.

Заведующий бюро печати доложил, что бюро фактически закончило свое существование в сентябре 1914 г. после того, как ЦК признал, что с закрытием Думы и разъездом членов фракции и ЦК можно ограничиться нерегулярной посылкой статей в провинциальные издания по мере возникновения

вопросов, «по которым партия хотела бы огласить свое мнение». С сентября ни одной статьи не поступило. Провинция также о себе не напоминала, только два абонента попросили о присылке статей. В кассе бюро осталось 13 руб. 87 коп., из которых еще следует уплатить одному автору 12 руб. За абонентами осталось долгов на несколько сот рублей, из которых рублей до 200 можно было бы взыскать, если бы бюро не прекратило своей деятельности. Если ее снова возобновить, потребовалось бы в месяц на расходы 85 руб.

В результате обсуждения было постановлено: возобновить деятельность бюро с оплатой гонорара авторам (кроме членов ЦК); заведование бюро поручить Тырковой «при участии» Шингарева. На первоначальную организацию дела израсходовать до 250 руб. По предложению Шаховского, было также решено обратиться к городскому (Петроградскому. — *А. А.*) комитету партии к.-д. за «обычной субсидией» на текущие расходы ЦК в размере от 300 до 500 руб.[110]

Следующий организационный вопрос, возбужденный Шаховским, был вопрос о кооптации в ЦК (по уставу ЦК имел это право). Этот вопрос также ставился неоднократно, численность ЦК фактически свелась примерно к 15 членам. «Чувствуется потребность, — мотивировал Шаховской, — в усилении его личного состава», которое сейчас может быть сделано только путем кооптации. Это мнение разделяют и другие члены ЦК, которые считают возможным кооптировать таких членов думской фракции, как К. К. Черносвитов, В. А. Харламов, П. П. Гронский, И. П. Демидов, Н. К. Волков, М. И. Пападжанов, С. В. Востротин, член Государственного совета Д. Д. Гримм, киевлянин Шольп и др. Было постановлено: «обдумать возможные кандидатуры» к следующему заседанию ПОЦК [111].

В связи с вопросом о кооптации Милюков на том же заседании поднял вопрос о легализации партии — вопрос, который также не раз и не два обсуждался кадетским руководством и всегда с отрицательным результатом. При этом важно отметить, что наиболее правые члены ЦК, которые, казалось, должны были стоять за легализацию, выступали против нее столь же решительно, если не более, чем центр и левые. Так было и на этот раз.

Шаховской, сообщил Милюков, ставит вопрос не только о кооптации, но и «о необходимости подъема организации партии в стране, о привлечении новых слоев». Но с этой проблемой «естественно» связывается вопрос о том, *«не начать ли формально ходатайствовать о легализации к.-д. партии, так как приступать к более или менее широкой организации партии в стране без легализации нельзя»* [112]. Хотя лидер партии и отметил, что текущий момент «для этого более благоприятен», он явно сам не был уверен в необходимости легализации и хотел просто взвесить все «за» и «против».

Первым, кто выступил против этой идеи, был Маклаков. Во-первых, неудобно легализоваться в тот момент, когда левых за одну лишь принадлежность к нелегальным партиям ссылают в Сибирь. Во-вторых, не следует зря толкать правительство на отказ. «В-третьих, мера эта просто бесполезна: когда настанет подходящий момент, то и без всякой легализации вылезут не только к.-д., но и с.-д.-ты. И, наконец, вовсе нет надобности вытаскивать из арсенала старое знамя и подчеркивать наш кадетизм. . . не следовало бы стараться выделять себя особо от других партий». Последние два довода очень важны. Из них следует прежде всего, что первопричиной малочисленности партии было отнюдь не отсутствие легализации. Утверждение

Маклакова о том, что в нужный момент кадеты умножатся в числе и без всякой легализации, могло означать применительно к *данному* моменту только одно: даже если легализация будет дана, партия останется прежней. Что же касается третьего довода, то Маклаков, конечно, разумел под «другими» партиями не социал-демократов, а октябристов и правых.

Шингарев считал, что кадеты не нуждаются в легализации, поскольку они «свободно работают в Земском и Городском союзах и т. п.». Шаховской также высказался против легализации «и полагал, что, по-видимому, всеобщее к ней отношение отрицательное...». Гредескул напомнил, что еще покойный С. А. Муромцев был принципиальным противником легализации.

После такого единодушия Милюков заявил, что вопрос о легализации он снимает с очереди, но считает нужным объяснить, что его навели на этот вопрос наблюдения в партийной среде, «даже в среде левых к.-д.». Эта мысль в провинции «всех гложет, хотя ее и скрывают. К.-д. повсюду ревностно преследуются. Партия настрадалась и наголодалась от недостатка деятельности». Из-за отсутствия легальности «расширение партии на местах делается невозможным». Минувшая конференция удивила его своей сдержанностью на этот счет, но про себя многие думают о легализации. «Легализация закрепила бы партию в ее нынешнем положении и не дала бы ей спуститься вниз. Пускай бы бранились левые, — это не должно смущать». Опасения Маклакова, что в случае легализации партия «слишком подчеркивала бы себя и отделяла от себя других, неосновательны; наоборот, легализация притягивала бы к партии многих, вызвала бы значительный прилив членов».

Нетрудно заметить, что в аргументации лидера кадетов имеется определенное противоречие: с одной стороны, легализация способствовала бы сохранению теперешнего status quo, с другой — привела бы к росту партии. Но главный интерес выступления Милюкова сказался в другом: в том неожиданном повороте прений, который оно вызвало. Раз легализация невозможна, а без нее плохо, нельзя ли избрать какой-нибудь третий путь, который, оставляя пока вопрос об организационном укреплении партии, привел бы к усилению кадетского влияния в народе. Такова была реакция сподвижников Милюкова на его речь.

Отвечая этому настроению, Шингарев «высказал предположение», поддержанное Маклаковым, что «следовало бы, может быть, сделать лозунгом дня „Союз национальной обороны"». (Перед этим Тыркова заявила, что «сейчас стране не партийные программы нужны, ей нужны пастухи... Мы представляем из себя ответственное ядро».) Далее он объяснил, как и почему эта идея пришла ему в голову. В конце мая, когда Шингарев был в Уфе, по его просьбе была созвана местная группа кадетов. Явилось пять человек. Тогда решили созвать непартийное совещание, и явились 70 человек, среди которых были люди и правее и левее кадетов. «Оказалось, что в то время, как местная партийная организация была мертва, вне ее нашлось много живых людей, откликнувшихся на нужды момента. Очевидно, здесь дело было не в политическом давлении на кадет», — умозаключал он. Может быть, говорил он далее, легализация помогла бы здесь двум-трем из кадетов проявить больше деятельности, «но общее положение это вряд ли изменило бы». Отсюда и этот лозунг «Союз национальной обороны», который он, Шингарев, «попробует пустить в Гос. думе». Он «не думает, что только к.-д. спасут страну, но, если они вольются в общественную среду, их влияние

может быть велико и плодотворно». Эту директиву следовало бы дать и в местные комитеты.

Большинство ответило призыву своего сочлена взрывом энтузиазма. Мануйлов «приветствовал мысль о том, как бы войти в какой-либо союз, посвященный обороне страны, делом; уже противно делается заниматься отвлеченными исследованиями дороговизны жизни и т. п.». Отметим, что это заявил человек, который всего три дня тому назад выступал на конференции с одним из таких «отвлеченных» докладов. Шаховской, считая мысль Шингарева «очень важной», предложил посвятить ее обсуждению специальное заседание ЦК «завтра же», что и было принято[113].

Главный вопрос, на который предстояло ответить как инициатору создания новой массовой организации, так и остальным: чем должен заниматься «Союз национальной обороны», если он будет создан. И как только этот, казалось, простой вопрос был поставлен, сразу обнаружилась мертворожденность идеи. Очередной грандиозный проект, так легко и быстро родившийся в голове одного из кадетских прожектеров, так же быстро обнаружил свою маниловскую сущность и был похоронен, не успев родиться. Споры вокруг проекта сводились, по сути дела, к вопросу о степени и мере соглашательства кадетов. Соглашательство, боязнь всякой «политизации» были общей платформой спорящих сторон. Оно же явилось и причиной несостоятельности проекта.

По мнению Шингарева, задача союза должна будет состоять в том, что он должен всюду, где можно, но не вмешиваясь в политику, помогать конкретно делу обороны — например, «родзянковской комиссии» (первому варианту Совещания по государственной обороне) и другим подобным организациям, а главное — выступать в качестве своеобразного контрольного органа — «осуществлять контроль над деятельностью правительственных органов», чтобы таким путем пресечь злоупотребления и просто неразумные распоряжения.

Маклаков, однако, считал, что центр тяжести должен лежать не в контроле над правительством, а в помощи ему. А раз так, то это оправдывает «всякие соединения и сочетания элементов» в будущем Союзе. «Надо поставить дело так, что мы не боремся с властью, а готовы ей помочь», — говорил оратор, поставив все точки над i в словах о том, что надо постараться приобщить к этому делу всю страну «и тем отвести ненависть и естественную злобу от правительства». На опасения Некрасова, не будет ли в таком случае проектируемый союз сборищем разношерстных и прямо несовместимых элементов, Маклаков ответил, что, по существу, это будет Комитет общественного спасения, а раз так, то он в него «допустил бы и Пуришкевича».

Ценность этого признания состоит в том, что Маклаков довел до логического конца идею Шингарева. По сути дела, кадетская верхушка задумала создать некий аналог «Союзу русского народа», лишь несколько «облагороженный» военно-патриотическим воодушевлением. Об этом прямо заявил Шаховской, указав, что проектируемый союз — это «лозунг, который должен объединять царя, Гос. думу и весь народ».

Неосуществимость проекта обнаружилась сразу, как только зашла речь о его практическом воплощении. Дальнейшие прения были точным отражением поговорки «кто в лес, кто по дрова». Шингарев предлагал организовать в Петрограде «первоначальный основной кружок из лиц со строгой репутацией, который служил бы магнитом для одних и отпугивал других».

Шаховской возразил, что это комитет, а не союз, ибо идея союза в том и состоит, чтобы быть доступным всем, и предлагал свой план, столь же эфемерный, как и план Шингарева. Тыркову смущал вопрос, в каком отношении будет находиться проектируемый союз к Особому совещанию по обороне и военно-промышленным комитетам. В конце концов Милюков заявил, что в предложенной Шингаревым форме союз уже запоздал, поскольку уже образовались группы, которые на чисто деловой почве работают с правительственными органами для удовлетворения нужд обороны.

Суть дискуссии очень хорошо выразил Гредескул, сказав (в несколько другой связи) следующее: «В моменты декларативные мы хороши. К.-д. — человек с большой головой и хорошим языком, но без практической работоспособности». Люди с «большой головой» и «хорошим языком» в конце концов потеряли тему обсуждения, сбились на вопрос о созыве Думы и др., и «на этом закончился общий обмен мнениями по докладу А. И. Ш[ингарева]» [114]. Больше вопрос, добавим от себя, не возобновлялся.

Время от времени, по разным поводам, в ЦК возникал и обсуждался вопрос о партийных финансах. На заседании ПОЦК 18 июня 1915 г., о котором идет речь, он был поднят в связи с двумя постановлениями думской фракции о необходимости собрать для ЦК взносы с местных организаций «в размере не менее 10 р. от каждого комитета». В ходе мелочной дискуссии по этому вопросу, когда дебатировалось, кто именно должен обратиться к комитетам, Петербургское или Московское отделение ЦК, Шаховской выражал надежду собрать до 1 тыс. руб., 200 руб. ему уже обещали, указывая, что понадобится в течение трех месяцев примерно 300 руб. (для оплаты по совместительству одного из двух секретарей думской кадетской фракции), а Шингарев жаловался, что при ЦК нет ни библиотеки, ни организации для получения справок, выборок из газет и книг и т. п.[115]

Обнаруживалось поразительное явление: кадеты не имели денег не потому, что это была партия бедняков (как заявил Шаховской, и это соответствовало действительности, кадеты при желании всегда могли найти деньги, и притом немалые), а потому что им некуда было их тратить. У них не было расходов, не считая оплаты протоколиста и тому подобных мелочей. А не было их потому, что почти полностью прекратилась всякая организационная работа, на которую в первую очередь и требуются деньги. Финансовый инфантилизм кадетского ЦК был обусловлен его организационным инфантилизмом — наличием, выражаясь словами Гредескула, «большой головы» при отсутствии крепких, практических «рук».

Признаком нарастающего кризиса стал, помимо разногласий и отказа от принципа каких-либо подлинно практических решений на кадетских форумах, выход отдельных видных членов из ЦК партии, притом стоявших как левее, так и правее милюковского «центра». Наиболее существенным в этом процессе было появление в руководстве оппозиции слева.

Со времени V съезда партии (1907 г.) в ней не было левого течения, если под таковым разуметь целеустремленную, планомерную и в какой-то мере организованную и возглавляемую критику кадетского руководства с более или менее левых позиций. В ЦК вообще не осталось ни одного представителя левого течения, — все они были изгнаны из него на Гельсингфорском съезде. Критику со стороны некоторых представителей с мест, которая раздавалась на кадетских конференциях, левой оппозицией в указанном смысле назвать нельзя. Во-первых, она часто представляла собой

не столько настроение того или иного комитета как отражение настроений мест, но порой просто личное мнение делегата, не согласованное или даже противоречащее взглядам пославшего его комитета, что обычно специально оговаривалось. Во-вторых, критика эта была все же робкой и непоследовательной. Комитет, занимавший критическую позицию на одной конференции, на следующей мог выступить с полным одобрением линии ЦК и фракции, а в конечном итоге провинция послушно принимала те решения, которые ей навязывало руководство.

В довоенные годы Милюкову и шедшему за ним большинству в ЦК и фракции приходилось выдерживать сильное давление оппозиции справа, в лице таких членов ЦК, как П. Б. Струве, А. С. Изгоев, Н. А. Гредескул, А. В. Тыркова, и членов фракции М. В. Челнокова, В. А. Маклакова, М. М. Новикова. Основная суть разногласий сводилась к тому, что правые требовали перехода партии на рельсы открыто контрреволюционного либерализма, настаивали на необходимости отказа от демократической вывески, а Милюков и его сторонники, учитывая новый революционный подъем и углубление политического кризиса в стране, который, по всей вероятности, заставит партию снова апеллировать к массам, и прежде всего к крестьянству, категорически отказывались выполнять это требование. Незадолго до войны дело едва не дошло до раскола. Несколько членов ЦК создали газету «Русская молва», которая выступала с прогрессистских национал-либеральных позиций, с критикой собственного ЦК и газеты «Речь», однако не выдержала соревнования с последней и вскоре закрылась. Крупные столкновения во фракции были у Милюкова с тройкой московских депутатов — Челноковым, Маклаковым и Новиковым, стоявшими на полуоктябристской позиции [116].

Теперь же произошло столкновение с представителем более левого курса — казус с выходом Н. В. Некрасова из ЦК. В свое время Некрасов был кооптирован в ЦК в качестве одной из контрмер против правых. Казус как раз и состоял в том, что ушел единственный левый член ЦК, притом не избранный, а кооптированный. Иначе говоря, в глазах кадетской общественности этот демонстративный выход выглядел как протест против диктата Милюкова и К°, проводимого им правого курса. В письме Некрасова в адрес ЦК от 12 июня 1915 г., посланном из Москвы, его протест в этом плане был достаточно резок.

Отметив в начале письма, что решение о выходе из ЦК им подготавливалось давно, Некрасов далее писал: «Мои разногласия с большинством ЦК, особенно с членами его, фактически руководящими деятельностью Петербургского отделения, имеют довольно большую давность. Мои выступления в других органах партии по партийным делам против решений Комитета не раз вызывали недовольство членов ЦК, некоторые из них даже выражали его мне в резкой форме, что создавало весьма тяжелое положение для меня как кооптированного самим ЦК членом его». До поры до времени он, Некрасов, считал возможным игнорировать эти нападки в интересах дела, пренебрегал личными обидами. Далее излагалось, в чем этот интерес, с его точки зрения, состоял.

«Мне казалось, — писал он, — что присутствие мое в ЦК было полезно, как представительство определенного течения в среде партии народной свободы, — течения, выдвигающего на первый план единение демократических элементов страны, тесную связь партии с национальными группами демократии и активные приемы деятельности в стране и Г[осударственной]

думе». Война прервала обычное течение партийной жизни, «но не сняла с очереди эти мои разногласия с большинством ЦК, дав им лишь новую форму. Пассивное отношение ЦК к событиям, возведенный в культ нейтралитет в отношении правительственной политики и полное игнорирование жизни под влиянием преклонения перед западными образцами без учета степени их соответствия нашим условиям — все это создавало для моего участия в ЦК чрезвычайно тяжелые условия уже в первые месяцы войны».

Отъезд на фронт (Некрасов стал одним из руководителей Городского союза и фактически переехал в Москву) прервал это участие, но по доходившим сведениям и личным наблюдениям при посещении Петрограда он видел, что изменений в настроении большинства ЦК не произошло. Таким образом, «перед лицом грозного кризиса настроение и тактика руководящих элементов ЦК остались прежними. . .». Поэтому, уезжая на фронт, «я не хочу больше нести ответственность за деятельность учреждения, пережившего само себя, и ухожу из его состава, чтобы свободно от упреков в выдаче тайн ЦК продолжать в качестве рядового члена партии борьбу с вредной политикой ее руководящего органа». В заключение Некрасов сообщал, что не намерен скрывать от своих партийных товарищей ни свое решение, ни его мотивы, вопрос же об оглашении факта его выхода в печати предоставляет на усмотрение ЦК [117].

После такого письма Милюкову и К^0 стало действительно не совсем ловко пополнять состав ЦК путем кооптации. Обсуждение казуса Некрасова в ЦК свидетельствовало об известной растерянности и явной озлобленности в отношении своего недавнего коллеги.

Шаховской предложил факт выхода из ЦК огласить, мер к удержанию Некрасова не принимать и сам этот факт признать «благоприятным с партийной точки зрения». Поступок Некрасова, равно как и его самого, Шаховской характеризовал весьма иронически и недружелюбно. Протопопов, согласившись с Шаховским, полагал необходимым, в ответ на акцию Некрасова, «теперь же кооптировать в ЦК кого-либо из тех, кто в нем недостаточно представлен, т. е. из более левых членов партии — *для того, чтобы ЦК был осведомлен об их настроениях*». Шингарев был крайне обижен упреками Некрасова, отрицал их и предложил просить его подтвердить свои обвинения фактами. Однако эта идея сочувствия не встретила. Милюков считал, что надо ограничиться только сообщением о факте выхода Некрасова, его же письмо не публиковать, так как это было бы «неудобно» — кадетский лидер явно не желал показывать внутреннюю кухню, свидетельствовавшую о неблагополучии в ЦК, публично признать превращение ЦК в кучку людей, фактически узурпировавших власть в партии. Присутствовавшие согласились с лидером. Расхождения возникли лишь по вопросу о сроках опубликования: два человека высказались за немедленную публикацию, остальные «признали нужным» опубликовать через несколько дней. Решено было также не касаться выхода Некрасова на заседании фракции, назначенном на завтра (19 июня) [118].

О том, что́ представляла собой публикация, очень хорошо видно из письма Петрункевича, посланного 4 июля 1915 г. из Кореиза Милюкову. «Сообщение „Речи“ о выходе Некрасова из состава ЦК так лаконично, — сетовал Петрункевич, — что понять смысл этой отставки я не мог бы, если бы не пришли на помощь „Русские ведомости“, дающие более подробный рассказ о факте, имеющем в партийной жизни, как мне кажется, немало-

важное значение». Из дальнейшего следовало, что автор письма правильно уловил общепартийную значимость казуса Некрасова. «Выход из ЦК Некрасова, — пояснял он свою мысль, — произведет в партийной среде целый ряд недоуменных вопросов и предположений, в сумме своей нежелательных и не безвредных для партии». Прежде всего вызовет недоумение лаконизм «Речи»; «. . .едва ли в интересах партии отделываться молчанием, до известного предела служащим поддержанию дисциплины, а за этим пределом — разъедающим ее».

«Дело Некрасова, — делал вывод Петрункевич, — мне представляется заслуживающим особенного внимания, так как оно бросает яркий свет на положение нашего ЦК. . . Ни для кого не секрет, что состояние ЦК не может быть признано нормальным». Ввиду этого необходимо собрать осенью конференцию с тем, чтобы переизбрать ЦК. «Я не сомневаюсь, что переизбрание ЦК оживит его деятельность и придаст ему необходимый авторитет» [119].

По-видимому, мнение одного из основателей кадетской партии, многолетнего председателя ее ЦК, вынужденного по состоянию здоровья жить бóльшую часть времени в Крыму, человека, пользовавшегося большим авторитетом в партийной среде, оказало влияние на позицию Милюкова по части съезда и переизбрания ЦК.

Петрункевич имел тем большие основания считать, что «дело Некрасова» является одним из симптомов падения авторитета кадетского ЦК, что за несколько месяцев перед этим под его председательством в ЦК обсуждалось другое «дело» — «дело Челнокова», которое было своеобразным, если так можно выразиться, казусом Некрасова наоборот: Некрасов отрицательно охарактеризовал ЦК с левых позиций, Челноков критиковал ЦК справа.

Следует отметить, что это был второй казус Челнокова. Первый имел место еще до войны и вылился в острый конфликт между ним и большинством кадетской фракции в Думе, с одной стороны, и Милюковым — с другой. Суть конфликта состояла в том, что Челноков вошел в думскую Комиссию по военно-морским делам вопреки ранее принятому постановлению фракции не входить в нее до тех пор, пока правооктябристское большинство будет дискриминировать, не допуская в комиссию представителей левых фракций Думы. Челноков не только нарушил это постановление, но и повел за собой большинство фракции. Только тогда, когда Милюков заявил, что он слагает с себя обязанности председателя фракции, т. е. поставил фракции ультиматум — или он, или Челноков, — фракция капитулировала, и Челноков заявил о своем выходе из комиссии [120].

Затем, однако, история повторилась, но на этот раз казус был связан с избранием Челнокова московским городским головой в сентябре 1914 г. По закону избрание городского головы утверждалось верховной властью. В случае отказа это сделать, нужно было выбирать нового кандидата. До избрания Челнокова министр внутренних дел Маклаков уже отказал в утверждении трем избранникам Москвы на том основании, что они якобы принадлежат к «антиправительственным» течениям и партиям, каковыми считались кадеты и прогрессисты. Прежде чем подвергнуться баллотировке, Челноков заявил, что в случае своего избрания городским головой он выйдет из кадетской фракции в Думе.

На заседании ПОЦК 2 ноября 1914 г. было «выслушано сообщение» о появившемся в газетах письме Челнокова, избранного в московские

городские головы, о том, что он, ввиду избрания и если верховной власти «угодно будет» назначить его головой, «сочтет себя обязанным отказаться от всякой политической партийной деятельности и т. д., и о том, что он считал нужным давать письменные объяснения министру вн[утренних] дел Маклакову в том же смысле». При обсуждении этого шага в МОЦК, «выдвигавшем Челнокова в головы именно как члена к.-д. партии, о чем известно было и его избирателям», некоторые члены МОЦК нашли этот шаг «неуместным отречением от партийной физиономии, наносящим моральный удар партии»; другие находили, что «отказа от к.-д. убеждений» в письме Челнокова нет. В результате обсуждения этого инцидента МОЦК уполномочил трех своих членов переговорить с Челноковым с тем, чтобы выяснить более точно его точку зрения.

На заседании ПОЦК 2 ноября 1914 г. также обсуждался вопрос, вправе ли лицо, прошедшее в Думу как кандидат партии, сохранять свои депутатские полномочия после того, как оно отказалось от принадлежности к этой партии. «Принципиально вопрос этот решался отрицательно», но по отношению к Челнокову, ввиду посылки к нему депутации, о результатах которой сведений еще нет, было решено пока «от того или иного постановления воздержаться» [121].

Собравшееся в Москве в ноябре 1914 г. пленарное совещание было посвящено «окончательному обсуждению» вопроса о заявлении Челнокова и оставлении его в партии, в думской фракции к.-д. и в звании члена Государственной думы от Москвы [122].

Протокол этого заседания до нас не дошел, но след его остался в дневниковой записи от 2 декабря 1914 г. Полностью сочувствуя Челнокову и осуждая Милюкова, которого она не любила, Тыркова писала: «М[ихаил] Вас[ильевич] говорил, что все министры поздравляли его московским головой... Зато наш мудрый ЦК чуть было М[ихаила] Вас[ильевича] из голов не разжаловал.

Было это в Москве, в прошлое воскресенье, заседал пленарный ЦК в живописном подполье Долгорукова. Он сообщил, что М. В. [Челноков] собирается выйти из фракции, не выходя из партии. Начались не особенно дружественные суждения. Милюков с улыбочкой говорил, что так нельзя. Шаховской горячился, отстаивая партийную дисциплину. Я не поняла, чего они хотели, ч[то] б[ы] М. В. [Челноков] не уходил из фракции, или чтобы он ушел из партии. Но москвичи, Тесленко, Астров, Кишкин, нашли, что переизбрать Челнокова нельзя. Выборы стоили Москве 60 т. Надо было тогда заявить о таком расходе раньше, если выбирать его в головы. И было неприятно. Какой-то поход против человека недисциплинированного, но очень даровитого» [123].

Однако даже из этого свидетельства видно, что «суждения» особенно недружественными не были и что москвичи были явно на стороне своего земляка, несмотря на то что его акция с точки зрения любой партии не могла быть оправдана. Даже Тыркова вынуждена была признать, что Челноков нарушил устав, деликатно упомянув о недисциплинированности.

Виновник переполоха отреагировал на это заседание опубликованием письма в «Русских ведомостях» от 20 ноября, в котором заявлял, что, поскольку «выход из фракции, по мнению многих моих политических единомышленников, должен повлечь за собой сложение и депутатских полномочий», то это будет сделано — последует отказ от звания члена Государственной думы. Но отказ от участия в партийной деятельности не

означает отказа от политических убеждений. «Я сохраняю свои прежние взгляды на положение России и на пути к ее преуспеянию...» и т. д.

Это письмо было оглашено на заседании ПОЦК 23 ноября. Обрадованные соратники Челнокова решили, что раз Челноков сохраняет свои кадетские убеждения и отказывается от звания члена Думы, следует «считать вопрос о действиях М. В. Ч[елнокова] ликвидированным для данного времени» [124]. Последние слова, видимо, были известной страховкой на будущее: зная подлинные настроения Челнокова, которые были больше сродни октябристским, чем кадетским, руководители партии с полным основанием предположили, что им еще предстоят немалые хлопоты с их «недисциплинированным, но даровитым» товарищем. Партнеры Челнокова как в воду глядели. Прошло два месяца, и снова пришлось возвращаться к делу, которое казалось уже прочно закрытым. На заседании ПОЦК 31 января 1915 г. Милюков огласил полученную от МОЦК телеграмму в адрес фракции следующего содержания: «Собравшиеся в Москве городские головы просят фракцию не настаивать на выходе московского городского головы М. В. Челнокова из состава Госуд[арственной] думы». В связи с этим Милюков сообщил, что из фракции Челноков уже вышел,«а из того факта, — заключал он, — что и приписывался он к фракции не в качестве ка-д-та (а в качестве „примыкающего". — *А. А.*) и в своем объяснительном письме в газете опять-таки себя таковым не назвал, можно было заключить, что он выходит и из состава партии». Что же касается выхода Челнокова из Думы, то здесь дело обстоит следующим образом. Этот вопрос Челноков предоставил решить Московскому городскому комитету партии, выставившему в свое время его кандидатуру в члены Думы, и поскольку комитет настаивал на его выходе, то Челноков прислал соответствующее заявление на имя Родзянко. Однако последний не хочет его ухода из Думы и не делает пометки о принятии на его заявлении. Фракция же считает, что «после выхода Челнокова из ее состава дальнейшие поступки его с формальной стороны ее уже не касаются».

И мнение Милюкова, и решение фракции были типичной кадетской казуистикой, целью которой было уйти от единственно возможного в данном случае для всякой уважающей себя и дорожащей своим авторитетом партии решения: открыто исключить Челнокова из своих рядов. Челноков действительно свое письмо составил так, чтобы ни разу не сказать, что он кадет. Вместе с тем он не заявлял и о своем выходе из партии, так что интерпретация Милюкова, что письмо есть свидетельство о выходе из партии, была чистой спекуляцией. Точно так же беспринципно повела себя и фракция. Поскольку Челноков получил свой мандат в Думу от кадетов, у фракции, так же как и у ЦК, могла быть только одна позиция: решительно требовать, чтобы Челноков сложил свои депутатские полномочия. Как показал дальнейший ход событий, решение фракции имело обратную цель: дать возможность недавнему ее члену остаться в Думе.

Выступивший в защиту Челнокова его друг Маклаков полностью дезавуировал хитроумное умозаключение Милюкова, заявив, что Челноков в своем письме в газеты ни словом не говорил о своем выходе из партии. «Наоборот, там М. В. Ч[елноков] подчеркивал, что от прежних своих взглядов не отказывается и В. А. М[аклаков], присутствовавший при писании этого письма, может удостоверить, что сделано это вполне сознательно в том смысле, чтобы предотвратить возможные заподозривания его, Челнокова, в отступничестве».

Казалось, после такого разъяснения у ЦК просто не остается иного выхода, как объявить Челнокова выбывшим не только из фракции, но и из партии. ЦК поступил наоборот. Ф. И. Родичев, фон-Рутцен и Милюков в ответ на него заявили, что «раз нет со стороны М. В. Челнокова отречения от партии, нет и оснований для Ц. К-та заниматься этим делом». Что же касается ухода Челнокова из Думы, то это прежде всего дело его избирателей, т. е. Московского городского комитета партии, который, как видно из телеграммы МОЦК, «еще не сказал своего последнего слова в этом деле». Поэтому было постановлено подождать решения Москвы и только после этого, «если дело будет касаться Ц. К.-та, войти в обсуждение дела» [125—126].

Больше ПОЦК «войти в обсуждение» дела Челнокова не пожелал. Что же касается «последнего слова» Московского городского комитета и МОЦК, то оно выразилось в следующем. В письме от 26 января заместитель Челнокова по Всероссийскому городскому союзу и Московской думе, а также член МОЦК Астров довел до сведения бюро городского комитета партии к.-д., что комитет прогрессивной группы гласных Московской городской думы, обсудив 25 января вопрос о сложении депутатских полномочий Челноковым, пришел к заключению, что это «представляется совершенно нежелательным», и просит бюро организовать совещание обоих комитетов (т. е. городского и МОЦК) «для обмена мнениями по этому вопросу» [127].

Состоялось ли такое совместное заседание, неизвестно. Но 31 января, т. е. в тот же день, когда обсуждал вопрос о Челнокове ПОЦК, собрался МОЦК и вторую половину заседания, как указывается в протоколе, также посвятил вопросу о выходе Челнокова из Думы. В результате было принято следующее решение: 3 февраля бюро Городского комитета должно переговорить с Челноковым, с тем чтобы получить от него официальное сообщение о посылке им, Челноковым, председателю Думы нового заявления об отказе от депутатского звания. После этого оно докладывает городскому комитету о результатах переговоров и вырабатывает форму опубликования в газетах этого сообщения. В случае отказа Челнокова разрешить опубликовать его в газетах помещается резолюция Городского комитета [128].

К сожалению, содержание этой резолюции нам неизвестно. Не осталось в документах и следов дальнейшего течения дела Челнокова в верхах партии, за исключением обсуждения его на VI съезде партии (о чем скажем ниже).

Параллельно развивалось «дело» Струве. Фактически Струве вышел из ЦК, да и из партии, уже давно. Его биограф указывает, что он «молчаливо вышел из кадетской партии еще в 1908 г.» [129]. Однако формально он с нею не порывал и время от времени, с большими перерывами, посещал даже заседания ПОЦК. Расхождения его с верхушкой партии, руководимой Милюковым, были давние. Тот же автор свидетельствует, что в партию Струве «вступил не без колебаний, после долгих и сложных переговоров с ее лидером П. Н. Милюковым, и занял позицию на ее правом крыле» [130]. Точнее было бы сказать, «на самом правом ее крыле», прибавив к этому, что год от года Струве все более и более уходил вправо. Одним из главных предметов его расхождений с кадетским ЦК, переросшим в открытую и резкую полемику в печати, был украинский вопрос, по которому Струве занял позицию, мало чем отличавшуюся от позиции Шульгина, ярого украинофоба, отказывавшего украинцам даже в праве считать себя

отдельным народом. Естественно, Милюков и К⁰, вынужденные заботиться о сохранении «демократического» лица партии, должны были отмежевываться от тех откровенно великодержавных взглядов, которые проповедовал Струве в украинском вопросе, тем более что против этой позиции решительно протестовал Киевский комитет кадетов — самый крупный и влиятельный из всех провинциальных комитетов партии.

С началом войны Струве вновь и притом довольно регулярно стал являться и активно выступать на заседаниях ПОЦК. Объясняется это тем, что, как уже указывалось, на этих заседаниях едва ли не главным предметом занятий стал национальный вопрос, который в первую очередь и интересовал Струве. Он полагал, что, сделав резкий крен вправо в связи с войной, кадетское руководство займет такую же позицию и в национальном вопросе, т. е. пойдет навстречу ему, Струве. Однако хотя его расчет и оправдался, но не в той мере, на какую он рассчитывал. В результате Струве послал на имя Долгорукова письмо, в котором заявлял о своем выходе из ЦК. Письмо было датировано 8 июня 1915 г., т. е. было написано за четыре дня до того, как аналогичное письмо написал Некрасов.

Письмо было переслано Долгоруковым в ПОЦК и на другой день, 9 июня, было зачитано на его очередном заседании. В письме говорилось: «Я давно собирался сложить с себя звание члена Центр[ального] комитета, так как разногласия между большинством комитета и большинством партии, с одной стороны, и мною — с другой, настолько глубоки, что дальнейшее мое пребывание в ЦК может лишь стеснять и связывать как Комитет, так и меня, не принося делу никакой пользы». В заключение Струве просил товарищей по ЦК верить в неизменность его добрых чувств к ним. На письме имелась пометка Долгорукова следующего содержания: «Вполне понимая мотивы П. Б. Струве, передаю его письмо в ЦК, который, не сомневаюсь, весь без исключения разделяет со мной чувство глубочайшего уважения и самое хорошее, теплое отношение к дорогому нашему товарищу по Союзу освобождения и по к.-д. партии П. Б. Струве. Какое бы ни было наше партийное взаимоотношение с П. Б., уверен и надеюсь, что даже в ближайшем будущем нам неизбежно придется вместе с ним работать на общественно-политическом поприще». Это заключение было встречено полным одобрением. ПОЦК постановил: «. . .присоединиться к этому мнению кн. П. Д. Д[олгорукова]» [131].

Дело Некрасова и сопутствовавшие ему дела Челнокова и Струве показали кадетскому руководству, что поднятие авторитета ЦК, опустившегося до критической отметки, стало насущнейшей проблемой. Переизбрание ЦК было необходимой исходной предпосылкой для решения этой задачи. Таким образом, все указывало на необходимость созыва съезда. И если еще 18 июня 1915 г. на заседании ПОЦК речь шла о необходимости созыва конференции, о съезде никто и не думал, то уже на пленарном совещаниии ЦК в Москве 14 июля 1915 г. П. Н. Милюков поднял вопрос «о партийном съезде с целью переизбрания ЦК».

Идея Милюкова была полностью поддержана. Была избрана в помощь ЦК комиссия по организации съезда в составе Шаховского, Садырина, А. Г. Хрущова, П. П. Юренева, Юницкого, А. И. Бакунина, Овчинникова, Иорданского, Л. Е. Эльяшева, Е. В. Ю[?] и Ю. Г. Г[убаревой].

Встал, разумеется, вопрос о деньгах. МОЦК, ведавший всеми финансовыми расходами, располагал 2 тыс. руб. Было решено пополнить этот фонд за счет взносов губернских комитетов, привлечения к этим сборам

некоторых состоятельных лиц, использования в Петрограде таких учреждений, как Центральный банк и Союз страховых обществ, и прежде всего таких лиц из их состава, как Парамонов, Макушин, Яичков. Таким образом, можно еще раз убедиться в том, что Шаховской был прав — когда кадетам нужны были деньги на какое-либо конкретное дело, деньги всегда находились. Была утверждена также и программа съезда: «1) доклад о деятельности ЦК за 8 лет существования, 2) переизбрание ЦК, 3) тактический доклад» [132].

Таким образом, лидер партии, который, как нам известно, был самым ярым противником съезда, совершил крутой поворот. Суммируя указанные выше неблагоприятные для партии тенденции, можно сделать вывод и о причинах этого поворота. Война со всеми открывшимися для кадетов возможностями благодаря их резкому повороту вправо не только не привела ни к каким изменениям по части роста партии и укрепления ее организаций на местах, а скорее еще более ослабила их. Конференции 1915 г., особенно июньская, наглядно показали, что критика политики и тактики ЦК и фракции, как бы не непоследовательна она ни была, приобрела уже такие размеры и формы, что ее нейтрализация стала срочной необходимостью. Самым лучшим оружием здесь явилось бы, с точки зрения Милюкова, одобрение курса ЦК высшим органом — съездом. Развал в самом ЦК делал дальнейшую проволочку со съездом уже просто невозможной. В частности, на пленарном заседании ЦК, решившем вопрос о созыве съезда, присутствовало всего девять человек, и это было отнюдь не минимальным числом, ибо были заседания еще малочисленнее. Но дело было не только в том, что ЦК превратился в маленькую группку людей, забывших, когда они получили свои полномочия. Резко, в силу его малочисленности и фактической узурпации власти, упал его авторитет. Одним словом, дальше терпеть уже было просто нельзя, и значение инцидента с Некрасовым как раз и состояло в том, что он наглядно подтвердил этот факт.

* * *

Шестой съезд партии, состоявшийся в феврале 1916 г., был, несомненно, главным событием внутрипартийной жизни кадетов в описываемый период. Таковым он явился уже потому, что имел место после длительного перерыва — через восемь с лишним лет после пятого, Гельсингфорского съезда (октябрь 1907 г.). Тем не менее даже такое ключевое мероприятие в жизни партии не привело к серьезному сдвигу в ее внутреннем состоянии и положении в стране. Этот результат был тесно связан с теми задачами, которые ставило перед съездом руководство партии, давно уже отказавшееся от приобретения влияния в массах и стремившееся лишь к парламентским комбинациям.

На пленарном заседании ЦК 21 августа 1915 г. по этому поводу развернулись весьма интересные прения. Когда Шаховской в который раз поставил вопрос (в другой связи) о необходимости «демократизации нашей партии», разумея под этим привлечение симпатий мелких ремесленников, городских приказчиков, кооперативных деятелей, представителей больничных касс и профессиональных рабочих союзов, призвав «энергично развить» эту работу немедленно и тем самым «достичь значительного усиления и обновления партии еще до съезда», — призыв его был встречен весьма скептически.

По мнению Родичева, на предстоящий съезд партии следовало смотреть

«скромнее». В успешность предлагаемой Шаховским «предварительной работы» он «верит мало. На местах все осталось по-прежнему... Скорее можно ожидать, что съезд сам даст толчок к оживлению и усилению партийного движения». В связи с этим Долгоруков снова поднял вопрос о легализации, с тем чтобы созвать съезд открыто. На это Изгоев заметил, что, хотя он и убежден, что легализация партии «очень содействовала бы ее усилению», он все же считает этот шаг «совершенно неудобным». Корнилов также объявил эту идею «неудобной», а раз так, то «невозможен и открытый съезд».

В ответ Шаховской, «соглашаясь с недопустимостью легализации партии» и, следовательно, невозможностью открытого съезда, все же считал мнения Родичева «слишком пессимистическими». Обстоятельства теперь другие. Но как бы то ни было, «совершенно недопустимо решать наперед, что партия ничего не может сделать в смысле организации партии». Если кадеты не сделают этого, «другие займут место, которое по праву(!) принадлежит нам».

Если Шаховской, так сказать, был великим оптимистом кадетской партии и даже поэтом («все теперь волнуется, все кипит, надо смело идти в самую гущу жизни, ни в чем не отрекаясь от самих себя», — заливался он соловьем в ответ Родичеву), а Родичев — ее великим пессимистом, то Милюков, согласно этой условной классификации, был ее «великим реалистом». То, что говорит Шаховской, верно, заявил кадетский лидер, «но это общие места, из которых нельзя сделать конкретных выводов». Привлечь новые партийные силы вряд ли удастся. Легализация партии «по общему и справедливому признанию» недопустима. «Вообще на приток новых сил рассчитывать трудно, да и неизвестно, в какой степени на них можно положиться. Съезд придется строить не на новых, а на старых силах». Таким образом, Милюков сам признал, что его довоенные возражения против съезда полностью остались в силе, но теперь он считает возможным не принимать их в расчет, поскольку ему от съезда нужно только одно: переизбрание ЦК.

Возражая на эту невысказанную, но совершенно прозрачную мысль лидера партии, Корнилов заявил, что перед будущим съездом стоят большие политические задачи, «а не только перевыборы ЦК. Для последнего не было бы надобности откладывать съезд (с довоенных времен. — *А. А.*)». Дальше перечислялись «задачи» в духе Шаховского. Время, «остающееся до октября (на который сперва был отложен съезд. — *А. А.*)», надо максимально использовать для организационных мер, в числе которых важное место должны занять «разъезды», т. е. поездки в провинцию членов ЦК и других видных деятелей партии.

Тем не менее Родичев снова заявил, что «сомневается, чтобы будущий съезд знаменовал собой возрождение партии». Шингарев, в свою очередь, указал на «чрезвычайную трудность выполнения программы Д. И. Шаховского. Подойти к левым — это значит пойти на социальные реформы, поддерживать же Львова (председателя Земского союза. — *А. А.*) — это значит отказаться от них». Кроме того, «в Думе сейчас происходит разделение не по демократическим силам, а по умеренным, и именно с ними мы вступаем в блок». Следовательно, перед нами дилемма: «либо идти в блок, либо идти к левым», и «пусть на это и ответит съезд». Шингарев, конечно, не сомневался, что ответ будет в пользу первого варианта.

Ограниченность задач, ставившихся перед съездом лидерами партии, отразилась и на слабости подготовительных организационных мероприятий.

Срок открытия съезда неоднократно переносился — то из-за неготовности местных организаций к избранию делегатов, то из-за стремления приурочить съезд к работе Думы, с тем чтобы набралось побольше участников. Финансирование съезда было решено обеспечить не только обложением губернских организаций партии [133], но и апелляцией к «жертвователям», причем Д. Д. Протопопов заметил при обсуждении этого вопроса, что «оживление деятельности партии создаст и приток средств. В частности, он лично не затруднится тогда обратиться с просьбой о пожертвованиях ко многим своим знакомым» [134]. Таким образом, хотя в сравнении с прогрессистами и октябристами организационные потенции кадетов выглядели внушительно, на деле они оказывались весьма скромными, особенно если учесть, что партия действовала практически в условиях полной легальности и располагала финансовой поддержкой ряда богатых людей.

Отсутствие черт массовой, подлинно демократической партии сказалось и на крайней ограниченности подготовительной работы на местах — «апелляцией к рядовым» лидеры явно не увлекались. Комиссия Шаховского предложила поездки: Садырина — в Харьков, П. П. Юренева — в Чернигов, Э. А. Дубоссарского — в Крым, Эльяшева — в Одессу, Шполянского — в Екатеринослав. 24 августа, заявил Шаховской, открывается кооперативный съезд в Твери, туда следовало бы поехать Родичеву или Гронскому. 26 августа — кооперативный съезд в Вологде, туда поедет он сам. 29 будет съезд в Киеве, и киевляне просят, чтобы приехал кто-нибудь из ЦК. Полезен был бы объезд Сибири. В результате было постановлено (заседание ЦК 21 августа 1915 г.) признать необходимыми следующие поездки: а) Милюкова — в Одессу, б) Корнилова — в Киев, в) Шаховского — в Вологду и г) Родичева и Гронского — в Тверь. ЦК решил также, что комиссия должна издать к съезду политические брошюры, в первую очередь брошюру об ответственном министерстве (чтобы разъяснить, почему партия на данный момент отказалась от него в пользу «министерства доверия». — *А. А.*), автором которой просить быть Кокошкина [135]. Помимо этого, комиссия в своих циркулярах признавала «весьма желательным, чтобы все делегаты выбирались на съезд правильно организованными губернскими делегатскими собраниями», в соответствии с уставом партии. Комиссия считала также «безусловно желательным» областные съезды в крупных областных центрах, которые надо провести до общепартийного съезда, с тем чтобы обсудить местные организационные вопросы, «общие целым группам губерний» [136].

Однако достигнутые результаты оказались весьма скромными. Из намеченных областных съездов удалось созвать только единичные — подмосковный, в Саратове, в Харькове. Главная задача — укрепление губернских комитетов и на этой основе — «правильное», уставное представительство на съезд — не была выполнена совершенно. Иными словами, созванный съезд ничем не отличался от обычной кадетской конференции.

В день открытия съезда 18 февраля 1916 г. было зарегистрировано 125 человек. Но на поверку собственно делегатов было меньше. Дело в том, что из 13-ти кадетов — депутатов первых двух Дум, явившихся на съезд, только пять были собственно делегатами, остальные же представляли самих себя, хотя и считались тем не менее полноправными членами съезда. Таким образом, по сравнению с июньской конференцией 1915 г. увеличение составило примерно 20 человек [137].

Даже ряд членов ЦК не явились на съезд, и в первую очередь блистали своим отсутствием москвичи. Не в полном составе была и думская фракция —

из 56-ти ее членов только 41 были зарегистрированы в первый день съезда, включая и пять членов ЦК (всего членов ЦК на съезде было 17 человек). Так что безразличие и вялость были характерны не только для провинции. В значительной мере ими была поражена и часть кадетской верхушки, которую не расшевелило даже такое крупное событие в жизни партии, как съезд, созванный спустя восемь лет после предыдущего, да еще в исключительных для страны условиях [138].

На первых же заседаниях съезда ясно проявилось стремление руководителей выдвинуть на первый план переизбрание ЦК, все же остальное свести к не имеющим практического значения отвлеченным докладам.

Во вступительной речи Долгоруков, приветствуя «дорогих товарищей» от имени «старого, устаревшего Ц[ентрального] комитета», отмечал: «Давно требовалось переизбрание, обновление его. Меньшинство ЦК, как и меньшинство конференции (по-видимому, должно было быть написано „конференций". — *А. А.*), полагало, что следовало уже давно произвести эти выборы, но большинство все ждало времени, когда можно будет открыто созвать большой съезд». Но это время так и не наступило, «а война и создавшееся крайне важное политическое положение принудили наконец ЦК созвать съезд и предложить переизбрать ЦК, хотя бы съезд и протекал в рамках обыкновенной конференции».

Не являлся отчетом о работе ЦК за восемь лет и доклад Корнилова, которым завершилось утреннее заседание 18 февраля. Скорее, этот доклад напоминал лекцию ученого историка, каковым и был Корнилов, и, естественно, что его «подробное сообщение о деятельности партии за 8 лет» было принято к сведению без прений, поскольку представляло чисто академический интерес [139].

По сравнению с ранее намеченной ЦК программой съезда повестка его была несколько расширена: добавлены доклад И. П. Демидова о положении на фронте и работе Земского и Городского союзов и «экономический» доклад Шингарева, а также сообщения с мест. Доклад Демидова, сделанный на вечернем заседании, встречен был, конечно, с бóльшим интересом, чем доклад Корнилова. Но прения по нему касались специальных военных вопросов все той же «патриотической деятельности» — улучшения работы тыла, снабжения армии и т. п. Все понимали, что основные события на съезде развернутся в связи с тактическим докладом Милюкова. От исхода их в значительной мере зависел и состав будущего ЦК.

Все, что говорил Милюков о тактике ЦК и фракции с момента войны, нам уже хорошо известно. Важно отметить тон доклада. Он был не только до крайности самоуверенным, но просто хвастливым. Безошибочность, логичность всех сделанных шагов, мудрость предвидения и т. п. — таковы были содержание и дух доклада лидера партии. Милюков всегда выступал как владелец истины в последней инстанции, приучив к этому как ЦК, так и участников конференций, ставших принимать это как должное. Но на этот раз крайне агрессивное навязывание своей тактической мудрости на фоне действительности, которая с нею полностью диссонировала, покоробило даже ряд его сторонников. Левая же часть съезда восприняла эту победительную манеру весьма иронически, а само содержание доклада подвергла довольно острой критике.

Для Милюкова и его приверженцев задача состояла в следующем: избрать в ЦК некоторое количество левых, но с таким расчетом, что линия его политического поведения останется прежней, — допустить левых только

для того, как достаточно откровенно выразился Протопопов, чтобы знать их мнения, но отнюдь не для того, чтобы следовать им. Уже в ходе подготовки к съезду была дозирована левая оппозиция, определены кандидаты от нее как на съезд, так и в будущий ЦК. В результате на съезде появились в качестве делегатов такие фигуры, как левый кадет М. Л. Мандельштам, который до этого, начиная с 1908 г., ни разу не был приглашен ни на одну кадетскую конференцию.

С другой стороны, чтобы сразу показать, что решающее слово по-прежнему остается за проводниками курса Милюкова—Шингарева, было решено с самого начала демонстрировать твердость в его защите, чтобы у левой оппозиции с самого начала не возникло преувеличенных представлений о своей будущей роли в определении политики кадетской партии. Этим и объясняется чрезмерный даже для Милюкова, никогда не страдавшего ложной скромностью, докторально-поучительный тон его доклада [140]. Естественно, что левая оппозиция на съезде прежде всего отмечала и критиковала эту, с ее точки зрения, совершенно необоснованную самоуверенность.

Наиболее критическую речь в этом плане, как и ожидалось, произнес опальный Мандельштам, выступивший вторым. На Гельсингфорском съезде, напомнил он, меньшинство съезда предлагало думской фракции «вести свою особую линию, не подходя к октябристам, и занять чисто критическую позицию». Однако ЦК и большинство съезда «провели резолюцию действования в разные двери, принцип „открытых дверей" в обе стороны. Правда оказалась на стороне меньшинства». Партия всегда старалась действовать только «конституционно». Оратор, однако, не знает партии, которая навеки поклялась бы быть всегда только конституционной или только революционной. Все дело в конкретных обстоятельствах. Фракция их не учитывала. «Основной ее ошибкой было старание вынуть из гроба труп в виде фразы П. Н. Милюкова об „оппозиции его величества"» [141]. Вторая ошибка фракции — резкое противопоставление «ответственной» и «безответственной» (социал-демократической. — *А. А.*) оппозиции, ибо «ответственная» оппозиция «может и должна иногда превратиться в „критическую"».

Обратившись затем после этих предварительных принципиальных замечаний непосредственно к докладу Милюкова, оратор иронически заметил, что «он не знает диалектика большей силы, чем Милюков». Доклад последнего напомнил ему анекдот об английском ораторе, который в ясный солнечный день до того убедил своих слушателей в том, что идет дождь, что они раскрыли зонтики. По мнению его, Мандельштама, «положение страны отчаянное... А из блестящего доклада П. Н. Милюкова он увидел, что страна на пути, усеянном розами». В связи с этим возникает все тот же вопрос — как должна действовать кадетская фракция в Думе, учитывая обстановку в стране. «Разумеется не революционно, — прежде всего отвечал на собственный вопрос Мандельштам, — но фракция должна... добиваться своих целей путем полного исчерпания всех конституционных средств борьбы». В докладе же Милюкова «не видно главного: куда фракция хочет идти перед лицом назревающего конфликта власти и народа? Нам говорят о каких-то победах, но это победы в Госуд[арственной] думе, которые не могут затушевать того, что делается в стране ... ЦК и фракция, с одной стороны, и страна — с другой, говорят ... на разных языках».

Далее Мандельштам критиковал ЦК и фракцию за чрезмерное увлечение «Прогрессивным блоком» и критиковал лозунг «министерства доверия», требуя «ответственного министерства». «Прогрессивный блок», справедливо

указывал он, «есть результат разочарования командующих классов», и поэтому «надо быть осторожным в его использовании». Вступить в блок было надо, но не ценой таких жертв, как отказ от лозунга «ответственного министерства». Нельзя все время смотреть только в одну сторону. Может случиться, закончил Мандельштам под аплодисменты, что партия, «слишком обращая внимание на „легальную страну" (т. е. только на цензовые элементы. — *А. А.*), станет терять связь с демократическими кругами... Ища успехов в Госуд[арственной] думе, нельзя до такой степени расходиться с настроением масс. Надо стремиться к влиянию на земства и на города, фронт, стать ближе к демократии и не бояться покупать лучшее и сильное будущее ценой мимолетных неудач» [142].

Если Мандельштам, высмеивая самоуверенность Милюкова, сравнил его с софистом из анекдота, то Некрасов для той же цели привел в пример сказку Бальмонта о золотой рыбке. Эта рыбка живет в замке и незаметно для других творит чудеса, происходящие в замке, в том числе и чудную музыку на балу. Тезисы доклада Милюкова есть такая же «поэтическая фантазия», как и сказка Бальмонта, которая в партийном документе вряд ли уместна. В докладе Милюкова кадетская «военная тактика» выглядит «чем-то вроде чудесной золотой рыбки». А ведь она является тактикой внутреннего мира, «доведенной почти до абсурда». Этот внутренний мир был провозглашен ЦК, который за все время войны «являлся единоличным хозяином решений, принимавшихся от имени партии. На его ответственности лежит и бездеятельность партии».

Далее оратор с особым удовлетворением подчеркнул, что теперь в новом ЦК (выборы в который были произведены накануне) защитников точки зрения, проводимой им и другими, «будет не менее десятка, образуется известное течение». Он убежден, что «вчерашним голосованием... брошена трещина в то предубеждение, которое существовало против определенного течения в партийной среде». Иначе говоря, Некрасов оценивал итоги выборов в ЦК как определенную победу левого течения в партии, с которым теперь большинству ЦК придется считаться.

Критика «военной тактики» ЦК и фракции носила у Некрасова тот же характер, что и у Мандельштама. «Блок, — заявил он, — явился логическим неизбежным последствием, лучшим выходом из тупика, в котором оказалась фракция, благодаря всей ее предшествующей деятельности». Он вовсе не противник блока. Наоборот, он считал и считает его «блестящим парламентским ходом». Вопрос лишь в том, какова будет его дальнейшая деятельность. И дальше подробно развивался тезис о необходимости думать о «демократии». Ему очевидны большие трудности на этом пути, но идти по нему надо. Оратор хочет указать, что когда кончится война, то «расхлебывать» ее придется не с теми, с кем партия объединена теперь, «а с теми, кто за свободу». Сейчас же в столице «между кадетами и левыми прорыта такая глубокая яма, которой, пожалуй, и не засыпать. (*Голоса*: Так всегда было!)». «Нас справа не только простили, но и полюбили», — продолжал оратор, чем и объясняются «жирные поцелуи Савенко Милюкову... Оратор вовсе не стоит на точке зрения разрушения блока, но если одни рисуют анекдотические блага от блока, он приглашает посмотреть и на обратную сторону медали. Надо помнить, что настанет момент расплаты, и пусть сосчитают, каким числом демократических голосов придется расплачиваться на будущих выборах в Думу за случайную(!)» и временную связь с умеренными элементами. «Партия должна обеспечить себе, с одной стороны,

тыл, с другой — возможность движения вперед. Помните о блоке, но не забывайте и демократию (*Аплодисменты*)» [143].

Критика Мандельштама, Некрасова, киевских депутатов и некоторых других не была неожиданной для руководства партии. Она была заранее предусмотрена, и именно со стороны указанных конкретных лиц. Будучи к ней заранее готовыми, Милюков и К⁰ чувствовали себя спокойно и уверенно. Но оказалось, что предусмотрели они не все, и их ждал крайне неприятный сюрприз, по сравнению с которым критика Некрасова и др. казалась лишь деталью. Виновником переполоха стал уфимский депутат Н. М. Вторых, который выступил против кадетского святая-святых — тезиса о том, что война носит народный и освободительный характер.

Подлинной причиной войны, заявил Вторых, «явилась буржуазно-капиталистическая организация всех современных государств. Отсюда логично было признать, что вину за происходящее несут все государства. Социал-демократы и трудовики и отметили эту ответственность правящих кругов, что не исключало борьбы до конца». Между тем ни ЦК, ни фракция не отметили этой общей виновности, как это сделали трудовики и социал-демократы, посадив правительство на скамью подсудимых. Кадеты, наоборот, «окружали его ореолом борьбы за право и свободу». Сославшись на выступление одного из представителей польского коло, Вторых говорил далее: «Ближайшей подкладкой конфликта было то, что известным кругам в России хотелось самим захватить Балканский полуостров и не допустить Австрию». В Думе все это постарались «затушевать». Подвергнув критике цели войны, изложенные в тактическом докладе Милюкова, оратор делал вывод: «. . .с.-д.-ты избрали более верную позицию, уже формулировав условия мира», а не откладывая их на будущее, как это сделал Милюков. Правда, эти условия могут казаться утопическими, но тем не менее вопрос поставлен.

Н. М. Вторых осмелился даже лягнуть «священную корову» Милюкова — «приобретение проливов и Константинополя». Этот лозунг не аксиома, заявил он, по этому вопросу существуют серьезные разногласия. «Наконец, если бы это и действительно было важнейшей задачей, то кто и по какому праву ее формулировал? Мы знаем, что П. Н. Милюков прочел об этом доклад в Ц. К-те, а фракция приняла, — и только».

О том, что выступление Вторых не было экспромтом, но явилось заранее подготовленной акцией, свидетельствует тот факт, что Вторых, не удовлетворившись протоколом, подал в секретариат съезда письменное резюме своего выступления, которое несколько отличалось в сторону большей резкости и определенности, чем цитированный официальный протокол. Вот как выглядела основная мысль автора в его собственной интерпретации. «В вопросе о войне ЦК и фракция не сказали всей правды. Воззвание ЦК в июне 1914 г. и речь П. Н. Милюкова в Гос[ударственной] думе в июле того же года — односторонни: нужно было указать, как это и сделали с.-д. в своей декларации, что в войне все виноваты. Война явилась следствием присущих всем государствам политических и экономических ненормальностей, и гнойники милитаризма были не в одной Германии. Наивна та точка зрения, что русское правительство, угнетающее поляков, притесняющее финляндцев, душащее евреев, начало войну во имя свободы сербов. Между тем эту точку зрения выдвигала думская декларация П. Н. Милюкова. Тех, кого следовало бы послать на скамью подсудимых, окружили ореолом борцов за право и свободу. . . Необходимо трезво взглянуть на войну, сказать

правдивое слово о ее целях и теперь же, иемедлеиио, приступить к выясиеиию условий мира» [144].

Нет иеобходимости доказывать, что с точки зреиия революциоииой социал-демократии позиция Вторых по отиошеиию к войие была половиичата и иепоследовательиа. Оратор был далек от доведеиия этой позиции до лозуига свержеиия своего правительства. Ои сказал примерио то же самое, что твердили в своих речах думские меиьшевики. Но для кадетского руководства такая речь, да еще произиесеииая с трибуиы съезда, была иастоящим ударом, ибо служила отражеиием объективиого факта роста аитивоеииых иастроеиий в страие.

К вящей досаде Милюкова и К⁰ Вторых иа съезде оказался ие одии. Несколько в другом ключе его поддержал Д. М. Дьячеико, делегат из города Лубиы. Ои выступил с критикой второго тезиса по докладу Милюкова, говорившего о «иеобходимости для всех граждаи России сплотиться для победоиосиого окоичаиия войиы» — во что бы то ии стало. По поводу этого призыва, заявил ои, пора иакоиец сказать, что «большая часть иаселеиия и иекоторые иителлигеитские круги» обуреваемы иа этот счет большими сомиеииями. Во-первых, Россия в ее теперешием состояиии ие в силах выиграть войиу, и лучше подумать о мире теперь, пока ие произошла катастрофа. Во-вторых, иарод и армия хотят мира. В-третьих, иеверио, что войиа «освободительиая». «Чтобы войиа велась ради малых иародиостей, — восклицал Дьячеико, — это иеправда!» «Настоящих причии войны оратор ие зиает, и иикто их ие зиает» — это дело будущих историков, ио одио ясио — «иадо ее скорее и умиеиько локализовать. Оратор закаичивал требоваиием пересмотра осиовиых тезисов предложеииой резолюции (*отдельные аплодисменты*)» [145]. Разумеется, иастроеиия, подобиые иастроеииям Вторых и Дьячеико, в кадетской среде ие были и ие могли быть повсеместиыми. Об этом свидетельствует и тот факт, что отпор этим еретикам последовал ие только со стороиы партийиых боиз, ио и от делегатов с мест. Одиако такие иастроеиия ие были редким исключеиием, как может показаться иа первый взгляд [146]. Иицидеит с Вторых сильио испортил иастроеиие Милюкову, и ои с явиым раздражеиием отвечал ему в своем заключительиом слове.

Другие критические выступлеиия слева иичего иового к тому, что сказали Маидельштам и Некрасов, ие добавили. Все оии ие выходили за рамки вопросов и оцеиок, которые были подияты этими двумя главиыми оппоиеитами руководства партии. Некоторый иитерес представляет виовь подиятый (московскими делегатами) вопрос о «казусе Челиокова». Обииискии, критикуя фракцию, сослался и иа дело Челиокова. Будучи избраииым в Думу кадетскими голосами, указывал ои, Челиоков вышел из фракции «по соглашеиию с министром вн[утренних] дел Маклаковым, чтобы покойно усесться в кресле городского головы, и фракция пальцем о палец не ударила для того, чтобы удалить его из Гос. думы». Тот же Челноков с членом фракции Новиковым ездили в ставку с иконой от Москвы, где мило беседовали с Янушкевичем [147].

Его поддержал А. Ночевкин, прибавив, что Московский городской комитет партии «протянул это дело, а потом Щепкин (председатель комитета. — *А. А.*) не исполнил решения опубликовать в газетах мнение о поступке Челнокова». Съезд должен «высказать свое окончательное решение по этому делу» [148]. В ответ Долгоруков всячески пытался уйти от существа дела. Он сослался на то, что, кроме письма Челнокова в газетах, в распоряжении

ЦК и фракции были только слухи о дальнейших намерениях Челнокова. Сам он в Думе не появлялся и только 9 февраля послал свое письмо во фракцию (о выходе). В одном из последних своих заседаний ЦК признал действия Челнокова «неправильными». По мнению ЦК, уход Челнокова из фракции «естественно влечет за собой выход его из партии. Дальнейшие же практические последствия — дело его московских избирателей» [149]. Таким образом, и теперь ЦК упорно не хотел требовать от Челнокова ухода из Думы.

Однако москвичей такой ответ не удовлетворил, и они внесли о Челнокове специальную резолюцию (подписали: Ночевкин, Обнинский, А. И. Бакунин, В. В. Егоров, А. Марковников и А. Дживилегов) из двух пунктов: «1) Съезд признает, что выступление из фракции депутата, прошедшего в Гос[ударственную] думу от партии, должно повлечь за собой и сложение им депутатских полномочий. 2) Это постановление должно быть предано гласности, так как, рекомендуя в свое время Ч[елнокова] избирателям, партия обязана осведомить их о своем постановлении».

Милюков и Шингарев приняли это предложение в штыки, но были вынуждены на этот раз открыто заявить о подлинных мотивах своего нежелания осудить Челнокова, а не отделываться наивным лепетом об отсутствии сведений и т. п. В частности, Шингарев заявил, что «при нормальном течении жизни» и если бы не было войны, предложенную резолюцию следовало бы принять. «Но сейчас, исключая Челнокова из Госуд. думы, съезд лишил бы представительства в Гос. думе и город Москву, и всероссийский союз городов, поэтому лучше отложить вопрос о Челнокове до окончания войны». Таким образом, Шингарев оперировал теми же доводами в защиту Челнокова, которые от имени городской Думы и городских голов приводил Астров.

На это Ночевкин возразил, что «партия должна беречь чистоту нравов и заботиться о том, чтобы ее конституция соблюдалась, и поэтому постановление должно быть сделано». Но он тут же пошел на уступку, заявив, что опубликование этого решения — «дело субъективное, — некоторые могут считать его и несвоевременным», т. е. можно его и не публиковать.

Милюков и на этот раз хотел уйти от вопроса при помощи простого софизма: он «понимает устав партии и фракции так, что, раз депутат уходит из фракции, тем самым он устраняет себя и из партии, [а] если так, то нечего и баллотировать, — вопрос решается сам собой». Но уловка не удалась: в ответ послышались голоса: «. . .мы требуем, чтобы Челноков ушел из Госуд[арственной] думы, а не из партии». Тогда Шингарев пустил в ход еще один аргумент, указав, что случай Челнокова не единственный, есть и еще два случая выхода из фракции, и их тогда тоже надо обсудить.

Этим и воспользовался председатель, добившийся решения, что «съезд — как говорилось в протоколе, — *не признает возможным баллотировать резолюцию без предварительного обсуждения*». Тогда последовал следующий вопрос председателя: «угодно ли» съезду приступить к ее обсуждению? «Съезд высказывается отрицательно». Третьим был вопрос о том, не угодно ли съезду заняться этим завтра? Съезд ответил, что неугодно. После этого председатель резюмировал: «Вопрос остается открытым» [150]. Таким образом, лишний раз было доказано, что способность председателя к манипуляциям стоит любых аргументов и особенно нужна, когда последних нет. Надо ли говорить, что Челноков остался депутатом Думы до конца ее существования.

Основная слабость всей критики слева состояла в том, что ее исходный тезис — блок это, конечно, хорошо и действительно большая победа, но не надо забывать о «демократии» (кстати сказать, союз с этой последней, равно как и ее самою, критикующие представляли весьма неопределенно), — заранее обрекал их на поражение. На это следовал неизменный ответ, что о «демократии» ЦК никогда не забывал, но сами критики признают, что даже и в настоящий момент блок — это главное, а поворот к «демократии» еще дело будущего, но он имеется в виду и будет сделан в надлежащий момент (под которым разумелось время после окончания войны). Критики слева были левыми *кадетами* — и в этом было все дело.

Милюков и его приверженцы не только не заняли оборонительной позиции, но, наоборот, наступали на критиков со всей решительностью, зло и агрессивно, не желая соглашаться с ними ни по одному пункту, настаивая на своей стопроцентной непогрешимости и мудрости. Наиболее откровенно и хвастливо эту позицию выразил Шингарев в конце своей речи. «Если октябристы развалились, у прогрессистов кавардак, к социал-демократам стараются присосаться азефы, — то у нас, к-д-тов, дела шли дружно и линия поведения взята правильно, и вряд ли кто может указать у нас хоть одну тактическую или политическую ошибку (*Аплодисменты*)» [151].

Кадетская верхушка порой не считала нужным скрывать своего глубокого пренебрежения к речам провинциалов, давая понять, что они узкие, обывательские, произносятся людьми, не имеющими серьезного представления о том, что такое большая политика. «В основе разногласий, — поучал их член ЦК Протопопов, — лежит разница условий, в которых живут спорящие. Путник, покрытый пылью, не легко поймет седока быстро мчашегося автомобиля». Именно поэтому некоторые, под влиянием разрухи в стране, «ждали чего-то похоронного или революционного, а услышали радостный марш докладчика, который сам по себе жизнерадостен, и смотрит на вещи с точки зрения общей государственной перспективы (а не с уездной или губернской колокольни, как его провинциальные критики. — *А. А.*)» [152]. В том же ключе выступали Шаховской, Тыркова, Гредескул и др.

Это пренебрежение к мнению партийных низов было настолько демонстративным, что представитель Костромы, некий С. А. Мошков, выражая общую обиду (и слабость) провинциалов, выступил с протестом против такого отношения верхушки к делегатам с мест. Оратор «сожалеет, — заявил он, — что представители ЦК-та никак не могут найти общего языка с провинцией, столковаться с ней. В чем же дело? В распыленности и дезорганизованности партии». Иными словами, Мошков хотел сказать, что, если бы партийная провинция не была бы так слаба, ЦК не посмел бы с ней разговаривать таким тоном. Это была, конечно, правильная мысль. Думская фракция, продолжал Мошков, оторвалась от почвы, из которой выросла, «и стоит особняком. Зачем [же] мы сюда приехали, если на заявления о наших болях нам отвечают: „Вы ничего не понимаете, — это политика!". Когда говорим от имени земли, нас не слушают. Если не хотят быть отрезанными от почвы, надо прислушиваться к тому, что говорит земля, надо опереться лишь на то, что она дает» [153]. Что имел в виду оратор в данном случае, под словами «почва» и «земля», остается довольно туманным, но в какой-то мере боссы партии учли, что переборщили, и сделали некоторые коррективы.

Коррективы, однако, не распространялись на критиков типа Мандельштама и Некрасова. Последнему особенно досталось от Милюкова, который

в своем весьма обширном заключительном слове, представлявшем решительную апологию политики ЦК и фракции, начал и кончил критикой в адрес Некрасова, причем попадал, что называется, не в бровь, а в глаз. «Хотя, — заявил он, — Н. В. Некрасов и выражал здесь свое большое удовлетворение новым составом ЦК и даже подсчитал голоса его единомышленников, вошедших в состав ЦК», он, Милюков, «большого различия между старым и новым ЦК-том . . . не видит». До сих пор такого подсчета в ЦК не вели, «да и крыльев никаких в нем не было. . . Если Некрасов находит, что за опустившимся над старым ЦК-том занавесом открывается новый период партийной жизни с новыми лицами, то цифры выборного производства и подсчета голосов говорят, что из старого состава ЦК вошли в состав нового все его члены; старый ЦК, участвуя в выборах, не только не имел чего-либо против пополнения своего состава новыми членами, но даже *и сам рекомендовал избрание чуть ли не всех тех лиц, которые вновь вошли в его состав*. Число голосов, полученное основной группой членов старого ЦК, скорее дает право ей высказать чувство своего глубокого нравственного удовлетворения». В результатах выборов он, Милюков, «не видит признания ошибочности принятой ЦК-том линии поведения, и он будет спокойно защищать общую политику ЦК, *не видя никакого „перелома“* и в общей партийной тактике». После этого «общего замечания» Милюков перешел к конкретным замечаниям по другим выступлениям.

В конце, как указывалось, Милюков счел нужным вернуться к Некрасову и еще одним метким ударом в его адрес закончить свою речь. Он согласен с мыслью Некрасова, что надо воздействовать на демократические элементы, но «от мысли воздействовать на левые партии» приходится отказаться, тут дело безнадежное. «В общем перспективу Н. В. Некрасов указывает довольно правильно, но напрасно он строил большое здание, чтобы ввести затем в малое помещение. Некоторые мягко стелют, а жестко спать; Некрасов же жестко стелет, а спать довольно мягко» [154].

Это «общее замечание» Милюкова очень важно, так как в точности отражает основной итог съезда, и недаром он начал именно с него. Выборы ЦК показали, а именно в этих выборах и состояла главная цель съезда, что они прошли так, как их задумал и осуществил старый ЦК. Левых в нем было, как справедливо указывал Милюков, столько и тех, сколько и которых наметило прежнее руководство.

Еще на утреннем заседании 19 февраля встал вопрос о количестве членов ЦК. Председатель (Долгоруков) дал справку, что последний партийный съезд определил состав ЦК в 40 человек. Нынешний ЦК предлагает увеличить это число до 45 человек. «Раздаются голоса, что этого числа недостаточно». Взяв слово, Некрасов объяснил почему надо 50 человек: из частных бесед выяснилось, что такое количество нужно для обеспечения представительства провинциальных групп. Это предложение было поддержано делегатом Москвы М. Кулишером и было принято. Одновременно было решено предоставить «сверх того Ц[ентральному] Комитету право увеличивать свой состав путем кооптации новых членов, подобно тому как это существовало и раньше» [155].

Результаты выборов председатель огласил на вечернем заседании 20 февраля. Было избрано 48 человек [156].

Делегат от Костромы Н. А. Огородников предложил: в связи с тем, что было постановлено избрать 50 человек и имеется три «подбальных», то увеличить состав ЦК до 51 человека, с тем чтобы избрать этих троих.

На самом деле «подбальных» было, как видно из списка, четыре, поскольку Гладыш и Мандельштам получили одинаковое количество голосов. Предложение было принято, и в конце заседания были проведены дополнительные выборы. Из собственно «подбальных» были выбраны только первые двое: Леонас и Харламов, получившие соответственно 79 и 72 голосов из 84-х (часть делегатов уже уехала). Третьим был Быховский (47 голосов). Мандельштам получил 4 голоса [157].

Возможно, делегат от Костромы, предлагая увеличить состав еще на одного человека, в тайне рассчитывал, что таким путем удастся избрать Мандельштама. Но если это так, его расчет не оправдался. Мандельштам был с треском провален. Тем не менее именно Мандельштам сразу после оглашения результатов голосования до дополнительных выборов взял слово «для заявления от некоторой левой группы членов съезда». Далее в заявлении говорилось: «Группа благодарна съезду, так как выборами в ЦК-т вполне удовлетворена. Состав ЦК-та обновлен в желательном смысле». Группа также выразила «пожелание», чтобы съезды, согласно уставу, собирались ежегодно. «Это оживит деятельность провинциальных отделов в партии, да и состав ЦК будет обновляться свежими силами».

Затем Мандельштам заявил, что группа вносит также «общую резолюцию» к выслушанным докладам. причем не в окончательной редакции, а с просьбой к Милюкову проредактировать ее. Первая часть резолюции в качестве «главной задачи партии» выдвигала требование передачи власти министерству, располагающему большинством Думы, для выполнения программы «Прогрессивного блока», с целью обеспечения победы в войне. Вторая часть выдвигалась в качестве «пожелания». «Партия и при временной комбинации блока, — говорилось в этом „пожелании", — должна неустанно отстаивать интересы демократии и равноправие национальностей и *по возможности* поддерживать контакт с другими демократическими партиями». Смысл этой части резолюции Мандельштам пояснил словами: «Мы хотим предупредить резкие столкновения с левыми» [158].

Когда это «пожелание» было поставлено председателем на голосование в качестве дополнительной резолюции, Милюков выступил против, охарактеризовав ее как «совершенно излишнюю». Интересы демократии, пояснил он, и так должны отстаиваться партией к.-д., «как партией демократической». Что же касается контакта с левыми, то навязывать его блоку нельзя, «а к-д-ская партия и сама поддерживала контакт, когда это представлялось нужным и возможным». Однако Некрасов настоял на баллотировке, и результаты ее на этот раз оказались не в пользу лидера партии: резолюция «группы левых», как назвал ее председатель, была принята «очевидным большинством съезда (52 голоса)...». Первая же часть резолюции Мандельштама была отвергнута 52 голосами против 32.

Съезд также принял предложение Д. Н. Григоровича-Барского об «организации партии в стране» в следующей формулировке: «Поручить Ц. К-ту разработать план организации партии в стране и немедленно приступить к его осуществлению» [159]. Это постановление отвечало на пожелание провинциалов, жаловавшихся на то, что ЦК уделяет им мало внимания, а без его активной помощи возрождение партийных организаций на местах невозможно. Жалобы эти были столь же постоянными, сколь и безрезультатными.

Итак, несомненным итогом съезда было образование на нем «группы левых», получившей представительство в новом ЦК. Факт этот был признан

с обеих сторон. К сожалению, состав группы неизвестен. Можно только на основании некоторых признаков добавить к Некрасову и Мандельштаму еще нескольких человек: Н. М. Вторых, членов фракции М. С. Аджемова и Н. К. Волкова, киевлян Григоровича-Барского и В. А. Косинского, Д. М. Дьяченко из Лубен и некоторых других. Однако, как показывает анализ состава нового ЦК, равно как принятые съездом тезисы по докладу Милюкова и овация в его честь, устроенная съездом перед закрытием, кстати сказать по инициативе указанного Косинского, предложившего «приветствовать лидера партии П. Н. Милюкова, который с таким талантом через все бурные испытания ведет партию к успехам», на которую Милюков ответил прочувствованной речью с выражением полного удовлетворения результатами работ [160], — с полной определенностью этот итог не означал сколько-нибудь серьезного сдвига в политике кадетов или нового соотношения сил в руководстве партии.

Прежде всего все члены старого ЦК, включая таких правых, как Маклаков, Гредескул, Тыркова, были не только переизбраны, но получили подавляющее большинство голосов. Сравнительно скромное число голосов, поданных за Изгоева и Тыркову, объясняется, на наш взгляд, не их правизной, а меньшей популярностью: столь же правый, но более известный Маклаков получил больше ста голосов. Основное пополнение нового ЦК произошло за счет членов фракции, в большинстве вполне милюковского толка (М. С. Аджемов, В. А. Виноградов, Н. К. Волков, С. В. Востротин, П. П. Гронский, А. А. Добровольский, С. А. Иванов, Н. В. Некрасов), двух членов Государственного совета (А. В. Васильев, Д. Д. Гримм) и солидной группы москвичей (А. А. Мануйлов, В. П. Обнинский, В. А. Оболенский, кн. Г. М. Туманов (?), А. Г. Хрущов, П. П. Юренев). Собственно провинциалов было избрано девять человек, из них четверо от Киева (Г. Б. Быховский, Н. П. Василенко, Д. Н. Григорович-Барский, Ф. Р. Штейнгель).

Как показали дальнейшие события, провинциалы никакого реального влияния в ЦК не оказывали. Они исполняли в нем роль статистов, изредка приглашаемых на заседания. Единственно влиятельной фигурой в ЦК, к которой Милюков и К° питали личную неприязнь, был Некрасов. Но не пустить его в ЦК после всей истории его выхода было нельзя. Это было понято и решено задолго до съезда. Еще на пленарном заседании ЦК 7 декабря 1915 г., где в числе прочего обсуждались и некоторые кандидатуры в состав ЦК, Милюков заявил: «Относительно Некрасова надо указать на то, что позиция его слишком личная. Он лично слишком ушел от нас, даже говорит фракции „Вы". Но не включать его нельзя, хотя в ЦК он будет соглядатаем. На съезде его будут поддерживать» [161].

О том, что съезд не произвел необходимого для оживления партии поворота, свидетельствовали оценки, данные съезду его участниками, как со стороны левого течения, так и сторонниками Милюкова. Известный нам Вторых, так сильно шокировавший большинство съезда, в письме от 25 февраля сообщал: «Кадетский съезд по своему составу почти не отличался от конференции: было около 112—115 человек. Милюков прочел доклад, проникнутый самодовольством. Все, что ни делали ЦК и фракция, все прекрасно, ошибок не было. Была на съезде и группа левых кадет с Мандельштамом во главе (я тоже примкнул к ней); ее ораторы критиковали доклад Милюкова, но левые кадеты были на съезде в меньшинстве. Я выступал с речью, в которой опровергал освободительный характер

войны, доказывая, что в ней виноваты все воюющие стороны, и настаивал на необходимости последовать примеру с.-д. и выработать условия мира. Милюков в заключительном слове... высказал, что она не заслуживает одобрения... Большинство съезда настроено „патриотически", а меньшинство боится высказаться откровенно».

Оценивая съезд в целом, автор писал: «Съезд прошел оживленно, но слишком много самодовольства и самоуверенности у главарей партии. „Мы мозг страны", — заявлял Гредескул. „Наш съезд имеет мировое значение", — ораторствовала Тыркова. „Партия соц[иал]-дем[ократов] разложилась", — провозглашал Родичев. Особенно ставят себе в заслугу образование блока, хотя от этого блока толку никакого нет». Что касается выборов в ЦК, то они «происходили по списку, рекомендованному прежним комитетом; относительно нескольких лиц соглашения между заправилами партии и левой группы не состоялось, и кандидаты левой группы (в том числе Мандельштам), проводившиеся ею вне соглашения, провалились. Голосовало 112 чел.» [162] Таким образом, письмо Вторых лишний раз подтверждает, что заправилы партии допустили в новый состав ЦК только тех левых и столько, каких и сколько наметили сами, полностью сохранив свой контроль как над съездом, так и над руководящим органом партии.

Верный сателлит кадетского лидера Родичев, разумеется, давал иную оценку проходившим на съезде дебатам. «На совещании к.-д., — писал он жене 21 февраля, — занимались, как всегда, травлей Милюкова. Тяжело было присутствовать при этой картине бедности мысли и чувства». В духе полного удовлетворения отозвался об итогах съезда член думской фракции Тимофеев — типичный птенец гнезда Милюкова. «Съезд прошел хорошо, — сообщал он 22 февраля А. Г. Тимофеевой. — В конце его прозвучало полное единение, а также удовлетворение лидером Милюковым» [163].

Очень характерным был отзыв о съезде Тырковой, довольно пессимистический, от начала до конца проникнутый презрением и недоброжелательством к левым кадетам вообще, к Некрасову в особенности [164]. «С 18—21, — записала она в своем дневнике 22 февраля, — длился у нас съезд. Общее впечатление не радостное. Новых сил нет. Пришла серость и яростно набрасывалась на старый ЦК, вернее, на Милюкова, а в заключение один из самых претенциозных и ограниченных говорунов „оппозиции", киевлянин Косинский, высказал благодарность Милюкову, и была овация, и были поцелуи, и было глупо. Главное, старался Некрасов. Он подстраивал, бегал, собирал голоса и вообще интриговал, точно он не в среде своей партии, где надо открыто и прямо бороться за мысли, а в захолустном избират[ельном] собрании. Он жаден к почету и неразборчив в средствах». Приведя затем весьма сомнительные доказательства якобы лживости Некрасова, автор дневника продолжал: «Но в результате план Некр[асова] провалился» [165]. Краски в этих характеристиках были сильно сгущены. Что же касается коварного замысла свалить Милюкова, то это, несомненно, чистый домысел, продиктованный той же недоброжелательностью. У Некрасова и левых просто не было никаких шансов сколько-нибудь серьезно бороться с Милюковым. Эти шансы были настолько малы, что левые, как мы видели, не смогли даже добиться избрания в ЦК Мандельштама [166].

Возникает принципиальной важности вопрос — почему левое крыло партии на всем протяжении третьеиюньского периода, включая и годы войны, когда, казалось, левые, в силу сложившейся обстановки в стране, должны были приобрести по меньшей мере достаточно прочные позиции,

влачили жалкое существование, не оказывали сколько-нибудь существенного влияния на политическую стратегию и тактику партии Милюкова и его сторонников? Ответ, помимо главной причины — контрреволюционности русской буржуазии, обусловленной ее слабостью и заинтересованностью в сохранении монархии, надо искать в преимущественно интеллигентском составе и характере кадетской партии.

«Профессорский» же состав партии порождал и «профессорский» стиль ее жизни и деятельности в дурном смысле этого слова, а именно инфантилизм, нелюбовь к повседневной черновой организационной работе, одним словом, маниловское прожектерство и болтовня вместо живой активной деятельности. Особенно это, конечно, относилось к провинции, где сил было меньше, а условия хуже. В результате провинциалы, будь они левые или правые, не верили в самих себя и привыкли целиком полагаться на свои ЦК и фракцию. Не случайно на всех конференциях, включая и последний съезд, делегаты с мест связывали возрождение местных партийных организаций прежде всего и главным образом с приездом влиятельных посланцев из столиц. Точно такого же взгляда на положение дел придерживался и сам ЦК. В результате создалась парадоксальная ситуация, не «тело» питало «голову», а «голова» кое-как поддерживала жизнь в готовом каждую минуту расстаться с нею «теле».

Естественно, в такой ситуации доминирующим чувством провинциалов по отношению к ЦК, как бы они ни ворчали и ни критиковали своих лидеров, было чувство благодарности и полной зависимости от них. Только ЦК, присылавший им директивы, анкеты, напоминания о взносах и т. п., напоминал, что они еще живы. Только ЦК созывал их на конференции и интересовался их мнением о положении дел на местах, их отношением к его политике. Вот почему ЦК был заранее уверен, что конечным итогом всех конференций и съездов будет полное одобрение его политики и политики фракции. А раз так, то никакого серьезного левого течения провинция создать не могла. В меньшей мере это относилось к Петрограду и Москве, и именно поэтому там прежде всего вызревала левая оппозиция руководству партии в смысле какой-то хотя бы элементарной сплоченности и единства действий [167].

Из сказанного как бы следует, что сам ЦК, в отличие от провинции, был деловым, энергичным, организационно дееспособным учреждением. На самом деле какова была кадетская провинция, таков был и ее руководящий орган. Все те черты, которые характеризовали партийные организации на местах, лучше всего выражаемые в словах ителлигентский инфантилизм, были свойственны и ему. Только его статус, с одной стороны, и многолетняя совместная деятельность одной и той же узкой группы лиц — с другой, маскировали и ослабляли это сходство, ЦК в своем большинстве также состоял из неделовых, вялых, болтающих людей, избегающих сколько-нибудь систематической организационной работы.

Означало ли это, что в составе кадетской партии вообще, в ЦК в частности совершенно отсутствовали люди дела, практики, организаторы и т. д.? Нет, такие люди у кадетов были, правда, немного. Безусловно, человеком с практической жилкой, любящим и умеющим заниматься организационными делами, был Шаховской. Такими же были Кишкин, Некрасов, Астров и некоторые другие. Но эти организационные потенции не сочетались у них с широким политическим мышлением, с качествами политиков, более или менее значительных, которыми должны были обладать члены ЦК. Шаховской

мог наладить выпуск того или иного печатного органа, стать неплохим организатором кооперативного движения (кооперация, кстати, была его хобби), но политиком в действительном смысле слова он не был. Кроме того, его организационные усилия и бесконечные проекты, всегда направленные на сближение с «демократией» в силу недемократичности партии неизбежно оставались на бумаге. ЦК каждый раз тем более охотно с ними соглашался, чем больше в глубине души осознавал их полную неосуществимость. Да и сам Шаховской плохо в них верил, несмотря на всю свою горячность и увлеченность, и таким образом на деле превращался в какого-то постоянного кадетского Манилова. Точно так же и Кишкин мог неплохо руководить Городским союзом, но не мог стать политическим лидером. Некрасов в политическом отношении был более значительной фигурой, но опять-таки не настолько, чтобы стать лидером партии.

При подобном положении дел решающее значение для кадетской партии приобретала личность ее вождя. Таким вождем, определявшим и направлявшим деятельность ЦК, фракции и партии в целом, был Милюков. Он был подлинным хозяином партии. В известном смысле можно утверждать, что кадетская партия была партией Милюкова, а ЦК по отношению к Милюкову был тем же, чем провинциальные комитеты партии были по отношению к ЦК. Это объясняется прежде всего тем, что кадетский лидер был действительно крупным политиком, с которым в этом плане в составе ЦК и фракции никто не мог конкурировать. Политиком его делали такие качества, как способность к широким обобщениям, незаурядный ум, образованность, огромная работоспособность, умение и любовь к политическому маневрированию и сделкам и, наконец, твердость, несокрушимая вера в свое право быть лидером. Все его не только соратники, но и противники, такие даже, как Мандельштам и Некрасов, безоговорочно признавали его авторитет и превосходство над собой как политика, и поэтому никогда всерьез ни правые, ни левые противники Милюкова не ставили вопроса о его низложении как лидера партии. Милюков отлично это знал и не стеснялся ставить на чашу весов свое положение лидера, если конфликт между ним и его противниками, а такое бывало, причем чаще справа, приобретал характер острого столкновения. В таких случаях Милюков, если принималось решение, несогласное с его точкой зрения, заявлял о своей отставке, и сконфуженные «победители» немедленно отряжали депутацию к своему лидеру-диктатору с просьбой взять отставку обратно и, разумеется, с отказом от собственного решения.

Вот почему Мандельштам, внося резолюцию, направленную против «министерства доверия», отредактировать ее просил... Милюкова, а Косинский, которого Милюков, в ответ на его критику, обвинил в легкомысленном отношении к ценностям партии, т. е. нанес самую тяжкую обиду с точки зрения правоверного кадета, был зачинщиком оваций в честь того же Милюкова, говорившего в ответ с подобающей скромностью о тяжкой и ответственной участи лидера партии.

Исключительно наглядное представление о том, кем был Милюков для кадетов, дают два заседания ПОЦК, посвященные вопросу о поездке Милюкова и Шингарева в составе «парламентской» делегации к союзникам весной 1916 г. На заседании ПОЦК 30 марта 1916 г. вопрос сводился к следующему: «...допустимо ли, чтобы лидеры партии уезжали в такие критические моменты жизни страны, каким является настоящий момент?». К этому присоединяется и соображение об опасности пути в связи с под-

водной войной. Тыркова сразу предложила второе соображение во внимание не принимать, так и было решено.

Милюков принял решение о поездке, не потрудившись даже поставить об этом в известность ни ЦК, ни фракцию. Натолкнувшись на сопротивление, он был несколько озадачен: с одной стороны, ему был лестен мотив, по которому его не хотят отпускать (Шингарева как незаменимого прибавляли, конечно, больше из вежливости), с другой стороны, он твердо вознамерился ехать, придавая поездке важное политическое и личное значение. Пришлось ему в миролюбивых и успокоительных тонах сделать подробный анализ обстановки в стране, Думе и на фронте, с тем чтобы успокоить своих коллег выводом о том, что «ближайшие 2 месяца не угрожают крупными событиями — ни внутренними, ни внешними, и откладывать поездку нет оснований».

После этого начались горячие прения. Тыркова высказалась за поездку, закончив свое выступление словами: «И хотя их отсутствие имеет большие неудобства, *но надо надеяться, что оно все же не убьет жизнь партии*». Корнилов был решительно против поездки, доказывая, что никакой надобности в ней нет. Родичев в числе прочего отметил, что «без таких выдающихся работников может замереть и намеченная реорганизация партии», но, выступив вторично, все же высказался за поездку. Протопопов, один из возбудивших обсуждаемый вопрос, отнесся к идее поездки резко отрицательно, закончив свою речь весьма примечательной фразой: «Собираются уехать *именно те, которые всегда за других действовали и отучали других от действий*».

Против поездки был и Шаховской: «Страна ждет от Думы великих решений», — и в это время лидеры партии уезжают. «В таких условиях поездка является пощечиной для страны». Изгоев «также не видел особой надобности в поездке». Черносвитов «ожидал дурных последствий от поездки и для организационной работы в Ц. К-те . . . и особенно для блока, учреждения весьма еще шаткого». Некрасов указывал: что, раз блок признан необходимым, нельзя напрасно рисковать им — он может развалиться в случае отъезда Милюкова и Шингарева. «Ни одна из думских фракций не рискнула на эту ставку сразу двух крупных людей, а мы рискуем». Кроме того, решение о поездке принято в обход ЦК, не коллегиально.

Волков также указал, что «другие фракции не посылают своих лидеров, а рядовых членов партии, нашлись бы и во фракции к.-д. лица, владеющие английским языком».

Милюков, явно не ожидавший такого поворота дела, отвечал, что «довольно дружно высказывавшиеся возражения против поездки ставят его в очень трудное положение». В итоге было постановлено продолжить обсуждение вопроса о поездке на другой день [168].

Второе заседание было повторением первого, но с одной существенной разницей. Милюков и Шингарев (последний отсутствовал на предшествовавшем заседании) были настроены весьма агрессивно, решив, что поедут любой ценой. Кроме того, им, по-видимому, удалось уговорить некоторых противников поездки изменить свое первоначальное отношение к ней. В ход были пущены все аргументы, вплоть до заявления Шингарева, что, если ему придется отказаться от поездки, «это разрушило бы все его миросозерцание, — он уехал бы в деревню». Иными словами, оба лидера перешли к тактике «выкручивания рук», и, хотя большинство было по-прежнему против, в конце концов ЦК был поставлен перед фактом, что поездка

предрешена и сделать тут ничего нельзя. Аджемов, в частности, сообщил, что список едущих уже послан английскому правительству, во французских газетах он уже читал их биографии.

В результате такого натиска, организованного Милюковым, «единодушные» противники поездки повернули на 180° и отступили. Протопопов заявил, что «трудно спорить, если желание ехать выражено так категорически», приходится считаться с фактическим положением дела. Степанов и Родичев произнесли горячие речи в пользу поездки. Долгоруков заявил, что он также изменил свое мнение и теперь высказывается за поездку. Обрадованные лидеры облегченно вздохнули. Милюков «на основании выслушанных мнений приходит к заключению, что заявления его и Шингарева, очевидно, изменили настроение ЦК, и теперь уже идет речь не об отмене поездки, а о ее сокращении». Но тут поделать ничего нельзя, рассчитано и так все в обрез [169].

На этом вопрос был исчерпан, и остается гадать, как поступил бы Милюков, если бы ЦК не дал своего согласия. Скорее всего, все равно бы поехал. Не ехать же вслед за Шингаревым в деревню. К этому следует добавить, что за время двухмесячного отсутствия Милюкова и Шингарева члены ЦК действительно чувствовали себя как потерянные. Протоколы ЦК за этот период показывают, что ставились и обсуждались вопросы случайные, ЦК, по сути дела, не знал, чем себя занять. Все заседания проходили под знаком и в атмосфере ожидания возвращения лидеров. Действительно прав был Протопопов, утверждая, что Милюков и Шингарев отучили ЦК от действий.

Дополнительно ко всему сказанному следует подчеркнуть, что Милюков был весьма скептически настроен по вопросу о возможности возрождения партии, в глубине души, по-видимому, считая, что это дело безнадежное. При той роли, которую Милюков играл в партии, подобное настроение, высказываемое то прямо, то косвенно, являлось, естественно, дополнительным негативным моментом в конечной бесплодности очередных попыток «организации партии в стране».

К этой организации новый ЦК приступил на другой же день после съезда на своем пленарном заседании, начав, естественно, с самого себя. Забегая вперед, отметим, что на этом заседании присутствовало рекордное число членов, больше никогда не повторявшееся, — 30 из 51. Как и до съезда, в дальнейшем число присутствовавших сводилось к тем же 10—15 человек, преимущественно в одном и том же составе. При выборе президиума ЦК Кокошкин предложил «для большего объединения фракции с ЦК-том», чтобы председателем обоих органов было «одно лицо». Таким «лицом» уже был Милюков, и его вновь избрали на пост председателя ЦК (22 голосами). Затем тайным же голосованием были избраны четыре товарища председателя — по два для Москвы (Долгоруков и Кишкин) и Петрограда (Шаховской и Винавер). Секретарем ЦК вновь был избран Корнилов.

Следующий организационный вопрос, вставший перед ЦК в качестве первоочередного, был вопрос о финансах, ибо, как известно, организационные мероприятия требуют денег. Именно поэтому Шингарев начал с того, что если работу по «реорганизации партии в стране» ЦК намерен «повести серьезно, то она потребует больших денежных средств, которых у Ц. К-та нет». До сих пор он получал средства почти исключительно за счет самообложения своих членов, и оттого, «может быть», некоторые отрасли его деятельности, вроде бюро провинциальной печати, «были поставлены не так,

как бы следовало». Сейчас в состав ЦК вошло много членов из провинции. «Не найдут ли они возможным» поставить в своих группах вопрос о поддержании ЦК «более или менее значительными средствами», так как в противном случае «ЦК будет лишен возможности развить свою организационную деятельность в стране». В ответ на это «провинциал» Григорович-Барский заявил, что он «убежден» в том, что деньги «найдутся», если ЦК проявит больше настойчивости. Надо для этого выработать единые требования к местным группам, а не полагаться на их усмотрение, возобновить взимание членских взносов и т. д.

В свою очередь, Корнилов, «в виде справки из прошлого» — недаром он был историком, охладил энтузиазм и рвение киевлянина, сообщив, что даже тогда, «когда в партии было до 100 тысяч формально записавшихся членов, и тогда финансы ЦК были плохи». После Гельсингфорского съезда оказалось, что ЦК имеет долги в несколько десятков тысяч рублей, которые были постепенно погашены «несколькими более состоятельными членами ЦК и отчасти партии». Съездом были утверждены расписание и сметы, согласно которым местные группы должны посылать свои взносы в партийную кассу в Москву, но лишь немногие были аккуратны в своих платежах. Последняя выборная кампания в Думу прошла благополучно только благодаря тому, что Петрункевич дал единовременную субсидию ЦК в 5 тыс. руб. Собственного помещения ЦК никогда не имел (имеется в виду ПОЦК), весь его расход составил 50 руб. в месяц — уплата «составителю журналов Ц. К-та» (т. е. протоколов. — *А. А.*), да и то бывали затруднения. Циркуляры о присылке взносов ни к чему не приводили. У ПОЦК есть только один более или менее устойчивый источник средств: 300 руб. субсидии от Петроградского городского комитета партии. Он «опасается, что без особых понудительных мер и новой организации дела финансы Ц. К-та не удастся наладить».

Таким образом, Корнилов нарисовал известную уже нам картину, и дальнейшие прения мало что прибавили к ней. Киевлянин Василенко предложил для получения дополнительных средств «прибегнуть к монополизации партийных лекторов», т. е. организовывать эти лекции самим, а не через специальные антрепренерские конторы, на что последовали весьма убедительные возражения со стороны Тырковой, что ЦК не в состоянии конкурировать с ними. Заодно она упрекнула ЦК в том, что с нее «никто и никогда» не требовал членских взносов. Протопопов «на примере руководимого им издательского дела» доказывал, что без образования небольшого паевого капитала тысяч в 15—20 трудно организовать финансовую сторону дела. Изгоев заметил, что на текущие технические расходы ЦК изыскивал средства без особого труда, а для серьезной организационной работы, которая может потребовать до 50 тыс. руб., «необходимы особые меры и привлечение партийных людей, располагающих значительными капиталами». Если это не удастся осуществить, «то не надо задаваться и широкими планами».

Но по всему было видно, что Изгоев поставил телегу впереди лошади. Не потому не осуществлялись «широкие планы», что не было денег, а, наоборот, из-за неспособности эти планы осуществить кадетская верхушка на деле весьма мало заботилась о деньгах. Всего лишь делался вид, что ЦК озабочен финансовой проблемой, иначе, судя по всему, деньги бы были, и не малые: были и богатые члены партии, были и другие надежные источники финансирования, которые, безусловно, дали бы значительные

средства, если бы ЦК о них заботился, скажем, с таким же рвением, как Милюков заботился о судьбе «Прогрессивного блока».

Милюков в своем выступлении фактически подтвердил, что дело обстояло именно таким образом. Он «выразил надежду», что может быть обновленному ЦК, при участии его провинциальных членов, удастся наладить свои финансы «для более широких очередных задач», а сейчас перед ЦК стоит «более скромная, но неотложная необходимость» ежемесячно выплачивать 300 руб. Корнилову и 50 руб. протоколисту. Иными словами, Милюков давал понять, что больше 350 руб. в месяц ПОЦК сейчас и не нужно. «Впрочем, — спохватившись, что уже очень явно демонстрирует свое равнодушие к, казалось бы, весьма острой проблеме, добавил он, — все предложенные способы улучшения финансов надо еще обсудить...» Этому заявлению полностью соответствовало и принятое постановление. Было решено «отложить обсуждение вопроса о финансах ЦК до обсуждения общего организационного плана, порученного съездом, а пока просить провинциальных членов Ц[ентрального] К-та поднять в местных группах вопрос об улучшении способов финансирования центральных органов партии» [170].

Больше специально вопрос о финансах ЦК на его заседаниях не ставился; он возникал время от времени в связи с другими вопросами, но результат был тот же [171].

Вопрос «об организации партии в стране» был поставлен на пленарном заседании 30 марта 1916 г., т. е. на том же заседании, где так бурно обсуждался вопрос о поездке Милюкова и Шингарева. Это, разумеется, было случайным совпадением, но тем не менее знаменательным. По итогам этих двух обсуждений, особенно первого вопроса, можно смело делать окончательный вывод об организационных потенциях кадетской партии в плане ее способности и возможностей создать себе более или менее широкую социальную базу, вербуемую из среды «демократии».

Дискуссию открыл секретарь ЦК. Он доложил, что выводы о состоянии дел на местах можно сделать на основании анкеты, разработанной МОЦК (данные об активности отдельных партийных групп, их средствах, деятельности во время выборов в Думу и т. д.). Дальше шло поразительное умозаключение. Получается (на основании этой анкеты), продолжал Корнилов, картина состояния партийных учреждений, которая, по его мнению, «вовсе не может быть названа разрухой (как выражались некоторые на съезде), потому что за время существования партии не было момента, когда партийная организация была бы налажена удовлетворительно». Иначе говоря, на том основании, что «разруха» была перманентным состоянием партии с момента ее основания и это, так сказать, ее партийная специфика, то незачем считать теперешнее положение столь мрачным.

Конечно, пояснял Корнилов свою мысль, когда в первые годы партия была в силе, она была гораздо более многочисленной, «но даже и в то время успехи ее на выборах не были результатом хорошей организации». Все время затем вели разговоры «о необходимости поддержать развалившуюся организацию», с этой целью на места ездили лидеры партии, «иногда не безуспешно», но все же жизнь партийных комитетов проявлялась главным образом во время выборов. «И это доказывает, что организационный вопрос важен не столько со стороны *внешних* сторон партийной жизни, сколько со стороны тех практических задач, которые могут быть поставлены перед партией». В переводе на более ясный язык это означало: и не надо

никаких иных партийных организаций по сравнению с теми, какие есть. Раз главная организационно-политическая задача партии — максимально возможный успех на выборах в Думу, а местные комитеты худо-бедно с этим справляются, то с их партийно-организационной летаргией, прерываемой только во время избирательной кампании, можно примириться, жить так и дальше.

Корнилов считал, что «обычное планомерное развитие партии сведется к изучению положения дел в стране, к изучению экономических и финансовых, социально-политических, демократических и национально-политических задач». Только тогда и появится интерес к восстановлению партийных организаций, когда будут поставлены эти определенные задачи, «а иначе, для восстановления *чисто формальной* стороны дела, не стоит и трудиться».

Даже председатель Милюков вынужден был заметить, что предложение Корнилова ставит не организационный вопрос, а скорее вопрос разработки партийной программы. Протопопов выразил свою реакцию в восклицании: «Это какая-то des sciences academie. . .» («Это какая-то ученая академия. . .»). Позже он снова заявил, что «политическая партия как таковая не может задаваться научными исследованиями».

Шаховской начал свою речь с заявления, что «в скепсисе относительно местных организаций он должен пойти еще дальше (чем, по-видимому, Корнилов. — *А. А.*)». Перед съездом ему было поручено объехать и принять меры к восстановлению этих организаций, «но ездить не пришлось и восстановлять ничего нельзя было». Дальше он приходил к такому же выводу, как и Корнилов, который он также не считал «пессимистическим». Дело в том, что в провинции все наличные кадетские силы поглощены работой в непартийных организациях, и нельзя отрывать их от этой важной работы «для *искусственных* партийных дел. Нечего требовать от провинции, если и в столицах организационная часть стоит слабо. Разве пленарное заседание здесь собирается не впервые (очевидно, после съезда и первого пленарного заседания 22 февраля. — *А. А.*)? В Москве бранят петербуржцев, недовольны блоком и т. д., а сами собраться не могут». Несколько лучше обстоит дело с областными съездами, собиравшимися недавно. Но даже съезд в таком крупном центре, как Саратов, «по числу участников был весьма незначителен». По его мнению, «восстановление провинциальных ячеек невозможно, *пока не организуется партийный центр. И надо поставить ближайшей задачей организацию Ц. К-та*, усилить его сплоченность, установить периодические заседания и т. д.». И это говорилось спустя месяц после съезда, избравшего в ЦК полсотню людей! Что же касается характеристики, данной провинциальным организациям, то Шаховской, несомненно, говорил с полным знанием дела, поскольку, как указывалось, он был председателем центральной комиссии по подготовке съезда.

Изгоев также находил, что политическую партию нельзя заменить «органами для изучения нужд страны. . . Зло партии в отсутствии притока свежих сил, другими словами, — вопрос о социальном базисе партии. В этом смысле положение с.-д-тов гораздо яснее и благоприятнее, чем к.-д.-тов». Кадетам необходимо обзавестись своей социальной базой, «отыскание» которой направить в земства и кооперацию, «чтобы получить демократические элементы». И это надо делать из центра, а именно «организовать вождей демократии, которые в реальной работе вели бы демократические элементы не за с.-д.-тами, а за к.-д». Кого разумел Изгоев под «вождями

демократии», сказать трудно, скорее всего, людей типа «народных социалистов», тех же кооператоров, и т. п.

Обиженный репликами Протопопова секретарь ЦК перешел к нападкам на ЦК. «Надо начинать с самих себя, — заявил Корнилов вслед за Шаховским, — и тогда, преображенные (!) и очищенные (!), пойдем в страну. Сейчас партийные организации на местах только отражают наши собственные недостатки». Надо сделать так, «чтобы не было, как до сих пор, в партийной жизни каникул и более или менее длительных перерывов».

На фоне такого всеобщего пессимизма вполне логичным был вывод Долгорукова о том, что если не может быть двух мнений «о необходимости упорядочить» деятельность ЦК, то в отношении провинциальных организаций «пока надо поставить крест, так как никакая партийная деятельность немыслима без легализации, а тем более во время войны, когда *все живые силы* отвлечены на другие дела».

Родичев подхватил эстафету, пытаясь, однако, по своему обыкновению черное перекрасить в розовое, плохое считать хорошим. Он также находил, что ЦК может сделать многое в направлении собственной реорганизации, но для «усиления партии в стране» он «никаких заметных шагов» сделать не может. И не надо. В провинции сейчас люди объединяются «по общему фронту, а не по партийному», и партии отнюдь не надо от этого процесса обособляться — такое обособление «не ведет к победам». Сейчас же роль партии должна сводиться к тому, чтобы «готовить будущее»: когда наступят более свободные выборы, избиратели пойдут под кадетскими знаменами. «Итак, сейчас надо идти в общепартийном ополчении, а обособляться будем после». Что же касается вопроса о том, чем заниматься самому ЦК, то это надо обсудить на специальном заседании, «притом же не в столь малолюдном (присутствовало 17 человек. — *А. А.*)».

В том же духе, что и Родичев, но с еще более правых позиций (главное — блок и отказ от самой мысли о возможности иного, революционного пути, а остальное приложится), выступил Гредескул. Однако и он вынужден был сказать, что «прозелитизм (т. е. пополнение партии новыми членами. — *А. А.*) в к.-д. партии очень слаб», и привел в качестве примера Царицын, где ему на 200 тыс. жителей «удалось найти 2 членов к.-д.», в Балашове — одного, в Саратове — пять-шесть, «да и то в возрасте старше 35 лет» и т. д.

Уж если сподвижники Милюкова вынуждены были признать организационные недостатки ЦК, то Некрасов тем более не мог обойти молчанием эту тему. Но в отличие от первых, замалчивавших или не понимавших истинных причин плохой работы своего высшего исполнительного органа, он назвал действительную причину — общую политику партии, ее курс на соглашение с правыми, страх перед демократией. Он заявил: «Новые силы приобретаются партиями в яркие моменты и для ярких целей, к.-д.-ты же сознательно обрекли себя на существование и на работу в полутонах». Следствием этого является и положение в ЦК и фракции. Там «слышен голос только одного преобладающего течения», а условия «не позволяют меньшинству вступить в открытую борьбу с большинством», поэтому «оно принуждено скромно отстаивать свою точку зрения в тесной товарищеской среде, — и это налагает свою печать на существование партии и в центре, и особенно в периферии». Кадетская печать также «весьма односторонняя. „Речь“ в сущности является официозом блока».

Последнее замечание было, конечно, особенно болезненно для Милюкова, что и выразилось в его реплике, что так именно говорят недруги кадетов.

Выступление Некрасова полностью подтвердило, что Милюков и К^0 допустили левых в ЦК отнюдь не для того, чтобы считаться с их мнением, а, наоборот, для того, чтобы зажимать им рот. Партия только тогда может развиваться и идти вперед, не то объяснял, не то жаловался Некрасов, «когда в ней меньшинство не находится на милости большинства. Милостью большинства, — признал он (вопреки тому, что говорил на съезде), — проникли в ЦК-т некоторые элементы меньшинства, а что было большинству неугодно, было выброшено за борт». В результате «большинство покрывает собой меньшинство — не только в печати, но и в Госуд[арственной] думе, где мы, меньшинство, вынуждены оглядываться на блок и уступать место тем, кто отражает мнение блока». Раз в Думе занята позиция равнения на блок, партия не может достаточно проявлять себя на периферии, ибо «в провинции смотрят левее». Левое меньшинство могло бы иметь с ней связь, но «в атмосфере блока» к этому нет «ни практической, ни психологической возможности». «Только в том случае, когда принималось бы во внимание и меньшинство, — подытоживал Некрасов, — можно бы рассчитывать, что центр станет и более организованным, и более действенным». Сейчас же положение такое, какое было до съезда. Ничего не изменилось. Перестройку надо «начать с центра» — с Думы и фракции.

Некрасов был поддержан новым членом ЦК, депутатом Думы Ивановым. «Ошибку ЦК-та» он усматривал «в самоуспокоении и в переоценке положения партии в стране. . . На местах тактика партии вызывает сильные нападки». Отчего не пополняются ряды партии? — ставил он главный вопрос и отвечал: «Оттого, что вы требуете себе рабов, что в партии нет настоящей свободы, что партийная программа застыла и не отражает изменений, которые происходят вокруг».

Как же реагировало большинство на эти достаточно обоснованные и сильные упреки? Очень просто: оно их игнорировало. Только Гронский бросил примирительную фразу о том, что «не надо преувеличивать противоречий, существующих между правыми и левыми течениями в партии. . .». Остальные не сказали даже этого.

Резюмируя прения, Милюков, соблюдая, как обычно, все онёры мнимой объективности и беспристрастности, подводил кадетский генералитет к подтверждению прежней позиции. «Целый ряд высказывавшихся здесь лиц, Шаховской, Долгоруков и др., находили, что задача организации партии в стране несвоевременна и что постановление съезда сейчас выполнено быть не может».

Решение было сформулировано весьма хитроумно: «на вопрос председателя: признается ли выполнение поручения съезда несвоевременным? — большинством 8 против 7, при двух воздержавшихся (два члена ЦК, следовательно, к моменту голосования уже ушли. — *А. А.*), вопрос был снят с очереди по *несвоевременности*». Последнее слово означало, что решение съезда как таковое не отвергается, ибо ЦК не имел на это формального права, а лишь откладывается его реализация.

Но уловка была настолько неуклюжей, что даже Гредескул почувствовал неловкость. Получается, заявил он, что «ЦК *как бы* отверг постановление съезда», на что ему Шаховской поспешил ответить , что «мотивом снятия была несвоевременность, следовательно, об отклонении постановления съезда не может быть речи». Все-таки чувство неловкости не проходило.

Чтобы как-то сгладить его, Долгоруков предложил, чтобы два-три человека, например Милюков, Корнилов и Шаховской, на основе прений составили бы доклад по всем затронутым вопросам. На это Милюков возразил, что он не берется докладывать чужие мысли и пусть авторы их сделают это сами. Корнилов заявил, что «реорганизация» ЦК в духе предложений Шаховского осуществима и без особых докладов. Некрасов, со своей стороны, «разъяснил», что он, говоря о реорганизации, имел в виду «реорганизацию *работы ЦК*... Важно, — пояснил он свою мысль, — чтобы члены ЦК имели возможность обсуждать события ранее, чем по ним будут приняты связывающие решения лидерами партии, — вообще, чтобы в решения партийные больше введено было коллегиальное начало».

В результате было принято еще одно постановление, поручающее Шаховскому составить доклад о реорганизации работы ЦК [172].

Надо ли говорить, что никакой «реорганизации» ни в ЦК, ни в провинции произведено не было и все оставалось по-старому. Да и какая могла быть реорганизация ЦК, состоящего из полсотни членов на партию максимум в 700 человек? Ведь если отвлечься от того, что несколько членов ЦК на шестом съезде были выбраны заочно, получалось, что в ЦК был избран почти каждый второй делегат съезда. Всем было ясно, что такой ЦК создается для представительства, а не для деловой работы, что по-прежнему реальным ЦК будут те самые полтора десятка человек, которые заворачивали всеми делами до съезда.

Организационные вопросы и потом время от времени делались предметом обсуждения в ЦК — с таким же нулевым результатом, как и раньше. В качестве примера можно сослаться на заседание МОЦК 6 января 1917 г., когда в числе других вопросов был поднят вопрос об очередном съезде и о состоянии организаций на местах. В связи с напоминанием Шаховского, что нужно готовить очередной съезд партии, так как годовой срок истекает в феврале, Кишкин заявил, что «сейчас оживить тело партии (провинцию) никакими мерами нельзя. Надо ждать другого момента. Жива только голова, которая неорганизованна». На это Шаховской возразил, что «тело партии нельзя так забрасывать» и поэтому надо выработать план «организационной перестройки», и МОЦК охотно, благо не в первый раз, поручило Шаховскому подготовить к пленарному заседанию ЦК доклад об этой перестройке [173].

Что касается очередного съезда партии, то его созыв на заседании МОЦК 5 февраля 1917 г. было решено приурочить к майской сессии Думы, оставив назначение точной даты «на после» [174]. Но это «после» в связи с Февральской революцией, создавшей принципиально иную ситуацию, наступило раньше: VII съезд кадетской партии открылся в Петрограде в конце марта 1917 г. Остается добавить, что, несмотря на совершенно иную обстановку, когда уже не надо было думать о «легализации» и все страхи провинциалов были позади, этот съезд мало отличался по своему характеру от предыдущего, дореволюционного съезда, поскольку готовился он в дореволюционной обстановке.

Февральская революция 1917 г. резко изменила организационное состояние партии. Сам собою начался приток новых членов. Е. Я. Кудрявцева-Кизеветтер (жена проф. А. А. Кизеветтера) писала 8 марта: сейчас приходил записываться в партию какой-то господин. «Я открыла член[скую] книгу (Ол. Ал. велела вытащить из недр корзину, где была погребена с 1907 г. вся наша парт[ийная] литература, и там оказались воззвания, повестки,

бюллет[ени], книжечки для чл[енских] взносов и пр. и пр.). Так вот мы и утилизируем теперь эти книжечки — они дорого стоят, напечатано на них 1906 г. — мы передел[ываем] 1917 г.» Новый член партии сразу платит 100 руб. взносов. Комитет набрал уже больше 3 тыс. руб. Предлагает услуги: бумагу, связи с типографиями и пр. [175].

Десять лет пребывала в организационной летаргии главная партия русской контрреволюционной буржуазии, сдав на хранение своим партийным дамам бюллетени, членские книжки и прочее партийное имущество. Но после Февральской революции 1917 г. все резко изменилось: появились и новые члены, и деньги, возродились местные организации и т. д. И все потому, что принципиально изменилась очередная политическая задача: вместо соглашения с царизмом *во что бы то ни стало* требовалось теперь не допустить социалистической революции *во что бы то ни стало*. В этой связи, перефразируя известную формулу Маркса, мы можем сказать: политическое бытие кадетской партии определяло и ее организационное сознание.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 281.
[2] Голос Москвы, 1908, 30 дек.
[3] *Лемке М. К.* 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915—2 июля 1916). Пг., 1920, с. 559.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 280—281. Курсив наш. — *А. А.*
[5] Там же, с. 286.
[6] Подробно см.: *Аврех А. Я.* Раскол фракции октябристов в IV Думе. — История СССР, 1978, № 4, с. 115—127.
[7] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 949, л. 375.
[8] Там же, д. 984, л. 385.
[9] Там же, д. 572, л. 1608.
[10] Там же, д. 984, л. 881.
[11] В отчете ЦК читаем: «16 марта сего года П. В. Каменский сделал доклад „О разрушении Александровского хутора для глухонемых". В заседании Центрального комитета 26 февраля 1914 г. проф. Л. В. Владимиров сделал доклад на тему: „Что такое общественное мнение"». «В заседании Центрального комитета 14-го ноября 1913 г. проф. Л. В. Владимиров сделал доклад „О хулиганах и хулиганстве"» (Отчет Центрального комитета Союза 17 октября о его деятельности с 1 октября 1913 г. по 1 сентября 1914 г. М., 1914, с. 53, 95, 97).
[12] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, 1914 г., д. 1010, л. 98.
[13] Там же, д. 1012, л. 224.
[14] Там же, л. 268.
[15] Там же, д. 1020, л. 880.
[16] Там же, Особый отдел, 1917 г., д. 27, л. 25—26.
[17] Отчет Центрального комитета Союза 17 октября. . ., с. 14—15.
[18] Будучи немцем, Линдеман страшно возмущался тем, что октябристы примкнули к лозунгу борьбы с «немецким засильем». Это была одна из причин, заставлявшая его подумать о выходе не только из ЦК, но и из партии. В то же время он был ярым полонофобом и, конечно, антисемитом. Прогрессивный блок был, по его мнению, ненужной затеей. «Программа прогрессивного блока, — писал Линдеман сыну 30 ноября 1915 г., — совершенно несвоевременна. . .» (ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, 1915 г., д. 1039, л. 2107; 1914 г., д. 1012, л. 211; д. 1002, л. 2114). Кстати, в раздражении он давал своим соратникам совсем другую оценку, чем в цитированном отчете. Объясняя сыну, почему он хочет «все бросить», т. е. отказаться от своего поста заместителя председателя ЦК, Линдеман в цитированном выше письме от 31 января 1915 г. пояснял: «Очень уж плохая компания: карьеристы, аферисты и люди без всяких идеалов, а для меня последние только и имеют ценность» (Там же, 1914 г., д. 1012, л. 268).
[19] ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1092, л. 3 об.—4 об.
[20] Первая фраза о А. И. Гучкове в Советской исторической энциклопедии гласит: «Крупный моск[овский] домовладелец и промышленник. . .» (СИЭ, 1963, т. 4, стб. 916).
[21] В личном фонде А. И. Гучкова нами обнаружено его завещание, сделанное незадолго до Октябрьской революции 1917 г., и счет в Петроградском учетном и ссудном банке, где он держал свои ценные бумаги. Из этих документов с полной очевидностью следует, что Гучков просто «доедал» свою часть наследства (ЦГАОР СССР, ф. 555, оп. 1,

д. 620, 621). Тот же М. К. Лемке, со слов того же друга Гучкова, писал, что последний «живет на жалованье по званию директора правления Московского купеческого банка и больше ничего не имеет. Должность эта останется за ним пожизненно в благодарность его отцу, создавшему самый банк» (*Лемке М. К.* Указ. соч., с. 559, запись от 20 февр. 1916 г.). Есть и другие свидетельства, доказывающие, что Гучков не был богатым человеком в принятом тогда смысле.

[22] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, д. 991, л. 1007.

[23] Там же, л. 1026.

[24] *Шидловский С. И.* Воспоминания. Берлин, 1923, ч. 1, с. 212—213.

[25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 327.

[26] Там же, с. 245.

[27] Слово, 1909, 8 (21) февр.

[28] Там же, 1909, 5 (18) июля.

[29] *Лаверычев В. Я.* По ту сторону баррикад. М., 1967, с. 92; *Селецкий В. И.* Образование партии прогрессистов. — Вестн. МГУ, История, 1970, № 5, с. 41.

[30] *Селецкий В. Н.* Указ. соч., с. 34—38. Курсив наш. — *А. А.*

[31] Съезд прогрессистов 11, 12 и 13 ноября 1912 г. СПб., 1913, с. 21—23.

[32] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 244—245.

[33] *Аврех А. Я.* Столыпин и третья Дума. М., 1968, с. 465.

[34] *Лаверычев В. Я.* Указ. соч., с. 94—95.

[35] *Селецкий В. Н.* Указ. соч., с. 47.

[36] Съезд прогрессистов. . ., с. 10.

[37] Там же, с. 23.

[38] Там же. Курсив наш. — *А. А.*

[39] Состав столичных комитетов, механически переименованных в отделы ЦК, был следующим: *Петербургский* — П. О. Гукасов, И. Н. Ефремов, В. Д. Кузьмин-Караваев, А. А. Уваров, И. И. Бекман, В. П. Энгельгардт, А. А. Федоров, М. М. Федоров, Н. Д. Шубин-Поздеев, В. А. Янович, И. И. Толстой, А. Н. Толстой, А. Н. Брянчанинов, Н. Н. Львов, А. М. Масленников, М. М. Ковалевский, М. Ф. Калугин «и другие»; *Московский* — В. М. Голицын, Г. Е. Львов, М. В. Голицын, Е. Н. Трубецкой, Д. Н. Шипов, Н. В. Давыдов, Л. И. Лисицын, Л. Н. Новосильцев, С. И. Четвериков, А. И. Коновалов, П. П. Рябушинский, В. П. Рябушинский, С. Н. Третьяков, Н. Д. Морозов, С. С. Ермолов-Зверев, С. Л. Толстой, Ю. И. Поплавский, А. В. Киселев «и другие» (Съезд прогрессисто. . ., с. 2—3). Приписка «и другие», пожалуй, лучше всего характеризует как само состояние организации прогрессистов, так и их представление об организации.

[40] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 246.

[41] Новое время, 1912, 16 нояб.

[42] Речь, 1912, 13 нояб. Курсив наш. — *А. А.*

[43] Промышленность и торговля в законодательных учреждениях. СПб., 1912, с. XXII.

[44] *Аврех А. Я.* Столыпин и третья Дума, с. 462—463.

[45] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 160.

[46] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 383.

[47] РО ГБЛ, ф. 260, карт. 4, д. 10, л. 1—23.

[48] Там же, л. 13—15. Курсив наш. — *А. А.*

[49] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 3, д. 5, л. 14—16. Курсив наш. — *А. А.*

[50] *Шидловский С. И.* Воспоминания. Берлин, 1923, ч. 2, с. 46—47.

[51] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1059, л. 949—949 об.

[52] Там же, д. 1064, л. 1457.

[53] *Милюков П. Н.* Воспоминания. Нью-Йорк, 1955, т. 2, с. 330.

[54] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1059, л. 933. Курсив наш. — *А. А.*

[55] Там же, д. 1058, л. 889.

[56] *Мансырев С. П.* Мои воспоминания о Государственной думе (1912—1917 гг.) — В кн.: Историк и современник, Берлин, 1922, т. 3, с. 17.

[57] П. Д. Долгоруков (в письме от 10 февр. 1915 г. на имя секретаря МОЦК Ю. Г. Губаревой), сообщая о недовольстве руководителей Киевского комитета партии ПОЦК и Милюковым, писал: «Разочарованные в петербуржцах киевляне оч [ень] хотят сблизиться *с нами, москвичами*, для совместной работы. Оч [ень] желательно осуществить это сближение» (РО ГБЛ, ф. 225, карт. 6, д. 11, листы не нумерованы).

[58] *Бурышкин П. А.* Москва купеческая. Нью-Йорк, 1954, с. 267—268.

[59] Там же, с. 98, 266.

[60] Там же, с. 275—276.

[61] Там же, с. 284.

[62] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 3, д. 5, л. 14, 54. Курсив наш. — *А. А.*

[63] *Полнер Т. И.* Жизненный путь князя Георгия Евгениевича Львова: Личность. Взгляды. Условия деятельности. Париж, 1932, с. 50, 111, 113.

[64] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 32, л. 192 об., 195.

[65] Там же, л. 195.

[66] Русская мысль, 1915, № 9, с. 158, 160 (вторая пагинация). Курсив наш. — *А. А.*
[67] Промышленность и торговля. СПб., 1915, № 26 (193), 17 окт., с. 449.
[68] ЦГАОР СССР, ф. 102, Особый отдел, 1917 г., д. 27, л. 21.
[69] Там же, д. 343—348, с. 7—10 об.
[70] ЦГИА, ф. 669 (Клюжев И. С.), оп. 1, д. 17, л. 12 (запись в дневнике от 27 сент. 1915 г.).
[71] ЦГАОР СССР, ф. 97, оп. 1а, д. 34, л. 248.
[72] *Полнер Т. И.* Указ. соч., с. 222.
[73] *Бурышкин П. А.* Указ. соч., с. 316—317.
[74] ЦГАОР СССР, ф. 629, оп. 1, д. 18, л. 45 (запись в дневнике от 27 марта 1916 г.).
[75] *Маргулиес М. С.* Год интервенции. Берлин, 1923, кн. 1, с. 158.
[76] *Полнер Т. И.* Указ. соч., с. 10.
[77] Там же, с. 43, 60, 97, 197, 211, 216.
[78] *Милюков П. Н.* Воспоминания, т. 2, с. 200, 275.
[79] Превыше всего, например, кн. Г. Е. Львов ценил «смиренство» и с детства мечтал стать отшельником в Оптиной пустыне (*Полнер Т. И.* Указ. соч., с. 63).
[80] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 31, л. 1—2 об.
[81] Там же, л. 38 об.—40 об.
[82] Там же, л. 40 об.—42 об.
[83] Там же, д. 245, л. 73—73 об.
[84] Там же, д. 14, л. 62—64.
[85] Там же, л. 82—87.
[86] Там же, д. 31, л. 64—71.
[87] Там же, д. 15, л. 2—6, 12 об.—15, 17 об.—19 об., 23—23 об.
[88] Там же, д. 245, л. 139—140.
[89] Там же, д. 15, л. 115—116.
[90] Там же, л. 29—30.
[91] Там же, д. 31, л. 156—162. Подробно об организационном состоянии кадетской партии в довоенный период см: *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума. М., 1981, с. 154—180.
[92] В октябре 1914 г. начальник московской охранки сообщал в департамент полиции: «Вышедшие №№ „Защиты" (8 №№) показали, что газета в этом виде бесцветна и пока не опасна» (ЦГАОР СССР, ф. 102, Особый отдел, 1914 г., д. 27, ч. 26, лит. Б, л. 65 об.).
[93] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 32, л. 37 об.— 40.
[94] Там же, л. 1—2, 4 об.—5.
[95] Там же, л. 5—5 об.
[96] Там же, л. 84, 91 и след. Первую часть своей работы А. А. Корнилов прочел в заседании ЦК 23 нояб. (Там же, л. 29).
[97] Там же, л. 142—147 об.
[98] ОР ГБЛ, ф. 225, карт. 6, д. 11 (листы не нумерованы).
[99] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 32, л. 149 об.
[100] Там же, д. 17, л. 1—16.
[101] Там же, д. 32, л. 149 об.—152.
[102] Там же, д. 18, л. 2—2 об.
[103] ОР ГБЛ, ф. 225, карт. 5, д. 6 (листы не нумерованы).
[104] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 18, л. 3—3 об.
[105] Там же, л. 9 об.—10 об.
[106] Там же, л. 117 об.—118.
[107] В конце прений по своему докладу П. Н. Милюков признал: «Нельзя не ценить очень той сдержанности, с которой вопрос этот (о тактике. — *А. А.*) в общем обсуждался конференцией» (ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 18, л. 109).
[108] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, 1914 г., д. 1013, л. 64.
[109] Речь, 1915, 15 (28) июня.
[110] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 32, л. 164—165 об.
[111] На заседании ПОЦК 18 июня было решено рекомендовать на ближайшем пленарном заседании ЦК кооптировать в состав ЦК следующих лиц: Н. К. В[волкова], В. А. С[тепанова], А. А. Д[обровольского] (все трое — члены думской фракции), Е. Г. Ш[ольпа], члена Гос. совета Д. Д. Г[римма], а также проф. А. А. М[ануйлова], «намеченного к кооптации раньше, но отложившего время своего вступления в ЦК». По-видимому, в связи с тем, что вскоре возникла идея созыва съезда, намеченная кооптация не была произведена.
[112] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 32, л. 166.
[113] Там же, л. 166 об.—169.
[114] Там же, л. 170—177 об.
[115] Там же, л. 182 об.—183 об.
[116] Подробно см.: *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума, с. 206—223.
[117] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 32, л. 178—179, 185—187 об. (подлинники писем Н. В. Некрасова П. Н. Милюкову и в ЦК).
[118] Там же, л. 179—182.
[119] Там же, ф. 102, оп. 265, 1914 г., д. 1022, л. 1045а—1045а об.
[120] Подробнее см.: *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума. — Указ. соч., с. 209—213.
[121] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 32, л. 51 об.—52.
[122] Там же, л. 65.
[123] Там же, ф. 629, оп. 1, д. 18, л. 14 об.—

15. Из записи можно заключить, что А. В. Тыркова была личным свидетелем происходившего. Но это маловероятно. Судя по сохранившимся протоколам пленарных заседаний ЦК (проходивших, как правило, в Москве), которые всегда начинались с перечисления участвующих, от ПОЦК обычно присутствовал П. Н. Милюков. В редких случаях столичные делегации расширялись до трех-четырех человек. Тырковой в ее составе никогда не было. По-видимому, она заимствовала свои сведения от одного из участников заседания, скорее всего от В. А. Маклакова, друга М. В. Челнокова.

[124] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 32, л. 75—75 об.

[125–126] Там же, л. 122 об.—123.

[127] ОР ГБЛ, ф. 225, папка 4, д. 11в (листы не нумерованы).

[128] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 245, л. 207 об.

[129] *Франк С. Л.* Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956, с. 74.

[130] Там же, с. 48.

[131] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 32, л. 169.

[132] Там же, л. 190, 191.

[133] Единицей для представительства на съезде была признана губернская группа; минимальное — два человека; обложение 50 р. Если какая-либо губерния претендовала на большее представительство, то за каждого дополнительного участника съезда вносилось 25 р. При съезде в 200 душ, подсчитывал Д. И. Шаховской, возглавлявший подготовительную комиссию, приход составит 5 тыс. руб. См.: ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 32, л. 192 об. — 195.

[134] Там же.

[135] Там же. На заседании ПОЦК 14 сентября 1915 г. Корнилов сообщил, что Кокошкину ЦК поручил написать брошюру «о разнице между ответственным министерством и министерством, пользующимся доверием общества, ввиду кривотолков о поведении к.-д. при обсуждении формулы прогрессистов об ответственном министерстве» (Там же, л. 204—204 об.).

[136] Там же, оп. 3, д. 10, л. 13—14 об. (циркуляр от 3 сент., 1915 г.). См. также: ОР ГБЛ, ф. 225, папка 5, д. 6. (Протоколы заседаний комиссии от 21, 23, 26, 30 июля, 7, 9, 11, 14, 26 авг. 1915 г.; листы не нумерованы).

[137] ОР ГБЛ, ф. 225, папка 5, д. 6 (Протоколы заседаний комиссии от 21, 23, 26, 30 июля, 7, 9, 11, 14, 19, 26 авг. 1915 г.; листы не нумерованы).

[138] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 3, д. 5, л. 1 об.

[139] Там же, л. 2.

[140] Этот хвастливо поучительный и самоуверенный тон раздражал не только левых, но и правых кадетов. Так, например, в своем письме М. В. Челнокову от 24 января 1916 г. некий кн. Орбелиани, явно подыгрывая своему адресату, писал: «На днях я слыхал в частном кружке речь Милюк-паши. Победа блока — уход Горемыки, победа блока — назначение Немца (Штюрмера. — *А. А.*), победа полная и победы впереди. Признаюсь, у меня было чувство некультурного человека: хотелось бить Пашу. Менее сдержанные люди, мои соседи по стульям, выражали одобрение словами: наглость, мерзость, и сим подобными» (ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1049, л. 183).

[141] На обеде у лорд-мэра Лондона летом 1908 г. П. Н. Милюков произнес свою нашумевшую фразу о том, что до тех пор, пока в России будет Дума, контролирующая бюджет (чего на самом деле не было), кадеты будут оставаться не «оппозицией его величеству», а «оппозицией его величества». Именно этот исходный тезис и лежал в основе всей третьеиюньской политики кадетов.

[142] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 3, д. 5, л. 18 об.—21.

[143] Там же, л. 40 об.—43 об.

[144] Там же, л. 21—22 об.

[145] Там же, л. 38—39 об. На июньской конференции 1915 г. черниговский делегат М. К. Имшенецкий также высказал сомнение относительно характеристики войны как «освободительной» и «народной», и предлагал «отбросить эти эпитеты» (ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 18, л. 79 об.). Но на съезде он с этим предложением уже не выступал.

[146] В частности, сторонниками заключения мира были И. В. Гессен и часть сотрудников «Речи», т. е. «измена» Милюкову гнездилась в его собственном штабе. См.: *Гессен И. В.* В двух веках: Жизненный отчет. Берлин, 1937, с. 328—329.

[147] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 3, д. 5, л. 24.

[148] Там же, л. 27 об.—28.

[149] Там же, л. 28.

[150] Там же, л. 61 об.—62.

[151] Там же, л. 36.
[152] Там же, л. 30.
[153] Там же, л. 40 об.
[154] Там же, л. 52 об., 58 об. Курсив наш. — *А. А.*
[155] Там же, л. 17.
[156] Результаты голосования: 1) М. С. Аджемов (103 голоса); 2) Н. И. Астров (111); 3) А. Н. Букейханов (102); 4) Н. П. Василенко (102); 5) А. В. Васильев (108); 6) В. И. Вернадский (112); 7) М. М. Винавер (110); 8) В. А. Виноградов (89); 9) Н. К. Волков (109); 10) С. В. Востротин (111); 11) Ф. А. Головин (112); 12) Н. А. Гредескул (76); 13) Д. Н. Григорович-Барский (107); 14) Д. Д. Гримм (112); 15) П. П. Гронский (104); 16) А. А. Добровольский (105); 17) кн. Павел Д. Долгоруков (111); 18) Е. М. Ещин (84); 19) С. А. Иванов (76); 20) А. С. Изгоев (65); 21) Я. К. Имшенецкий (103); 22) А. А. Кизеветтер (111); 23) Н. М. Кишкин (110); 24) Ф. Ф. Кокошкин (110); 25) М. Г. Комиссаров (112); 26) А. А. Корнилов (110); 27) А. Р. Ледницкий (110); 28) В. А. Маклаков (105); 29) А. А. Мануйлов (112); 30) П. Н. Милюков (108); 31) Н. В. Некрасов (94); 32) В. П. Обнинский (75); 33) кн. В. А. Оболенский (107); 34) И. И. Петрункевич (111); 35) Д. Д. Протопопов (71); 36) Ф. И. Родичев (112); 37) А. Н. фон-Рутцен (110); 38) В. А. Степанов (111); 39) Н. В. Тесленко (111); 40) кн. Г. М. Туманов (117); 41) А. В. Тыркова (73); 42) А. Г. Хрущов (109); 43) К. К. Черносвитов (109); 44) кн. Д. И. Шаховской (112); 45) А. И. Шингарев (112); 46) бар. Ф. Р. Штейнгель (110); 47) Н. И. Щепкин (104); 48) П. П. Юренев (109). Меньше половины голосов получили: П. С. Леонас (56), В. А. Харламов (54), Н. А. Гладыш (42), М. Л. Мандельштам (42), Л. Е. Эльяшев (41), А. Марковников (37), А. Никонов (35) и Г. Б. Быховский (32).
[157] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 3, д. 5, л. 47 об., 60 об.
[158] Там же, л. 48—48 об. Курсив наш. — *А. А.*
[159] Там же, л. 59 об., 60 об.—61.
[160] Там же, л. 73 об.—74.
[161] ОР ГБЛ, ф. 225, папка 5, д. 6 (листы не нумерованы). Позже П. Н. Милюков писал, что считал Н. В. Некрасова «попросту предателем» с амплуа наушника (см.: *Милюков П. Н.* Воспоминания, т. 2, с. 331). 6 февраля 1916 г., т. е. за две недели до съезда, А. В. Тыркова записала в своем дневнике: «Некрасов на этот раз произвел на меня впечатление более сытое, успокоенное... ему хочется поладить с П[авлом] Ник[олаевичем], чтобы сосватать блок с союзами. Он и улыбается, и вертится, и нацеливается» (ЦГАОР СССР, ф. 629, оп. 1, д. 18, л. 37).
[162] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1053, л. 555.
[163] Там же, л. 510.
[164] Там же, л. 513.
[165] Там же, ф. 629, оп. 1, д. 18, л. 42—43.
[66] К сожалению, как В. С. Дякину, так и Е. Д. Черменскому протоколы VI съезда кадетской партии (представляющие собой целый том в 147 убористых рукописных страниц) остались неизвестными, и поэтому их описания съезда, сделанные главным образом на основании черновых записей Милюкова, грешат многими неточностями, свидетельствующими о незнании того, что в действительности происходило на съезде и как шла его подготовка. Приведем два примера. «К сожалению, в этих источниках, — пишет В. С. Дякин, имея в виду указанные записи и полицейские донесения, — нет содержания доклада Милюкова» (*Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л., 1967, с. 171). Между тем этот доклад подробно изложен в указанных протоколах (ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 3, д. 5, л. 10 об.—16), причем его полный текст был роздан делегатам съезда в виде отдельной брошюры, озаглавленной «Тактика фракции народной свободы во время войны». В свою очередь, Е. Д. Черменский утверждает, что еще в январе 1916 г. кадетский ЦК и не думал созывать съезд, а планировал всего лишь «расширенное совещание членов ЦК, думской фракции и некоторых видных работников с мест». Но «когда последние прибыли, то выяснилось, что хотя они и не составят на совещании большинства, но могут заставить собравшихся поспешить с созывом съезда, на который уже явятся в преобладающем числе и изменят состав и линию ЦК. Во избежание этого ЦК по инициативе Милюкова решил начавшееся совещание объявить очередным VI съездом партии» (*Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976, с. 151—152). В свете всего изложенного

выше очевидно, что объяснение Е. Д. Черменского о причинах созыва и характере съезда не соответствует действительности. Протоколы были обнаружены нами в фонде кадетской партии много лет назад, но только теперь вводятся в научный оборот.

[167] Оценивая итоги съезда, правый кадет А. С. Изгоев писал: «Он проходил как будто под знаком левого устремления. Центральный комитет партии пополнен левыми кадетами. Против правых кадет... велась на выборах в Центральный комитет ожесточенная кампания. Это не помешало, однако, и левым кадетам единогласно одобрить парламентский прогрессивный блок... Так называемые „правые кадеты" могли бы быть удовлетворены, если бы даже увенчались успехом старания „левых" не допустить их в центральный орган партии... „Правые" и „левые" кадеты. Насколько серьезно это разделение?» (*Изгоев А. С.* Политика наших дней. — Русская мысль, 1916, № 3, с. 33, 34). Ответ давался уже в самом вопросе: разделение несерьезно.

[168] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 3, д. 9, л. 28, 37 об.—41 об. Курсив наш. — *А. А.*

[169] Там же, л. 47—60.

[170] Там же, л. 6—7 об.

[171] Так, на заседании 19 мая 1916 г. было постановлено: «Для содержания [Центрального] К[омитета] прибегнуть к добровольному самообложению его членов, причем нормальным взносом признать 2 % с чистого дохода каждого члена». В связи с этим председатель сообщил, что казначеем избран Д. Д. Протопопов, и до сего времени 23 члена ЦК самообложили себя на 3,5 тыс. руб. в год, а наличных денег имеется 500 руб., на что А. А. Корнилов заметил, что самообложение вряд ли даст более 6 тыс. руб., «а расходы предстоят большие. Следовательно, придется еще раз поставить на очередь вопрос о привлечении провинциальных групп» (ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 3, д. 9, л. 72). Финансовая колымага ЦК упорно не сдвигалась с места: лошадок никто не понукал.

[172] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 3, д. 9, л. 31—37 об. Курсив наш. — *А. А.*

[173] ОР ГБЛ, ф. 225, папка 5, д. 6 (листы не нумерованы).

[174] Там же.

[175] Там же, ф. 566. Дневник Е. Я. Кудрявцевой-Кизеветтер (1905—1922), л. 499, 501.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Третьеиюньская система не была результатом некоего политического озарения. Царизм пришел к ней путем проб и ошибок. Проделав неудачный опыт с первыми двумя Думами, основанный на избирательном законе 11 декабря 1905 г., он изменил курс, сделав ставку на реакционное поместное дворянство и крупную буржуазию. Но смысл третьеиюньского избирательного закона состоял не только в том, что он резко менял представительство в Думе в пользу названных классов за счет рабочих, крестьян и угнетенных народов России. Одновременно, и это главное, он создавал Думу как инструмент бонапартистского лавирования царизма между помещиками и буржуазией. Чисто эмпирическим путем новый избирательный закон создал в Думе *два большинства*, и эта ситуация в обычных, неэкстремальных условиях не могла сколько-нибудь существенно измениться.

Функционирование первого и второго большинства осуществлялось по принципу качающегося маятника, роль которого исполняли октябристы. Уже в самом этом механизме были заложены все элементы кризиса и крушения системы. Ее сложная и хрупкая равновесность могла держаться только при исключительно счастливом стечении обстоятельств как для самого царизма, так и для его союзников по контрреволюции. В противном случае система сразу начинала работать против ее создателей и участников. Так именно и случилось. К началу первой мировой войны третьеиюньская система находилась в состоянии глубочайшего кризиса [1].

Война, т. е. экстремальная ситуация, привела ее к полному распаду, политическим выражением которого стало создание «Прогрессивного блока», т. е. *одного* большинства. Это было принципиальное изменение, смысл которого состоял в том, что в оппозиции царизму, на лозунге «министерства доверия», объединились силы, единый политический альянс которых еще вчера считался невозможным. Но если для правых необходимость действовать в одной политической упряжке с кадетами все же была определенным психологическим потрясением, то для последних такой ход вещей, в сущности, явился закономерным итогом всей их предшествующей политической эволюции, методичным спуском с лестницы, на верхней ступени которой было провозглашено (с трибуны I Думы): «власть исполнительная да подчинится власти законодательной», а на нижней с упорством Катона повторялось, что «Прогрессивный блок» не стремится к власти.

Тем не менее для партии «Народной свободы» союз с правыми был достаточно крутым и рискованным поворотом. Отныне все свои расчеты и надежды П. Н. Милюков и К° связали с «правой кривой», посчитав возможным «левую кривую» сбросить со счетов по крайней мере до конца войны. Стратегический замысел, как неоднократно объяснял вождь партии, состоял в том, что можно будет таким путем избежать главной «ошибки», допущенной либералами в 1905—1907 гг., — удастся создать широкий оппо-

зиционный фронт царизму не только без левых партий, которые-де в годы революции своим незрелым политическим максимализмом раскололи дотоле единое движение и тем самым обрекли его на поражение, но и без народных масс.

Расчет строился прежде всего на том, что рабочий класс, в силу сложившихся условий, оторван от своего естественного руководителя — партии большевиков — и дезориентирован «оборончеством», деревня обескровлена мобилизациями, солдаты в окопах изолированы от взрывоопасного тыла, а офицерство настроено в духе «министерства доверия». Поэтому для осуществления основного лозунга блока будет вполне достаточно союза, состоявшего, с одной стороны, из цензовых элементов и «городской демократии» в лице приказчиков, конторщиков и т. п., которую либералы считали своим резервом, с другой — из *правых*, за которыми стояла консервативная часть дворянства, включая, как оказалось потом, и «объединенное дворянство». Союз с правыми Милюков считал решающей предпосылкой для «конституционной» победы «Прогрессивного блока».

С этой точки зрения мелодраматическая эпопея «Прогрессивного блока» — это прежде всего история «новой» антиреволюционной стратегии российского либерализма на заключительном этапе его существования. Именно поэтому левой составляющей «Прогрессивного блока» — кадетам — уделяется в работе преимущественное внимание. Что касается правых, то принципиальное значение их новой позиции состояло во внутреннем признании исчерпанности концепции *самодержавия*, необходимости так или иначе, но неизбежно встать на путь еще вчера столь ненавистного «парламентаризма».

Весь приведенный в исследовании материал свидетельствует, что ставка кадетов на «Прогрессивный блок» не оправдалась ни по одному пункту, ни по одной позиции. Она оказалась сплошной цепью практических провалов и тактических просчетов.

Торжественное заявление с думской трибуны 26 июля 1914 г. о том, что кадеты, отказываясь от оппозиции правительству, не ставят ему при этом никаких условий и требований, обернулось, по их собственному признанию, резким усилением и без того крайне реакционного и *антилиберального* курса министра внутренних дел Н. А. Маклакова.

Ни одна из намеченных блоковым соглашением реформ осуществлена не была. Надежда получить «министерство доверия» и покончить с «безответственными влияниями» оказалась призрачной. Расчет на возрождение и укрепление партии не оправдался. А главное, полностью провалился расчет на то, что «революции не будет», 1905 год не повторится. Партия кадетов еще раз доказала, что она была партией иллюзий и самообмана, партией *нереальной* политики.

В свою очередь, надежды правых партнеров кадетов на то, что последние выполнят роль своеобразного волнореза, который преградит путь революционной стихии, оказались столь же иллюзорными, как и надежды кадетов, что могущества и влияния их правых союзников хватит, чтобы заставить царя дать «министерство доверия». Февральские дни 1917 г. наглядно продемонстрировали, чего стоят «левые» потенции партии Милюкова—Шингарева, какова их цена и авторитет в глазах рабочих и солдат Петрограда.

Незадачливость российского либерализма на всем протяжении его истории имела глубокие корни. Их прежде всего надо искать в запоздалости

и слабости развития русской буржуазии. Россия была европейской страной, и ее экономика развивалась по европейскому пути, хотя в политическом и социально-экономическом строе немалую роль играли черты, объединяемые термином «азиатчина». Народническая доктрина о якобы искусственном насаждении капитализма сверху была, как известно, опровергнута марксистской наукой, а главное — жизнью. Но из этого вовсе не следует, что надо закрывать глаза на тот факт, что вмешательство государства в этот процесс было весьма значительным. Кстати сказать, это отнюдь не чисто русское явление. Истина, как установил марксизм, состояла в том, что абсолютизм в развитии капитализма в Европе сыграл огромную роль, специально способствуя этому развитию комплексом целенаправленных средств и мер. Достаточно вспомнить Кольбера во Франции.

Но последствия, прежде всего политические, высочайшего абсолютистского покровительства промышленности и торговле своей страны для России и той же Франции, не говоря уже об Англии, оказались разные. Узость внутреннего рынка, с одной стороны, неспособность к конкуренции с Западом — с другой, ряд других причин делали русскую промышленность и торговлю чрезвычайно зависимой от царизма не только политически, но и экономически.

Царизм очень охотно шел навстречу экономическим притязаниям буржуазии. В его поощрительном арсенале были такие средства, как покровительственная таможенная политика, прямое и косвенное субсидирование промышленности, гарантированная прибыль убыточным на первых порах, но важным для военно-экономического потенциала государства отраслям промышленности (металлургия, железнодорожный транспорт и т. д.), предоставление на чрезвычайно выгодных, можно сказать, в ряде случаев поразительных условиях казенного рынка и т. д. и самое важное — подавление рабочего движения. Но цена, которую царизм требовал взамен всех этих синекур и привелегий, с точки зрения коренных общеклассовых интересов русской буржуазии, была высока: полный отказ с ее стороны от каких-либо политических поползновений. Хозяйничай в текстиле и металлургии, извлекай максимум прибыли из торговли «колониальными товарами», получай барыши (к слову сказать, очень высокие), одним словом, хозяйничай экономически, но не лезь в политику (это не твоего ума дело) — вот так примерно можно сформулировать основное условие, предъявленное царизмом отечественным Кит Китычам, в обмен на отеческую опеку и покровительство.

Итог этого многолетнего и целенаправленного развращения буржуазии оказался для ее классового самосознания, организационно-партийной консолидации, связи с народом, одним словом, ее долгосрочных интересов очень печальным. Произошло, если так позволительно выразиться, раздвоение класса буржуазии. Одна его половина, собственно промышленники и торговцы, была вплоть до начала XX в. целиком повернута в сторону министерских «передних» и чиновничьих канцелярий, с тем чтобы при помощи рубля и других подобных средств извлечь как можно больше выгодных заказов и льгот, т. е. в сторону сиюминутных корыстных узкогрупповых интересов. Другая, представленная идеологами буржуазии, такими, как П. Б. Струве, М. М. Федоров, П. Н. Милюков и др., была обращена в сторону конституции, «парламентаризма» и проч., т. е. в сторону общеклассовых интересов буржуазии.

Этот низкий уровень общеклассового самосознания русской буржуазии

так бросался в глаза, что дал основание некоторым ее идеологам утверждать, что в стране вообще не было класса буржуазии как такового. В России, писал некий Эльяшевич, вообще «торгово-промышленного класса не было. Были люди, которые торговали, занимались промышленностью... Была промышленность, и в некоторых отраслях образцовая, которая сделала бы честь любой стране. Была у нас и торговля. Но не было торгово-промышленного класса». Было сословие, добавляет от себя Вишняк, приведший этот отрывок, «далекое от сознания общности даже своих групповых интересов» [2]. Разумеется, приведенное утверждение, особенно последняя фраза, было преувеличением, не соответствовавшим действительности. Торгово-промышленный класс именно как класс сложился и сформировался задолго до Февраля 1917 г. Но картина состояния этого класса в общем была схвачена верно.

Погруженная целиком в заботу об извлечении прибыли, русская буржуазия на протяжении почти всего XIX в. отличалась не только аполитизмом, но и была настроена весьма консервативно и верноподданнически. Характерной чертой этого столетия было то обстоятельство, что революционные и либерально-оппозиционные элементы в стране поставлялись и воспроизводились в основном дворянской и разночинной средой и в значительно меньшей степени купеческой. Купеческий резонанс на то или иное антиправительственное выступление, будь то выстрел Д. В. Каракозова или демарш тверских земцев, выражался преимущественно в проклятиях в адрес бунтовщиков и в изъявлении верноподданических чувств.

Только в канун и в ходе первой русской революции начался быстрый процесс политизации буржуазии, когда она как бы поменялась местами с поместным дворянством. «Как быстро поменялись ролями объединенное дворянство и всероссийское купечество! — восклицал по этому поводу В. И. Ленин. — До 1905 года в течение лет сорока с лишком дворянство либеральничало и почтительно напоминало о конституции, а купечество казалось более довольным, менее оппозиционным». Эту же мысль В. И. Ленин выразил в другом месте следующим образом: «Отошла в область прошлого та историческая эпоха, эпоха „первоначального накопления", когда дворянин-помещик ворчал и ходатайствовал о „доверии", а купец кланялся и благодарил» [3].

Однако, встав на путь требования «реформ» и «конституции», буржуазия в третьеиюньский период вновь повернула в массе своей к узкому практицизму в политике, не сумела подняться до борьбы за свои долгосрочные классовые интересы, предпочитая им интересы минуты. Лишь война и связанные с нею последствия, грозившие катастрофой не только монархии, но и ей самой, подняли ее сознание и требовательность до уровня «министерства доверия» и «ответственного министерства». Но и в это критическое для нее время она оказалась не на высоте. Источником этого бессилия перед царизмом, неспособности с ним бороться всерьез даже тогда, когда вопрос шел о ее собственной жизни и смерти, являлась контрреволюционность русской буржуазии, обусловленная ее страхом перед народом, который, в свою очередь, в конечном итоге был обусловлен ее собственной слабостью, породившей ставшее традиционным тяготение жить под защитой царизма, несмотря на все связанные с этим неудобства и ограничения.

В плане партийно-политическом это нашло свое выражение в разобщенности буржуазии, в отсутствии у нее «настоящей» партии в смысле партий-

ного объединения собственно буржуазии и буржуазной интеллигенции, в малочисленности и слабой жизнеспособности самих этих партий и организаций, в полном отсутствии у них сколько-нибудь массовой базы. Самым же наглядным итогом этого разобщения и слабости было то, что фактически лишь после Февральской революции, в силу фактического прекращения существования октябристов и прогрессистов как сколько-нибудь организованной силы, их абсолютной непригодности не только к какому-нибудь действию, но даже к простой ориентировке в ситуации двоевластия и бурного революционизирования миллионных народных масс, партия, которая на всем протяжении своей истории лучше и глубже всего отражала классовые интересы буржуазии — партия кадетов, была наконец признана буржуазией своей главной и, собственно, единственной партией.

В конечном итоге оторванность русской буржуазии от народа, ее страх перед ним и связанная с этим традиционная контрреволюционность были обусловлены ее рахитичностью, недостаточностью не только политического, но и экономического развития. Непосредственным и принципиально важным следствием этой слабости была малочисленность ее собственной периферии, так сказать, буржуазной инфраструктуры, получившей на Западе название «среднего класса», являющегося главным и весьма эффективным элементом связи буржуазии с народом, инструментом идейного и политического воздействия на него. Это обстоятельство было подмечено и современниками.

Цитированный нами Вишняк по этому поводу писал: «Как это ни парадоксально по форме, но именно *отсутствие* средних классов, „устраивавших" победоносные революции в других странах, послужило одной из причин русской революции. Оно же в значительной мере вызвало и ее срыв, крушение (т. е. последовавшую за Февральской революцией победу Октябрьской революции. — *А. А.*). Русское „третье сословие" не выполнило той исторической миссии по устранению абсолютизма, которая повсеместно выпадала на долю этого „сословия" в других странах. Оно не только было „ничем" в дореволюционной самодержавной России. Оно не пыталось стать „всем" и во время революции. У него не оказалось ни силы, ни веры ни в себя, ни в свое будущее. И неблагодарную и трудную повинность по уборке и сносу авгиевых конюшен русского абсолютизма пришлось нести, в числе других исторических повинностей, *четвертому* сословию, веками вне культуры и государственного сознания пребывавшему, темному, забитому и к государственному строительству неподготовленному» [4].

Эта тирада хороша, помимо всего прочего, и тем, что автор ее выступает здесь с его недоверием и страхом перед «четвертым сословием», т. е. народом, как типичный представитель этого «третьего сословия», об отсутствии (а на самом деле слабости) которого он так сожалеет, наглядно, собственным примером лишний раз демонстрируя непригодность русской либеральной интеллигенции, чьим представителем он был, к подлинной борьбе с российским абсолютизмом. «Трагедия и проклятие — русской интеллигенции, — писал дальше Вишняк — человек, считавший себя революционером, — состояли в том, что она борьбой против самодержавия вынуждалась идеологически противополагать царю — страну, государству — общество, власти — народ». Вишняк и Маклаков, эсер и либерал слились здесь воедино, воочию показывая, что представляли собой «средние классы» России во всем диапазоне радикально-либерального спектра.

Еще в феврале 1911 г. В. И. Ленин, высмеивая претензии веховца А. С. Изгоева, заявившего, что «место падающего (т. е. помещичье-

дворянского. — *А. А.*) класса стремится всегда занять другой класс (т. е. класс буржуазии. — *А. А.*)», с сарказмом писал: «Не всегда, г. Изгоев. Бывает так, что оба класса, и падающий, и „стремящийся", изрядно уже прогнили — один больше, другой меньше, конечно, но все же оба изрядно прогнили. Бывает так, что, чувствуя эту свою гнилость, „стремящийся" вперед класс *боится* сделать шаг вперед, а ежели делает, то обязательно при этом торопится сделать два шага назад. Бывает такая либеральная буржуазия... которая боится „занять место" падающего класса, а *все* усилия направляет на то, чтобы „разделить место" или, вернее, получить местечко хотя бы в лакейской, — но только не *занимать* место „падающего", только не доводить падающего до „падения". Бывает так, г. Изгоев»[5]. Да, действительно, так бывает. История, на примере России, доказала это более чем убедительно. Можно подумать, что в исследуемый период кадеты всей своей политикой задались специальной целью подтвердить эту блестящую ленинскую характеристику. Итог мог быть только один: не сумев и не захотев занять место «падающего» класса, «стремящийся» класс разделил его судьбу, пав вместе с ним.

[1] *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума (1912—1914 гг.). М., 1981.

[2] *Вишняк М.* Февральская революция. — В кн.: Современные записки, Париж, 1927, т. 31, с. 311.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 394, 408.

[4] *Вишняк М.* Указ. соч., с. 311.

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 154.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аврех А. Я. 10, 68, 157, 159, 243—245, 254
Аджемов М. С. 91, 95, 103, 143, 230, 231, 236, 247
Александр II, имп. 15
Александров А. М. 177
Алексеев М. В. 72, 116
Алексеенко М. М. 17
Алексей Николаевич, вел. кн. 16, 147
Алферов А. Д. 185, 200
Андроников М. М. 118, 134
Антонов Н. И. 17
Астров Н. И. 129, 185, 200, 215, 217, 227, 233, 247

Бакунин А. И. 218, 227
Балашов П. Н. 11, 17, 40, 49, 57, 61, 108, 127
Бальмонт К. Д. 224
Барк П. Л. 44, 129, 197
Барышников А. А. 176, 177, 185
Бахрушин К. 166
Бахрушин С. В. 185
Бекман И. И. 244
Беннигсен Э. П. 48, 49, 62, 89, 179
Бобринский А. А. 95, 107, 134
Бобринский В. А. 38, 45—47, 50, 51, 54, 74, 77, 101, 107, 131, 178
Бобянский А. Ф. 60, 61
Богданович Татьяна 152
Бомаш М. Х. 96
Брянчанинов А. Н. 177, 185, 214
Букейханов А. Н. 247
Бурджалов Э. Н. 7, 10, 39, 68, 147, 159
Бурцев В. Л. 122
Бурышкин П. А. 184, 185, 190, 244, 245
Бурьянов А. Ф. 87
Быховский Г. Б. 230, 231, 247

Васильчиков И. С. 107, 111
Варбург 106
Варнава, епископ 134
Варун-Секрет С. Т. 17, 78—80, 97
Василенко Н. П. 231, 237, 247
Васильев А. В. 231, 247
Вернадский В. И. 103, 196, 247
Вершинин В. М. 138
Вильгельм II, кайзер 16, 24
Винавер М. М. 20, 27, 29, 32, 200, 201, 236, 247
Виноградов В. А. 231, 247
Виноградов К. Б. 10
Витте С. Ю. 9, 15, 16
Вишняк М. 252, 253, 254
Вишняков П. А. 185
Владимиров Л. В. 243
Водовозов В. В. 120, 155
Воейков В. Н. 133
Волков Н. К. 207, 208, 231, 245, 247
Волконский В. М. 18, 78, 79, 94
Восторгов И. И. 16, 17
Востротин С. В. 208, 231, 247
Вторых Н. М. 225, 226, 231, 232

Геловани В. Л. 46
Герасимов Н. А. 60
Гессен Владимир 188
Гессен И. В. 13, 67, 68, 120, 158, 246
Гинденбург П. 105, 123
Гиппиус З. 66, 67, 71, 107, 152, 155, 156, 158, 160
Гладыш Н. А. 63, 230, 247
Годнев И. В. 77, 107, 111, 128, 135, 140
Голицын 115, 122
Голицын А. Д. 158
Голицын Б. А. 135, 158
Голицын В. М. 244
Голицын М. В. 244
Голицын Н. Д. 145
Головин Ф. А. 274
Горемыкин И. Л. 11, 17, 18, 30, 31, 42—46, 54, 66, 70, 72—75, 77—81, 88, 131, 159, 246
Городилов К. Е. 144
Граве Б. Б. 38, 68
Гредескул Н. А. 101, 177, 193, 195, 209, 211, 212, 228, 231, 232, 240, 241, 247
Григорович И. К. 44, 129
Григорович-Барский Д. Н. 230, 231, 237, 247
Гримм Д. Д. 51, 74, 75, 208, 125, 231, 245, 247
Гронский П. П. 94, 208, 221, 231, 241, 247
Грунт А. Я. 38, 68
Губарев А. А. 168
Губарева Ю. Г. 202, 218, 244
Гукасов П. О. 244
Гурко В. И. 41, 43, 51, 55, 57, 73, 75—77, 114

Гурлянд И. Я. 77
Гучков А. И. 3, 37, 38, 54, 56, 67, 91, 100, 147—149, 161—169, 173, 176, 190, 243, 244
Гучков Н. И. 161, 165, 166, 173
Гучков Ф. И. 164

Давыдов Н. В. 244
Демидов И. П. 18, 28, 36, 71, 208, 222
Дживилегов А. 227
Дзюбинский В. И. 87
Дмитрий Павлович, вел. кн. 146
Дмитрюков И. И. 51, 57, 69, 75, 76, 88
Добровольский А. А. 231, 245, 247
Долгоруков П. Д. 14, 67, 101, 103, 185, 202, 203, 218, 220, 222, 226, 229, 236, 240—242, 244, 247
Дубасов Ф. В. 9
Дубоссарский Э. А. 221
Дурново П. Н. 15, 16, 19, 20, 95, 156
Дьяченко Д. М. 226, 231
Дякин В. С. 6, 7, 10, 39, 40, 42, 50, 68—70, 147, 159, 247

Евсеев И. Т. 182
Егоров В. В. 227
Емец В. А. 10
Ермолов-Зверев С. С. 185, 244
Ефремов И. Н. 46, 50, 51, 57, 69, 73—75, 77, 78, 85, 86, 108, 109, 112, 114, 124, 139, 148, 155, 170, 176, 178, 180, 244
Ещин Е. М. 247

Живаго М. В. 165
Жижиленко Л. И. 36

Замысловский Г. Г. 57, 133, 144

Иванов С. А. 231, 241, 247
Игнатьев П. Н. 54, 56, 60, 129
Игрицкий Ю. И. 10
Изгоев А. С. 14, 20, 22, 24, 27, 29, 34, 131, 195, 200, 201, 212, 220, 231, 235, 237, 239, 247, 248, 253, 254
Имшенецкий М. К. 246
Имшенецкий Я. К. 247
Иорданский 218
Иоффе Г. З. 10

Калугин М. Ф. 182
Каменецкий П. В. 164, 165, 243
Капнист Д. П. 96, 107—111, 113, 124, 126, 127, 149, 150
Каразин Б. И. 46
Каракозов Д. В. 252
Караулов М. А. 85, 151
Карташев 156
Катуар Л. Л. 185
Кафафов К. Д. 96
Керенский А. Ф. 11, 30, 31, 33, 47, 95, 124—126, 132, 142, 150, 154, 155, 178, 180
Кизеветтер А. А. 193, 202, 242, 247
Киселев А. В. 244
Кишкин Н. М. 173, 185, 193, 194, 199, 200, 202, 203, 215, 233, 234, 236, 247
Клюжев И. С. 178, 190
Кноп А. Л. 165
Ковалевский Е. П. 30, 77, 86
Ковалевский М. М. 74—76, 171, 176, 190, 244
Коковцев В. Н. 16, 55
Кокорев 184
Кокошкин Ф. Ф. 14, 37, 67, 168, 198, 202, 221, 236, 246, 247
Колесников В. И. 182
Колюбакин А. М. 20, 23—25, 27, 32, 37, 41, 46, 192, 193
Комиссаров М. Г. 247
Коновалов А. И. 15, 17, 54, 56, 86, 100, 129, 144, 145, 167, 173, 176—178, 182, 183, 185, 187, 190, 244
Корнилов А. А. 20, 22, 24, 29, 34, 101, 193, 195, 196, 198, 201, 204, 220—222, 235—240, 242, 245—248
Короленко В. Г. 152
Косинский В. А. 37, 231, 232, 234
Котляревский С. А. 173
Крестовников Г. А. 161, 173
Кривошеин А. В. 17, 18, 28, 29, 42, 43, 54, 60, 69, 70, 107, 149
Кривошеин К. А. 43, 69
Крупенский П. Н. 38, 42, 43, 57, 69, 112—115, 158
Крымов А. И. 147
Кудрявцева-Кизеветтер Е. Я. 242, 248
Кузьмин-Караваев В. Д. 176, 244
Кузьминский В. В. 96
Кулишер М. 229
Куманин Л. К. 89, 90
Кутлер Н. Н. 9

Лаверычев В. Я. 8—10, 39, 68, 174, 244
Латкин В. Н. 165
Лебедев 118
Леванидов П. А. 94
Левашев С. В. 84, 125
Ледницкий А. Р. 34, 204, 247
Лемке М. К. 162, 243, 244
Ленин В. И. 3—5, 9, 10, 18, 58, 59, 71, 154, 156, 160, 162, 163, 170, 171, 174, 175, 177, 200, 243, 244, 252—254
Леонас П. С. 230, 247
Линдеман К. Э. 164—166, 243
Лисицын Л. И. 185, 244
Львов В. Н. 38, 46, 51, 53, 54, 56, 58, 69, 73—75, 113, 130, 131
Львов Г. Е. 56, 111, 158, 186, 187, 190, 199, 200, 220, 244, 245
Львов Н. Н. 149, 170, 176, 180, 182, 244
Любавский М. К. 166

Макаров А. А. 129
Маклаков В. А. 17, 20, 54, 55, 60, 61, 66, 67, 70, 78, 95, 96, 108, 109, 120, 125,

149, 171, 177, 178, 187, 208—210, 212, 214—216, 231, 246, 247, 253
Маклаков Н. А. 17, 18, 23, 29, 31, 33, 36, 44, 187, 196, 226, 250
Макушин 219
Манасевич-Мануйлов И. Ф. 85, 118, 124
Мандельштам М. Л. 223—226, 228, 230—232, 234, 247
Маниковский А. А. 151
Мансырев С. П. 26, 177, 244
Мануйлов А. А. 118, 119, 156, 206, 210, 231, 245, 247
Манус И. П. 85
Манухин С. С. 54
Маньков И. Н. 30, 87
Маргулиес М. С. 190, 245
Мария Федоровна, имп. 184
Марков 2-й Н. Е. 11, 17, 31, 44, 45, 47, 48, 53, 55, 57, 60, 69, 70, 71, 82, 84, 85, 86, 88—90, 92, 94, 108, 124, 125, 127, 133, 135, 138, 144, 158
Марковников А. 227, 247
Маркс К. 243
Мартынов 189
Марченко М. К. 159
Масленников А. М. 244
Меллер-Закомельский В. В. 51, 69, 74, 77, 112, 129
Мельгунов С. П. 26, 31, 63, 68, 71, 122, 147, 158—160
Меньшиков М. О. 13, 16, 30, 68, 80, 81, 96, 100, 134, 144
Микеладзе 174, 175
Милюков П. Н. 11—14, 16, 17, 19—34, 36—38, 40, 42—44, 46—49, 51, 53, 54, 56, 58—62, 64, 65, 67—82, 85—87, 90—92, 99—104, 106—112, 114, 116—130, 133—137, 140, 142—146, 148—154, 157—160, 167, 169, 178—183, 186—188, 190, 192—198, 200—209, 211—242, 244—247, 249—251
Минц И. И. 7, 10
Михаил Александрович, вел. кн. 147, 152
Морозов Н. Д. 244
Морозова М. К. 35, 134, 153
Мошков С. А. 228
Муромцев С. А. 209
Мусин-Пушкин В. В. 11, 69

Набоков В. Д. 50, 153
Найденов Н. А. 161
Неверов А. И. 94
Незнамов 175
Некрасов Н. В. 20, 22, 36, 68, 86, 101, 103, 186, 193, 199, 200, 201, 207, 210, 212—214, 218, 219, 224—226, 228—233, 235, 240—242, 245, 247
Николай I, имп. 198
Николай II, имп. 44, 70, 78, 82, 116, 126, 127, 145, 147, 152, 156, 157, 184
Николай Михайлович, вел. кн. 134
Николай Николаевич, вел. кн. 86
Никонов А. 247
Новгородцев П. И. 173
Новиков М. М. 26, 68, 163, 187, 212, 226
Новосильцев Л. Н. 244
Ночевкин А. 226, 227

Обнинский В. П. 227, 231, 247
Оболенский А. Д. 51, 57
Оболенский В. А. 177, 231, 247
Овчинников 218
Огородников Н. А. 229
Олендзкий В. К. 168
Олсуфьев А. 73, 74
Олсуфьев Д. А. 35, 43, 51, 53, 54, 56—58
Опочинин Н. Н. 76
Орбелиани 246
Орлов-Давыдов А. А. 182
Отрадинский 165

Павлинов Н. И. 178
Пападжанов М. И. 208
Парамонов 219
Петрункевич И. И. 20, 22, 27, 67, 120, 153, 193, 213, 214, 237, 247
Питирим, митрополит 79, 85, 90, 118, 119, 134
Плеве В. К. 155
Победоносцев К. П. 9
Покровский М. Н. 147
Покровский Н. Н. 129
Поливанов А. А. 44, 54, 60, 69, 101
Полнер Т. И. 186, 190, 244, 245
Половцов И. Ф. 131
Половцов Л. В. 86
Поплавский Ю. И. 244
Попов С. А. 135, 144
Посников А. С. 178, 182
Протопопов А. Д. 11, 25, 105—107, 119, 127, 129, 133, 137—139, 142, 144, 145
Протопопов Д. Д. 20, 32, 68, 101, 103, 171, 177, 213, 221, 223, 228, 235—237, 239, 240, 247, 248
Пуришкевич В. М. 11, 57, 67, 84, 85, 100, 133—135, 146
Пурталес, посол 118

Раев Н. П. 129
Распутин Г. Е. 54, 65, 73, 78—80, 82, 85, 88, 89, 91, 101, 111, 116, 118, 119, 126, 134, 139, 145—147, 159, 166
Ратаев Л. А. 118
Раткевич А. А. 135
Ратьков-Рожнов А. Г. 69
Резанов А. С. 158
Рейн Г. Е. 129
Ржевский В. А. 74, 76, 178, 181, 182, 187
Риттих А. А. 129, 131, 149, 150
Родзянко М. В. 17, 30, 42—44, 51, 54, 57, 69, 71, 72, 86, 89, 90, 97, 100, 105, 106, 108—111, 127, 128, 132, 135, 138, 152, 157, 158, 164, 169, 170, 216

Родичев Ф. И. 13, 20, 21, 29, 60, 95, 103, 120, 187, 217, 219, 221, 232, 235, 236, 240, 247
Ростовцев Н. А. 51, 131
Рубинштейн Д. Л. 85
Рудич К. Н. 135
Рутцен А. Н., фон 204, 217, 247
Рябушинский П. П. 15, 31, 50, 70, 81, 173, 176, 178, 183, 188—190, 244
Рябушинский В. П. 185, 244

Саблер В. К. 44
Савенко А. И. 30, 50, 51, 53, 57, 62, 70, 71, 128, 131, 144, 150, 224
Савич Н. В. 54, 137, 138, 164, 166
Садырин 218, 221
Сазонов С. Д. 44, 52, 118, 119, 128, 133, 149
Самарин А. Д. 149
Сафонов П. А. 54
Седых А. 158
Селецкий В. Н. 9, 10, 174, 244
Сидоров А. А. 10
Скобелев М. И. 132, 141—143
Скоропадский Г. В. 164
Слонимский А. Г. 7, 10, 39, 40, 68, 147, 158, 159
Соболев Г. Л. 10
Соколов Н. Д. 155
Спирин Л. М. 9, 10, 39, 69
Станкевич В. Б. 154, 160
Старцев В. И. 9, 10, 39, 40, 68
Стахович М. А. 74, 115, 129
Стемпковский В. И. 94, 109, 110, 113, 115
Степанов В. А. 103, 236, 245, 247
Столыпин П. А. 9, 52, 67, 94, 162, 163, 167
Струве П. Б. 14, 15, 21, 23—27, 34, 67, 102, 149, 171, 173, 177, 190, 195, 212, 217, 218, 246, 251
Суханов А. С. 132
Суханов Н. Н. 156, 160
Сухомлинов В. А. 44, 118, 124
Сытин И. Д. 189

Тальберг Н. 159
Таубе, бар. 16
Тесленко Н. В. 185, 215, 247
Тимофеев А. Я. 232
Тимофеева А. Г. 232
Титов А. А. 185
Титов И. В. 178
Тихомиров Л. А. 35, 107
Толстой А. Н. 244
Толстой И. И. 244
Толстой С. Л. 244
Трегубов А. Л. 94
Трепов А. Ф. 107, 127—129, 131—139, 145, 159
Третьяков С. Н. 244
Трубецкой Е. Н. 35, 134, 153, 172, 173, 244
Трубецкой Г. Н. 149
Туляков И. Н. 138
Туманов Г. М. 231, 247
Тыркова А. В. 18, 20, 22, 26, 50, 67, 68, 102, 103, 120, 144, 177, 190, 193, 197, 208, 209, 212, 215, 228, 231, 232, 235, 237, 246, 247

Уваров А. А. 244

Федоров А. А. 244
Федоров М. М. 172, 173, 190, 244, 251
Франк С. Л. 246

Харитонов П. А. 52, 53
Харламов В. А. 208, 230, 247
Хвостов А. Н. 17, 78—80, 84, 90, 91, 93, 101
Хрущев А. Г. 218, 231, 247

Челноков М. В. 130, 186, 187, 200, 212, 214—218, 226, 227, 246
Черменский Е. Д. 8, 10, 39, 40, 56, 63, 68—71, 147, 159, 247, 248
Черносвитов К. К. 101, 208, 235, 247
Четвериков С. И. 173, 244
Чихачев Д. Н. 57, 69, 70
Членов 168
Чупров И. М. 168
Чхеидзе Н. С. 31, 33, 44, 47, 85, 87, 124—126, 132, 150—152, 154, 156
Чхенкели А. И. 91, 92, 141, 143

Шаховский В. С. 103, 105, 127, 129
Шаховский Д. И. 20—22, 36, 69, 101, 103, 167, 168, 186, 193, 195, 197, 202, 204, 208—211, 213, 215, 218—221, 228, 233—236, 239—242, 246, 247
Шаховской К. М. 90
Шацилло К. Ф. 10
Шеин В. П. 17
Шестаков С. В. 9, 10
Шидловский С. И. 31, 51, 71, 75—77, 83—85, 108, 110, 112—116, 125, 126, 128—130, 137—140, 148, 154, 158, 163, 166, 170, 181, 182, 244
Шингарев А. И. 18—22, 26, 30, 31, 36—38, 43, 49, 50, 53, 54, 56, 59, 64, 68, 70, 74, 88, 101—103, 107, 108, 110, 112—114, 121, 122, 128, 131, 140, 144, 146, 148, 149, 151, 167, 169, 179, 192, 197, 206—211, 213, 220, 223, 227, 228, 234—236, 238, 247
Шипов Д. Н. 244
Шольп Е. Г. 337, 202, 208, 245
Шполянский 221
Штейнгель Ф. Р. 202, 231, 247
Штюрмер Б. В. 77—84, 87, 89, 90, 93, 101, 104, 106—108, 112, 113, 115, 116, 118—121, 123, 124, 126—129, 133, 134, 136, 137, 145, 149, 159, 246
Шубин-Поздеев Н. Д. 177, 185, 244
Шубинский Н. П. 49, 164
Шуваев Д. С. 119, 129

Шульгин В. В. 38, 41, 42, 45, 49, 50, 52—56, 58, 62, 69, 70, 72, 73, 76, 78, 86, 99, 107, 108, 110—115, 121, 123—126, 128—131, 146—150, 152, 158—160, 217

Щегловитов И. Г. 44, 145, 146
Щеголев П. Е. 156
Щенков Н. В. 166
Щепкин Н. И. 226, 247
Щербатов Н. Б. 52, 56, 80

Эльяшев Л. Е. 168, 218, 221, 247
Эльяшевич 252
Энгельгардт Б. А. 112
Энгельгардт В. П. 244

Юницкий 218
Юренев П. П. 218, 221, 231, 247
Юсупов Ф. Ф. 146

Яичков 219
Янович В. А. 244
Янушкевич Н. Н. 72, 226
Яхонтов А. Н. 70

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава I

ЦАРИЗМ И «ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОК» 11
1. Оппозиция отказывается от оппозиции 11
2. Оппозиция переходит в оппозицию. Создание «Прогрессивного блока» . . . 34

Глава II

«ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОК» ПРОТИВ «ТЕМНЫХ СИЛ». СТУПЕНИ ЭКСКАЛАЦИИ 72
1. Вялый старт 72
2. Взрыв и отчаяние 104

Глава III

ГЕНЕРАЛЫ БЕЗ АРМИИ 161
1. Октябристы 161
2. Прогрессисты 170
3. Кадеты 191

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 249

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 255

АРОН ЯКОВЛЕВИЧ АВРЕХ

РАСПАД ТРЕТЬЕИЮНЬСКОЙ СИСТЕМЫ

Утверждено к печати
Научным советом по комплексной проблеме
"История Великой Октябрьской
социалистической революции"
Академии наук СССР
и Ученым советом Института истории СССР
АН СССР

Редактор издательства *М.М. Медведев*
Художественный редактор *Г.П. Валлас*
Технический редактор *Л.Н. Богданова*
Корректор *В.Т. Макаров*

ИБ № 28515

Подписано к печати 14.11.85. Т – 16787
Формат 60 X 90 1/16. Бумага для глубокой печати
Гарнитура литературная (фотонабор). Печать офсетная
Усл.печ.л. 16,5. Усл.кр.-отт. 16,8. Уч.-изд.л. 22,9
Тираж 2550 экз. Тип.зак. 578. Цена 2 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука" 117864 ГСП-7,
Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА"
Готовится к печати книга:

Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России. Сборник статей. – 20 л. – 3000 экз.

Статьи сборника направлены против измышлений современной буржуазной и националистической историографии, все еще распространяющей вымыслы и легенды по поводу внешней политики России (о так называемом "завещании Петра Великого", о "греческом проекте" Екатерины II, о якобы захватнических планах России в отношении Константинополя в начале XIX в., о "русской угрозе" английскому господству в Индии в XIX – начале XX вв.). В сборнике освещены теоретические и методологические принципы издания многотомной публикации документов "Внешняя политика России XIX и начале XX века".

Книга рассчитана на специалистов-историков, преподавателей вузов, аспирантов, пропагандистов.

Н.М. Дружинин. **Избранные труды: Социально-экономическая история России.** – 40 л. – 3000 экз.

Вторая книга "Избранных трудов" академика Николая Михайловича Дружинина содержит работы, посвященные общим вопросам периодизации отечественной истории, развитию социально-экономических предпосылок формирования русской нации, статьи о русском абсолютизме XVIII в., о генезисе капитализма в России и его особенностях в сравнении со

странами Западной Европы и США. Книга открывается обширным исследованием историка «Журнал землевладельцев», 1858–1860 гг.» и завершается заключением академика к его монографии "Русская деревня на переломе: 1861–1880 гг.", удостоенной Ленинской премии.

Книга рассчитана на специалистов-историков, преподавателей вузов, аспирантов.

В.С. Румянцева. **Народное антицерковное движение в России в XVII веке.** – 20 л. – 3000 экз.

Монография посвящена первоначальной истории народного антицерковного движения, известного под названием раскол. Книга, в значительной мере основанная на архивных материалах, охватывает период времени с 40-х – 80-е годы XVII в. Автор рассматривает деятельность московского Печатного двора и придворного кружка "боголюбцев" (Стефан Вонифантьев и другие), учение Капитона Даниловского и выступление посадских людей против церковной политики правительства, что отражало социальное недовольство народных масс как в городах Центральной России, так и в Замосковском и Новгороском краях во второй половине XVII в. В приложении даны

документы Посольского, Тайного, Разрядного и Новгородского приказов о сыске раскольников.

Книга рассчитана на специалистов-историков, пропагандистов.

ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО ОДНОМУ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ АДРЕСОВ МАГАЗИНОВ "КНИГА—ПОЧТОЙ" "АКАДЕМКНИГА":

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13; 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск. Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.

2р. 40 к.

Монография доктора исторических наук А. Я. Авреха рассматривает образование в IV Государственной Думе во время первой мировой войны «Прогрессивного блока» из либерально-буржуазных партий и некоторых правых фракций Думы. Блок встал в оппозицию к правящим верхам под лозунгом «министерства общественного доверия», т. е. создания в России правительства, пользующегося доверием большинства депутатов Думы. Анализируя деятельность либерально-буржуазных партий и организаций кадетов, октябристов и прогрессистов, автор монографии показывает историческую неспособность «Прогрессивного блока» вывести страну из кризиса после военных поражений весны 1915 г., что, в свою очередь, подводило страну к неизбежности социалистической революции.